РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ДОКЛАДЫ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

IX КОНГРЕСС ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (Тирана, 30.08–03.09.2004)

Санкт-Петербург
«Наука»
2004

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ДОКЛАДЫ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

IX КОНГРЕСС ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (Тирана, 30.08–03.09.2004)

Санкт-Петербург
«Наука»
2004

inslav

УДК 81
ББК 81
Д 25

Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной (Тирана, 30.08–03.09.2004) / Отв. ред. В. К. Волков и А. Ю. Русаков. СПб.: Наука, 2004. 408 с.
ISBN 5-02-027007-5

Редколлегия:
В. К. Волков (отв. редактор), А. В. Жугра (отв. секретарь),
А. Ю. Русаков (отв. редактор), И. А. Седакова (отв. секретарь),
А. П. Сытов, Т. В. Цивьян.

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Издание осуществлено в рамках Программ
фундаментальных исследований Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»
и Отделения историко-филологических наук РАН
«История, языки и литературы славянских народов
в мировом социокультурном контексте»,
а также при поддержке
гранта Президента Российской Федерации
№ НШ-697.2003.6
«Школа сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. А. Вербицкая, Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

Издание осуществлено с оригинал-макета, подготовленного в ИЛИ РАН

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2001 г.
Подписано к печати 01.06.04 г. Формат 60x90/16. Тираж 300 экз.
Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН.
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.
ООО "АкадемПринт". Санкт-Петербург, ул. Миллионная, 19.
Лицензия ПЛД № 69-924 от 30 октября 1998 г.

ISBN 5-02-027007-5

© Коллектив авторов, 2004
© ИЛИ РАН, 2004
© ИСл РАН, 2004

inslav

Г. Л. Арш

ПОЛУНЕЗАВИСИМЫЕ ПАШАЛЫКИ АЛБАНИИ И ЭПИРА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ. И РОССИЯ

(новые документальные данные)

Даже в весьма неспокойной истории Балкан последняя треть XVIII и первая треть XIX вв. выделяются своей насыщенностью масштабными военно-политическими событиями. Как никогда велика была и политическая, и военная активность России в балканском регионе. С 1768 по 1829 гг., т.е. за 61 год, на балканских землях разыгралось четыре русско-турецких войны. На этот период приходятся Сербская и Греческая революции, завоевание Черногорией своей фактической независимости. Вовлеченность России в эти события была очень значительной, и она отражена в фундаментальных публикациях архивных документов, появившихся в последние десятилетия[1]. Но если для изучения освободительных движений балканских народов во взаимодействии с политическими планами и акциями России создана солидная документальная база, то, к сожалению, не так обстоит дело в связи со сложными социально-политическими процессами, происходившими в тот же период в западной части Балкан. Речь идет об истории больших полунезависимых пашалыков Албании и Эпира и их взаимоотношениях с Россией.

Во второй половине XVIII в., в условиях распада военно-ленной системы и ослабления центральной власти, в Албании появились большие полугосударственные образования – Шкодринский и Янинский пашалыки, – под властью мусульманских правителей которых оказалась не только вся Албания, но и Косово, а также значительная часть Греции и Македонии. Эти правители в борьбе за сохранение своей власти искали иностранного покровительства, нередко обращая свои взоры к России. При этом учитывалась не только большая мощь этой державы, но и ее огромный престиж среди христианского населения, которое составляло значительный процент среди подвластных им жителей. В свою очередь, правящие круги России стре-

inslav

мились в кризисных ситуациях использовать силы албанских владетелей для подрыва позиций Порты на Балканах. Эти настроения и стремления, далеко не всегда отличавшиеся последовательностью, нашли определенное отражение в литературе[2]. Однако доступного для широкого круга исследователей корпуса источников для изучения этого важного и малоизвестного направления балканской политики России до сих пор не существует. Мы дадим краткий обзор этих документов, позволяющих определить основные вехи взаимоотношений России и полунезависимых западнобалканских пашалыков.

В 1756 г. власть в Шкодре (Скутари), главном городе Северной Албании, захватил Мехмет-бей Бушати, представитель одной из самых богатых и родовитых местных феодальных семей. Порте пришлось признать происшедший в Шкодре переворот и утвердить Мехмет-бея в звании паши и шкодринского мутасаррыфа (губернатора). Так появился Шкодринский пашалык, автономное государственное образование, в течение 75 лет управлявшееся наследственными правителями из семьи Бушати. Первый представитель этой династии, хотя и был в своих владениях самовластным правителем, подчинялся приказам Порты и предоставлял свои военные силы в ее распоряжение. Его отряды, в частности, помогли ей в 1770 г. подавить освободительное восстание в Море. Однако его сын Махмуд-паша, ставший правителем Шкодры в 1776 г., начал укреплять и расширять свою власть, игнорируя предписания Стамбула. В Петербурге обратили внимание на своевольного пашу, который мог оказаться небесполезным в случае новой войны с Османской империей. В феврале 1783 г. чиновник Коллегии иностранных дел А. Палладоклис обратился к Екатерине II с запиской, в которой предлагалось «на какой-либо военный случай» заблаговременно установить контакты с албанцами-мусульманами «в разсуждении их всегдашней ненависти к туркам, чрезмернаго сребролюбия, хищности и склонности начальников их к новостям и независимости». Палладоклис сообщал, что циркулируют слу-

inslav

хи «о скутарском паше [т.е. о Махмуд-паше. – *Г.А.*] или уже от Порты отложившемся, или о том помышляющем»[3].

Для установления связей с албанцами и, в частности, с Махмуд-пашой он предлагал учредить консульство в Далмации, находившейся тогда под властью Венеции. Екатерина согласилась с доводами Палладоклиса и самого его определила на консульское место в Далмации.

Согласно указанной записке, Антон Палладоклис был уроженцем острова Митилена (Лесбос), в 1762 г. переселившимся в Россию. До службы в КИД'е он служил учителем в Троице-Сергиевой Лавре, занимался литературной деятельностью. Он хорошо знал русский язык, и его донесения, начавшие поступать в 1785 г., в отличие от донесений других русских консулов балканского происхождения, написаны на русском, а не на итальянском или французском языках.

Донесения А. Палладоклиса за 1787 г. посвящены в основном начавшемуся военному конфликту между Махмуд-пашой и Портой. Большой интерес представляет его донесение от 14 (25) апреля 1787 г., где сообщалось, что «реченный Скутарский Паша кует на свое имя деньги, называя себя потомственным наследником славного Георгия Кастриота, Скандер-Бея, собирает всеми силами войска под предводительством Гасан Ота; и что на него отправляет на то Порта морем большой флот, а сухим путем боснийские войска…»[4]. Таким образом, Махмуд-паша, стремясь привлечь к участию в борьбе против султана широкие массы населения, обращался к традициям этой борьбы и популярному среди албанцев имени ее руководителя Скандербега.

В августе 1787 г. началась новая русско-турецкая война, и соответственно интерес к событиям в Северной Албании, где были скованы значительные силы оттоманов, возрос. 14 (25) ноября 1787 г., в результате народного восстания в Шкодре и выступления осажденного в шкодринской крепости Махмуд-паши, вторгшаяся в Албанию турецкая армия была разгромлена. Описание этого знаменитого сражения содержится во многих донесениях россий-

inslav

ских консулов и агентов. Большой интерес представляет донесение генерального консула в Архипелаге И. Войновича в КИД от 18 (29) декабря 1787 г.* Изложив обстоятельства победы, одержанной Махмуд-пашой, Войнович высказывал мнение, «что оный Паша для надежнейшаго утверждения не отказался бы принять предложений от каковой-либо неприятельской державы султану, которая, согласясь подкреплять его, могла бы причинить важный урон Порте, и следственно на таковой конец было бы сие выгодно»[5]. Но еще до получения донесения Войновича Екатерина II пришла к тому же выводу. 12 (23) декабря 1787 г. секретарь императрицы А. Б. Храповицкий записал в своем дневнике: «Приказано через министра Мордвинова найти дорогу к Махмуту, известному паше Скутарскому, и сделать ему нужное вспоможение против турок»[6].

В соответствии с указанием самодержицы вице-канцлер И. А. Остерман направил российскому министру при Венецианской республике А. С. Мордвинову инструкцию от 24 декабря 1787 г. (4 января 1788 г.), которой ему предписывалось «изыскивать способы к скорейшему открытию нужного с пашою скутарским тайного сношения, и буде найдете к тому удобность, можете обнадежить его сильным Ея Императорского Величества покровительством и деятельным со стороны здешней пособием, как скоро флот наш в Средиземное море прибудет, да что и между тем не оставлено будет ему подать нужную помощь»[7].

Получив эти указания, А. С. Мордвинов обратился с письмом к Махмуд-паше, обещая ему поддержку российского флота, который должен был прибыть в Средиземное море. До этого ему будет оказана вся помощь, в которой он нуждается. Доставка письма паше Шкодры и все переговоры с ним А. С. Мордвинов поручил бывшему драгоману генерального консульства России в Архипелаге И. Оливьери, который хорошо знал турецкий язык. Из-за болезни Оливьери в Шкодру отправился в начале мая 1787 г. оказавшийся в этих краях майор российской службы С. Мир-

* После начала русско-турецкой войны И. Войнович, покинув свою резиденцию, на некоторое время остановился в Которе.

insly

кович. О результатах своего пребывания в Шкодре, продолжавшегося три дня, он сообщил в своем донесении Мордвинову от 19 (30) мая 1787 г.[8] По словам Мирковича, он хотя и видел пашу, но переговорить с ним не смог. Из его объяснений можно понять, что Махмуд-паша, из-за сильной оппозиции каким-либо его контактам с христианскими державами, старался сохранять их в глубокой тайне. Но российский эмиссар сумел провести переговоры с доверенными советниками Махмуд-паши.

Результаты переговоров были зафиксированы в форме письма от имени Махмуд-паши А. С. Мордвинову. В нем содержались условия будущего военного сотрудничества североалбанского правителя с Россией: после предполагавшегося прибытия российского флота в Средиземное море он просил выделить для поддержки его с моря шесть линейных кораблей и несколько фрегатов и предоставить ему субсидию в 60 тыс. дукатов для привлечения на свою сторону соседних пашей. Со своей же стороны, Махмуд-паша обязывался, «получа помянутую сумму денег и корабли, собрать тотчас мои сухопутные войска, овладеть всею Албаниею и Македониею и внести мое оружие в самой Салоник и Монастырь, и тем самым открыть удобный путь войскам российским в Константинополь». Все завоеванные его войсками земли Махмуд-паша соглашался поставить под покровительство российской императрицы, «но с тем, чтобы позволено было в оных вольное отправление нашей веры, сооружение мечетов и всего, что принадлежит к нашим обычаям и обрядам, как то позволено в Крыму и других провинциях российских»[9].

По сведениям Мирковича, паша считал для себя важным заключение союза с Россией: «в надежде такой он находится, что говорит: когда соединен буду с Россиею, тогда целый свет пусть на нас идет, бояться не будем, и просит только Бога, чтоб российский флот сюда приехал скорее». Но вскоре драматические события прервали успешно развивавшиеся контакты между Махмудом Бушати и российскими представителями.

inslav

Австрия, в январе 1788 г. вступившая в войну против Османской империи, была недовольна активностью русских агентов в Северной Албании, которую она считала сферой своего влияния. В июне 1788 г. Иосиф II направил в Шкодру своего личного представителя де Броньяра в попытке вовлечь Махмуд-пашу в орбиту австрийской политики.

И. Оливьери, учитывая сложную обстановку в Шкодре, убеждал де Броньяра не ехать пока туда. Он советовал австрийскому посланцу, «если в случае поедет в Скутари, чтоб он одевался там худо, ходил всегда один, притом без денег и без подарков, предсказав ему, что в противном случае он подвергнет себя конечно какому ни есть бедствию». Как считал Оливьери, австрийский представитель во время своего пребывания в Шкодре не придерживался этих правил. 10 (21) июня 1788 г. де Броньяр, успешно завершив переговоры с Махмуд-пашой и выдав ему 50 тыс. дукатов на военные издержки, отправился вместе с четырьмя спутниками через Шкодринское озеро в Черногорию. По пути на них напала сопровождавшая их охрана, и все они были убиты. До сих пор неясно, стал ли де Броньяр жертвой вероломства паши или собственной неосторожности.

И. Оливьери придерживался второй версии. Как он писал в совеем донесении от 2 (13) июля 1788 г. уполномоченному по операциям на Балканах генерал-поручику И. А. Заборовскому, «поступок г-на Бруняра был неправильный и, клонясь к разрушению всего того, что великим оборотом политическим одержано было и что напоследок лучше бы еще можно было одержать, послужил ему самому гибелию, а делу неудачею»[10].

Естественно, что после убийства австрийских офицеров Россия и Австрия прервали какие-либо контакты с Махмуд-пашой.

Однако в Петербурге продолжали внимательно следить за обстановкой в Шкодринском пашалыке. Помимо донесений А. Палладоклиса, с 1789 г. начали поступать подробные и основательные донесения А. Джики, присту-

inslav

пившего к обязанностям генерального консула России в Дубровнике (Рагуза).

Антон Джика был выходцем из знатной семьи Химары – автономной области Южной Албании с православным населением. Он поступил на российскую службу во время Архипелагской экспедиции, выполнял важные поручения А. Г.Орлова, служил в его штабе. Как говорится в аттестате, данным А. Г. Орловым 10 (21) марта 1777 г. А. Джике, «по знанию его как греческого, так и других языков, употреблен он был к письменным делам, которую должность он с полным усердием и с отменным искусством исполнял»[11]. Помимо греческого, А. Джика знал сербскохорватский, русский, французский и итальянский языки и, естественно, албанский, занимался публицистикой. В его донесениях содержится весьма ценная информация о личности и политике Махмуд-паши, его победе над султанской армией, в 1793 г. вновь осадившей Шкодру, его гибели в 1796 г. в битве с черногорцами, а также о приверженности северо-албанских горцев–христиан России.

После неудачной попытки заключения союза с Махмуд-пашой, в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. основной ареной политических акций России на Западных Балканах становятся Южная Албания и Эпир. В 1787 г. власть в Янине, главном городе Эпира, захватил южноалбанский феодал Али-паша Тепелена (Али-паша Янинский). В короткое время он сумел упрочить свою власть и распространить ее на значительные территории Албании, Греции и Македонии, составившие полунезависимый Янинский пашалык.

Эти события привлекли пристальное внимание в русском внешнеполитическом ведомстве. В августе 1786 г. в Арту (Эпир) прибыл П. Бицилли, член влиятельной семьи Химары, так же, как и Джика, связавший свою судьбу с Россией в период Архипелагской экспедиции 1770-1774 гг. Получивший титул «генерального консула России в Албании и Химаре», он в своих донесениях сообщает ряд интересных деталей о положении в Албании и Эпире в канун русско-турецкой войны, о первых ступенях возвышения

inslav

Али-паши. Но свидетелем всей необычной карьеры знаменитого албанца и одновременно участником наиболее важных контактов с ним был Л. П. Бенаки, генеральный консул России на Корфу.

Отец Либерала Бенаки, Панайотис Бенакис был крупнейшим землевладельцем Пелопоннеса и руководителем вспыхнувшего здесь в 1770 г. освободительного восстания. Сам Либерал Бенаки, которому было едва 20 лет, сражался с турками несколько дней во главе 12 тыс. маньятов (жителей горной области Мани). После этого он участвовал в сражениях на кораблях российской эскадры в Архипелаг и был употреблен, согласно его формулярному списку, адмиралом С. К. Грейгом «для письмопроизводства на греческом, турецком, итальянском и французском языках. В 1774 г. произведен в чин армии поручика.» В 1783 г. он был произведен в чин майора и назначен генеральным консулом на Корфу.[12] Должность эту он занимал, с перерывами и с разными вариантами ее названия, 37 лет, до своей смерти в 1820 г. Естественно, что немалая часть документов, касающихся отношений России с Али-пашой, связана с именем Л. П. Бенаки.

В первом из этих документов – письме Л. П. Бенаки командующему российской Средиземноморской флотилией В. С. Томаре от 16 (27) сентября – нарисована сложная картина военно-политической ситуации в Эпире после начала русско-турецкой войны, деятельности здесь российских агентов – самого Л. П. Бенаки, П. Бицилли и майора Л. Сотири, занимавшегося вербовкой добровольцев для российского флота, прибытие которого в Средиземное море ожидалось[13]. Из донесения явствует, что эти российские представители соперничали друг с другом и действовали зачастую не в унисон. Что же касается Али-паши, то, как видно из письма Бенаки, он с начала своего правления стал проявлять признаки неповиновения Порте, уклоняясь от выполнения ее приказов о выступлении на фронт. В этом письме говорится о переписке, завязавшейся с ним у российского консула. Подробности этой переписки мы узнаем из интересного документа – записки французского купца и

inslav

доверенного лица Али-паши Ж. Лазаля поверенному в делах России в Константинополе В. С. Хвостову от 17 (28) мая 1792 г.[14]

Здесь содержатся детальные сведения о первой, но не последней попытке янинского правителя отделиться от Порты и стать независимым правителем под покровительством России. Об образе мышления Али-паши того периода говорит следующее его высказывание, приводимое Лазалем: «Я не имею и не могу иметь какой-либо привязанности к правительству моей страны. Я не могу не признаться, что моя жизнь и мое имущество каждодневно находятся в опасности, и что хорошее поведение не гарантирует меня от бедствий, которые мне угрожают.» В июне 1791 г. начались переговоры между представителями Али-паши и генералом В. С. Томарой об отделении Али-паши от Османской империи и переходе его под покровительство России. Уполномоченные янинского правителя представили проект договора об условиях перехода. В первом его пункте говорилось, что Али-паша желает, «как для себя, так и для своей фамилии, равно и для всех зависящих от него магометан, уверения в свободном отправлении их веры». Со своей стороны паша обязывался «не отягощать податями обывателей греков более, нежели турков». В договоре содержались пункты о сотрудничестве между Россией и Али-пашой в ходе войны с Портой. Особое значение для непокорного паши имел последний, девятый пункт договора, гласивший, что «естьли бы сие дело по заключении договора и не возимело совершенного успеха, Россия обязана будет всегда взирать на Али Пашу, как на союзника от ея зависящаго и употреблять в мирное время влияние свое при Порте Оттоманской для защищения его»[15].

Переговоры между представителями России и Али-паши, начавшиеся на острове Каламос, в Ионическом море, были перенесены на берега Дуная, где Али-паша со своими силами находился в составе армии великого визиря. В ставке Г. А. Потемкина в августе 1791 г. произошла его встреча с доверенным лицом Али-паши Мехмед-эфенди Бульчи. Так как военные действия уже прекратились и был

inslav

подписан прелиминарный мирный договор, то главнокомандующий российской армией обещал Али-паше, что после заключения мира к нему будет послан российский консул, а российский посланник в Константинополе будет отстаивать его интересы перед Портой. В личном письме от 24 августа (4 сентября) 1787 г. Потемкин заверил эпирского правителя в своей готовности продолжать связи с ним и выполнять взятые на себя обязательства: «все, что сообщило мне Ваше доверенное лицо, доставило мне истинное удовольствие, и Вы увидите в дальнейшем, как я буду постоянно стараться доказать Вам на деле свои чувства»[16].

Но 5 (16) октября 1791 г. Г. А. Потемкин скончался, и все данные им Али-паше обещания после подписания мира в Яссах были забыты. Янинский властитель был обеспокоен и предпринял усилия для того, чтобы напомнить властям России об имевших место договоренностях. Об этом свидетельствует сообщение от 8 (19) августа 1794 г. посольству в Константинополе российского подданного поручика П. Вуковича, оказавшегося проездом в октябре 1793 г. в Янине. По словам Вуковича, Али-паша на встрече с ним заявил, «что некоторое время назад он находился в переписке с покойным князем Потемкиным, и что он ожидал затем вестей из России для того, чтобы начать после этого действовать против Оттоманской Порты, но видя, что до настоящего времени он не смог получить какого-либо известия, он очень хотел бы послать письмо в С.-Петербург, через Триест, с одним из своих людей, которого бы сопровождал кто-то из русских подданных»[17]. Но, как явствует из письма посланника в Константинополе В. П. Кочубея А. А. Безбородко от 16 (27) августа 1794 г., посольство было против возобновления контактов с албанским пашой[18]. Однако, вопреки мнению посланника, контакты с Али-пашой спустя некоторое время все же возобновились, о чем свидетельствует сохранившееся письмо ему, без подписи и даты (оно написано не позже 1796 г.)[19]. По всем данным, автором его является П. А. Зубов, который в последние годы правления Екатерины II был фактическим руководителем внешнеполитического ведомства

instiav

России. Но со смертью Екатерины II правительственная деятельность Зубова прекратилась и, естественно, завершились его контакты с Али-пашой. Систематические контакты между албано-эпирским правителем и властями России возобновились в 1804 г.

17 (29) ноября 1804 г. в Арту прибыл в качестве консула России Е. Флори. После первого появления в 1786 г. российского консула в этом эпирском городе ситуация в западно-балканском регионе существенно изменилась. По Константинопольской конвенции 1800 г. на принадлежавших ранее венецианцам островах в Ионическом море была создана Ионическая республика под покровительством России. С 1802 г. острова становятся военной базой России на Средиземном море, здесь происходит непрерывное наращивание ее сухопутных и морских сил. Арта же стала частью большого Янинского пашалыка, куда, кроме Эпира, вошли Фессалия и значительная часть Южной Албании.

Консул в Арте Егор Флори был уроженцем Греции. На российскую службу он поступил в 1788 г. волонтером воевавшей против турок на Средиземном море добровольческой флотилии. Как говорится в служебной справке о нем, «1791го июня 17го произведен за привод людей и за отличность капитаном». Позднее он служил в Одесском греческом дивизионе, а «1804го марта 14го высочайшим именным указом пожалован в коллежские асессоры и определен консулом в Арту».[20]

Хотя должность Флори официально называлась так, бóльшую часть времени он проводил в Янине, являясь фактическим представителем российского правительства при Али-паше. Его донесения за 1804-1806 гг., вместе с соответствующими донесениями Г. Д. Моцениго, полномочного представителя Александра I при Ионической республике, содержат важные сведения о сложных и противоречивых взаимоотношениях России и албано-эпирского правителя.

У обеих сторон было немало взаимных претензий. Российские представители обвиняли Али-пашу, и не без основания, в стремлении присвоить т.н. экс-венецианскую

inslav

Албанию – прибрежную область Эпира и Албании, выделенную по Константинопольской конвенции 1800 г. в особую административную единицу, – в агрессивных замыслах против Химары, находившейся под покровительством России. У них также существовало представление, явно преувеличенное, о готовности янинского правителя содействовать вторжению французских войск на Балканы. В свою очередь, Али-паша не мог быть доволен тем, что воевавших против него феодалов Чамерии[2*] обеспечивали военным снаряжением русские власти на Ионических островах. Однако, несмотря на происходившие у него конфликты и трения с российскими представителями, в стратегическом плане янинский властитель не терял надежды найти себе внешнюю опору прежде всего в лице России. Хотя к этому времени у него завязались тесные дипломатические связи с Англией и Францией, Али-паша предпочитал покровительство великой северной державы. При этом он учитывал тот огромный авторитет, которым эта держава пользовалась среди греков, составлявших бóльшую часть его подданных.

Свое предложение перейти на сторону России правитель Янинского пашалыка сделал 11 (23) мая 1806 г. в ходе секретной беседы с Е. Флори (подробный отчет консула о ней существует)[21]. Заявив Флори, что он всегда уважал «его великий и могущественный народ» и напомнив о добром согласии, существовавшем у него с Г. А. Потемкиным, память о котором он «сохранит навсегда», Али-паша перешел к жалобам на действия русских властей, расценив оказание ими помощи чамам как вмешательство в его внутренние дела. «Разве, – продолжал паша, – было бы нам разрешено вмешиваться в управление вашей страны, почему же вы присваиваете себе такие права?» Али-паша доказывал Флори, что Россия делает ошибку, ориентируясь на его врагов из Чамерии, а не на него: «Я смогу быть вам неизмеримо более полезным. Ведь эти люди разделены, в то время как я являюсь единственным господином своей

[2*] Чамерия – северо-западная часть Эпира, населенная в тот период чамами, одной из этнических групп албанцев.

inslav

судьбы.» Если Россия поможет ему в успешном завершении войны с чамами, то, продолжал Али-паша, «я дам письменное обязательство перейти к вам, воевать и умирать, служа вам, порвать полностью с французами». В заключение этот албанец, ставший одним из самых влиятельных сановников Османской империи, так изложил свое политическое кредо: «Я мусульманин, но я совсем не фанатик. Я ненавижу мой Диван и его управление, я чувствую его упадок и предвижу его гибель. Я желаю жить с честью в этой маленькой области, которой я управляю, и умереть как человек с положением».

В других донесениях Флори, относящихся ко второй половине 1806 г., сообщается, что Али-паша продолжал свои попытки добиться покровительства России. Как говорилось в донесении от 4 (16) августа 1806 г., «этот правитель, нерешительный и дрожащий за будущую судьбу своего двора, чью гибель в ближайшее время, по его словам, он предвидит, горит желанием встать под особое покровительство августейшего трона России, для того, чтобы сохранить в политических превратностях, в ходе которых, вероятно, будет ниспровергнута оттоманская держава, свое нынешнее положение». Али-паша в беседе с консулом коснулся и характера своих связей с Францией. «Он заявил мне, что, под давлением обстоятельств, он должен поддерживать секретные отношения с французами; те, со своей стороны, обещали ему передать под его власть Ионические острова и расширить границы его нынешних владений, провозгласив его королем Эпира. Но размышляя, как он сказал, о судьбе, которую довелось испытать всем государствам, завоеванным этой нацией, а также о том, насколько мало следует доверять обещаниям, продиктованным лишь обстоятельствами, этот визирь, по правде говоря, находился в необходимости ухаживать за французами. В то же время он должен был дрожать за будущее, и никогда не доверять их красивым словам»[22]. Но Г. Д. Моцениго, непосредственный начальник Е. Флори, медлил со вступлением в прямые контакты с Али-пашой. Между тем, началась новая русско-турецкая война. Али-паша занял города бывшей

inslav

Венецианской Албании (кроме Парги), предмет его давних вожделений. Е. Флори и консул России в Превезе И. Н. Власопуло были арестованы. Все связи между Россией и янинским правителем были прерваны. Но они продолжались с феодальными противниками Али-паши в Албании.

В 1806 г., впервые в истории, было учреждено российское консульство на территории самой Албании, во Влёре (Валона). Консулом был назначен З. Бицилли, сам албанец-химариот, выходец из известной семьи, поступившей на службу России во время войны 1768-1774 гг. Весной 1806 г. он совершил поездку в Шкодру, проехав всю Албанию с юга на север. Учитывая почти полное отсутствие албанских письменных источников для того периода, донесения первого российского консула в Албании представляют большую ценность. Так, в его донесении от 31 мая (12 июня) говорится об албанской правящей элите. З. Бицилли рассказывает о встречах с двумя весьма влиятельными, наряду с Али-пашой, губернаторами Албании: Ибрахим-пашой Влёрой, бератским пашой, и Ибрахим-пашой Бушати, правителем Шкодринского пашалыка. Подробно описаны данные ему обоими пашами аудиенции, характеризуются их личности. О встрече с Ибрахим-пашой Бушати, правившим в Шкодре после смерти в 1796 г. его брата Махмуд-паши, З. Бицилли пишет: «Я разговаривал с ним около трех часов, он спрашивал меня о различных политических предметах, о нынешних войнах и многих других вещах, проявив большой ум и основательность, что дало мне возможность узнать в нем человека с талантом и превосходного историка»[23].

Прерванные в 1806 г. переговоры России с Али-пашой были возобновлены в 1809 г., на сей раз – по обоюдному стремлению. Как сообщал в своем донесении от 2 (14) августа 1809 г. Л. П. Бенаки, Али-паша, у которого ухудшились отношения с французами, после Тильзита вновь оккупировавшими Ионические острова, «предлагает себя как верного вассала и просит покровительства императора для находящейся под его юрисдикцией страны и его

inslav

приверженцев, так как, по его словам, он думает, что турецкое правление должно рухнуть»[24].

В Петербурге же в это время обдумывали, нельзя ли, подняв Али-пашу на мятеж против султана, ускорить завершение затянувшейся русско-турецкой войны. Видимо, этот вопрос был поставлен перед Л. П. Бенаки, прибывшим в августе 1810 г. в Петербург. Ответ на этот вопрос был отрицательным. «Мне представляется почти невозможным, – писал консул в своей записке от 23 сентября (5 октября) 1809 г., – чтобы Али-паша смог бы объявить себя мятежником. Он не стал бы более независимым, чем он является сейчас, и затем, если бы он лишился той защиты, которую ему обеспечивает его положение, то он был бы уничтожен своими врагами, особенно если бы им была оказана помощь. И так как он очень хорошо знает, что Порта вряд ли легко пойдет на эту крайнюю меру, он остережется доводить ее до крайности»[25].

Поэтому в инструкции МИД'а Л. П. Бенаки от 24 января (5 февраля) 1811 г., в связи с возобновлением им обязанностей генерального консула на Корфу, ему предписывалось, поощряя стремление Али-паши к независимости, не брать на себя определенных обязательств и прежде всего стараться препятствовать отправке войск Али-паши и его сыновей Мухтара и Вели на фронт русско-турецкой войны[26].

Однако военные события, прежде всего, начавшееся в июня 1812 г. вторжение Наполеона в Россию, помешали Бенаки добраться до Корфу. Оказавшись в 1813 г. в Вене, он получил здесь инструкцию канцлера Н. П. Румянцева от 7 (19) августа 1813 г., которой ему предписывалось отправиться к месту своего нового назначения – в Эпир, консулом при Али-паше. Перед ним ставились две главные задачи: раскрывать и стараться сорвать интриги французов в Адриатическом регионе, и культивировать дружбу и доверие Али-паши. «Вы будете стараться, – писал канцлер, – при каждом случае повторять ему, что твердость характера, которую он проявил во всех обстоятельствах своей жизни, умение, с которым он управляет своим государством, и то,

inslav

что он сумел расширить границы своего государства, заслужило ему во все времена особое уважение императора, нашего августейшего господина, и что Его Величество будет рад дать ему доказательства этого в свое время и место»[27].

Военные действия снова помешали Л. П. Бенаки прибыть к месту своего нового назначения, но переписку с янинским правителем он завязал, ведя ее в духе предписаний канцлера.

После завершения войны в Европе царское правительство, взявшее курс на улучшение отношений с Портой, уже не нуждалось в услугах янинского паши. Назначение Л. П. Бенаки консулом в Эпире было отменено. Он получил новую должность – генерального консула России в Апулии и на Ионических островах. В данной ему в августе 1815 г. инструкции не было речи о какой-либо поддержке албанского феодала против султана. Наоборот, подчеркивалось, что Россия заинтересована в укреплении власти янинского правителя прежде всего потому, что считает «ее полезной для поддержания спокойствия на Востоке»[28].

Между тем, Али-паша, власти которого угрожал султан Махмуд II с его централизаторскими стремлениями, искал поддержки у различных держав, прежде всего у России, для сохранения своего положения. Для этого он завязал связи с генеральным консулом России в Морее И. Н. Власопуло. О целях, которые преследовал янинский правитель, сообщалось в донесении Власопуло от 13 (25) мая 1819 г.:

«Али-паша желает вступить в переговоры с императорским двором С.-Петербурга. Прелиминарии к этим переговорам состоят в том, что этот визирь обязуется воспользоваться первым моментом войны между Россией и Портой для того, чтобы освободиться от зависимости своего законного государя и стать в зависимость от российского императора. Что в соответствующих обстоятельствах он оказал бы России все зависящие от него услуги. Что в награду за все это ему и его потомкам предоставили бы

inslav

княжество Эпир, обладание которым в мирное время было бы гарантировано ему договорами»[29].

Али-паша решил вступить в формальные переговоры с Россией о переходе в ее подданство в апреле 1820 г., когда конфликт между ним и султаном Махмудом II принял открытую форму. Как сообщалось в донесении посланника в Константинополе Г. А. Строганова от 15 (27) мая 1820 г., Али-паша на встрече с нештатным драгоманом консульства в Морее И. К. Папарригопуло заявил: «То, что я прошу у Его Величества, великодушного всероссийского императора, самого великого и самого гуманного из монархов, соблаговолить принять меня на любых условиях в число его верноподданных, для того чтобы на деле доказывать ему достойные услуги всегда, когда ему угодно будет мне это приказать»[30]. По просьбе Али-паши Папарригопуло в мае 1820 г. был отправлен с его предложениями в Петербург.

Начавшиеся в июле 1820 г. военные действия привели к быстрому поражению Али-паши и оккупации почти всей территории янинского пашалыка. Сам Али-паша оказался осажденным в Янинской крепости. После этого в Петербурге сочли какое-либо обсуждение предложений Али-паши беспредметным. В депеше И. А. Каподистрии Г. А. Строганову от 18 (30) сентября 1820 г. отмечалось, что нет особой надобности в том, чтобы опровергать «ошибочные мнения о наших сношениях с Али и его фамилией». «Император, – продолжал статс-секретарь, – тем не менее желает, чтобы в. пр-во повторило консулу Власопулосу и всем его коллегам самые определенные указания на этот счет, в предположении, что конфликты об юрисдикции между Портой и пашами еще не закончены полностью в местах их резиденции»[31].

Между тем, и И.Н.Власопуло, и И.К.Папарригопуло, являвшиеся членами тайного греческого освободительного общества Филики Этерия, которое было заинтересовано в обострении конфликта между правителем Эпира и Портой, по некоторым данным, поддерживали его надежды на получение помощи со стороны России в этом конфликте[32]. Во всяком случае, паша продолжал свои попытки установить

inslav

контакт с петербургским кабинетом. В январе 1821 г. в Кишинев прибыл посланец осажденного в Янине Али-паши Хадзи Георгиу, с поручением повторить его просьбу Александру II принять его под свое покровительство.

Известие о миссии Хадзи Георгиу было получено царем в Лайбахе (Любляна) на конгрессе Священного союза. К этому времени туда уже пришли вести об освободительных выступлениях Тудора Владимиреску и Александра Ипсиланти, и янинский паша был зачислен в ту же категорию «балканских мятежников», сношения с которыми недопустимы. Как говорилось в отношении И. А. Каподистрии наместнику Бессарабской области И. Н. Инзову от 13 (25) марта 1821 г., Хадзи Георгиу «объявляет себя присланным будто бы от визиря али Паши. Но государь император, в мирных сношениях с Портой Оттоманской, намерен твердо сохранять со своей стороны обязанности и постановления, утвержденныя трактатами; и следственно не может войти в переговоры с возмутителями спокойствия на Востоке»[33].

Борьба под стенами Янины продолжалась до 24 января (5 февраля) 1822 г., когда Али-паша был вероломным образом убит турками. Яркие эпизоды этой борьбы содержат донесения российского вице-консула на Корфу С. Папандопуло.

После ликвидации Янинского пашалыка, еще около десяти лет просуществовал Шкодринский пашалык. Сохранившийся блок документов – переписка сербского князя Милоша Обреновича с военными и дипломатическими представителями России – содержит ценные сведения о политике последнего правителя пашалыка Мустафа-паши в 1829-1831 гг.[34]

Здесь имеются данные и о политических контактах, правда, косвенных, между Петербургом и Шкодрой. В период русско-турецкой войны 1828-1829 гг. главнокомандующий русской армией И.И.Дибич, обеспокоенный перспективой подхода к фронту свежей армии Мустафа-паши численностью в 30 тыс., предпринимает усилия для того, чтобы удержать албанского правителя от этого шага. В

inslav

этих усилиях, в целом успешных, посредником выступил сербский правитель Милош Обренович[35].

После завершения русско-турецкой войны султан Махмуд II приступил к ликвидации Шкодринского пашалыка с целью установления полного контроля над Албанией. В ходе продолжавшегося почти весь 1831 г. военного конфликта между султаном и Мустафа-пашой, петербургский кабинет, стремившийся к сохранению ослабленного и попавшего от него в определенную зависимость османского государства, не только не поддерживал северноалбанского правителя, но и убеждал Милоша Обреновича не оказывать ему никакого содействия. Эти внушения сыграли свою роль: хотя Милош и предоставил тайно денежную помощь мятежнику, но от военного сотрудничества с ним воздержался[36]. В ноябре 1831 г. Мустафа-паша, осажденный в Шкодре, сдался. Эра больших полунезависимых албанских пашалыков закончилась. Завершился и исторический период особенно активных политических контактов между Албанией и Россией.

[1] См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984; Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия. М., 1980-1983. Кн. 1-2; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в. М., 1997. Важные документы о позиции России в отношении Греческой революции 1821-1829 гг. представлены в фундаментальном издании: Внешняя политика России XIX и начала XX вв. М., 1980-1995. Т. IV (XII) – VIII (XVI) (далее – ВПР).

[2] См., например: Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 252-260.

[3] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя. Оп. 13/2. 1783 г. Д. 771. Л. 1-6.

[4] АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1787 г. Д. 404. Л. 10-11.

[5] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1787 г. Д. 1015. Л. 16.

[6] Памятные записки А. В. Храповицкого. М., 1990. С. 45.

[7] АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1787 г. Д. 159. Л. 15-16.

[8] Там же. Д. 170. Л. 23-31.

inslav

[9] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1788 г. Д. 2072. Л. 42-45.
[10] Там же. Л. 11.
[11] АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1777-1800 гг. Д. 1531. Л. 2.
[12] Там же. Оп. 2/6. 1797-1798 гг. Д. 1685. Л.3-4.
[13] АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1792 г. Л. 19-22.
[14] АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1792 г. Д. 1080. Л. 7-13.
[15] Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 197. Оп. 1. Д. 64. Л. 240-241. Опубл.: Арш Г.Л. Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. М., 1963. С. 154-156.
[16] АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1791 г. Д. 1809.
[17] Там же. Оп. 89/8. 1794 г. Д. 796. Л. 30.
[18] Там же. Л. 28-29.
[19] АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1768 г. Л. 2.
[20] Ф. Административные дела. IV – 7. Оп. 7. 1808 г. Д. 2. Л. 28-29.
[21] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1806 г. Д. 2261. Л. 55-64.
[22] АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. 1806 г. Д. 720. Л. 35.
[23] АВПРИ. Ф. Миссия на Ионических островах. Оп. 618. 1804-1807 гг. Д. 28. Л. 365.
[24] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1809 г. Д. 2436. Л. 24-25.
[25] АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив, 1-9. Оп. 8. 1810 г. Д. 10. Л. 15.
[26] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 2437. Л. 3-4.
[27] Там же. Оп. 468. 1813 г. Д. 2446. Л. 4.
[28] ВПР. Т. VIII. С. 457.
[29] АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. 1819 г. Д. 1219. Л. 47.
[30] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1820 г. Д. 2330. Л. 468.
[31] Там же. Оп. 468. 1820 г. Д. 2332. Л. 457.
[32] См.: Международные отношения на Балканах 1815-1830 гг. М., 1983. С. 113.
[33] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 156. Л. 6.
[34] АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. 1-9. Оп. 8. 1825–1831 гг. Д. 3.
[35] Международные отношения... С. 230-231.
[36] Там же. С. 281-283.

inslav

Grigory L. Arsh

Semi-independent pashaliks of Albania and Epirus of the end of 18th and the beginning of 19th century and Russia (new document data)

SUMMARY

At the end of the 18th and the beginning of the 19th century Albania was divided into two autonomous principalities – pashalik of Shkodra under Albanian feudal family of Bushati and pashalik of Jannina under Ali Tepelena (this pashalik included also a part of Greece). On the basis of unpublished documents of the Russian archives the author examines the relations between semi-independent rulers of these pashaliks and Russia. These relations had begun at the reign of Catherine the Great. During the Russo-Turkish war of 1787-1791 the Russian agents had talks with Mahmud Pasha Bushati who had defeated the Turkish army in 1787. Draft agreement was prepared on military collaboration between the ruler of north Albania and Russia. But these talks were interrupted after the killing in Shkodra of the Austrian officers who had also negotiated with Mahmud Pasha. At that time contacts between Ali Pasha and Russia also had been started. G.A.Potemkin, the Russian Commander-in-Chief, had promised to the pasha of Jannina Russia's support in case of his conflict with the Porte. These contacts were interrupted after the death of Catherine the Great to be resumed in 1804.

It existed at that time the Ionian Republic under Russian protection. The contacts between the Russians in the Ionian islands and local chiefs of Albania and Epirus had become very active. The establishment of the Russian consulates in Arta (1804) and in Vlora (Valona) (1806) had served for this cause. At that time relations between Ali Pasha and the Russian representatives were complicated and sometimes strained. Despite this he was seeking for Russian protection in order to secure his power in the case of the collapse of the Ottoman Empire. The despot of Epirus also took into account the

inslav

sentiments of the Greeks – the major part of his subjects who had looked towards Russia as their liberator from Turkish rule.

After 1807 when the French had recaptured the Ionian islands and new Russo-Turkish war had broken out the relations between Ali Pasha and Russia had improved. Ali Pasha was again seeking for the Russian protection but the Russian government was avoiding to undertake any obligation in this respect. In 1820 Sultan Mahmud II begun the military campaign against Pasha of Jannina in order to reestablish his authority over southern Albania and Epirus. Then Ali Pasha proposed to Alexandre I to become his vassal. But the Russian government which had pursued at that period a policy of the conservation of the Ottoman Empire didn't took into account this proposal. In 1822 Ali Pasha had been defeated and killed. In 1831 Mustafa Pasha Bushati, the last semi-independent ruler of Albania, lost his power. Political contacts between Albania and Russia were interrupted for a long time.

inslav

О. А. Бакулева

КУДА УЕЗЖАЛИ ГРЕКИ? (*восток* и *запад* в греческих народных «Песнях о чужбине»)*

Лексема «восток» (гр. Ανατολή) может быть рассмотрена по крайней мере в двух аспектах: *восток* как понятие географическое и *Восток* как некое культурное понятие, которое складывается исторически, за счет взаимодействия различных культурных и этнических факторов. Толковый словарь новогреческого языка [Μείζον] определяет *восток* так: «это те страны и народы, которые располагаются восточнее Европы», т.е. в Азии (по отношению к Греции, которая сама находится в юго-восточной Европе, эти страны могут быть, как на **северо**-востоке, так и на **юго**-востоке). Говоря о *востоке* в греческих народных «песнях о чужбине», мы будем иметь в виду как *восток* в его географическом аспекте (поскольку «песни о чужбине» неразрывно связаны с темой путешествия и, соответственно, с географией), так и *Восток* в этнокультурном значении (поскольку в греческой культуре и истории проблема взаимоотношений с Востоком, прежде всего с турками, занимает важнейшее место).

Τραγούδια της ξενιτιάς («Песни о чужбине») составляют особый раздел (жанр) греческого (и балканского) фольклора. Трагедия вынужденного расставания с родным домом, – их основной сюжет. В данном случае мы пытаемся выяснить географическую локализацию чужбины. Основой анализа послужили сборники G. Saunier «Τα δημοτικά τραγούδια της ξενιτιάς» (1990) – около 300 песен, Ν. Γ. Πολίτης (1991), Σ. Αγγ. Βαγγλής (1986), «Ριζίτικα. Τα δημοτικά τραγούδια της Κρίτης», а также интернет-ресурсы.

Заметим, что в греческом мифологическом словаре существует клише *восток versus запад* (или *восток & за-*

---

* Статья написана при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» (проект «Структура и лингвистическая организация славянского текста в синхронии и диахронии»).

inslav

пад) – Ανατολή και Δύση, но не *север versus юг* (или *север & юг*)[1], достаточно частотная в фольклорных текстах разных жанров, в частности, в исторических песнях, в колыбельных и т .п. Приведем несколько примеров:

1) Ύπνε, που παίρνεις τα μικρά, έλα πάρε και τούτο
μικρό μικρό σου τό 'δωκα, μεγάλο φέρε μου το
μεγάλο σαν ψηλό βουνό, ίσιο σαν κυπαρίσσι
κι οι κλώνοι του ν΄ απλώνονται **σ΄ Ανατολή και Δύση**.
[Πολίτης, 221]

Сон, что забирает маленьких, иди забери и этого
маленьким-маленьким я его тебе отдала, большим принеси мне его,
большим, как высокая гора, стройным, как кипарис,
пусть его ветви покрывают и Восток, и Запад.
(колыбельная песня)

2) Три варианта исторической песни о падении Кипра (a) и Адрианополя (b, c), построенных по одной модели (лексическому клише):

a) Τ ' αηδόνια **της Ανατολής** και τα πουλιά **της Δύσης**
κλαίγουν αργά, κλαίγουν ταχιά, κλαίγουν το μεσημέρι
κλαίγουν της Κύπρου το νησί το πολυκρουσεμένο…
[Ακαδημία Αθηνών, 132]

---

[1] Ср., например: «В ребетике господствует ось Восток versus Запад, а не Север versus Юг...» [Яламас, 122]). Лексема *север* (ο βορράς) в греческих народных песнях о чужбине нам не встретилась, а лексема *юг* (ο νότος) встретилась всего один раз в критской песне:

Του φεγγαριού θα ν' ακλουθώ να ξοριστώ στα ξένα
να πα να βρω τη μάνα μου να την αναρωτήξω
πού κάνει ο γιός της κολατσιο, πού κάνει ο γιός της γιόμα.
Στο νότος κάνει κολατσιό… [Ριζίτικα, 375]

(Я последую за луной, чтобы отправиться на чужбину,
чтобы найти мою маму и снова ее спросить,
где ее сын завтракает, где ее сын обедает.
На юге он завтракает…)

Речь идет о местонахождении главного героя, т.е. собственно о чужбине, которая в данном случае находится на юге.

inslav

Соловьи с Востока и птицы с Запада
плачут допоздна, плачут непрерывно, плачут в полдень
оплакивают остров Кипр, до основания разрушенный…

b) Τ ' αηδόνια **της Ανατολής** και τα πουλιά **της Δύσης**
κλαίγουν αργά, κλαίγουν ταχιά, κλαίγουν το μεσημέρι
κλαίγουν την Αντριανούπολιν, την πολυκρουσεμένη…[2]
Соловьи с Востока и птицы с Запада
плачут допоздна, плачут непрерывно, плачут в полдень
оплакивают Адрианополь, до основания разрушенный…

c) Κλαίγουν τα αηδόνια **της Βλαχιάς** και τα πουλιά **στην Δύση**
κλαίγουν αργά, κλαίγουν ταχιά, κλαίγουν το μεσημέρι
κλαίγουν την Αδριανούπολιν την βαριά κρουσμένην…[3]
Плачут соловьи из Валахии и птицы на Западе
плачут допоздна, плачут непрерывно, плачут в полдень
оплакивают Адрианополь, до основания разрушенный…

3) Несколько вариантов исторической песни о казни патриарха Григория V в 1821 г. (цит. по [Βαρβούνη, 255-256]):

a) Ποιός είδε τέτοια συννεφιά, ποιός είδε τέτοια αντάρα
Που τουτ' το χρόνο πλάκωσε **Ανατολή και Δύση…**
(Фессалия)

Кто видел такие облака, кто видел такой туман
Что в этом году накрыл Восток и Запад…

b) Ποιος είδε τέτοια συννεφιά, ποιος είδε τέτοι' αντάρα
Που τούτο χρόνο πλάκωσαν **τη δύστυχη Ελλάδα…**
(Ласта в Гортинии)

Кто видел такие облака, кто видел такой туман
Что в этом году накрыли несчастную Грецию…

c) Ποιος είδιν τέτοια συγνεφιά, ποιος είδε τέτοι' αντάρα
Που τούτουν του χρόνου πλάκουσαν **Ανατουλή και Δύση…**

---

[2] http://orpheus.ee.duth.gr
[3] [там же]

insiav

совпадает с а) (Сиатиста в Македонии)
Кто видел такие облака, кто видел такой туман
Что в этом году накрыли Восток и Запад…

Остановимся на этих примерах более подробно. Кипарис, о котором идет речь в (1), может рассматриваться как ипостась мирового древа. Кипарис растет в Греции, которая, следовательно, является центром универсума. По отношению к центру окружающий мир четко делится на две части, Восток и Запад.

В примере (2) Запад и Восток, напротив, объединены семантически: и на Западе, и на Востоке сочувствуют несчастьям греков, падению греческих городов. На это работают и зрительные образы: представим себе мировое древо из (1): оно раскидывает свои ветви в обе стороны – движение направлено из центра, оно как бы разделяет мировое пространство на две части. Во (2) же птицы слетаются с двух сторон – с Запада и с Востока, чтобы оплакать греческие города: здесь движение направлено из периферии в центр и способствует единению универсума, сохраняя все же понятие центра-Греции. Примечательно, что в тексте противопоставленность этих двух стран света манифестируется противопоставлением разных птиц: на Востоке – соловьи, на Западе – просто птицы.

С чем связано такое несимметричное деление: в первом случае – видовое наименование, а во втором – родовое? Возможно, *Восток* для греческого фольклорного менталитета ближе, роднее, чем *Запад*. Интересно отметить, что в (2.c) вместо наименования «*Восток*» появляется топоним «Валахия». Таким образом, Валахия, находящаяся к северу от Греции, в греческом фольклоре выступает как *восточная* страна.

Пример (3) семантически близок (2): речь идет о великом горе, которое потрясло весь мир. Визуальный образ облаков и тумана так же, как и во (2), работает на объединение двух стран света. Интересно, что в (3.b) синонимом для *Ανατολή και Δύση* становится *Ελλάδα*. В данном случае, представляются возможными две трактовки этой синони-

inslav

мии: либо в примере из Гортинии произошедшее несчастье касается только Греции, в отличие от других двух примеров, где оно потрясает весь мир, либо Греция, являясь, как было сказано выше, центром универсума, соединяет в себе и *Восток* и *Запад*. На наш взгляд, в данном случае более приемлема первая трактовка.

Итак, мы рассмотрели (в основном, на примере исторических песен) общие представления о *Востоке* и *Западе* в греческом фольклоре. Далее будут проанализированы тексты песен о чужбине и будет показано, по какому принципу греческий фольклорный менталитет делит окружающий мир на *Запад* и *Восток* и какие страны составляют греческую *чужбину*.

В греческих народных «песнях о чужбине» топонимы – названия стран и городов – используются достаточно часто, но их общий список при этом ограничен: *страны* – «Страна франков» (Западная Европа), Валахия, Молдавия, Армения; *города* – Бухарест и Константинополь. Топонимы могут заменяться соответствующими этнонимами – франки, армяне, валахи, турки. Обычно эти лексические элементы в корпусе «песен о чужбине» связаны с определенным набором сюжетов и мотивов. В соответствии с этим набором мы предлагаем выделить на уровне лексики три группы песен: в которых встречаются: 1) этнонимы (только); 2) топонимы + соответствующие этнонимы; 3) топоним «Константинополь».

1) Этнонимы

К этой группе относятся песни, где встречаются противопоставленные друг другу этнонимы «Τούρκοι» (Турки) и «Φράγκοι» (Франки – жители Западной Европы). Вместе они появляются, как правило, в песнях, где герой описывает своей возлюбленной (жене) чужбину и объясняет ей, почему он не может взять ее с собой:

1) Εκεί που πάνω, κόρη μου, κοράσια δεμ περνούνε
Εκεί' ναι Τούρκ' ανύπαντροι και Φράγκοι παντρεμένοι...
[Saunier, 40]

inslav

Туда, куда я еду, моя девочка, девушки не ездят,
там турки неженатые и франки женатые…

2) Εκεί που πάνω, κόρη μου, κοράσια δεμ περνούνε,
Εκεί' ναι Τούρκοι μι σπαθιά, Φράγκοι μι τα μαχαίρια …
[Βαγγλή, 103]

Туда, куда я еду, моя девочка, девушки не ездят,
там турки с мечами и франки с ножами…

3) Κει που πηγαίνω, λυγερή, γυναίκες δεν διαβαίνουν
εκεί είναι λύκοι στα βουνά και κλέφτες στα δερβένια
και σένα παίρνουν, κόρη μου, και μένα με σκλαβώνουν.[4]

Там, куда я еду, красавица, женщины не ходят,
там волки в горах и клефты в ущельях,
и тебя заберут, моя девочка, а меня возьмут в рабство.

Турки (*Восток*) и (*Запад*) франки, противопоставляются по признаку *женатый/неженатый* в (1) или по виду оружия (мечи/ножи) во (2). Однако в общем плане оппозиция оказывается лишь формальной, поскольку альтернатива *Восток/Запад* в народном сознании как бы объединена: оба ее члена представляют одинаково опасную *чужбину* в противопоставлении *родному дому*. Это перекликается с формулой «Ανατολή και Δύση», см. выше, обозначающей весь оставшийся мир в противопоставление Греции. В структуре же самой чужбины содержится скрытое (подчеркнутое антонимичными эпитетами) противопоставление *Востока* и *Запада* по конфессиональному признаку (*мусульмане/христиане*). Следует заметить, что не только мусульмане-турки, но и христиане-европейцы противопоставлены для греков по конфессии, и *Φράγκος* имеет в греческом языке два значения: «(западно)европеец» и «католик»; поэтому можно говорить, что здесь подразумевается еще одно противопоставление: *мусульмане & католики (турки & франки)* versus *православные (греки)*.

[4] http://orpheus.ee.duth.gr

inslav

В (3) этнонимов как таковых нет, но перед нами явно вариант той же песни: все три представленных выше текста практически совпадают. Здесь λύκοι (волки) и κλέφτες (клефты) являются синонимами соответственно для Τούρκοι и Φράγκοι. Таким образом, *турки* оказываются хуже, чем *франки*: им соответствуют волки, которые в балканской модели мира (БММ) имеют сугубо отрицательную семантику[5]. Связь турок с *иным* миром уже отмечалась: «...*турки* БММ в полной степени отвечают образу **мифологического врага**, с особым подчеркиванием признака *чужой*=пришелец из *иного* мира» [Цивьян, 184] [Выделение наше. — *О.Б.*]. *Франки* же в разбираемом примере приравниваются к клефтам – к людям, выступающим как злокозненные персонажи, – они разбойники, и именно поэтому представляют опасность. В данном случае *турки* (*волки*) и *франки* (*клефты*) дополнительно противопоставлены друг другу по следующим признакам: место обитания (горы/ущелья), а также действия по отношению к девушке и к герою (ее забирают / его делают рабом).

Таким образом, при анализе данных примеров мы видим, что на *чужбине* есть *враги* (*турки, мусульмане*), а есть *чужие* (*франки, католики*). Заслуживает особого внимания тот факт, что в (3) ярко выражена вертикальная ось: горы – ущелья. Противопоставление между *чужбиной* и *домом* проходит в данном случае не по горизонтальной оси, как в (1) и во (2) – *Восток&Запад/дом*, а по вертикальной: *горы&ущелья/дом*.

На наш взгляд, здесь в (3) в свернутом виде содержится характеристика пространства греческих народных песен о чужбине: мотив разговора героя с девушкой и противопоставление λύκοι/κλέφτες отсылают к чаще встречающейся в этом сюжете паре Τούρκοι и Φράγκοι, и, соответственно, к оппозиции *Восток&Запад/дом*. Противопоставляются эти топосы по признаку *опасный/безопасный*. Так создается горизонталь с ярко выделенным центром – *домом*. Собственно разговор героя с его возлюбленной

[5] Волк и в других балканских (славянских) фольклорных традициях обладает хтонической символикой и связан с нечистой силой [Гура].

ipmlab

(женой) происходит дома, поэтому возникает ощущение, что сама песня как бы выходит из этой начальной точки, из *дома*, обозначая вокруг него остальное пространство. Вслед за проведенной горизонталью сразу возникает вертикаль: *горы* и *ущелья*, снова в противопоставление *дому*, причем по тому же признаку *опасный/безопасный*. За счет совпадения признака (*безопасный*) и одного из элементов (*дом*) две оппозиции как бы сливаются в одну, образуя почти осязаемый, «видимый» образ: перед нами сфера с *безопасным домом* в центре и *опасная чужбина*, окружающая его со всех сторон (с *Запада*, с *Востока*, *сверху* и *снизу*). Противопоставленные элементы (*Восток-Запад* и *верх-низ*) сливаются, составляя для героя единую враждебную *чужбину*.

Итак, устройство универсума описано, во-первых, очень кратко, минимальными средствами, а во-вторых, скрыто – для полной расшифровки необходимо обращаться к параллельным вариантам текстов. Здесь усматривается, с одной стороны, разделение, а с другой, – взаимопроникновение, слияние противоположных концептов, составляющих основные пространственные оппозиции, что характерно не только для греческого, но и для всего балканского мировосприятия,. «*Расчленение-разъединение* и *связь-соединение* (...), горизонталь и вертикаль, центр и периферия, открытость и закрытость (замкнутость и незамкнутость), четкое различение *внешнего* и *внутреннего*...» – таковы основные «характеристики *балканского пространства*...» [Цивьян, 19].

2) Топонимы и этнонимы

Здесь будут рассмотрены две группы песен:

– песни о колдовстве, в которых встречаются топонимы Армения/Валахия/Франкия;

– песни, где встречаются топонимы «Валахия» и «Бухарест».

Песни, входящие в первую группу, объединены мотивом колдовства и обмана, приводящего к (вынужденной или даже насильственной) женитьбе героя на дочери чуже-

inslav

странной колдуньи или на самой колдунье, которые препятствуют его возвращению домой. В этих песнях практически всегда названо место, где находится герой, т.е. конкретизируется место *чужбины*: это, прежде всего, η Αρμενιά «Армения»[6], а также η Βλαχιά «Валахия» и η Φραγκιά «Франкия». Топоним может сопровождаться или заменяться соответствующим женским этнонимом. Оппозиция *мужской/женский* в рассматриваемых песнях является отмеченной: все они построены на том, что на *чужбину* отправляются мужчины, оставляя дома женскую часть семьи; также скрытым образом представлена оппозиция *молодой/старый*: на *чужбину* отправляются только молодые мужчины брачного возраста:

1) песни о путешествии в Армению:

a) Τι εμένα με παντρέψαν δω στην **Αρμενιά**,
και πήρα **Αρμενοπούλα,** μάγισσας παιδί...
[Πολίτης, 241]

Здесь в Армении меня поженили
и я взял в жены армянку, дочь колдуньи…

b) … και μένα με παντρέψαν κάτου στην **Αρμενιά**,
μου δώσανε γυναίκα μιας μάγισσας παιδί...
[Saunier, 173]

…и меня женили в Армении
дали мне жену, дочь одной колдуньи…

c) … με λέγει πως παντρεύτκε κα στην Ατζεμιά
και πηρ' **Ατζεμοπούλα,** μάγισσας παιδί.
[Saunier, 175]

…он говорит, что он женился в Атземии
и взял атземянку, дочь колдуньи.

2) Песни о путешествии в Валахию:

---

[6] Встречаются и другие наименования – η Ατζεμιά, η Εζημιά. Г. Сонье считает их синонимами Армении [Saunier, 189], искажение топонима он объясняет его отождествлением со словом η ζημιά «ущерб».

inslav

Μισεύει και πηγαίνει απάνω **στη Βλαχιά**...
...μου δώσανε γυναίκα της μάγισσας κορη.
[Saunier, 174]

Он уехал и отправился в Валахию...
... мне дали в жены одну девушку, дочь колдуньи.

3) Песни о путешествии во Франкию:

a) ...ιδώ στα ξένα που μι (ι)γώ παντρεύτηκα
πήρα μια **Φραγκουπούλλα** μια μαγίστρισα...
[Saunier, 171]

...здесь на чужбине я женился
взял в жены колдунью из Франкии...

В данном сюжете чаще всего упоминается Армения (1. a, b, c). Надо отметить, что в песнях о чужбине эта страна встречается только в этом сюжете, соответственно, основная и единственная ее характеристика – это колдовство. Что касается Валахии (2), в этом сюжете она встречается сравнительно редко, однако гораздо чаще встречается в несколько ином сюжете, также связанном с опасностью, исходящей от *чужих* женщин – о том, какая участь ждет героя, отправившегося на чужбину. Валахия здесь – страна, относящаяся к чужбине и населенная женщинами, которые обманом привязывают к себе чужих мужчин:

Οι Βλάχισσες είναι κακές κι αυτές **οι Βλαχοπούλες**,
Γελούν μανάδων τα παιδιά και αδερφιών τ΄ αδέρφια.
[Saunier, 92]

Валашки плохие, девушки Валахии плохие,
они обманом уводят детей у матерей и братьев у сестер.

или:

τ' οι Βλάχισσες είναι κακές, είναι καγκυλοφρύδες,
έχουν τα μάτια σαν ιλιά, τα φρύδια σαν γαϊτάνι, (...)
καίουν τους νέους την καρδιά, καίουν τα φυλλοκάρδια,
πάνουν παιδιά ανύπαντρα κ' έρχονται γηρασμένα. .
[Saunier, 166]

inslav

Валашки плохие, чернобровые,
глаза у них, как оливки, и тонкие брови, (...)
они сжигают сердца молодых, сжигают глубины сердца,
уезжают ребята неженатые, а возвращаются постаревшие.

Таким образом, в сюжете о колдовстве Валахия может занимать место Армении, поскольку основные характеристики обоих стран синонимичны: их жительницы *обманывают/колдуют* для того, чтобы привязать к себе мужчину (своими женскими чарами). В одном из вариантов в роли девушки, околдовавшей чужестранца, выступает η Φραγκοπούλλα (3).

Итак, в различных вариантах этой песни об обмане и колдовстве перечислены основные реальные маршруты греков, отправлявшихся на чужбину: «...Центральная Европа: Валахия, Молдавия, Трансильвания, Австро-Венгрия и т. п., а также Западная Европа, Армения и др.» [Saunier, 5-6]; таким образом, север (Валахия), запад (Франкия) и восток (Армения) в народном сознании объединяются, и все обозначают *чужбину*, географическое деление которой на страны света оказывается несущественным. Здесь, на наш взгляд, следует обратить внимание на то, что, в отличие от песен первой группы, эта *чужбина* – христианская.

Ко второй группе мы отнесли песни, где одновременно встречаются топонимы «Валахия» и «Бухарест»:

1) Песни «о пророчестве» (птицы или женщины о том, что находящиеся на *чужбине* мужчины по той или иной причине вернуться домой не смогут):

а) Ποια έχει άντρα στην Βλαχιά και γιο στο Μπουκουρέστη
πες της να μην τους καρτερεί, να μην τους παντεχαίνει
<τ'> οι Βλάχισσες είναι κακές κι αυτές οι Βλαχοπούλες
γελούν μανάδων τα παιδιά και πίσω δεν γυρίζουν.
[Saunier, 93]

Той, у кого муж в Валахии, а сын в Бухаресте,
скажи ей, чтобы она их не ждала, чтобы не надеялась,
Валашки плохие, как и девушки Валахии,

insiav

они обманом уводят детей у матерей, и те не возвращаются назад.

b) Οποια 'χει άντρα στην ξενιτιά και γιον ξενιτεμένο [Saunier, 93]
У кого муж на чужбине, а сын уехавший…[7]

c) Ποιος έχει άντρα στη ξενιτιά και γιο στο Βουκουρέστη… [Saunier, 95]
У кого муж на чужбине, а сын в Бухаресте…

2) Песни о внезапном отъезде героя:

a) Αφέντης μας μας άφηκε και πάει στο ταξίδι
μέσα στην έρημη Βλαχιά, στο μαύρο Μπουκουρέστη. [Saunier, 97]
Наш господин нас оставил, отправился в путь
в пустынную Валахию, в черный Бухарест.

b) Ο αφέντης πάει στη Βλαχιά, πάει στο Βουκουρέστι… [Saunier, 99]
Господин уезжает в Валахию, уезжает в Бухарест…

c) Ο αφέντης σου δεν είναι εδώ, ξανάφυγε στα ξένα… [Saunier, 98]
Твоего господина нет здесь, он вновь отправился на чужбину…

В (1.a) мы видим, что топонимы «Валахия» и «Бухарест» противопоставлены друг другу. Это подчеркивается вторым противопоставлением мужчин по возрасту: «муж/сын». В (2.b) на месте топонимов появляются лексемы «на *чужбине*» и «уехавший на *чужбину*». Учитывая, что это варианты одной и той же песни, мы можем сказать, что Валахия однозначно приравнивается к *чужбине*, в отличие от Бухареста, где, во-первых, всегда находятся более

[7] Причастие ξενιτεμένος образовано от глагола ξενιτεύομαι, который на русский язык переводится как «уезжать на чужбину».

inslav

молодые по возрасту герои (более неопытные), а во-вторых, **уехавшие** на *чужбину*, но, возможно, так и не добравшиеся до места. В (3.c) Бухарест противопоставлен непосредственно *чужбине*. Таким образом, перед нами вырисовывается маршрут путешествия на *чужбину*: через Бухарест в Валахию; при этом Бухарест воспринимается как некий переходный между *родиной* (Грецией) и *чужбиной* (Валахией) пункт.

Во второй песне (2.a,b,c) говорится о внезапном отъезде героя в Валахию и Бухарест. В (2.a) топонимы сопровождаются эпитетами, и топониму «Валахия» соответствует эпитет «пустынная», который является постоянным эпитетом лексемы «чужбина»: η **έρημη** Βλαχιά – τα **έρημα** τα ξένα. Т.е. Валахия фактически равняется *чужбине*. То же самое происходит и в (2.c), где топоним опять-таки заменен на лексему «чужбина». В начале этой песни уточняется, что герой проводит «δώδεκα χρόνους στη Βλαχιά και τρεις μερές στο σπίτι» (двенадцать лет в Валахии и три дня дома), а в конце сообщается, что он снова отправился на *чужбину* – соответственно, под *чужбиной* подразумевается все та же Валахия. В этих песнях сам главный герой называется не *ξένος*, а *βλαχιώτης* (в словарях данная лексема отсутствует; мы считаем, что в этой песне она синонимична лексеме «ξένος», поскольку образована от синонимичного для «ξενιτιά» топонима и употребляется в том же значении). Таким образом, Валахия полностью отождествляется с *чужбиной*, не только на семантическом уровне (1), но и на языковом: у этого топонима появляется тот же постоянный эпитет (2.a), а для обозначения главного героя песен используется однокоренная лексема (2.c).

3) Константинополь

Песни о Константинополе выделяются особо. Восприятие именно этого города в греческом фольклоре следует рассмотреть более подробно. Этот топоним встречается почти всегда в двух сюжетах: «проклятие *чужбины*» и «поездка на базар», а также иногда упоминается в песнях о «кораблекрушении». Песни первого типа могут быть отне-

inslav

сены и к группе 2), поскольку в них перечисляются все области, относящиеся к чужбине:

Θέλω να τα καταραστώ τα τρία βιλαέτια
την Πόλη και **την Μπουγντανιά** και **τη Βλαχιά** αντάμα
της Πόλης τα κρασοπουλειά φωτιά να τα 'χεν κάψει...
[Saunier, 101, 106, 167, 206]

Я проклинаю три вилайета
Константинополь, Молдавию и Валахию,
Пусть сгорят винные лавки Константинополя...

Константинополь оказывается в том же ряду, что и области, лежащие на севере от Греции (Молдавия и Валахия). Отметим, что Константинополь никогда не воспринимается как турецкий город. Следует напомнить, что весь корпус «песен о чужбине» создавался уже после падения Константинополя, поскольку сам феномен массового отъезда мужчин на чужбину связан как раз с ухудшением жизни в самой Греции после ее порабощения турками. Константинополь нигде не называется Стамбулом, это *Город* с большой буквы – *η Πόλη* – величайший греческий город. Сама же Турция всегда воспринимается негативно. В «песнях о чужбине» упоминаний о Турции практически нет. Однако в одной из «исторических песен», посвященной взятию Парги (последний греческий город, захваченный турками), говорится:

Δεν την επλάκωσε Τουρκιά...
Τους Παργινούς επούλησαν...
Κι όλοι στην ξενιτιά θα παν να ζήσουν οι καημένοι...
[Πολίτης, 23]

Их не захватила Турция в честном бою,
Жителей Парги продали,
И несчастные отправятся жить на чужбину...

То есть, после порабощения города Турцией его жители вынуждены отправиться на чужбину. Следовательно, Турция противопоставлена чужбине. В данном случае чужбина является меньшим из двух зол.

inslav

Однако, как уже было сказано, Константинополь входит в область чужбины и является ее неотъемлемой частью. Восприятие этого города амбивалентно: с одной стороны, он *свой*, не турецкий, с другой – и *не свой*. Можно говорить о совмещении двух образов Константинополя в сознании греческого народа: первый образ – оставшийся в памяти народа с давних времен – образ великого города, столицы Византийской империи. Отсюда его наименование Город с большой буквы. Это *свой* город для греков. Второй же – образ города уже после его захвата турками. Он «отдаляется», наделяется отрицательными характеристиками и переносится в область *чужбины*. При этом самый печальный для греческого народа факт – что их великий город стал столицей иноверных захватчиков, т.е. турецким, – вообще опускается, игнорируется. Скорее всего, это известный психологический феномен – вытеснение из памяти наиболее болезненных фактов и воспоминаний. В данном случае, этот механизм срабатывает в коллективном сознании греческого народа.

Необходимо добавить, что та же двойственность была присуща вообще «географии греков» периода Туркократии. В песнях о проклятии *чужбины* (см. выше) области, входящие в состав *чужбины* (Валахия и Молдавия), названы βιλαέτια «вилайеты, крупная административная единица в Турции». Эти области также обозначались с одной стороны, как турецкие, с другой как входящие в *чужбину*.

В эту группу включены и песни о «кораблекрушении» (5 песен). Приведем наиболее распространенный вариант:

Οποιά ‘χει αντρά στην **ξενιτιά** και γιον **ξενιτεμένο**,
πες τους να μην τους καϊτερεί, να μη τους περιμένει.
Ξ’ήντα καράβια βούλιαξαν και τους επήρε μέσα,
γιόμισ’ η θάλασσα πανιά κ’ οι άκρες παλληκάρια.
[Saunier, 93]

Той, у кого муж на чужбине и сын в отъезде,
Скажи, чтобы их не ждала, чтобы не надеялась.
Шестьдесят кораблей утонули и забрали их,
Море наполнилось парусами, а берега добрыми молодцами.

inslav

Иногда речь идет не о кораблекрушении, а о какой-либо болезни, которая забирает всех подряд. Важно то, что в этих песнях всегда говорится о тех, кто уехал на чужбину, и очень редко уточняется, куда именно. Однако в критском варианте этой песни присутствует топоним:

Απού 'χει αντρά στην ξενιθιά, στα ξένα να γυρίζει,
μπλιον του μην απαντέχει τον, μπλιο μηδε ν' ανημένει.
Καράβιαν εβουλήσανε στης **Πόλης** τα μπογάζια...
[Ριζίτικα, 368]

Та, у кого муж на чужбине, или возвращается на чужбину,
пусть больше его не дожидается, больше не ждет.
Корабли утонули в заливах Константинополя...

В этой песне речь идет о гибели тех, кто уехал на чужбину – мужей и сыновей. Во всех вариантах они наделены соответствующими эпитетами: στην ξενιτιά, ξενιτεμένο, т.е. они находятся на *чужбине*. В критском же варианте о месте говорится прямо – назван Константинополь. Таким образом, подтверждается наше предположение о том, что этот город стал для греков *чужбиной*.

В песнях второго типа («о поездке на базар» – στα τσιαρσιά < тур. carşi) речь идет, как правило, о Константинополе, однако встречаются и другие греческие города:

1)– Σύρε στης Πόλης τα τσιαρσιά, σύρε στης Σαλονίκης
να φέρεις φράγκικο γιαλί και φελτισένιο χτένι
να φέρεις και καραμπογιά να βάψω τα μαλλιά μου.
[Saunier, 30]

Отправляйся на базар в Город, отправляйся в Салоники,
привези французское зеркало и гребень из слоновой кости,
привези и краску для волос, чтобы я покрасила волосы.

2) Στην Πόλη πάω και έρχομαι κ' είντα μου παραγγένεις;
– Βάστα μου χτένι και γιαλί και κόκκινο τζεμπέρι...
[Saunier, 30]

Я отправляюсь в Город, что ты мне закажешь?
Привези мне гребень и зеркальце, и красный платок...

inslav

3) Στην Πόλη πάω μάνα μου, τι θέλεις να σου στείλω;
– Στείλε μου χτένι και γιαλί και κόκκινο τσεμπέρι…
[Saunier, 31]

Я еду в Город, мамочка, что тебе прислать?
Пришли мне гребень, зеркальце и красный платок…

4) – Τι θέλεις να σου στείλω ναπό τα Φέρσαλα;
Θέλεις γιαλί και χτένι, θέλεις χρυσό σταυρό;
[Saunier, 31]

Что тебе прислать из Фарсалы?
Хочешь зеркальце и гребень, хочешь крестик золотой?

Во всех вариантах этой песни о Константинополе (или о других городах) говорится как о конкретном восточном городе, куда отправляются за дорогими редкими подарками, символами богатства и роскоши. Основной его характеристикой в таком случае и становится «восточный базар» со всеми его живописными реалиями: золотом и слоновой костью, блеском и яркими цветами: *φελτισένιο χτένι* («гребень из слоновой кости»), *χρυσό σταυρό* («золотой крест»), *κόκκινο τζεμπέρι* («красный платок») и т.п. «Восточные подарки» – это всегда женские украшения и косметика. На Запад же отправляются за деньгами, за оружием; мотив подарков иногда встречается, но без уточнений, ср.:

Ο αφέντης πάει στη Βλαχιά, πάει στο Βουκουρέστι
να φέρει γρόσια και φλωριά, άρματα και καλούδια.
[Saunier, 99]

Наш господин едет в Валахию, едет в Бухарест,
чтобы привести деньги (гроши и флорины), оружие и подарки.

Появление в некоторых вариантах песни «о поездке на базар» других городов (Салоник (1) и Фарсалы (4)) объясняется, на наш взгляд, турецким господством и турецким влиянием в греческих городах. Все они переделывались по турецкому обычаю, появлялись новые восточные (мусульманские) реалии (базары, мечети и т.п.). Таким образом, здесь можно видеть проявление той же амбивалентности,

inslav

что и в первой группе песен о Константинополе: греческие города, с одной стороны, воспринимаются как *свои*, нетурецкие, а с другой, – выявляется их «отуречивание», в частности появление «восточных базаров».

Можно сделать следующие выводы: мир греческого фольклора структурирован по универсальной оппозиции *центр/периферия.* В центре находится Греция, это мир *свой*, а вокруг нее – *чужбина*, которая географически расположена на севере, и на западе и на востоке. При этом имеет большое значение признак конфессиональной принадлежности: страны *чужбины* всегда христианские. Чаще всего к *чужбине* относятся Валахия, Молдавия, Армения, Константинополь[8], т.е. страны православные. На оси *Восток-Запад* вышеперечисленные области, независимо от их географического положения, относятся к *Востоку* (ср. выше – Валахия является синонимом *Востока).* То есть к *чужбине* относится только христианский (православный) *Восток*, в частности и Константинополь, оставшийся для греков оплотом православия, центром христианского мира. Они ни в коем случае не воспринимали его как мусульманский город. Мусульманская Турция в *чужбину* не входит, но воспринимается при этом еще более негативно. Чужая и враждебная Турция принуждает уезжать на *чужбину* «из самой себя», от мусульманства к христианству. Бегут от турок, но попадают в другое чужое и враждебное пространство, поскольку уезжают из родного дома.

Таким образом, *чужое* пространство «песен о чужбине» может быть разделено на две части *чужбина/Турция*. При этом оппозиция *свой/чужой* дополняется третьим членом: *враг*; *чужой* становится ближе к *своему*, чем к *врагу*, и *ξενιτιά* для греков оказывается предпочтительнее Турции.

[8] Франкия (Западная Европа) встречается в текстах намного реже, чем вышеперечисленные православные области.

inslav

ЛИТЕРАТУРА

[Гура] – Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
[Цивьян] – Цивьян Т.В. *Движение* и *Путь* в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. Москва, 1999.
[Яламас] – Яламас Д.А. Восток как идеальный утопический локус в греческих песнях ребетика // В поисках "ориентального" на балканах. Античность. Средневековье. Новое время (Балканские чтения 7. Тезисы и материалы). Москва, 2003.
[Saunier] – Τα δημοτικά τραγούδια της ξενιτιάς. Αθήνα, 1990.
[Ακαδημία Αθηνών] – Ακαδημία Αθηνών. Ελληνικά δημοτικά τραγούδια, Εκλογή 1. Αθήνα, 1962.
[Βαγγλής] – Βαγγλής Αγγ.Σ. Δημοτικά τραγούδια της Χαλκιδικής. Θεσσαλονίκη, 1986.
[Βαρβούνης] – Βαρβούνης Μ.Γ. Λαογραφικά δοκίμια. Μελετήματα για τον ελληνικό παραδοσιακό πολιτισμό. Αθήνα, 2000.
[Μείζον] – Τεγόπουλης-Φυτράκης. Μείζον. Ελληνικό λεξικό. Αθήνα, 1997.
[Πολίτης] –Πολίτης Ν.Γ. Δημοτικά τραγούδια. Αθήνα, 1991.
[Ριζίτικα] – Ριζίτικα. Τα δημοτικά τραγούδια της Κρίτης.

Olga A. Bakouleva

Geographical realities in the Greek folk songs of foreign land

SUMMARY

The paper deals with the author's work "Semantic field of concepts 'foreign' and 'foreign land' in the Greek folk songs of foreign land". The songs of foreign land are the genre which is typical not only of Greek but also of other Balkan folklore traditions: these songs were created during the period of Turkish domination over the Balkans. So men had to leave the native country for earnings. In this paper the semiotic structure of the space of foreign land is analyzed.

Basic space oppositions including *vertical* (*top/bottom*, *south/north*) versus *horizontal (left/right, east/west*) are analyzed *sub specie* their extrapolation onto the core of the concept 'foreign land' – opposition *own/strange*. The vertical axis corresponds to the oppositions *this world/another world*, *live/dead* (the corpus of foreign land songs comprises

inslav

mirolóyia, funeral laments songs). Horizontal axis describes the real and mythologized geographical space. The list of toponyms and corresponding ethnonyms is restricted – Φράνκια (the Western Europe), Wallachia, Moldova, Armenia; Bucharest, the City (Constantinople); Franks, Wallachians, Armenians, Turks.

The countries of *the foreign land* are only Christian. Geographical division of *the foreign land* into the *east/west* is overlapping with ethnic and confessional distinctions. As a result Muslims (Turks) are considered as *enemies*, while Christians, both Catholics (Franks), and the Orthodox', as *foreigners*.

Especially the "city's semantics" should be pointed. Bucharest serves as *sui generis* "border line" between the native and the foreign land. The City (Constantinople) is on the one hand excluded from Turkey and perceived as *own* (Christian) city. But on the other hand it is held as *a foreign land* and described as typically eastern city.

More generally, the space of foreign land songs is structured on universal opposition *center/periphery*. This center is Greece, *a home*, which should be left because of *enemy* occupation. *The periphery* is around the Greece, *a foreign land*, which includes only Christian, mainly Orthodox countries that are referred to the East on the *East-West* axis independently and in spite of their real location.

inslav

В. К. Волков

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ РОССИИ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Возникший после распада биполярной системы так называемый «новый мировой порядок» хотя и не сложился еще окончательно, но уже успел проявить себя как мало предсказуемый и далекий от идеального. Мир не стал более прочным и отличается нестабильностью. Возникли новые угрозы, такие как международный терроризм, преступная наркоторговля, экологические проблемы, демографические сдвиги и т. д., против которых ещё не выработаны методы борьбы и формы преодоления. Несмотря на процессы глобализации (а может быть, и вследствие их) повсеместно наблюдается рост национализма и различных видов ксенофобии. Но главное, продолжается процесс перестановки политических сил в мире, а точнее – осознание центрами политических сил своих реальных возможностей и потенций. На наших глазах складывается Европейский Союз – новая мировая держава, которая пока еще осторожно формирует свои внешнеполитические и военные структуры. По экономической мощи она уже превосходит США, но остается в их политической тени. Претензии США играть роль единственной супердержавы и сформировать однополюсный мировой порядок потерпели неудачу. Ясно, что в мире сохранится полицентризм. Уверенно выходят на мировую арену Китай, в ближайшем будущем – новая мировая держава, а также Индия. Сохраняет свои позиции Япония. В этих условиях естественно встает вопрос о реальном месте России в мировой политике и её возможной роли в международных делах.

Осознанию сложившихся реалий значительно мешают непрекращающиеся, скорее, даже – усилившиеся информационно-психологические баталии. В современных условиях они стали не просто непременным спутником складывающейся системы, но и одной из форм проведения внешней политики. Этому способствует и развитие новых информационных технологий, в которых они также играют

inslav

лидирующую роль. В таких условиях даже искушенные в политике аналитики сами подчас становятся жертвами политической пропаганды.

В глобальной политике Россия заинтересована в устойчивом и предсказуемом мироустройстве. Она проводит прагматический внешнеполитический курс, определяемый её национально-государственными интересами. Стремясь обеспечить стране достойное и равноправное положение на мировой арене, российская дипломатия нацелена на создание такого положения, которое благоприятствовало бы успешному проведению политических реформ и способствовало стабильному экономическому развитию. Главным приоритетом для России является пространство СНГ, где она, не претендуя на монополию, содействует любым интеграционным процессам и различным межрегиональным объединениям. Установив добрососедские отношения со всеми пограничными государствами, она не имеет ни к одному из них территориальных претензий. На мировой арене Россия стремится развивать свои отношения с Европейским Союзом (равно как и со всеми входящими в нее странами) и США на основе партнёрства, не допуская игнорирования её интересов и дискриминации российского бизнеса (последнее относится ко всем регионам земного шара). В то же время её геополитическое положение вкупе с реальными возможностями придают её политике гибкость и маневренность, которые дают ей возможность участвовать во всех важнейших мировых делах. Всё это превращает Россию в важного субъекта в мировой политике, имеющего интересы и свою позицию по всем важнейшим глобальным проблемам.

Балканские проблемы, традиционно занимавшие на протяжении последних трёх столетий одно из важнейших мест в политике российского государства, не остаются в стороне от её внимания и теперь. Но место этого направления существенно изменилось, особенно после распада СССР и всего «социалистического лагеря». Изменилось, прежде всего, из-за радикальной перемены в оценке внешнеполитических угроз и, соответственно, решительном

inslav

изменении реального геополитического положения Балкан. Если раньше обращалось внимание на эту часть Европы как на стык трёх континентов, то ныне, в эпоху межконтинентальных ракет, авиации дальнего радиуса действия и космических войск, былое стратегическое значение ушло в прошлое. Для российской дипломатии характерен подход к Юго-Восточной Европе как к части европейских проблем. Однако такая констатация не покрывает всего спектра отношений России со странами региона. Он продолжает привлекать повышенное внимание российской общественности, что имеет свои причины. Первая и весьма важная заключается в многовековых (более 12 столетий) культурных и политических связях России со странами региона. Нельзя забывать, что именно отсюда, тогда ещё из Византии, на Русь пришло христианство, а через южнославянские народы и общий церковнославянский язык (он и до сих пор употребляется в богослужении) на Русь пришла письменность и наследие античной культуры (в её греко-византийском варианте). Эти связи знали приливы и отливы, но они никогда не прерывались. Русский народ (а шире – всё восточное славянство) считает болгар и сербов самыми близкими им народами среди всех славянских народов. Сохраняет своё значение принадлежность большинства балканских народов к православному христианству (т. е. к поствизантийскому ареалу). Во-вторых, после распада многонациональных государств – Советского Союза и Югославии, что стало следствием крушения коммунистических режимов во всей Восточной Европе, в развитии политических событий на постсоветском пространстве и на Балканах прослеживается много параллелей, что также привлекает внимание российского общественного мнения. Последнее реагирует на все происходящие здесь события весьма эмоционально. Отсюда – зачастую наблюдаемое расхождение между реакцией общественности и официальным курсом российской дипломатии, что нередко порождает упрёки в адрес правительства об отсутствии у него продуманной политики в отношении региона (что частично справедливо).

inslav

Последними событиями, привлекшими внимание как российской дипломатии, так и общественности, стало очередное расширение НАТО, а также Европейского Союза весной 2004 г., что не могло не сказаться как на положении во всем мире, так и на интересах многих других стран, включая как Россию, так и все балканские страны. И в первую очередь надо ответить на вопрос: что произошло с самим НАТО? Его характер решительно изменился после окончания «холодной войны». Сохранившись как военно-политический блок, он продолжает действовать в прежнем режиме. Но цели решительно изменились. За последние десять – двенадцать лет он создал три новые зоны военной ответственности: в 90-е годы – Балканы, а в новом XXI веке – уже две, и обе в Азии – в Афганистане и в Ираке (американские политики любят объединять две последние зоны вместе с прилегающими странами под одним терминов – «Большой Ближний Восток»). Часть связанных с этим забот и расходов США намерены переложить на плечи своих союзников по НАТО.

Отношение к таким замыслам поделило европейских союзников США на две группы, которые американские политологи окрестили как «старая Европа» и «новая Европа». К последней группе относятся вновь вступившие в НАТО страны, которые, наряду с Великобританией, явно придерживаются проамериканской ориентации. Существование этих двух групп сказывается и на функционировании Европейского Союза, особенно в вопросах его внешнеполитической деятельности.

Российское общественное мнение (разумеется, речь идёт о преобладающих настроениях, поскольку в стране существуют группы с различными взглядами) воспринимает расширение ЕС сдержанно-отрицательно, а к расширение НАТО – весьма отрицательно. Особенно это относится к расширению НАТО на Восток. «Почему НАТО сразу же приходит туда, откуда уходит Россия», – такой вопрос был задан членам комитета Парламентской ассамблеи НАТО, которые встретились в середине июня 2004 г. в Москве на совместном заседании с делегацией Государ-

inslav

ственной Думы России. Почему продолжаются полёты разведывательных самолетов АВАКС вдоль российских границ? Чем объяснить поспешное и демонстративное размещение элементов военно-воздушных сил НАТО в странах Балтии? Такие вопросы были частью проблем, обсуждавшихся на этой встрече. Все эти вопросы показывают, что принципы стратегического партнёрства между Россией и НАТО (более узко – между Россией и США), о чём говорят политические деятели обеих сторон, привлекательные в теории, на практике сталкиваются со многими трудностями и противоречиями.

О стратегическом партнёрстве говорят и в отношениях России с Европейским Союзом, хотя акценты здесь другие. ЕС является крупнейшим внешнеторговым партнёром России (после его расширения на него приходится примерно 45% все внешней торговли России). Географическая близость, наличие старых налаженных связей с разными странами континента делают их отношения привлекательными для обеих сторон. ЕС действует как обособленный экономический организм со своими таможенными границами и квотами торговли, что создаёт дополнительные сложности в товарообмене. Он проявляет свои интересы и в области внешней политики, в частности в так называемой «восточной политике», т. е. по отношению в первую очередь к странам СНГ. России ещё предстоит определить своё отношение к этой политике. Пока же в осторожной форме высказываются опасения, что расширение ЕС может создать новые разделительные линии в Европе, что представляется нежелательным.

В то же время российские аналитики наблюдают за развитием соперничества на мировой между ЕС и США. Выход новой валюты – евро – на мировой рынок впервые после второй мировой войны создал реальную конкуренцию доллару как универсальному расчётному средству, что начинает давать свои первые результаты. Россия занимает в этих вопросах крайне сдержанную позицию и избегает любых действий, которые могли бы создать впечатление о попытке разыграть наметившиеся противо-

inslav

речия в свою пользу. Такая линия проистекает из её заинтересованности в развитии дружественных и партнёрских отношений с обеими сторонами.

В современных международных условиях для российской дипломатии характерен подход к Юго-Восточной Европе как к одному из европейских регионов, с учётом, естественно, не только особенностей этого региона, но и традиции отношений с расположенными здесь странами. В настоящее время здесь расположено десять государств (если считать Сербию и Черногорию одной страной) с общим населением свыше 130 миллионов человек. Но среди них – только одна крупная страна – Турция (примерно 70 миллионов жителей), средним по размерам государством следует признать Румынию (22 миллиона чел.), а остальные представляют собой небольшие страны с население от 2 до 10 миллионов жителей.

Между всеми ними непростые отношения, уходящие иногда в глубокое прошлое. Так, между Грецией и Турцией (обе страны – старые члены НАТО) существуют противоречия по вопросу о Кипре, где проживают греческая и турецкая общины. Это застарелый вопрос, но он не играет в регионе серьёзной роли. Теперь, когда в НАТО, помимо Греции и Турции, состоят также Словения, Болгария и Румыния, пять других балканских стран составляют особую зону – так называемые «Западные Балканы». Фактически в них входит территория бывшей «большой» Югославии «минус Словения и плюс Албания». Сюда относится Босния и Герцеговина, Хорватия и Сербия с Черногорией (так называемый «Дейтонский треугольник»), Македония, Албания и Косово, формально продолжающая считаться частью сербской территории. Именно этот район является кризисной зоной на Балканах, созданной усилиями «мирового сообщества».

Ситуация в кризисной зоне на Балканах определяется существованием трёх национальных проблем – сербской, албанской и македонской. Каждая из них имеет корни не только в глубоком прошлом, но и в событиях последнего десятилетия. Пока они не найдут удовлетворительного решения – мира здесь не наступит.

inslav

Одним из краеугольных принципов миротворчества ЕС и НАТО является концепция создания мультиэтнического общества в рамках существующих политических единиц при неизменности их границ. Этот принцип был применён в Боснии и Герцеговине, затем в Косове и, наконец, в Македонии. Повсеместно результаты достаточно печальны. Наиболее ярко это проявилось на территории Косова, где (так же, как и в Боснии и Герцеговине) установился режим национальной сегрегации. За пять лет существования здесь администрации ООН и присутствия воинских контингентов НАТО (силы КФОР) в крае фактически легализованы отряды Армии Освобождения Косово (АОК), члены которых носят теперь форму местных полицейских сил («Корпус защиты Края»).

Проведённые под международным надзором выборы, вначале в местные органы самоуправления, а затем и в краевой, парламент легализовали их политическое представительство. На протяжении всего этого времени из края вытеснялись другие этнические группы – прежде всего сербы и черногорцы (более 200 тысяч человек), а также другие, в том числе и мусульманские по вероисповеданию (цыгане, турки и др.).

Весной 2001 г. перед угрозой расчленения страны и отторжения от неё части территории была поставлена Македония. 13 июля 2001 г. было подписано соглашение, по которому албанцам в Македонии были предоставлены особые права, а конституция страны изменена в соответствии с доктриной этнически смешанного государства (концепция мултиэтнического общества). Однако межнациональные отношения в ней продолжают оставаться напряжёнными.

Пожалуй, положение на территории Косова продолжает оставаться одним из основных источников напряжённости на Балканах. Албанские политические силы в Косово не скрывают своих стремлений к полному отделению от Сербии и созданию самостоятельного государственного образования.

17–18 марта 2004 г. в Косово прокатилась волна массовых погромов. Были убиты десятки людей, сотни – ранены, более 7 тысяч сербов бежали из края. Были разру-

inslav

шены и осквернены десятки православных храмов и монастырей. Эти события стали крупной провокацией экстремистов, которые продемонстрировали, что они не хотят и слышать о каких-либо связях с Белградом и сосуществовании с сербскими анклавами на территории Косова. Радужные надежды администрации ООН, что в 2005 г. удастся определить международный статус Косова, развеялись как дым. Командующий миротворческими силами НАТО в Юго-Восточной Европе адмирал Г. Джексон оценил их как «этнические чистки». Реакция европейских государств оказалась достаточно острой. Престижу ООН и НАТО был нанесён сильный удар.

Острой была и реакция России. На совещании в Кремле 20 марта 2004 г. президент В. Путин заявил: «Россия не может безучастно смотреть на то, что там происходит. Это, и по признанию наших западных коллег, не что иное, как этническая чистка. Должна быть соответствующая жёсткая реакция. В данном случае – в защиту сербов». Помимо телеграмм соболезнования и бесед по телефону с государственными деятелями Сербии в Белград был послан министр по чрезвычайным ситуациям РФ С. Шойгу. Со специальным заявлением выступил МИД России, подчеркнув, что создались «серьёзные риски дестабилизации всего региона» и что обтекаемые формулировки больше не годятся: надо называть вещи своими именами.

Вполне естественно, что все эти события приковали внимание сербской общественности и политических кругов. В стране в марте 2004 г., после выборов в парламент (декабрь 2003 г.) после долгих и сложных политических консультаций было сформировано новое правительство во главе с В. Коштуницей. В конце июня 2004 г. был наконец-то избран президент – Б. Тадич. Теперь страна могла заняться внутренними и внешними проблемами. Определение статуса Косова является одной из наиболее сложных. Положение там стало предметом обсуждения сербского парламента, который подчеркнул, что никакое решение, затрагивающее положение в крае, не может быть принять в в обход Белграда. В начале мая 2004 г. В. Коштуница дал

inslav

интервью германскому журналу «Шпигель», в котором согласился с мнением его редакции, в том что провозглашение независимости Косова вызвало бы фатальную цепную реакцию в других балканских странах (одно из последствий – распад Македонии). Сербский премьер сказал: «Если мы не хотим, чтобы Косово в скором времени выглядело бы так же, как сейчас его столица – Приштина – без единого серба (до 1999 г. в городе проживало более 49 тысяч сербов – *Прим. авт.*), то единственной альтернативой является автономия для сербов и других неалбанцев. Здесь речь идёт не о защите каких-то их прав, а о простом их выживании».

Вполне закономерен вопрос о политике России в отношении Балкан в целом и их кризисной зоны в частности. В российской внешней политике просматривается тенденция подхода к региону как к целому, с неизбежными нюансами в подходе к его двум зонам и отдельным государствам. Россия, как и западные державы, заинтересована в поддержании мира на Балканах и обеспокоена потенциальными угрозами стабильности на континенте, исходящими отсюда (наркоторговля, торговля оружием, возможность этнических столкновений и т. д.). Совпадение интересов служит основой для сотрудничества России с ЕС и США. Однако у России имеются свои взгляды на положение на Балканах, и в ряде пунктов они расходятся с позицией Запада. Известно, например, что в августе 2003 г. она вывела свои миротворческие контингенты как из Боснии и Герцеговины, так и из Косова. Такой шаг стал проявлением недовольства сотрудничеством с НАТО в миротворческой деятельности на Балканах и нежелания нести ответственность за последствия, поскольку она не могла оказывать достаточного влияния на процесс принятия решений. Это стало серьёзным признаком расхождения если не в целях политики, то по меньшей мере в методах её осуществления.

Не получило одобрения российской дипломатии и последнее расширение НАТО, охватившее и Балканы (Болгария, Румыния и Словения). Оно было воспринято как потенциальная опасность нарушения военной стабильности на кон-

inslav

тиненте вообще и в его юго-восточном регионе в частности (включая район Черного моря и Средиземноморье).

Российская дипломатия не раз высказывала мнение, что деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии (Гаагский трибунал) исчерпала себя и в нынешних условиях становится контрпродуктивной. Из руководителей государств – участников военных конфликтов судят одного С. Милошевича. Процесс в Гаагском трибунале перешел в фазу слушания свидетелей защиты, которая должна начаться в сентябре 2004 г. Дадут ли Милошевичу, выступающему в роли собственного адвоката, провести эту фазу? Пока что деятельность трибунала привела к тому, что популярность Милошевича резко возросла даже в тех слоях населения Сербии, которые решительно выступали в октябре 2000 г. за его отстранение от власти.

В Гаагском трибунале в настоящее время работает около 1100 человек. Его содержание обходится в 120 миллионов долларов в год. По предварительным намёткам он должен закончить всю свою деятельность к концу 2010 г. Следовательно, в последующие пять лет на него будет затрачено ещё 600 миллионов долларов, а с учётом прежней многолетней деятельности – общая сумма его расходов перевалит далеко за 1 миллиард долларов. И всё это лишь для того, чтобы осудить 50–60 человек (преимущественно сербов) с более чем сомнительным политическим или юридическим успехом. Тем более что внутри самого состава трибунала всё время вспыхивают скандалы, связанные с процессуальными вопросами, что ложится пятном на его репутацию.

События последнего времени на Балканах показывают, что кризис здесь не завершён. Для придания стабильности всеобъемлющему балканскому урегулированию необходимо найти решение трёх национальных вопросов, определяющих напряжённость в конфликтной зоне: сербского, албанского и македонского. Каждый из них имеет свою специфику, не может быть решён по единому шаблону и требует индивидуального подхода. В соё время российская дипломатия выступила с серьёзным предложением

inslav

созвать широкую международную конференцию по Балканам, чтобы решить проблемы, существующие в кризисной зоне. Развивая эту мысль, можно высказать предположение, что в такой конференции, которая чем-то отдалённо напоминала бы Берлинский конгресс 1878 г., решавший балканские проблемы (весьма неудовлетворительно, как показало последующее развитие), могли бы принять участие постоянные члены Совета Безопасности ООН и члены контактной группы по бывшей Югославии (в раде случаев это членство дублируется). Инициатива российской дипломатии не встретила тогда поддержки западных стран. Однако, надо полагать, она остаётся в силе. Этим инициативам препятствует упорное отстаивание принципа нерушимости границ и недопущения территориальных изменений.

Последний возвращает нас к Хельсинкскому акту 1975 г. и деятельности ОБСЕ. Известно, что принцип нерушимости границ, провозглашённый в Хельсинки, стал основой разрядки в отношениях между двумя полюсами существовавшей тогда биполярной системы. Однако в условиях крушения коммунистических режимов в Европе в 1989–1991 гг. и распада многонациональных государств – Югославии и Советского Союза – эти принципы были нарушены двумя декларациями, принятыми 17 декабря 1991 г. в Брюсселе заседанием министров иностранных дел стран – членов ЕС. Первая из них – Декларация о критериях признания новых государств в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза, содержала ссылки на Заключительный акт Хельсинкского Совещания, Парижскую Хартию, принципы самоопределения, Устав ООН, права человека, права национальных меньшинств и этнических групп. Вторая – Декларация о Югославии, констатировала готовность признания странами ЕС признать независимость тех югославских республик, которые заявят о таком желании и подтвердят признание обязательств, содержащихся в документе о критериях признании новых государств.

Надо отметить, что в декларациях ЕС смешивались понятия государственных границ и административных

inslav

межреспубликанских границ, что вступало в противоречие с правом наций на самоопределение и открывало возможности для применения «двойных стандартов» при решении многих проблем. В результате была нарушена одна из важнейших норм международного права и нации оказались разделёнными на две категории: за одними право на самоопределение признавалось, для других – отрицалось. В обоих случаях, как ни странно, со ссылкой на один и тот же принцип нерушимости границ. Это породило как на территории бывшей Югославии, так и на постсоветском пространстве, многочисленные этнические конфликты, которые продолжаются и по настоящее время.

Главное же состояло в том, что оказался нарушенным сам Заключительный акт Хельсинкского Совещания, на котором основывалось существование СБСЕ (позднее переименованного в ОБСЕ). Что представляет собой в настоящее время эта региональная организация? Проблемы безопасности и сотрудничества в Европе решаются сейчас на других форумах (в частности – Совет Россия – НАТО). За ОБСЕ остался фактически лишь мониторинг состояния прав свободы слова и прав человека в посткоммунистических странах Эта организация не может служить и средством для решения сложных проблем, существующих на Балканах. Настало время распрощаться с нею.

В начале июня 2004 г. состоялся визит в Россию премьер-министра Сербии В. Коштуницы. На совместной пресс-конференции с президентом В. Путиным они заявили о совпадении взглядов по важнейшим вопросам международной жизни. Центральное место заняло обсуждение положения в Косове. Характерна параллель, проведённая В. Путиным между ситуацией в Косове и в Ираке. «Если бы у мирового сообщества хватило бы мужества и сил для того, чтобы предотвратить бомбардировки Белграда в своё время, сегодня не было бы такой тяжёлой ситуации в иракском кризисе», – сказал российский президент. Существующие там проблемы различны, но силовые подходы к их решению были однотипны, ошибочны и завели дело в тупик. В. Путин поддержал план решения косовской проб-

inslav

лемы, разработанный сербским правительством. Обе стороны выразили беспокойство в связи с хроническим невыполнением всех международных договорённостей относительно Косова, а также непрекращающимися попытками стран НАТО воздействовать на внутриполитическую ситуацию в Сербии и Черногории. Сохранение союза этих стран приветствуется российской стороной.

Видимо, тот же круг проблем был обсуждён В. Коштуницей в Белграде в июле 2004 г. во время визита туда нового генерального секретаря ООН Я. де Хоопа Схефера. В отношениях России с балканскими странами имеется своя специфика, которую игнорируют западные аналитики и которая не поддаётся точным измерениям. О ней нельзя судить только по уровню сегодняшних отношений или ограничиваться параметрами политических или экономических связей. Без России решение балканских проблем не может быть прочным.

Vladimir K.Volkov

GEOPOLITICAL CONCEPTION OF RUSSIA CONCERNING SOUTH-EASTERN EUROPE

SUMMARY

Russia of the present days is retaining its capacities as one of the Great Powers. Its policy in regard to the Balkans is a part of its policy concerning Europe and of its position on the world scale.

The Balkans remain one of the most unstable regions in the world. The peace in Serbia and Montenegro as well as in Bosnia-Herzegovina and Macedonia is fragile. Albanian separatists in Kosovo call for the complete break-up with Serbia.

The Russian diplomacy promotes the peaceful solution of all Balkan issues and proposes the International Congress for their resolution.

inslav

И. И. Воронина

КАТЕГОРИЯ СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ: КОМПАРАТИВНЫЕ И СУПЕРЛАТИВНЫЕ ФОРМЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ*

Возможность образования степеней сравнения именами существительными – явление, известное ряду балканских языков. Языковой материал, свидетельствующий об этом, представлен в монографии Пети Асеновой «Балканско езикознание: основни проблеми на балканския езиков союз». В болгарском и румынском языках, отмечает П. Асенова, возможно образование степеней сравнения не только от качественных прилагательных и наречий, но и от других частей речи. В частности, от существительных – в болгарском и румынском языках (болг. пò юнак, най глупак, рум. mai puțin artist 'по-малко артист', mai copil 'пò дете'); от глаголов – в болгарском (пò обичам, най харесвам); от некоторых местоимений – в румынском языке (Fratele tau mi s-a părut mai artul decît na obicei. 'Брат ти ми се стори пò-друг от обикновено') (Асенова 1989: 89).

Ценный языковой материал и его интерпретация содержатся в «Грамматике болгарского языка» Ю. С. Маслова. Применительно к болгарскому языку, полагает Ю. С. Маслов, следует говорить о степени сравнения как «сквозной грамматической категории, не связанной рамками определенных частей речи» (Маслов 1981: 332). Это могут быть существительные – пò майстор 'более мастер, лучший мастер', предложные сочетания – пò към реката 'ближе к реке', глаголы – ас пò зная колко години съм 'я лучше знаю, сколько мне лет', а также местоимения – пò наш човек 'более наш (более свой) человек' (Маслов 1981: 331).

В приведенном П. Асеновой перечне балканских языков, для которых характерно образование степеней

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 04-04-00164а.

inslav

сравнения от слов других частей речи, помимо прилагательных и наречий, албанский язык не упоминается.

В академических грамматиках албанского языка – Грамматика, изданная в 1976 г. (Gr.1), и Грамматика, изданная в 1995 г. (Gr.2), – специально внимания вопросам формообразования и употребления степеней сравнения существительных не уделяется. О них упоминается в сносках или примечаниях в разделах грамматики, посвященных прилагательному и наречию. В главе о грамматических категориях прилагательного и в их числе о степенях сравнения отмечается, что в албанском спорадически употребляются формы степеней сравнения существительных – në të gjendje 'более в состоянии', më shok 'более товарищ' (Gr.1: 128), më poet 'более поэт' – выполняющих функцию прилагательных (Gr.2:154). В разделе о степенях сравнения наречий отмечается употребление форм типа më me guxim (Gr.1:321) 'более с храбростью', më me rrembim (Gr.2:368) 'более с быстротой'.

В одной из ранних вузовских грамматик албанского языка – грамматика Ш. Демирая (ротапринтное издание) – компаративные формы существительных типа më shok 'более товарищ', më femije 'более ребенок' рассматриваются в разделе о прилагательных в качестве адъективированных форм (Sh. Demiraj 1960: 78).

Между тем в албанском языке в кодифицированном литературном языке и в разговорной речи употребление форм степеней сравнения существительных – явление не столь редкое.

Цель данного доклада – ввести албанский языковой материал в сферу внимания исследователей-балканистов.

Формообразование степеней сравнения в албанском имеет аналитический характер. Степени сравнения существительных образуются с помощью тех же грамматических средств, что и степени сравнения прилагательных и наречий: компаративные формы с формантами më – më mik 'более друг', суперлативные – с наречием shumë 'очень' – shumë mik 'очень друг'. Показатели степеней сравнения

inslav

предшествуют существительному и выделяются ударением.

Наблюдаются два рода явлений – образование степеней сравнения и существительных в самостоятельной синтаксической позиции (1) и образование степеней сравнения от предложнооформленных существительных (2).

1. Оформление степеней сравнения могут получать существительные в грамматической форме им. или вин. падежа неопределенной формы ед. или мн. числа. Компаративные и суперлативные формы существительных выступают в сочетании со связочным глаголом jam 'быть' и глаголом kam 'иметь'.

Круг существительных, от которых образуются формы степеней сравнения, достаточно широк. Преимущественно это личные имена существительные – названия лиц по роду деятельности, занятий – bej 'бей', bari 'пастух', mjek 'врач' и др.; по свойственному им признаку – trim 'храбрец', frikacak 'трус' и др.; по характеру межличностных отношений – mik 'друг', shok 'товарищ', shoqe 'подруга' и др.; названия животных, птиц в метафорическом употреблении – gomar 'осел', qyqe 'кукушка', majmun 'обезьяна' и др.

Некоторые примеры из литературного языка и разговорной речи (Pp):

Anarkia sociale: këtu s'ka as klas bejleresh, as klas bujkesh, as klas borxhoazie. Bujku është më bej se beu, beu është më bujk, se bujku (LFN: 64). 'Социальная анархия: здесь нет ни класса землевладельцев, ни класса крестьян, ни класса буржуазии. Крестьянин – более бей, чем бей; бей – более крестьянин, чем крестьянин.' Пример из Толкового словаря (Fshs: 1211) – Janë shumë shokë (miq). 'Они очень товарищи (друзья)', сопровождающийся следующим разъяснением: janë shokë (miq) të ngushtë 'они близкие товарищи (друзья).' Jam më mjek se ai, po punën nuk e gjej dot (Pp). 'Я более врач, чем он, а работу не могу найти.' Ai është më shkencëtar, se ju të gjithë (Pp) 'Он более ученый, чем вы все.' Dashka të dalet më kengëtare nga ç'është (Pp). 'Хочет казаться более певицей, чем есть на самом деле.'

inslav

Cilën e ke më shoqe nga këto – bjondën ose me flokë të zeza? – Nuk i kam shoqe, i kam nxenëse. – Po mirë, cilën e ke më nxenëse? 'Которая из них более подруга у тебя – со светлыми волосами или с черными? – Они не подруги мне, они мои ученицы (Pp). – Ну ладно, которая более ученица?' Gomar! Çar gomar qe je! – Po ti më gomar je, je shumë gomar! (Pp). 'Осел! Какой же ты осел! – А ты более осел, ты – очень осел!'

Менее употребительны в форме степеней сравнения предметные существительные. Nga ato jeshillëqe, që na mbetën, ky më jeshillëk është. 'Из парков, которые у нас остались, этот – более парк.' (Pp).

2. Степени сравнения предложнооформленных существительных

Степени сравнения данного типа образуются от предложных форм имен сущствительных отвлеченного значения – me trimeri 'с храбростью', në shqetësim 'в беспокойстве'. Показатели степеней сравнения – më, shumë, предшествуя предложному сочетанию, занимают позицию начального компонента форм степеней сравнения и выделяются ударением – më me trimeri 'более с храбростью', shumë në shqetësim 'очень в беспокойстве'.

Формы степеней сравнения предложнооформленных абстрактных существительных выступают в функции наречия с семантикой признака действия (конструкции 1-го типа) или состояния (конструкции 2-го типа).

Глагольные конструкции 1-го типа. В форме степеней сравнения, обозначающих интенсивность проявления признака действия, абстрактное существительное выступает в неартикулированной форме аккузатива с предлогом me 'с'.

Предложные сочетания в форме степеней сравнения употребляются в составе именной части составного именного сказуемого, а также в сочетании с полнозначными глаголами различных семантических групп – движения, речи, восприятия и др.

Kjo punë është shumë me përgjegjësi (Pp). 'Эта работа очень с ответственностью.' Ajo ecte përpara më me guxim se i shoqi, po dora e vogël i dridhej në dorën e tij. Ndërkaq – ujtë u leshua, në fillim ngadal e pashtaj më me rrembim...

inslav

(Gr1:321). 'Она шла впереди смелее (букв. более со смелостью), чем ее муж, но ее маленькая рука дрожала в его руке. Между тем… хлынула вырвавшаяся вода, сначала она текла медленно, потом стремительно (букв. со стремительностью) понеслась.' Përdoret me pjesëzën më kur pohojmë diçka më me forcë (Fshs: 1211). 'Употребляется с частицей më для усиления утверждения.' Koha u ftoh. Dallgat shtuan intensitetin. Ato filluan të përplaseshin më me fuqi duke spërkatur trupat tanë (Mëhilli: 21). 'Стало холоднее. Волны усилились. Они разбивались о борт более с силой, заливая нас с ног до головы.' Fol një çik më me respect (Pp). 'Говори более с уважением.' Dëgjonte shumë me vëmëndje. (Pp) 'Слушал очень с вниманием.' Sillet me neve pak si më me rezervë, e kuptueshme është more, u bë tashi më me pozitë (Pp). 'Относится к нам как-то настороженно (более с настороженностью), это и понятно, возвысился теперь (стал теперь более с общественным положением).'

В конструкциях 2-го типа формы степеней сравнения предложнооформленных абстрактных существительных употребляются преимущественно в сочетании со связочным глаголом jam 'быть, пребывать'. Абстрактные существительные с семантикой чувства, эмоционального состояния выступают в неопределенной форме аккузатива с предлогом në 'в'.

Është shumë në shqetësim ajo: djalin e ka në Greqi më gjithë nusen, ka shumë që ka ikur – asnjë letër (Pp). 'Она очень в беспокойстве: сын у нее в Греции вместе с невесткой, давно уехал – ни одного письма.' Jemi shumë në dyshim – të ndërtojmë edhe një kat o jo (Pp). 'Теперь мы находимся очень в сомнении – строить нам еще один этаж или нет.' Shiko, je në merak thua, po ajo më në merak është, po mbahet (Pp). 'Слушай, ты беспокоишься, говоришь, а она еще больше беспокоится (находится более в беспокойстве), да держится.' Sot është më në qeif (Pp). 'Сегодня она более в настроении.' Ai është më në gjendje t'a bëj këtë (Gr1:128). 'Он более в состоянии восполнить это.'

inslav

Такого рода конструкции передают варьирование признака с точки зрения глубины испытываемого чувства, переживания, эмоционального состояния.

Значительно реже встречаются случаи употребления форм степеней сравнения существительных с предлогом в составе атрибутивных словосочетаний.

Ishte formuar si skulptor qysh në vitet '55–61 në një nga shkollat më me emër të Europës siç është ajo e Pragës (Drita 1998:3). 'Как скульптор он сформировался уже в '55–61 г. в одной из наиболее известных (букв. более с именем) школ Европы – Пражской школе.' Propozojmë të formohet një përfaqësi e zgjedhur nga disa prej përsonaqliteteve më në zë të letërsisë dhe arteve tona... (Там же: 1). 'Мы предлагаем сформировать представительную группу из числа наиболее известных (букв. более с голосом) деятелей литературы и искусства.' Dua të theksoj se Kongresi i Drejtshkrimit erdhi si një kurorëzim i logjikshëm i një veprimtarje të gjatë të gjuhësisë sonë, të puntorëve më në zë të kulturës e veçanrisht të shkollës kombëtare (Intervistë 2002). 'Хочу подчеркнуть, что Конгресс по правописанию стал логическим завершением огромного труда нашей науки, известных деятелей (букв. более с голосом) культуры и особенно национальной школы'.

В приведенных примерах предложные формы существительных zë 'голос' и emër 'имя' – переносное значение 'известность, слава' (Fshs: 260), получая оформление компаративным формантом më, выступают в функции атрибутивного определения.

Изложенный языковой материал в самом общем виде дает представление об образовании и употреблении форм степеней сравнения существительных в албанском языке. Степени сравнения албанских существительных полифункциональны: они обозначают признак предмета, выступают в функции атрибутивного или предикатного определений – poeti më në zë 'наиболее известный поэт', është më poet 'он более поэт'; в функции наречий, выражая признак действия – flet më me zëmërim 'говорит более с

inslav

раздражением', или состояния – jemi shumë në shqetësim 'мы очень в беспокойстве'.

Полифункциональность форм степеней сравнения существительных, употребляемость в кодифицированном литературном языке и в разговорной речи свидетельствует о том, что данные явления вряд ли можно рассматривать в качестве изолированных в грамматической системе албанского языка.

Проблема изучения категории степеней сравнения имен существительных актуальна в аспекте балканистики. Материалы ряда балканских языков свидетельствуют о том, что образование форм степеней сравнения не ограничивается рамками категории качественных прилагательных и наречий. В сфере существительных формы степеней сравнения представлены в албанском – më poet 'более поэт', румынском – mai copil 'более ребенок', болгарском – по̀ дете 'более ребенок', новогреческом – πιό γάτος 'более кот' (переносное значение – 'более умница'), πιό γάτα 'более кошка' (переносное значение – 'более гуляка')[1].

Можно ожидать, что различие между балканскими языками пройдет по линии охвата данной категорией слов других частей речи кроме качественных прилагательных и наречий. Точкой отсчета может быть болгарский язык, где эта категория имеет "сквозной" характер. Различия между балканскими языками возможно также и в плане соотношения употребляемости форм степеней сравнения существительных в кодифицированном литературном языке и в народно-разговорной речи.

СОКРАЩЕНИЯ

Drita – Drita. Botim i Lidhjes së Shkrimtarëve dhe Artistë ve të Shqipërisë. Tiranë, 1998.

Gr1 1976 – Fonetika dhe Gramatika e gjuhës së sotme letrare shqipe. Tiranë, 1976.

Gr2 1995 – Gramatika e gjuhës shqipe. Tiranë, 1995.

---

[1] Новогреческие примеры, почерпнутые из речи носителей новогреческого языка, предоставлены А. Велигоцкой, преподавателем новогреческого языка филол. ф-та СПбГУ.

inslav

LFN – Ligjeron Fan Noli. Tiranë, 1944.
Fshs – Fjalor i shqipes së sotme. Tiranë, 1984.
Intervistë – Intervistë e gazetarit Afrim Krasniqi (Albania, Tiranë) me prof. dr. Emil Lafe, Kryeredaktor i revistës "Gjuha jonë" dhe Përgjedjes i departamentit të Gramatikës e të kulturës së gjuhës në Institutin e gjuhësisë dhe të letërsisë të Akdemisë së shkencave të shqipërisë. "Albania", Tiranë, 4 maj 2002.
Mëhilli – Spiro Mëhilli. Kur thinjet kujtesa. Tiranë, 2000.
Pp – разговорная речь

ЛИТЕРАТУРА

Асенова П. Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков союз. София, 1989.
Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. Москва, 1981.
Demiraj Sh. Morfologija e gjuhës së sotme shqipe. Tiranë, 1960.

inslav

Л. Я. Гибианский

ЮГОСЛАВИЯ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКЕ НА БАЛКАНАХ В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В обширной исторической литературе о драматическом развитии на Балканах в начальной фазе Второй мировой войны, результатом которого было завершившееся в апреле 1941 г. постепенное подчинение фактически всех стран полуострова (кроме Турции, балканской лишь отчасти) нацистской Германией и фашистской Италией, давно занимает важное место рассмотрение тех аспектов этого развития, что касались столь крупной балканской страны, как Югославия, а особенно политики, проводившейся в отношении нее великими державами. Наиболее результативным в историографии явилось в данной связи изучение германской и итальянской политики и в довольно значительной мере – британской. Что же касалось политики СССР, стремившегося тогда тоже выступать в качестве одного из основных игроков на балканской международно-политической сцене, то хотя и его роль в югославском случае почти неизменно привлекала внимание исследователей, разработка этой темы долгое время оказывалась более чем затруднена в первую очередь недоступностью документов в советских архивах. Положение усугублялось тем, что в югославских архивах часть внешнеполитической документации начального периода войны отсутствовала, будучи утрачена в ходе нападения на страну в апреле 1941 г. и последующей оккупации. В итоге тема, о которой идет речь, затрагивалась в историографии, как правило, лишь в самом общем плане, причем в советской исторической литературе – при произвольно селективном изображении позиции СССР в соответствии с официальной апологетической версией[1]. А в тех буквально единичных работах югославских

[1] Например: История дипломатии. Изд. 2-е / Под ред. А. А. Громыко и др. Т. IV. М., 1975, с. 156-158; Севостьянов П. П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г. М., 1981, с. 227-228;

instaw

и западных авторов, где названной теме уделялось большее внимание[2], это вынужденно делалось без необходимых советских источников, с частичным использованием югославских документов и в значительной мере – косвенных данных, содержавшихся в ставших гораздо раньше доступными для исследования материалах германской, итальянской, американской, британской, венгерской дипломатии.

Новые исследовательские перспективы были созданы начавшимся с рубежа 1980-х – 1990-х годов рассекречиванием прежде недоступной документации советских архивов, ставших затем российскими. Это дополнилось и открывшимся доступом к хранящимся в архиве Гуверовского института материалам, увезенным в 1941 г. в эмиграцию некоторыми югославскими политиками, дипломатами, военными, особенно М. Гавриловичем и Ж. Поповичем, первый из которых был в 1940-1941 гг. посланником, а второй – военным атташе в Москве. Новые документы, часть которых начала и публиковаться[3], стали в той или

Славин Г. М. О советско-югославском Договоре о дружбе и ненападении (1941 г.) // Балканские исследования. Вып. 9: Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984.

[2] К таковым относились прежде всего: Винавер В. Спољнополитичка позадина успостављања југословенско-совјетских дипломатских односа 1940 године // [Матица српска.] Зборник за друштвене науке. Св. 45. Нови Сад, 1966; Он же. Прилог историји југословенско-совјетског политичког зближења 1940-41 године // Историјски гласник (Београд). 1966. Бр. 1; Он же. Југословенско-совјетски пакт од априла 1941 године // Там же. 1973. Бр. 1; Breccia A. Jugoslavia 1939-1941: Diplomazia della neutralità. Milano, 1978; Hoptner J. Yugoslavia in Crisis, 1934-1941. New York – London, 1962.

[3] Можно ли было предотвратить апрельскую войну? (Новые документы о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении 1941 г.) / Публ. подг. И. В. Бухаркиным, О. В. Лозинским // Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 15 (49), 15 авг. 1989 г.; Vujošević U. Prepiska (radiogrami) CK KPJ – IKKI (Jun 1940 -- decembar 1941) // Vojnoistorijski glasnik (Beograd). 1992. Br. 1/3. Некоторые материалы, относящиеся к данной теме, содержатся в документальных публикациях по более общей проблематике: Советско-югославские отношения 1917-1941 гг.: Сборник документов и материалов / Отв. ред. В. В. Зеленин, С. Цветкович. М., 1992 [далее – СЮО]; Коминтерн и

inslav

иной мере использоваться в появившихся за последние полтора десятилетия работах (в том числе и автора данного доклада), где рассматривались различные аспекты отношений между СССР и Югославией и политики Кремля на югославском направлении в начальный период войны[4]. Вместе с тем ситуация в историографии с изучением ука-

вторая мировая война [далее – КВМВ]. Ч. I: До 22 июня 1941 г. / Сост. Н. С. Лебедева, М. М. Наринский. Отв. ред. К. М. Андерсон, А. О. Чубарьян. М., 1994; Документы внешней политики [далее – ДВП]. Т. XXIII: 1940 – 22 июня 1941. Кн. 1. М., 1995; Кн. 2 (Ч. 1, 2). М., 1998; 1941 год: Документы / Науч. ред. В. П. Наумов. Кн. 1, 2. М., 1998; Отношения России (СССР) с Югославией 1941-1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998 [далее – ОРЮ] (сербское издание этой совместной российско-югославской публикации – Односи Југославије и Русије (СССР) 1941-1945: Документи и материјали. Београд, 1996 [далее – ОЈР]).

[4] Волков В. К. Советско-югославские отношения в начальный период второй мировой войны в контексте мировых событий (1939-1941 гг.) // Советское славяноведение, 1990, № 6; Решетникова О.Н. Из истории советско-югославских отношений в начале второй мировой войны // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940) / Отв. ред. Л. Я. Гибианский. М., 1990; Она же. К вопросу о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941) / Отв. ред. Л.Я. Гибианский, С.З. Случ. М., 1992; Cvetković S. Jugoslovensko-sovjetski pregovori 1941 oko zaključivanja ugovora o prijateljstvu i nenapadanju // Vojnoistorijski glasnik. 1991. Br. 1; Idem. Sovjetska prisutnost u jugoslovenskoj politici na početku Drugog svetskog rata // Istorija 20 veka (Beograd). 1995. Br. 1 (обе статьи Цветковича затем переопубликованы в сборнике его работ: Цветковић С. Југославија 1939-1941: совјетска присутности у југословенском политичком животу на почетку Другог светског рата. Београд, 1999); Сиполс В. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной. 1939-1941. М., 1997. С. 285-303; Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Пер. с англ. М., 1999. С. 168-187; Гибианский Л.Я. Югославский кризис начала 1941 г. и Советский Союз // Война и политика, 1939-1941 / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1999; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939-1941 гг. [коллективная монография] / Отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999. С. 405-501 (глава Гибианского «Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз»).

inslav

занной проблематики довольно противоречива. Хотя открывшиеся источники значительно расширяют, а иногда и впервые дают основу для анализа некоторых прежде малоизвестных или вовсе неизвестных сторон упомянутой советской политики, однако, наряду с этим, чем дальше, тем все больше выявляются и весьма существенные моменты, относительно которых возможности исследования оказываются пока серьезно лимитированы. Причиной является ощутимая ограниченность рассекречивания в российских архивах применительно к ряду весьма важных категорий материалов по интересующей нас проблематике, включая и документы, касающиеся выработки и принятия внешнеполитических решений на высшем советском уровне. В докладе, основанном преимущественно на источниках, ставших доступными в последние годы, суммируется, по необходимости кратко, какие аспекты советской политики, проводившейся в отношении Югославии в рассматриваемый период, выясняются из анализа уже имеющихся теперь материалов, а что остается неясным или вовсе неизвестным и может быть исследовано лишь с привлечением других необходимых документов, которыми историки пока не располагают.

***

В отличие, например, от Румынии, Болгарии или Турции, к началу Второй мировой войны Югославия, сравнительно удаленная как от границ СССР, так и от зоны его тогдашних первоочередных территориальных, военно-политических и экономических устремлений, а к тому же почти до середины 1940 г. не имевшая с ним прямых отношений, оставалась во многом вне поля его политики[5]. Однако с развертыванием войны эта не только самая крупная из балканских стран, но и выделявшаяся среди них спецификой ее стратегического положения как единственная на полуострове, граничившая с обеими европейскими державами «оси» – Германией и Италией, стала все в большей

[5] Если, конечно, не считать деятельности подпольной компартии Югославии, направлявшейся из Москвы по каналам Коминтерна.

inslav

мере привлекать внимание Москвы, которая рассматривала Балканы как сферу своих особых интересов. Пока не было дипломатических отношений СССР с Югославией, сведения о ее положении и политике должны были поставлять советские полпредства в соседних с ней государствах. В частности, в первой половине 1940 г., когда систематически появлялись известия о возможном развязывании Италией агрессивных действий против Югославии, полпредство СССР в Риме имело задание присылать в Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) информационные обзоры о различных аспектах итало-югославских отношений и имеющихся проблемах[6]. А как сообщил в начале 1940 г. министру иностранных дел Югославии А. Цинцар-Марковичу югославский посол в Турции И. Шуменкович, в беседах, которые вел с ним и дипломатами из некоторых других стран полпред СССР в Анкаре А.В. Терентьев, давалось понять, что в Москве положительно отнеслись бы к установлению советско-югославских отношений[7]. То, что советская сторона действительно стремилась к этому, было затем ясно подтверждено ее немедленным согласием на последовавшие югославские предложения в конце марта – начале апреля 1940 г. об установлении официальных экономических отношений и заключении торгового договора, а в июне – об установлении дипломатических отношений[8].

Пока отсутствуют документы о том, как принимались в Кремле решения по названным вопросам и из каких непосредственных расчетов в данной связи там исходили. В общем плане нет сомнений в правомерности распространенного в историографии вывода, что советская позиция была обусловлена стремлением к получению возмож-

---

[6] Архив внешней политики Российской Федерации [далее – АВП РФ]. Ф. 144. Оп. 2. П. 3. Д. 11. Л. 1-2; Оп. 2а. П. 3. Д. 2. Л. 1.

[7] Архив Југославије [далее – АЈ]. Фонд 370 (Посланство Краљевине Југославије у Турској). Фасц. 34. Арх. јед. 95, Шуменковић – Цинцар-Марковићу, 8.01.1940.

[8] Об обмене предложениями и ответами на них, происходившем через дипломатические представительства обеих стран в Турции см.: СЮО. С. 308; АЈ. Фонд 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Стр. Пов. Бр. 432, 456, 551, 570, 987, 1051.

instiav

ностей оказать свое влияние на Югославию, воспрепятствовать подчинению ее, как и других балканских стран, державами «оси» и вместе с тем противостоять англо-французскому, а когда Франция потерпела поражение, – британскому воздействию на югославскую политику, равно как в целом на развитие ситуации на Балканах. Однако остается не совсем ясным, что конкретно намечалось предпринять в югославском случае.

Обращает на себя внимание, что В. М. Молотов, тогдашний глава правительства и нарком иностранных дел СССР, с самого же начала своих контактов с официальными югославскими представителями – при встрече 8 мая 1940 г. с делегацией, приехавшей в Москву для заключения экономических соглашений, а затем при первом посещении его 17 июля посланником Гавриловичем – неизменно поднимал вопрос о возможностях урегулирования и установления более тесных югославо-болгарских отношений и достаточно явно выражал советскую заинтересованность в этом. Он делал акцент на тезисе о важности сближения между славянскими народами для противодействия тому, чтобы за счет славян расширялись территории других народов, среди которых прежде всего назвал немцев и итальянцев[9]. Повторявшееся обращение Молотова к этой теме дает основание полагать, что в Кремле тогда раздумывали, в качестве одного из желательных вариантов, над идеей образования некого альянса между Югославией и Болгарией, который был бы как-то связан с СССР, а то и находился бы под эгидой последнего, тем самым способствуя обеспечению советских интересов на Балканах в противовес европейским державам «оси», а также западным державам. Что касалось Болгарии, известно, что еще осенью 1939 г. ей было предложено советской стороной заключить с СССР пакт о взаимопомощи, а в ответ на отклонение этого Софией Москва, не отказываясь от своего замысла, решила подождать до более подходящего момента[10]. И год спустя,

---

[9] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 11. Л. 120-121; П. 28. Д. 364. Л. 1, 5.

[10] Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. Т. I: Ноябрь 1917 – сентябрь 1944 / Отв. ред. Л.Б. Валев, В.

inslav

в ноябре 1940 г., возобновила свою попытку, на сей раз очень настойчиво, как на переговорах Молотова в Берлине, так и в обращении к болгарскому руководству, причем имелось в виду, что Болгария станет частью сферы влияния СССР, вплоть до советского военного присутствия в этой стране[11]. Возможно, в советских верхах, проявляя заинтересованность в югославо-болгарском сближении, рассчитывали, что тем самым удастся в какой-то мере подключить со временем и Югославию к той комбинации, которую Кремль хотел осуществить в отношении Болгарии. Но в документах, которые до сих пор стали доступными для исследования, определенных данных на сей счет не обнаружено. Так же, как нет пока данных и о том, было ли обусловлено единым замыслом или, наоборот, явилось следствием случайного совпадения то любопытное обстоятельство, что генсек Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г. Димитров, наряду с отправкой 25 ноября 1940 г. подпольному ЦК Болгарской компартии директивы инициировать широкую общественную кампанию в поддержку предложения СССР о заключении советско-болгарского пакта о взаимопомощи, послал 30 ноября подпольному руководству Компартии Югославии (КПЮ) директиву поставить в своей пропаганде вопрос о необходимости заключения советско-югославского пакта о взаимопомощи[12].

Выраженная Молотовым советская заинтересованность в югославо-болгарском сближении ставит перед исследователем и вопрос о том, как при этом представляло себе руководство СССР – и представляло ли вообще – возможность урегулирования тогдашних территориальных проблем между Болгарией и Югославией, в основном в Македонии. Из имеющихся документов видно, что при встрече с югославской экономической делегацией 8 мая

Хаджиниколов. М., 1976. С. 464-465, 468-469; ДВП. Т. XXII: 1939 год. Кн. 2. М., 1992. С. 279-280.

[11] ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). С. 31, 61, 70, 76, 109-111, 137-138, 158-161.

[12] О посылке директив см.: КВМВ. Ч. I. С. 454; Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 203; Vujošević U. Op. cit. S. 324.

inslav

1940 г. Молотов ни словом не касался этих проблем, но в беседе с Гавриловичем 17 июля упомянул об их существовании. Причем, согласно советской записи, он в данной связи лишь констатировал, что «Болгария, обиженная после [Первой] мировой войны, была заинтересована в пересмотре статус-кво», имея в виду весь комплекс ее территориальных претензий к соседним странам. Согласно же донесению, полученному в Белграде от Гавриловича, Молотов сказал о «естественности» подобного ее желания, и посланник вынес впечатление, что Москва, возможно, склонна помочь реализации некоторых из таких претензий[13]. Какие бы из сведений ни были точнее, известно, что СССР вслед за тем открыто поддержал территориальные требования Болгарии к Румынии, с которой у него были напряженные отношения и собственные территориальные счеты, а скрытно – к Греции, которую рассматривал как страну, связанную с британской политикой на Балканах. К тому же в греческом случае Москва обусловливала содействие территориальным устремлениям Болгарии согласием последней на заключение советско-болгарского пакта о взаимопомощи[14]. Но что могла предложить советская сторона по поводу спорных территориальных проблем между Югославией и Болгарией, если была заинтересована в своем сближении с той и другой, а также в улучшении югославо-болгарских отношений? Из источников, которые до сих пор оказалось возможным исследовать, не видно, чтобы в Москве анализировался подобный вопрос, а тем более вырабатывалось какое-то решение, как не видно и того, чтобы тема желательности сближения между Югославией и Болгарией, столь настойчиво начатая Молотовым, вообще продолжала затем подниматься представителями СССР перед югославской стороной. А изучение имеющихся югославских документов подтверждает, что об этом больше не было речи.

---

[13] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 28. Д. 364. Л. 5; AJ. Фонд 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Пов. Бр. 1219.

[14] ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). С. 159.

inslav

Если учесть данные обстоятельства, то в итоге возникает впечатление, что упомянутые высказывания Молотова, первоначально воспринятые официальным Белградом всерьез и сразу же вызвавшие там явную озабоченность[15], были скорее импульсивной импровизацией, отражавшей желания Москвы и навеянные такими желаниями умозрительные схемы, нежели выражением сколько-нибудь продуманного плана, который бы опирался на знание и анализ балканских реалий. Впрочем, подобное явление отнюдь не было исключением в тогдашней советской политике на Балканах. Напомним хотя бы, что ведь и названный выше замысел Кремля по поводу Болгарии, получивший гораздо более ясные очертания и даже ставший точкой приложения настойчивых практических усилий со стороны СССР, тоже был построен на желаниях и представлениях, далеких от реальности, ввиду чего потерпел в ноябре 1940 г. окончательное фиаско. Разница состояла в том, что в случае с Болгарией советское руководство не прекращало стремиться к реализации своей идеи, пока на ней не был поставлен крест Софией, ответившей повторным отказом, а попытку воздействовать на Белград в пользу югославо-болгарского сближения быстро прекратило само. Возможно потому, что уже при беседе с Гавриловичем 17 июля Молотов натолкнулся на решительно выраженную посланником позицию, что на данном этапе урегулирование и улучшение отношений Югославии с Болгарией неосуществимо ввиду внешнеполитического курса последней, являвшегося, по оценке Гавриловича, неотвратимо прогерманским[16].

Дело, однако, не ограничилось тем, что советская сторона прекратила начатую было ею попытку инициировать югославо-болгарское сближение. Еще более существенным являлось то, что, если судить как по советским, так и по югославским документам, ставшим до сих пор доступными, с этого времени и, по крайней мере, до начала весны 1941 г. Москва в своих отношениях с Белградом во-

[15] СЮО. С. 324; AJ. Фонд 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Пов. Бр. 858.
[16] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 28. Д. 364. Л. 1-2, 5 (частично опубликовано в СЮО. С. 333).

insiav

обще не стала выступать с какими-либо политическими инициативами. В течение названного периода она лишь тем или иным образом реагировала на имевшие политический характер предложения или зондажи, предпринимавшиеся в контактах с нею югославскими представителями.

Подобного рода шаги, исходившие от югославов, определялись основными целями, во имя которых руководство Югославии во главе с принцем-регентом Павлом Карагеоргиевичем, фактическим правителем страны при еще не достигшем совершеннолетия короле Петре II, было вынуждено, несмотря на свой долгий отказ от признания большевистского режима, само в итоге предложить Советскому Союзу установление отношений. Во-первых, югославская сторона стремилась в какой-то степени заручиться советской политико-дипломатической поддержкой на международной арене перед лицом быстро нараставшей угрозы, которую несла экспансия держав «оси» в балкано-дунайском регионе. Объявив о нейтралитете и пытаясь лавировать между великими державами, чьи интересы перекрещивались на Балканах, Белград надеялся, что советская поддержка может расширить для него возможности такого лавирования. Во-вторых, руководство Югославии, очень обеспокоенное крайне сузившимися возможностями приобретения за рубежом вооружения, необходимого для усиления обороноспособности страны, особенно рассчитывало использовать СССР как новый, не зависящий от Германии и Италии источник снабжения вооружением, а также материалами стратегического характера для нужд армии.

Что касалось первого, то когда с июля 1940 г. началась работа югославской дипломатической миссии в Москве, Гаврилович, а также советник миссии В. Маркович в беседах с руководящими работниками НКИД (Молотовым, его заместителями А. Я. Вышинским, В. Г. Деканозовым, С. А. Лозовским, заведующими некоторых отделов) постоянно стремились, по мере возможности, поставить вопрос о трудном положении своей страны и опасном развитии на Балканах ввиду политики Германии и Италии и выяснить, какова может быть позиция СССР при том или ином кри-

inslav

тическом обороте событий в регионе, а особенно при непосредственной угрозе независимости либо территориальной целостности Югославии. Причем старались подчеркнуть, что сохранение самостоятельности Югославии соответствует геополитическим интересам СССР на Балканах и в зоне Проливов. На эти шаги советская сторона неизменно, хотя иногда в тактически разной форме, реагировала одним образом: уклонялась от ответа[17]. Как видно из документов, помимо недоверия к югославской политике лавирования и подозрений по поводу связи Белграда с Лондоном, главным в такой советской позиции было опасение ангажирования, способного нарушить советско-германские отношения, ставшие результатом договоренностей 1939 г. В установке о линии поведения в отношениях с югославским руководством, посланной 17 октября 1940 г. Молотовым полпреду в Белграде В.А. Плотникову, указывалось, что советское правительство сочувствует делу независимости Югославии, но если речь идет об отношениях СССР с Германией, то, поскольку последняя выполняет августовский договор 1939 г., у советского правительства нет оснований для вмешательства в ее действия[18]. Эта установка приобретала тем большее значение в политике Москвы, что осенью 1940 г., прямо предъявив нацистскому руководству претензии на превращение Болгарии в сферу своего контроля и на свое присутствие в зоне Проливов, советская сторона вместе с тем заняла на переговорах Молотова в Берлине позицию демонстративной сдержанности по поводу Югославии, а также Греции, указывая, что хочет лишь знать, что думает предпринять там «ось», т.е. как бы признавая там приоритет интересов Германии и Италии[19].

---

[17] См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 425-426; Кн. 2 (Ч. 1). С. 24; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 28. Д. 364. Л. 1-5 (частично см. также СЮО. С. 333-334); Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 74, 79, 81-82, 90, 94; Hoover Institution Archives. Collection: Milan Gavrilović Papers (далее – HIA-Gav.). Box 31. Folder 2. Gavrilović – MIP, 22.08.1940.

[18] ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 687.

[19] Там же. Кн. 2 (Ч. 1). С. 31, 76.

inslav

Что же касалось второго из устремлений югославской стороны – получения из СССР вооружения и стратегических материалов, то она стала ставить перед советскими представителями этот вопрос еще при установлении экономических отношений весной 1940 г., а затем в сентябре он был поднят военным атташе Ж. Поповичем при первом же его визите наркому обороны С. К. Тимошенко[20]. С этого визита, во время которого было выражено позитивное советское отношение к продаже Югославии значительного количества вооружения, включая тяжелое – бронетехнику, артиллерию, авиацию, фактически начались переговоры о таких поставках, тянувшиеся с перерывами до февраля 1941 г. При отсутствии доступных советских источников о переговорах, пока можно судить об их ходе лишь на основе материалов, отложившихся в архивной коллекции Поповича[21]. Из этих документов видно, что, несмотря на достигнутые договоренности об объеме, ассортименте, а также способах поставок и неоднократные обещания Москвы начать их осуществление, она так к ним и не приступила, причем, то вообще не давала этому подолгу никаких объяснений, то вдруг задним числом ссылалась на подписание в октябре 1940 г. югославо-германского хозяйственного протокола, а в декабре – югославо-венгерского договора как на признаки отдаления Югославии от СССР, то снова намекала на предстоящие поставки, но опять ничего не делала. Без необходимых советских источников отсутствуют и документальные данные о том, каковы были действительные причины такого поведения. Но, судя по непрерывно высказывавшемуся при этом Поповичу советскими представителями опасению, как бы обязательная тайна поставок не была нарушена при их осуществлении, главным в советской по-

[20] СЮО. С. 315, 324; АВП РФ. Ф. 144. Оп. 2а. П. 3. Д. 2. Л. 5-6; Hoover Institution Archives. Collection: Žarko Popović Papers (далее – HIA-Pop.). Box 1. Folder 12. P. 1-2; Folder 14.

[21] HIA-Pop. Box 1. Folders 18; 21; 23; 24; 26; 27; 28; 30; 32; 33; 35; 36. P. 2-3; Box 2. Folder 28. P. 4-5; Box 3. Folder «Др Гавриловић, Москва». P. 6, 7.

instiv

зиции оставалась боязнь нанести ущерб отношениям СССР с Германией.

Таким образом, несовместимость заинтересованности Кремля в том, чтобы поддержать югославов против давления «оси», с одной стороны, и его же стремления не обнаружить себя перед Берлином в качестве противовеса немцам в Югославии, с другой стороны, приводила в итоге к уклонению СССР как от политико-дипломатического ободрения Белграда возможностью хоть какой-то советской поддержки на международной арене, так и от продажи вооружения для югославской армии. А такое положение объективно способствовало ослаблению позиции Югославии и сужению для нее поля внешнеполитического маневрирования.

Это, в частности, дало о себе знать и в тот момент, когда в феврале – марте 1941 г. давление Берлина резко возросло и достигло критической отметки с предъявлением Белграду фактически ультиматума о скорейшем присоединении к Тройственному пакту. В начале февраля, перед поездкой югославского премьер-министра Д. Цветковича и министра иностранных дел Цинцар-Марковича к Гитлеру, была через Гавриловича предпринята попытка выяснить советскую позицию в связи с происходившим новым витком германского военно-политического наступления на Балканах (наращиванием войск в Румынии и подготовкой к их вступлению в Болгарию) и опасностью, непосредственно складывавшейся для Югославии. Но на вопросы Гавриловича принявший его Вышинский продолжал прежнюю линию, уклоняясь от определенного ответа, в результате чего посланник сообщил в Белград о своем впечатлении, что СССР, несмотря на свою заинтересованность в балканском регионе, пока все еще предпочитает выжидать и не вступать из-за Балкан в прямой конфликт с Германией[22]. Вывод Гавриловича был верен, но подобная информация не могла стимулировать Белград к противостоянию гер-

[22] ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). С. 387-389; Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata. Knj. 2 / Prired. A. Miletić. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1987. S. 62, 74-76.

instav

манскому нажиму. То же касалось и неполучения вооружения из СССР. Оценки о неготовности армии к противостоянию «оси» были выдвинуты как важный фактор, когда югославскому руководству пришлось решать, подчиниться ли требованию о присоединении страны к Тройственному пакту. Можно только гадать, повлияли бы советские поставки на решение или нет, но несомненно, что их отсутствие скорее усиливало тенденцию к принятию диктата Берлина.

Вместе с тем некоторые из имеющихся источников ставят исследователя перед загадкой, не изменилась ли позиция Кремля в начале марта, когда столь важная для СССР Болгария, уступив гитлеровскому нажиму, последовала за Румынией и присоединилась к Тройственному пакту, а Югославия все еще колебалась перед тем, как сделать окончательный выбор. Загадка порождена тем, что, с одной стороны, в телеграфной переписке с Белградом 9-14 марта Гаврилович сообщал, что какие-то – не названные им – советские военные представители дали понять: желательно заключение военного пакта между СССР и Югославией, но с такой инициативой должны выступить сами югославы[23]. С другой стороны, среди ставших доступными советских материалов есть телеграмма Молотова полпредству в Белграде от 14 марта, что всякие слухи по поводу якобы переговоров с югославами о военном союзе – вымысел[24]. Никакие другие документы – ни советские, ни югославские, которые бы подтверждали то, о чем говорилось в телеграммах Гавриловича, не известны. Возникает вопрос, что же достоверно – его ли сообщения или утверждение Молотова.

Еще до того, как стала известна телеграмма Молотова, в историографии при упоминании о сообщениях Гавриловича уже высказывалось сомнение, не были ли они мистификацией, то ли предпринятой им самим, то ли инициии-

---

[23] HIA-Gav. Box 32. Folder 2. Gavrilović, Moskva, 9.03.1941. Str. Pov. Br. 111; OJP. C. 12-15 (не вполне точный перевод на русский язык см. в ОРЮ. С. 9-11).

[24] ОРЮ. С. 11.

instaraz

рованной кем-то в югославских верхах, то ли организованной англичанами, по чьим каналам связи велась часть этой его переписки с Белградом. Целью мистификации называлась заинтересованность в том, чтобы организовать соответствующее обращение югославского правительства к Кремлю, способное, быть может, все-таки побудить СССР к активному вмешательству на Балканах для противостояния Германии, в частности в случае с Югославией, что усилило бы позиции последней перед лицом давления Берлина. Но все версии на сей счет, даже те, что выдвигались довольно безапелляционно, были на самом деле не более чем предположениями, ибо их авторы не располагали конкретными документально подтвержденными данными[25]. Дополнительную загадочность этой истории придавала личность того, кому, согласно сообщениям Гавриловича, анонимные советские военные и сделали упомянутые предложения. Речь шла о Б. Симиче, который не раз фигурировал в историографии как неофициальный югославский эмиссар, приехавший перед тем в Москву. Отставной полковник, некогда являвшийся участником небезызвестной национально-радикальной сербской конспиративной организации «Объединение или смерть» («Черная рука»), а в ходе первой мировой войны и сразу после нее некоторое время находившийся в России, он был в начале 1940-х годов связан с патриотически и славянофильски ориентированными кругами сербских политиков и военных. В историографии постулировалось, хотя и без каких-либо доказательств, что он контактировал с советской военной разведкой[26]. Не раз упоминалось и о его миссии в Москву, однако о ней фактически ничего не было известно: кто, когда и с какой целью его туда послал, что и с какими результатами он там делал.

В некоторых документах, которые оказалось возможным исследовать в последние годы, содержатся крайне

---

[25] Некоторые из версий историографии специально рассматривались нами в: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 446-452.

[26] См., например: Petranović B., Dautović S. Jugoslovenska revolucija i SSSR (1941-1945). Beograd, 1988. S. 16, 28, 41, 43, 49, 95.

inslav

скупые отрывочные сведения, что Симич был секретно послан с неким «специальным заданием» по решению, принятому принцем-регентом Павлом Карагеоргиевичем еще в декабре 1940 г., прибыл в Москву в январе 1941 г. и имел полномочия для ведения переговоров с советским правительством[27]. В чем состояла суть задания, остается неизвестным. О деятельности Симича в Москве тоже никаких конкретных данных пока так и нет. Согласно неопубликованным воспоминаниям военного атташе Поповича, сам Симич говорил тогда, что «имеет прочные связи в высших военных кругах Советской России». Попович считал это выдумкой[28]. Однако из отдельных упоминаний в некоторых ставших известными в последние годы советских документах, относящихся к событиям, которые происходили уже после военного переворота в Югославии, совершенного 27 марта 1941 г. противниками присоединения к «оси», следует, что Симич действительно имел довольно серьезные связи с советской стороной. Так, при подготовке поездки в Москву делегации нового югославского правительства Молотов в телеграфировал советскому полпредству в Белграде 31 марта о желательности включения Симича в состав делегации. А когда, таким образом, в начале апреля тот вновь оказался в Москве, то, помимо переговоров делегации в НКИДе, отдельно встречался с начальником разведуправления советского генштаба Ф.И. Голиковым[29].

Подобные сведения должны скорее свидетельствовать в пользу того, что для советской стороны Симич был лицом, которому и в начале марта могли делать доверительные предложения. Но предлагалось ли через него то, о чем сообщал в Белград Гаврилович, выяснится лишь при обнаружении советских документов, которые бы это конкретно подтверждали, или каких-то югославских либо (если имела место мистификация с английским участием)

---

[27] ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). С. 200; ОРЮ. С. 9; HIA-Pop. Box 1. Folder 58. P. 15; Box 2. Folder 28. P. 5.
[28] HIA-Pop. Box 1. Folder 58. P. 15-17; Box 2. Folder 28. P. 6, 8.
[29] ОРЮ. С. 20; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). С. 531, 532.

inslav

британских документов, которые бы это столь же конкретно опровергали.

Пока же версии как Гавриловича, так и Молотова, каждая по своему, способны внушать определенные сомнения. Так, в случае с телеграммами Гавриловича обращает на себя внимание, что хотя в них фактически ничего не говорилось о тех, кто, по его утверждению, выдвинул негласное советское пожелание, посланник настойчиво рекомендовал своему правительству откликнуться на это пожелание, обратившись к правительству СССР с предложением о заключении военного пакта, а пока не соглашаться на требование Берлина. Вместе с тем он заранее предупреждал Белград, что не исключена возможность отрицательного ответа советского правительства на такое югославское обращение. Данное обстоятельство, учитывая, что Гаврилович являлся решительным противником присоединения к Тройственному пакту, дает основания для подозрения, не были ли сообщения посланника выдумкой, которая была призвана подвигнуть югославское руководство на подобное обращение к СССР и запущена в надежде добиться таким способом либо советского согласия, либо, если получить его не удастся, хотя бы отсрочки принятия Югославией решения, навязываемого Гитлером. Симич, стоявший на тех же позициях, что и посланник, вполне мог быть соучастником подобной мистификации. Что же касается телеграммы Молотова от 14 марта, то следует иметь в виду, что она представляла собой установку, адресованную полпредству в ситуации, когда вслед за первым из упомянутых сообщений Гавриловича, посланным 9 марта, в западных средствах информации появились известия о готовящемся военном союзе между СССР и Югославией. Факт такой утечки сведений, отправленных Гавриловичем в Белград, был отмечен в переписке между посланником и Цинцар-Марковичем[30]. Не известно, была ли утечка случайной или намеренной, а если намеренной, то кем и для чего инспирировалась. Но очевидно, что распространение подоб-

[30] OJP. С. 12-13 (см. также ОРЮ. С. 10).

inslav

ных известий, независимо от того, делалось ли Симичу такого рода предложение или нет, должно было восприниматься советским руководством очень болезненно ввиду его опасения по поводу советско-германских отношений. А это значит, что в любом случае, даже если Симичу соответствующее предложение и делалось, Москва скорее всего оказывалась заинтересованной все отрицать. Установка полпредству в Белграде едва ли могла быть тут исключением.

Выраженная телеграммой Молотова от 14 марта реакция на распространение упомянутых известий позволяет судить о том, как могла повлиять возникшая ситуация на позицию советского руководства по поводу Югославии. Если никакого предложения Симичу не делалось, а оно было выдумано им и (или) Гавриловичем, то власти в Белграде должны были после этих известий выглядеть в глазах Кремля прямым провокатором. Если же предложение действительно имело место, то югославское правительство представало в качестве такого, с которым нельзя вести никаких дел. В любом из этих случаев какие-либо дальнейшие переговоры между Москвой и существовавшим югославским режимом, очевидно, исключались.

Впрочем, Белград предпочел переговоры с Берлином о более приемлемых условиях присоединения к Тройственному пакту, которое в итоге состоялось 25 марта. А для позиции СССР в связи с этим характерны два момента. Во-первых, когда 22 марта, в соответствии с указанием из Лондона, британский посол в Москве С. Криппс и, по его предложению, Гаврилович, действовавший без ведома Белграда, обратились к Вышинскому с запросом, не может ли все-таки правительство СССР как-либо выступить против предстоящего присоединения Югославии к Тройственному пакту, оба – после доклада Вышинского советскому руководству – получили отказ[31]. Во-вторых, в тот же день из

[31] ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). С. 490, 493-494; Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924-1953 гг. / Публ. подг. А.В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев // Историческй архив. 1996. № 2. С. 43;

insla

ИККИ была отправлена радиошифровка генсеку КПЮ Й. Брозу Тито с директивой «занять решительную позицию» против капитуляции перед Германией, поддержать движение за «всенародный отпор» военной угрозе и требовать установления дружбы с СССР[32]. Очевидно, советское руководство решило ориентироваться на организацию широкой внутриюгославской борьбы против правительства и подчинения гитлеровскому диктату. Более того, согласно воспоминаниям П. А. Судоплатова, тогда замначальника разведуправления НКГБ, Москва стала планировать военный переворот в Югославии.

Традиционно считалось, что организаторы переворота, произведенного 27 марта 1941 г., были связаны с британской разведкой. В югославской историографии и публицистике, время от времени появлялись отдельные соображения о том, что советские спецслужбы, возможно, тоже были в курсе подготовки переворота, а то и повлияли в известной мере на нее. Однако никаких конкретных фактов и источников при этом не приводилось[33]. По утверждению Судоплатова, представители советских разведслужб «активно поддержали» переворот в соответствии с решением, принятым Сталиным и Молотовым. Но ни о том, какую конкретную роль советская разведка при этом играла, ни о том, с кем именно она была связана в Белграде, Судоплатов даже не упомянул[34]. Между тем никакие другие источники, в которых бы содержались какие-либо данные о советской причастности к перевороту, не известны. До тех пор, пока не станут доступными советские документы на

HIA-Gav. Box 32. Folder 2. Gavrilović – MIP, 23.03.1941, Str. Pov. Br. 133; Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. I. London, 1970. P. 539.

[32] Broz Tito J. Sabrana djela. Knj. 6. Beograd, 1977. S. 213; Vujošević U. Op. cit. S. 327.

[33] См., например: Petranovic B., Dautovic S. Op. cit. S. 16; Terzic V. Slom Kraljevine Jugoslavije: Uzroci i posledice poraza. 2 izd. Knj. 1. Ljubljana – Beograd – Titograd, 1984. S. 460-461.

[34] Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 136-137; Он же. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. М., 2001. С. 129-130.

inslav

сей счет, судить о действительной степени этой причастности невозможно.

Что же касается советских действий после переворота, то в последние годы база для их исследования существенно расширилась благодаря ряду ставших доступными материалов, главным образом дипломатических. Они позволяют в гораздо большей мере проследить ход советско-югославских контактов, активно развернувшихся после переворота и прихода к власти правительства Д. Симовича.

Из этих документов, в частности, выясняются многие важные моменты того, как шла подготовка к московским переговорам о заключении договора между двумя странами, начало которой было фактически положено встречей 30 марта между руководителями советского полпредства в Белграде с югославским военным министром Б. Иличем. На ней Илич поставил от имени Симовича вопрос о желательности военно-политического союза Югославии с СССР, ибо это, с одной стороны, вынудит Германию и ее сообщников по «оси» воздержаться, хотя бы на время, от нападения на Югославию, а с другой стороны, обеспечит получение необходимого вооружения для югославской армии, в результате чего повысится обороноспособность страны. Уже через несколько часов последовала просьба от Симовича о немедленном назначении представителей обеих сторон для переговоров о заключении договора и практических шагах для быстрой организации переговоров в Белграде или Москве. И на следующий же день Молотов телеграфировал о согласии на немедленное прибытие югославской делегации в Москву[35]. То, что не только югославская, но и советская сторона очень торопилась, свидетельствует об обоюдном стремлении упредить возможное нападение «оси» на Югославию и поставить Берлин перед совершившимся фактом. По той же причине вся подготовка переговоров и сами они шли в обстановке строжайшей секретности. С момента получения Москвой югославского предложения о договоре вся информация по этому поводу,

[35] ОРЮ. С. 17-19, 20.

inslav

в отличие от обычной практики рассылки узкому кругу членов Политбюро (так называемой «пятерке»), стала поступать лишь Сталину и Молотову, а также отряженному для переговоров с югославами Вышинскому[36]. Весь остальной состав Политбюро познакомили лишь 4 апреля с уже выработанным текстом договора, т.е. в тот же день, когда договор должен был быть подписан и когда о нем было сообщено Молотовым германскому послу в Москве[37].

При характеристике той позиции, которую занимало советское руководство, пойдя на переговоры с югославами, в историографии была распространена версия, будто в ответе Молотова о согласии на прибытие югославской делегации в Москву говорилось о готовности к заключению военного союза, а на самих переговорах советская сторона изменила свою позицию, предложив лишь договор о дружбе и ненападении. Однако доступный теперь текст этой телеграммы Молотова свидетельствует, что там вообще не упоминалось, о чем будут вестись переговоры. На самом деле Кремль оставлял себе руки свободными, чем и воспользовался, когда начались переговоры: отверг представленные югославами проекты договора о дружбе и военного соглашения[38], предложив взамен комбинацию, предусматривавшую заключение лишь договора о дружбе и ненападении, но с одновременной негласной договоренностью о снабжении югославской армии вооружением. Рассекреченные советские записи переговоров, а точнее – бесед, которые вел Вышинский с членами возглавлявшейся Гавриловичем югославской делегации 3-5 апреля[39], вместе с телеграфными донесениями, посылавшимися Гавриловичем в Белград[40], дают довольно полную картину того, как именно все происходило, как югославские участники приняли это

[36] ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). С. 510, 511, 512, 514, 516, 531; Можно ли было предотвратить… . С. 56.
[37] ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). С. 515, 516, 518.
[38] Оригиналы проектов см.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 13. Д. 77. Л. 1-5.
[39] ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). С. 514-515, 516-518, 531-532.
[40] HIA-Gav. Box 32. Folder 3. Gavrilović – MIP, 4.04.1941, Str. Pov. Br. 169, 170.

instav

без возражений и как затем согласились даже тогда, когда советская сторона изменила свой собственный проект договора, понизив предусмотренные в нем обязательства вообще до уровня нейтралитета. И как лишь чуть позже, спохватившись, югославская делегация заняла позицию несогласия с формулой о нейтралитете, ввиду чего подписание договора, намеченное Кремлем на вечер 4 апреля, пришлось отложить, а состоялось оно только под утро 6 апреля.

Поскольку в итоге советское руководство пошло на то, чтобы договор был подписан в варианте, где отсутствовала формула о нейтралитете, в историографии, главным образом под влиянием Дж. Хоптнера, который ссылался на сведения, будто бы сообщенные ему Гавриловичем[41], получила хождение версия о том, что к этому Кремль вынудила неуступчивость Гавриловича, в противном случае категорически отказывавшегося от подписания.

Между тем в служебной справке, составленной по следам событий заведующим отделом НКИД Н. В. Новиковым и излагавшей как результаты телефонных переговоров Вышинского и Новикова с Гавриловичем 5 апреля, так и обстоятельства самого подписания договора, говорится, что, хотя посланник действительно долго упорствовал, однако ночью с 5 на 6 апреля все-таки согласился на подписание даже варианта с формулой о нейтралитете. Но этого не пришлось делать, ибо вслед за тем Сталин и Молотов заявили об исключении упомянутой формулы[42]. Если советское решение прибегнуть к ней было обусловлено опасением, как бы не обострить отношения с Берлином до слишком опасного уровня, то причины отказа от нее не совсем ясны. В телеграмме Вышинского полпредству в Белграде отказ объяснялся как намерением не создать впечатления, что если Югославия подвергнется нападению, то СССР умоет руки, так и решением учесть пожелания югославского правительства[43]. Но для уточнения того, как бы-

[41] Hoptner J. Op. cit. P. 278-280.
[42] ОРЮ. С. 33-34.
[43] Там же. С. 32.

inslav

ло дело в действительности, необходимы отсутствующие пока у исследователей рабочие документы советского руководства или НКИДа, которые бы непосредственно отражали процесс принятия этого решения и его мотивы.

Однако еще важнее вопрос о том, какие цели вообще преследовало заключение договора с Югославией с точки зрения основных в тот момент внешнеполитических устремлений Кремля. Но никакие документы советского руководства, в которых бы раскрывались его планы на сей счет, до сих пор не известны. И это порождает в историографии различные версии, не имеющие достаточно бесспорной источниковой базы. По утверждению Судоплатова, в планы Сталина входило установление взаимодействия Югославии и Греции против Германии и Италии, которое задержало бы и продлило военные операции «оси» на Балканах, отсрочив таким путем надвигавшееся нападение на СССР[44]. Проверить эти сведения пока невозможно. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что 5 апреля Вышинский с ведома советского руководства, вопреки всей прежней политике Москвы, посоветовал югославам пойти на получение британской военной помощи[45]. Значит ли это, что Кремль оказался заинтересован, чтобы военная операция в Греции при поддержке англичан в итоге распространилась и на Югославию? Рассчитывал ли он, что это на время отодвинет германское нападение на СССР? Или хотел, как полагают некоторые авторы, путем осложнений для Германии на Балканах вынудить Гитлера к новым переговорам с Москвой и новому советско-германскому соглашению? Подобные вопросы вряд ли могут быть решены без исследования новых, необходимых для этого, но пока отсутствующих источников.

Но каковы бы ни были расчеты Сталина, они оказались нереальными, что и продемонстрировала начавшаяся почти в те же ранние часы 6 апреля 1941 г. гитлеровская агрессия против Югославии.

---

[44] Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. С. 136-137.
[45] ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). С. 532.

inslav

Yugoslavia in Soviet Balkan Policy at the Initial Stage of World War II

This paper, devoted to the period before the Axis' attack against Yugoslavia in April 1941, is primarily based on the study of new sources or those insufficiently studied earlier. The sources show that in the situation after the outbreak of World War II Yugoslavia, which had proclaimed neutrality, immediately became the object of close Soviet interest. In their desire to prevent the Axis domination in the Balkans and to affirm their own influence in the region the Soviets were interested in closer relations with Yugoslavia and in rendering assistance to it in order to bar the way to German-Italian expansion. However, the Kremlin sought to attain these goals simultaneously with, first, maintaining Soviet-German cooperation based on the 1939 agreements and, second, opposition to Yugoslav-British relations (just as in general to Britain's influence in the Balkans). That gave grounds for controversy in the Soviet stand both on the whole with respect to the Balkans and directly in relations with Yugoslavia. Serving as an example of the fact were the fruitless Soviet-Yugoslav negotiations on the sale to Yugoslavia of Soviet arms which were held in the period from September 1940 to February 1941. On the basis of new documents the Soviet stand is researched in connection with Yugoslavia's accession to the Tripartite Pact, with the coup of March 27, 1941, and with the Soviet-Yugoslav negotiations of April 1941 which led to the ineffective treaty of friendship and non-aggression.

inslav

А. Х. Гирфанова

БАЛКАНСКАЯ ТОПОНИМИКА ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Не раз отмечалось, что «областью, где пребывание тюрок на Балканах оставило глубокий след, является ономастика, как антропонимия, так и топонимия...» (*Kazazis* 1969: 101). Еще Г. Штадтмюллер подчеркивал необходимость исследований по исторической географии бывших оттоманских территорий на Балканах: Албании и Эпира, Боснии и Вардара, Восточной Болгарии и Фессалии – одного из важнейших турецких «чифликов» в Греции (*Stadtmüller* 1939: 23). Спустя тридцать лет Д. И. Георгакас отмечал сохраняющуюся актуальность этой задачи (*Georgakas* 1967: 183-184). Так как турецкие названия были в основном заменены в новое время славянскими, румынскими, греческими, то источниковедческой базой для изучения тюркской топонимии балканской зоны, по мнению Георгакаса, остаются картографические и официальные источники XIX в. (там же: 185). Во второй половине XX в. болгарскими лингвистами была издана серия полевых описаний географических названий по отдельным административным территориям, в которых исследовались также топонимы турецкого (и тюркского) происхождения, в том числе замененные. Обращалось внимание и на плодотворность приложения балканистики в целом к тюркскому материалу (ср.: *Friedman* 2003)[1]. Однако антиосманские настроения, особенно устойчивые в балканских странах, долгое время сдерживали оценку влияния тюркских этносов эпохи средневековья и Османской империи на языки и культуру балканских народов.

Бесспорное для лексикографической практики указание Н. Борецкого, что слово «...только тогда может быть обозначено как заимствование из определенного языка, когда оно взято прямо из этого языка без опосредования

---

[1] Статья В. А. Фридмана посвящена памяти Костаса Кадзадзиса (15 июля 1934 – 23 дек. 2002).

inslav

иным языком» (*Boretzky* 1975. 1: 133-134)[2], неприменимо, когда речь идет об оценке характера функционирования балканских тюркизмов в целом. Не всегда можно разграничить и собственно османизмы от более ранних тюркских форм. Поскольку они воспринимались чаще всего на слух и от носителей «иных языков» (южнославянских, восточнороманских, греческого, албанского), то вряд ли могут быть установлены строгие правила фонетических соответствий между тюркскими и иноязычными формами. Такую задачу еще более усложняет то, что между собой взаимодействовали разные диалектные системы, а не литературные языки с относительно упорядоченными правилами произношения. Поэтому целью наших разысканий является не столько поиск первоисточника рассматриваемой ономастической лексики, сколько культурно-исторические аспекты взаимодействия разноязычных групп населения в Юго-Восточной Европе. Участие тюркских этносов в этом процессе, на наш взгляд, оказалось столь же решающим, как и воздействие римской (и романской), греческой (византийской) и славянской традиций (ср.: *Сухачев* 2001: 302). Широко известны лексические балканизмы тюркского происхождения в сфере скотоводства, названиях одежды, административной и фискальной терминологии и др. Можно привести и менее очевидные изоглоссы, охватывающие и ономастические формы, например: тур. ***ada*** «остров», болг. *ада*, серб. *ада*, хорв. *ada*, алб. *had* (то же) и рум. *Adomireasa*, *Aldumireasa* (при тур. *miri* «казенная земля, надел» с явным переосмыслением двусоставного топонима в духе народной этимологии)[3], болг. *Ададжик*, *Адакёй*, *Адакуз* и др.; тур. ***ancak*** «только», «тем временем», арум. *angeac* «наконец», болг. (уст.) *анджак* «но, однако», «именно», алб. *anxhak* «только», «тем временем», при болг.

---

[2] Поэтому нельзя применительно к балканским языкам говорить, например, об арабизмах или иранизмах – это турцизмы, хотя не исключена возможность обнаружения иранизмов скифского происхождения.

[3] При этом румынский подключается к данной изоглоссе только на уровне топонимии.

insitv

антропониме *Анджекците* и топониме *Анджековци*, которые скорее сопоставимы с генонимом *анджоглу* (кыпчаги); тур. ***göl*** «озеро», рум. *ghiol* (то же), болг. *гьол* «озеро», « пруд», « лужа», серб. (диал.) *ħол*, «озеро», алб. *gjol* (то же) при множестве топонимов (особенно в Болгарии и Румынии)[4].

Для большинства «степных народов» Балканский полуостров и Придунайская равнина стали своеобразным тупиком, где оседали все новые группы кочевников, вытесненные из Причерноморья очередными пришельцами с Востока. Среди них преобладали тюркские племена, приникавшие и в пределы Византийской империи. После падения в 945 г. арабского халифата Аббасидов на ее юго-восточной границе – в Передней Азии – формируется Сельджукская империя, чьи владения простирались вплоть до современного Туркменистана. К 1071 г. часть малоазиатских территорий Византией была утрачена. Вместе с возвышением династии Османов в конце XIII – начале XIV вв. начинается турецкая экспансия на Балканский полуостров. Первый набег на Болгарию турецкие отряды совершают в 1352 г., к 1364 г. она теряет большую часть своих владений во Фракии. В 1389 г. на Косовом поле сербско-боснийское войско во главе с князем Лазарем было разбито превосходящей ее почти вдвое армией султана Мурада I, и Сербия становится вассальным владением. Расширение границ Османской империи продолжается на протяжении всего XV в. Вне ее влияния оставались далматинские города-коммуны, находившиеся под протекторатом Венецианской республики (*История*... 1992: 364). В 1431 г. в составе вилайета Румелия, включавшем все балканские владения турок, были образованы санджаки Албания и Дибр. В 1453 г. турки ворвались в Константинополь и Византия перестала существовать. С этого времени турецкое (османское) влияние на язык и культуру славянских, восточнороманских и албанского народов становится более интенсивным и целенаправленным, что

[4] Гидроним *Gjole*, р-ны Тепелина и Круя, пр. р. Ишем (*Ishëm*), Р. Элси соотносит с алб. *gjol* (*Elsie* 1994: 14).

inslav

вызывало не только ответные сопротивления, но и консолидацию национальных культур.

К этому моменту тюркоязычные этносы, проникавшие на Балканский полуостров, в Дакию и Паннонию уже с конца IV в. (вместе с гуннами), в основном уже были ассимилированы оседлым населением. В языковом отношении наиболее древняя хуннская (гуннская) волна кочевников занесла на Балканы тюркские племена, родственные булгарам и хазарам, консолидировавшимся в Причерноморских степях уже после распада гуннского царства. В VI-VII вв. на южнодунайские территории проникают булгары. На первоначальный огузо-булгарский субстрат затем наложилась вторая волна степных кочевников – северных и западных огузов. Третья волна представлена кыпчаками (половцами или куманами), покорившими булгар и хазаров, а также печенегов, торков и берендеев. Топонимы от этнонима *куман* распространены от Албании (ср. *Комани*, р-н Пука) до Болгарии, охватывая на севере Венгрию. Древние тюркские названия, бытовавшие на Балканах, позже оказались «затемнены» османскими формами (южноогузскими), а последние уже во второй половине XIX и в XX в., в свою очередь, заменялись на греческие, славянские, романские формы. Так, название болгарского села *Гърчи* «греки» пришло на смену турецкому *Румлар* букв. «византийцы», придунайское с. *Картал* в южной Бессарабии стало называться *Орловкой*; много таких переводов в Добрудже, где сохранялось тюркоязычное население, ср.: *Nuntaşi* «свадебные гости» (бывшее *Dügünçü*), «торжище, ярмарка» (*Pazarlic*), *Băneasa* «денежное (село)» (*Paraköy*), *Gălbiori* «желтоватое» (*Sarıca*), *Credința* «вера» (*Sofular* «благочестивые»), *Corbu* «ворон» (*Kargalık* «воронье место»), *Cetatea* «крепость» (*Hasarlık*) и др. (*Mahmut* 1978: 261-264).

На недооценку роли печенежско-куманского «суперстрата» в этногенезе болгар обращал внимание М. Москов (*Москов* 1962). Поскольку в конечном счете речь идет о печенежско-половецкой составляющей так называемых «протоболгар» и о влияниях языка печенегов и половцев на

inslav

собственно болгарскую речь (как и на другие балканские языки), то целесообразо разграничивать вопрос о древнейших тюркизмах в болгарском лексиконе, т. е. печенежско-булгарский страт и проблему древнейших заимствований в балканских языках, вобравших в себя какое-то число печенежско-кыпчакских древних тюркизмов, а также среднетюркские элементы половецкого (куманского) происхождения. И первый, и второй слой ранних заимствований из тюркских языков в балканские мог подвергнуться впоследствии «отуречиванию», но и турецкие диалекты Румелии могли сохранять следы воздействия или лексические реликты северноогузского и кыпчакского типов.

Куманы – от тюрк. *qumap* «желтый, бледный» – самоназвание половцев (см.: *Баскаков* 1984: 48). Проникновение небольших групп куманов в центральные районы Балкан И. Шютц относит к XII в. Часть куманов расселил в центральной Венгрии Стефан II (1114–1141). Под давлением монгольских орд в XIII в. из причерноморских степей на Балканы проникает очередная волна куманов, которые оседают от Трансильвании до Фракии и Македонии. Именно в это время около 40 тыс. семей мигрировали в Венгрию, где получили особые права, а венгерские короли приняли титул *rex Cumaniae*. К югу от Будапешта возникли так называемые Великая и Малая Кумания. Впоследствии куманы в основном ассимилировались среди славяноязычного и романоязычного населения Балкан.

И. Шютц относит к куманским заимствованиям такие слова как *душман* «враг» (в болг., сербохорв., алб., рум. языках) или рум. *arcan* «аркан», *capcană* «капкан», обычно рассматриваемые как турцизмы. Некий «валах» *Kuman* упоминается между 1222–1228 гг. среди крестьян, прикрепленных королем Штефаном к монастырю Жиче, к XIV в. относятся упоминаемые сербскими источниками «валашские» фамилии *Komani*, *Komanic* (там же). Значительный пласт топонимов, отражающих этноним *куман* и соответствующий антропоним обнаруживается в Румынии: *Comani*, *Comana*, *Comanița* и др.; в районе

inslav

Телеормана и на сопредельных территориях отмечены гидронимы *Comanica*, *Comanița*, ороним *Coman*. В Болгарии с куманами связаны топонимы: *Команец* – от личного имени *Коман* (давшего фамилии *Команци*, *Команови*), *Команов трап*, *Куманичево*, *Куман дол*; *Коман* (*Комън*) гидроним *Команска река* и др. (подробнее см.: *Гирфанова*, *Сухачев* 1994).

Антропоним *Komani* известен и албанцам. Он отмечен среди албанцев Призрена и Гяковицы в Косово, которые считают это имя исконно албанским. С куманами И. Шютц связывает также фразеологизм «Ik, more, koman» – «Убирайся, куман», который не поддается объяснению (ср.: *Schütz* 1986: 293). Около нынешнего г. Приштины в XIV в. существовало с. Куманово, к тому же времени относится упоминание с. Куманово близ г. Призрена (там же: 293-294). С куманами могут быть связаны и албанские патронимы Dermani, Shishmani, Ivmani (1485 г.), если судить по тому, что в соответствующем турецком источнике, относящемся к Шкодрскому санджаку, владельцы-мусульмане выделены особо (там же: 296). И. Шютц считает куманским по происхождению также название с. *Алтин* близ г. Шкодры, принявшее впоследствии османский облик – *Алтин-или нахийе* (1485 г.) (там же: 205). С этим селом, предположительно, связан микротопоним *Lugaltini*, т. е. «Золотая долина» при алб. *lugë* «ложбина, долина» и тюрк. *altin* «золото, золотой». В качестве куманских трактуются автором названия ряда населенных пунктов: *Boshuçi* (тюрк. *bosh* «пустой» + *uç* «предел, округ»; *Bugjani* (тюрк. *bu* «эти (здесь) + *gani* «обилие»), *Orhanje* (тюрк. *or* «плотина» + *hanje* «окрестности чего-либо») и др. С формантом *koman* И. Шютц сближает даже названия типа алб. *Komarani* или рум. *Comarnic* (со слав. суфф. *-nic*), болг. *Комарево*, допуская в них переход *n* > *r* (там же: 296), отмеченный в некоторых румынских и арумынских говорах, а также в албанском языке.

Не следует преувеличивать долю тюркского элемента (включая османские названия) в балканской топонимике. Сербские ареалы, как и греческие, венгерские, албанские,

inslav

как правило, сохраняли исконные названия. Имена тюркского происхождения не превышают 3-4 % даже в самых «потуреченных» районах Болгарии, встречаются намного реже по мере продвижения на запад, практически исчезая даже в исламизированных Боснии и Герцеговине, не очень многочислены они и в Албании. С другой стороны, в Косово обнаруживаются тюркизмы, которые могут быть отнесены к куманскому наследию (*Schütz* 1986). При этом их турецкое происхождение оспаривается только на основании хронологического критерия – слово отмечено до начала османского завоевания Балкан. Среди географических названий Румынии, за исключением Добруджи (где в XIII в. осели сельджуки), процент турцизмов (османизмов) минимален, но в нижнем Подунавье прослеживается заметный печенежско-куманский пласт гидронимов на *-ui* (кум. *uí* «долина; река» (*Conea*, *Donat* 1958). При активном усвоении тюркской лексики всеми балканскими языками многие названия в качестве турцизмов (или тюркизмов) не воспринимаются. Чаще всего оформление и осмысление топонимов требует объяснений по принципу так называемой множественной этимологии, т. е. говорит о постоянном взаимодействии и смешении формы и значения слов в условиях многоязычия.

Какой-то пласт тюркских названий, по-видимому, может быть выявлен при обращении к микротопонимии, что требует полевых обследований. По своему показательны гидронимы, если иметь в виду древнетюркские элементы (доосманские). Так, в подробном исследовании гидронимики Албании (*Elsie* 1994) можно обнаружить следующие названия, для которых нам представляется допустимым поиск тюркского источника[5] (здесь даны только соответствия в турецком языке):

Arrëz, р-н Пука, пр. р. Фани и Мати, также н. п., возводится к алб. *arrëz* «ореховая роща», но ср. тур. *ariz* «широкий», *ariza* «пересеченная местность»;

[5] Из 282 гидронимов Р. Элси только два считает турецкими по происхождению, но отмечает что 105 названий остаются неопределенными.

instiav

Barmash, р-н Коленя, пр. р. Ленгатица (Lengaricë ?) и Вьоса, также н. п., возводится к алб. *i bardhë* «белый», ср. тур. *barımak* «охранять, защищать», *barınmak* «находить приют, кров»;

Bastar, р-н Тирана, пр. р. Теркуза, Гёле и Ишми, также н. п., без этимологии, ср. тур. *bast* «простирание, распространение»;

Batër, р-н Мати, впадает в оз. Ульза (Ulzë), также н. п. *B. e Madhe*, *B. e Vogël*, без этимологии, ср. тур. *batir* «батыр», *batirmak* «разорять», но и «погружать, топить», перен. «грязнить», *batmak* «погружаться»;

Berishë, р-н Пука, пр. р. Дрин, также н. п. и геноним *Berişa*, слав. этимологию см. в: Ylli 2000: 89, ср. тур. *beri* «эта сторона (ближняя)», *beriki* «находящийся на этой стороне»;

Bilisht, р-н Корча, пр. р. Деволи и Семани, также н. п., слав. этимологию см. в: Ylli 2000: 90, ср. тур. *bileşik* «составной, сложный», *bileşim* «соединение»;

Bishçukas (Kanal i Bishçukasit), р-н Люшня, впадает в Адриатику в 2-х км южнее Шкумбини, также н. п. (ранее в написании *Bishtçukas*), возводится к алб. *bisht* «хвост» и *çuk* «горная вершина» (т. е. «stream at the end of the peak»), ср. тур. *biş*, *beş* «пять» и *çukur* «углубление, котловина»;

Bulqizë, р-н Дибра, пр. р. Дрин, также н. п. *Bulaç* и др., возводится к алб. *bulë* «завязь (о растении); капля», ср. тур. *bulak* «родник, источник»;

Bytyç (также *Bytuç*, *Bityç*), р-н Тропоя (бывш. Байрам Кури), пр. р. Скатина и Дрин, также геноним *Bytyçi*, без этимологии, ср. тур. *bitük* «крепкий» (ср. р. *Битюг*, л. пр. Дона);

Çajë, р-н Кукес, пр. р. Дрин, также н. п., возводится к алб. *çaj* «раскалывать, разделять» (т. е. «river wich cleaves its course») и ставится под сомнение связь с тур. *çaj* «речка, ручей», указанным И. Дуридановым для макед. гидронима Čaj (пр. р. Вардар);

Çatishte, р-н Гирокастра, пр. р. Суха, Дрино и Семани, также н. п., без этимологии, ср. тур. *çat* « место слияния двух рек»;

inslav

Çemericë, р-н Корча, пр. р. Деволи и Семани, также н. п., вслед за А. М. Селищевым возводится к слав. *чемерица* (ягода), ср. тур. *çemrek* «подвижный, юркий»;

Dibërr, р-н Лежа и Мирдита, пр. р. Фани и Мати, также ойконим *Dibërr*, *Dibrri*, возводится к слав. **dьbrь*, см. ст.-слав. *dьbrъ* «долина, ущелье», ср. тур. dübür «задняя часть чего-л.»;

Dush, р-н Пука и Шкодер, пр. р. Гомсикя и Дрин, ***Dushai***, р-н Дибра, пр. р. Зали-и-Булькиза и Дрин, также н. п. *Dush*, *Dushnezë* (р-н Пука), *Dushaj* (р-н Дибра), *Dushar* (р-н Корча) и *Dushnik* (р-н Берат), слав. этимологию см. в: Ylli 2000: 108-109, ср. тур. duş «плечо»;

Gërman (Zalli i Gërmanit), р-н Мати, впадает в оз. Ульза, также н. п., возводится к алб. *gërmon* «копать, рыть» и gërmit «*подтачивать*», ср. тур. *germek* «удлинять, тянуть» и *germen* «крепость»;

Gjazui, р-н Лежа, пр. р. Дибри, Фанья-и-Мати и Мати, также н. п., возводится к алб. *gjazë* «произрастать на лугу» , ср. тур. *gezer* «подвижный»;

Karkanjoz, р-н Берат, пр. р. Осуми и Семани, также н. п., без этимологии, ср. тур. *kark* (*gečit*) «извилистая (река)»;

Sarasel, р-н Гремши и Берат, пр. р. Ляпардица, также н. п. *Sarasel* (р-н Гремши), *Sarandë* (р-н Саранда), залив *Sarandë* и др., ср. тур. sarı «желтый» и «запад» (по цветовой символике);

Unjë (*Ujë*), р-н Мирдита, впадает в оз. Ульза, также н. п., вместе с серб. топонимом *Ujëmir* (Косово) возводится к славянскому личному имени, но ср. кум. *uí* «долина; река».

Отмечу в заключение, что исследованию топонимики (и шире – ономастики) албанские ученые уделяют большое внимание, как подчеркивает в своей монографии «Ономастика и этнолингвистика» проф. Г. Шкуртай (*Shkurtaj* 2001). В 1966 г. в Тиране был опубликован специальный «Вопросник по сбору албанской топонимии», составленный М. Доми и Г. Шкуртаем. Заметной вехой в албанской ономастике стал симпозиум, созванный Институтом албановедения в г. Приштине (25-27 февраля 1977 г.). Г.

inslav

Шкуртай особо выделяет основополагающие работы Э. Чабея и И. Айети, высоко оценивает вклад М. Доми, А. Косталлари, К. Люки и П. Даки в изучение ономастической лексики. Серия работ по албанской топонимии стала базой для последовавших выводов об автохтонном характере албанского населения на занимаемой территории, она показала тесную связь ономастики с историей албанского языка. К числу таких работ относится несколько проблемных статей С. Мансаку (например, «Автохтонность албанцев в свете данных древней топонимии»). Заслуживают внимания наблюдения проф. Р. Исмайля, содержащиеся в таких его исследованиях, как «Некоторые вопросы албанской ономастики средневековья» и «О некоторых топонимах южной Сербии и северной Македонии». Интересные результаты обсследования топонимики Черногории излагаются в книге Р. Ушаку «Ульцин на протяжении веков» (*Ushaku* 1991). Весьма ценными представляются труды проф. М. Халими и проф. К. Мурати по ономастике Косова и Македонии (1993). На протяжении ряда лет изучением албанской топонимики занимается Ч. Бидоллари.

В свое время албанскую топонимику рассматривали такие ученые как Г. Майер, Н. Йокль, П. Кречмер и др., но их интересовали прежде всего исконные албанские названия или палеобалканская субстратная лексика (иллирийская, фракийская и т. п.), в то время как изучению топонимики тюркского происхождения внимание практически не уделялось. Из известных нам работ можно упомянуть статью В. Бухараи «О надписях в крепости Эльбасан», где рассматривается также происхождение этого названия (*Buharaja* 1967).

ЛИТЕРАТУРА

Баскаков Н. А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика / Отв. ред. А. Т. Кайдаров. Алма-Ата, 1984. С. 48-77.

Гирфанова А. Х., Сухачев Н. Л. Заметки по балканской топонимии тюркского происхождения (Валахия, Кумания) // Кунсткамера: Этнографические тетради (СПб.). 1994. Вып. 5-6. С. 156-172.

История Европы. Т. 2. Средневековая Европа / Отв. ред. Е. В. Гутнова, З. В. Удальцова. М., 1992.

inslav

Москов М. Към въпроса за печенежско-куманския суперстрат в български език // Известия на Института за български език. 1962. Кн. 8. С. 150–161.

Сухачев Н. Л. «Миорица» (фрагмент восточнороманского эпоса) // Studia Linguistica et Balcanica. Памяти А. В. Десницкой (1912–1922) / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2001. С. 283-304.

Boretzky N. Der türkischen Einfluss auf das Albanische. Wiesbaden, 1975-1976. T. 1-2 (Albanische Forschungen. 11-12).

Buharaja V. Rreth mbishkrimevet të fortesës së Elbasanit // Studime historike. N 1. 1967. Tiranë. F. 85 – 102.

Conea I., Donat I. Contribution à l'étude da la toponymie petchénèguecomane de la plaine roumaine du Bas-Danube // Contribution onomastiques, publ. à l'occasion du VI Congrès international des Sciances onomastiques à Munich du 24 au 28 Août 1958. Bucarest, 1958. P. 139-169.

Domi M., Shkurtaj Gj. Pyetësor për mbledhjen e toponimisë shqiptare // Dialektologjija shqiptare (Tiranë). 1996. N 6.

Elsie R. Hydronimica Albanica. A Survey of River Names in Albania // Zeitschrift für Balkanologie. 1994. Jg. 30. N 1. S. 1-46.

Friedman V. A. From orientalism to Democracy and Back Again: Turkisms in the Balkan Languges // В поисках ориентального на Балканах. Античность. Средневековье. Новое время / Редколл. И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М., 2003. С. 61-64 (Балканские чтения 7. Тезисы и материалы).

Georgakas D. Place names of Southwest Peloponessus. Minneapolis, 1967.

Iordan I. Toponimia românească. Bucureşti. 1963.

Mahmut E. Structura numelor topice turceşti medievale din Dobrogea // Limba română. 1978. An. 27. N 3. P. 259-266.

Shkurtaj Gj. Onomastikë e etnolingvistikë. Tiranë. 2001.

Schütz I. Les contacts médiévaux albano-comans reflétés par l'onomastique de Kosovo // Acta orientalia Academiae Scientarum Hungaricae. 1986. T. 40. P. 293–300.

Stadtmüller G. Osmanische Reichsgeschichte und balkanische Volksgeschichte // Leipziger Vierteljahrschrift für Südosteuropa. 1939 Bd 3. S. 23-40.

Ushaku R. Ulqini në gjurmët e shekujve. Ulqin, 1991.

Ylli Xh. Das slavische Lehngut im Albanischen. 2.T. Ortsnamen. München, 2000.

inslav

А. В. Жугра, Л. Н. Каминская

ЛАТИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В АЛБАНСКОМ
(к истории семантического развития лат. *faciēs* – алб. *faqe*)*

Проблема латинских элементов албанского языка ставилась и разрабатывалась в разных аспектах, – это выявление лексического состава заимствованной лексики, определение путей фонетической и морфологической адаптации латинизмов, выяснение соотношения албанских латинизмов с лексикой романских языков. В меньшей мере эта проблема исследовалась в семантико-семасиологическом плане. В докладе предпринимается попытка рассмотреть некоторые аспекты семантического развития лат. *faciēs* в албанском языке.

Лат. *faciēs* (производное от глагола *facio* 'делать') обладало целым рядом значений, объединенных прежде всего общим признаком – указывать на внешний, наружный (доступный взгляду) вид чего-либо, т. е. слово могло обозначать внешний вид человека или животного, какой-либо вещи или предмета, проявление какого-либо события или ситуации, общую форму, очертания, аспект, а также лицо человека, выражение лица. При этом значение 'внешний вид' могло интерпретироваться как соответствующее внутренней сущности лица или предмета и тогда *faciēs* обозначало 'характерная внешность, форма; характерное проявление (абстрактных или нематериальных вещей), стиль', либо как несоответствующее внутренней сущности лица или предмета и тогда у *faciēs* появлялось значение '(мнимый) вид, внешний вид (при первом взгляде на предмет)' (Oxford Latin Dictionary, Дворецкий). Значение 'лицо (человека)' давало возможность и переносного употребления данной лексемы: *faciem perfricare* 'стереть краску стыда с лица', т. е. 'отбросить стыд' (цит. по: Дворецкий, 746). Кроме того, существовал ряд устойчивых

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 04-04-00164а.

inslav

предложных сочетаний с *faciēs: in facie*, *ad faciem* 'в присутствии, перед лицом кого-л.', *a facie* 'прямо, в лицо, напрямик'.

Во всех романских языках эта лексема сохранилась, унаследовав многие из перечисленных значений, однако изменив их иерархию в семантической структуре слова и поставив на первое место значение 'лицо, лик, физиономия'. В большинстве романских языков прослеживается также совпадение в появлении ряда новых значений и развитии богатой фразеологии на базе данного слова.

В албанском языке *faqe* < лат. *faciēs* относится к числу достаточно древних заимствований. Касаясь морфологического аспекта данного слова, Э. Чабей пишет, что албанский язык, точно сохраняя рефлексы V латинского склонения, отражает исторически более древний срез латинского, чем румынский и другие романские языки, которые интегрировали их в класс существительных ж. р. на *-a* I склонения, рум. *faţa*, ит. *faccia* (Çabej, bl. IV, c. 140). И в фонетическом плане албанское *faqe* отражает более архаическое состояние латинского слова, чем его рефлексы в романских языках, включая и румынский, а именно: в албанском среднеязычном смычном *q* отразилось произношение латинского смычного *c* [k] перед гласными *e* и *i* до его превращения в аффрикату или спирант.

Алб. *faqe* разделило некоторые направления своего семантического развития с рефлексами лат *faciēs* в романских языках, но приобрело также и ряд новых своеобразных значений. Последовательность семантической эволюции алб. *faqe* трудно проследить, поскольку длительный путь его истории от момента вхождения лат. *faciēs* в албанский язык и до первой фиксации в текстах XVI-XVII вв. остается недоступным наблюдению. В современном албанском языке это слово обладает довольно сложной семантической структурой (словарная статья на *faqe* включает 11 значений), оно послужило основой создания большого количества производных слов, а также богатой фразеологии. В данной работе предлагаются некоторые наблюдения над употреблением алб. *faqe* в тексте первого письмен-

inslav

ного памятника албанского языка «Служебника» Г. Бузука, 1555г. («Meshari» i Gjon Buzukut) и в современном языке.

Значения алб. *faqe*, сходные (общие) со значениями продолжений лат. *FACIĒS* в романских языках

Значение 'лицо' и производные от него.

Значение 'лицо' не было ни главным, ни первым среди значений лат. *faciēs* (в Oxford Latin Dictionary оно дается 9-м значением), однако в современных романских языках оно стоит на первом месте – рум. *faţă*, ит. *faccia*, фр. *face*, исп. *facha*. В албанских текстах XVI-XVII вв. *faqe* также засвидетельствовано в значении 'лицо' в прямом и переносном употреблении, а также в значении 'щека'. В семантической структуре современного *faqe* значение 'лицо' стоит на 2-м месте, а значение 'щека' – на 1-м (Fjalori). При этом интересно отметить, что современное *fytyrë* 'лицо' в старых текстах представлено очень слабо, – так у Бузука на 100 случаев употребления слова *faqe* встретилось только 3 примера со словом *fytyrë*, из которых лишь в одном *fytyrë* имело значение 'лицо'. В словаре Фр. Барди (1635 г.) латинским faciēs, Vultus в качестве албанского соответствия приводится *Faqeja*.

Рассмотрим подробнее употребление слова *faqe* в тексте Бузука.

faqe 'лицо' (в прямом значении). e vu tojagënë përmbī faqe të djalët (Buz., LVII[2], 179) 'и возложил посох на лицо мальчика', e faqeja e tī ish ṇlidhunë me një napë (Buz., LIX, 185) 'и лицо его было обвязано платком', Ashtu atëherë e pështynë ṇdë faqe të tī (Buz., LXIV, 207) 'Тогда плевали в лицо его'. Это же значение присутствует в выражении bie me faqe për dhē (и его вариантах) 'пасть ниц', т. е. упасть лицом к земле, касаясь лицом или лбом земли. E këta tue gjegjunë dishipujtë, rānë me faqe të tynë për dhē e patnë të madhe ṇmnēr (Buz., LXXXVIII, 339) 'И, услышав это, ученики пали лицами своими к земле и очень испугались', E u larguo pak, rā poshtë me faqe, tue uruom (Buz., LXIV, 205) 'И отошел немного, пал вниз лицом, молясь', e binjinë me faqe për dhē përpara shkambit (Buz., LXXX[2], 347) 'и

instiav

падали лицом к земле перед престолом', E një ṇ sish, ..., u vu me faqe pjetiposhtë, tue i dhanë hir Jezut (Buz., LXXVII, 293) 'И один из них, ..., лег ниц, благодаря Иисуса '.

Сюда же можно отнести значение 'выражение лица', которое лексема *faqe* приобретает в сочетании с глаголами определенной семантики: përse ata ernjënë faqenë e tyne, përse të dukenë se banjënë pēndesë me të ṇgjënuom (Buz., XLI, 113) 'ибо они принимают на себя мрачные лица (букв. «делают темными»), чтобы выглядеть постящимися', por bana faqenë teme porsi një gūr (Buz., LVI, 213) 'но я сделал лицо мое как камень'.

faqe 'щека': e të tjerë por i nvrisnë faqetë e tī me duor të tyne, tue thashunë (Buz., LXIV[2], 207) 'другие же ударяли его по ланитам руками своими, говоря'. U dhae korpnë tem atyne për të ṇvratë, e faqetë e mī atyne qi më nduknjinë, e faqenë teme nuk e ṇfsheha ṇ dhunishtit as ṇ së pështymit (Buz., LVI, 213) 'Я предал тело мое им для битья, и ланиты мои тем, кто меня преследовал, и лицо мое не закрывал от поруганий и оплевания'.

faqe 'индивидуум', 'личность, особа'. Mos qell ṇ dhunë faqenë e d vobegut, e mos mbarro faqenë e d begatët me i bām ṇdēr. Fqinjinë tande gjukoe për të dërejtë (Buz., LIX, 193) 'Не задерживай насильно бедного (букв. «лицо бедного») и не заканчивай [дело] богатого (букв. «лицо богатого»), чтобы угодить ему. Ближнего твоего суди по правде'; na qi me syt tanë pam të madhtë e faqesë tī (Buz., LXXXVIII, 337) 'мы, которые глазами нашими узрели величие (лика) его', aqë sa bijtë e Israelit nukë mundë këqyrnjinë ṇdë faqe të Moiseut, pr aqë të madh lavd të faqesë tī (Buz., LXXVI[2], 291) 'настолько что сыны Израилевы не могли смотреть на лицо Моисеево по причине великой славы (лица) его', Ti je i Zoti i gjithë kafshëvet, e s ashtë kush mundë mundnjë d madhit faqesë sate (Buz., XLVII, 139) 'Ты – владыка над всеми животными, и нет никого, кто мог бы одолеть величие твое (величие лика твоего)'.

faqe 'образ, внешний облик' Moti anshtë i shkurtënë: ata qi kanë grā, porsi në mos i kishnë; e ata qi klanë, porsi të mos klanjinë, ..., ata qi kanë të pëlqyem ṃbë këtë shekullë,

inslav

porsi në mos e kishnë, përse faqeja e kësaj jete shkon shpjert (Buz., LXXXVIII, 377) 'Время уже коротко: имеющие жен как и не имеющие, и плачущие как не плачущие, ..., и пользующиеся расположением в этом мире как не пользующиеся, ибо быстро проходит образ мира сего'.

faqe ' лицо' как часть тела человека, на которой отражается его нравственная сущность, – а) это может быть его честь. E ti ban të sherbejnsh ligjavet Tinëzot, përse ti të mundë dalsh përpara tit Zot me faqe të pā ṇdonjë mnēr e me faqe të dëlirë ṇ konshienciet sote (Buz., XXV, 79) 'И ты служи законам божьим, чтобы ты мог предстать пред Господом твоим с лицом без какого-либо страха и с лицом чистым по твоей совести'; б) это может быть видимость чести, т. е. внешность может быть обманчива. Kur ju ṇgjënoni, mos banī porsi ṇierëzitë qi banenë ṇierëz të mirë për faqe (Buz., XLI, 113) 'Когда поститесь, не поступайте подобно тем, которые делаются хорошими людьми для вида'; O të dërejtë për faqe (Buz., LII[2], 159) 'О лицемеры' (букв. «О праведные для вида»), Mos gjukoni për faqe, por gjukoni për gjyq të dërejtë (Buz., LVI[2], 175) 'Не судите по наружности, но судите судом праведным', Mjeshtrë, na dimë se ti je i dërejtë, ... , përse ti nukë kē qyrë për faqe ṇierinë (Buz., LXXXI[2], 311) 'Учитель, мы знаем, что ты справедлив, ..., ибо не судил человека по лицу'.

faqe 'поверхность' e t erëtitë ish përṃbī faqet të fondit ujit (Buz., LIX[2], 227) 'И тьма была над лицом водной глубины', e të druojtunitë taj e ṇmnerë aj t apë Zot Zoti yj përṃbī faqet të gjithë dheut qi ju të shkelëni (Buz., XLVI, 133) 'и страх ваш и трепет наведет Господь на всякую землю, на которую вы ступите', E tha Zotynë: U të përfaronj ṇierëzitë qi u kam bātë ṇ faqejet së dheut (Buz., LX, 229) 'И сказал Господь: я истреблю людей, которых я сотворил, с лица земли'.

Весьма распространенным в тексте Бузука является использование слова *faqe* в сочетании с предлогами для выражения как чисто пространственных, так и некоторых иных, например, субъектно-объектных и причинных

inslav

отношений. Чаще других у Бузука встречается сочетание предлога *përpara* 'перед' + *faqe* (Дат.), а также предлогов *ṇ* 'в, на', *ṇdë* 'в' + *faqe* (Вин.), *ṇ* 'от, из' + *faqe* (Отл.), *përṃbī* 'на, сверху на' + *faqe* (Вин.), *për* 'для, о' + *faqe* (Вин.).

Сочетание предлога *përpara* 'перед' + *faqe* используется для указания на предмет или место, напротив которого или на некотором расстоянии от которого находится что-л., кто-л., происходит что-то. ... ishnjinë përpara shkambit, përpara faqesë Qengjit (Buz., LXXX[2], 347) 'находились перед престолом, перед Агнцем'. Здесь однородные члены предложения, выраженные сходными по структуре словосочетаниями, построены в одном случае с помощью только предлога *përpara*, в другом – с помощью предложного сочетания *përpara faqesë*.

Чаще, однако, данное сочетание *përpara faqesë* служит для указания на лицо, в присутствии которого, на глазах которого что-то совершается. E shumë të tjera shenja bani Jezu për të vërtetë përpara faqesë dishipujet vet (Buz., LXVII, 253) 'И много других чудес воистину сотворил Иисус пред учениками своими', Përpara faqesë engjëjet u tȳ të këndonj (Buz., XX, 57) 'Пред ангелами я пою тебе'.

Сочетание предлога *ṇ* 'в, на' + *faqe* также употребляется для указания на лицо, в присутствии которого, на виду у которого что-то делается. muor ujëtë e lau̯ duortë ṇ faqe gjithë popullit (Buz., LV, 209) 'взял воды и умыл руки перед всем народом', E ata i vunë përpara pak peshk të pjekunë e fyell ṇ mjalti. E ṇ faqe tyne angrë (Buz., LXV, 245) 'И они положили перед ним немного печеной рыбы и сотовый мед. И он ел пред ними', Mer portekënë tande, ... , e folë me gurt, e t apë ujëtë e tī ṇ faqe tyne (Buz.., LIII, 161) 'Возьми посох (жезл) твой, ... , и говори со скалой, и она даст из себя воду на глазах их', Aj u përgjegj se jo, e renegoi ṇ faqe gjithëve, tue thashunë (Buz., LXIV[2], 207) 'Он ответил, что нет, и отрекся перед всеми, сказав ...'.

Оба сочетания могут выступать также для указания на лицо, по отношению к которому совершается какое-либо действие, испытывается какое-то состояние. Atë, u rāe ṇdë kat ṃbë qiellt e përpara faqesë sate (Buz., L, 149) 'Отче! Я

inslav

согрешил против неба и пред тобою', E të dy ishnë fort të dërejtë përpara faqesë Tinëzot (Buz., LXXXV[2], 327) 'И оба они были праведны перед Богом', përse aj të jetë i madh përpara faqesë Tinëzot (Buz., LXXXV[2], 327) 'ибо он будет велик пред Господом'.

Разнообразны значения, выражаемые сочетанием *ṇ faqejet*, т. е. предлогом *ṇ* 'от, из' + *faqe* в отложительном падеже.

Это, во-первых, указание на лицо, из поля зрения которого кто-то или что-то удаляется, устраняется. Данную функцию сочетание *ṇ faqejet* выполняет как при собственно глаголах движения: E si mbaroi me e bekuom, sā memzi ish dām Jakobi ṇ faqejet se Izakut përindit vet, erdh Ezau̯ i vëllai prej gjājet së tī (Buz., XLIX, 147) 'И когда закончил благословение, едва только удалился Иаков от Исаака, отца своего, пришел Исав, брат его, с ловли своей ', E u̯ dā Satani ṇ faqejet së Tinëzot (Buz., (LXXXX), 385) 'И отошел Сатана от лица Господа', ṇ faqejet së tyne u̯ larguo (Buz., LXII, 237) 'удалился от них (от лица их)'; так и при каузативных глаголах: gjithë këtë gjind Zotynë të i bdonjë ṇ faqejet suoj (Buz., XLVI, 133) 'все народы сии Господь изгонит от лица вашего', Mos më bdo ṇ faqejet sote, e shpirtinë shenjtë ṇ meje mos e hiq (Buz., XVII, 45) 'Не гони меня от лица твоего, и духа святого от меня не отними'.

Далее, глагол druoj 'бояться, испытывать страх' (совр. druaj 'то же', прямо переходный глагол) у Бузука управлял отложительным падежом: E gjegj gjithë Israeli gjyqitë qi regji gjukou̯, e ṃbasandaj druojnë ṇ faqejet së regjit, përse panë se (Buz., LV, 171) 'И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь, и после этого стали бояться царя, ибо увидели, что ...', E gjā mos druo ṇ faqejet së tyne, përse u jam me tȳ (Buz., LXXXV, 327) 'не бойся их, ибо я с тобою'.

Наконец, у Бузука отмечено и весьма необычное для современного языка употребление слова *faqe*. Встретились пять примеров конструкции *ṇ faqejet*, имеющие, как можно судить из контекста, причинное значение 'от', 'из-за'.

inslav

Nukë anshtë shëndet ṇdë mish tem, ṇ faqejet së mënisë sate (Buz., XVI, 43) 'Нет здоровья в плоти моей, от гнева твоего', U kalbnë e u̯ qelbnë shenjëtë e varëvet mive, ṇ faqejet së pāditunit tim (Buz., XVI, 43) 'Смердят и гноятся (загнили и стали зловонны) раны мои, от неведения моего', as eshtënavet mīve s'ashtë paq, ṇ faqejet së katevet mive (Buz., XVI, 43) 'и костям моим нет мира, от грехов моих', Përse u angra hinë porsi bukë, e të pinëtë tem me lot u e temperonje; ṇ faqejet së mënisë sate, përse ti tue më ṇgritunë më lëshove e më përgoqe për dhēt (Buz., XVII, 47) 'Ибо я ел пепел, как хлеб, и питье мое слезами растворял; от гнева твоего, ибо ты, вознеся меня, бросил меня и ударил меня о землю'. përse u̯ ṃbush dheu̯ ṇ gjithë së keqi ṇ faqejet së tyne (Buz., LX, 229) 'ибо наполнилась земля всем злом от них'.

Исходя из общего семантического потенциала лексемы *faqe,* казалось бы, трудно объяснить появление у нее причинного значения. Попытаемся предложить некоторую его интерпретацию. Во всех пяти примерах мы имеем сочетание предлога *ṇ* с *faqe* в форме отложительного падежа определенного склонения, т. е. конструкция выражает значение приблизительно 'от, из проявления (чего-либо)'. В рассмотренных примерах несчастья человеческие являются следствием гнева божьего либо неправедных действий самого человека, т. е., как дано у Бузука, – следствием проявления, следствием действия этих причин. (Отметим попутно возможную типологическую параллель в русском языке, где от лексемы *вид* возникло наречие *ввиду* 'по причине').

В тексте Бузука зафиксированы словосочетания с *faqe,* имеющие наречное значение способа действия, – *faqe ṇ faqe* 'лицом к лицу': ma kur të vinjë ajo herë, na të dukemi faqe ṇ faqe (Buz., XL[2], 111) 'но когда придет этот момент, мы окажемся лицом к лицу', *ṇdë faqe* 'в лицо': e ti të shofsh se ṇdë faqe aj të të mallëkonjë (Buz., (LXXXX), 385) 'и ты увидишь, что он в лицо тебя проклянет'.

inslav

Текст Бузука демонстрирует развитую систему значений у слова *faqe*, – достаточно развитую, но, видимо, не исчерпывающую, учитывая ограниченный объем и специфический характер памятника. Не все из рассмотренных значений и употреблений сохранились в ходе его исторического развития, – в современном языке у *faqe* не фиксируются значения 'личность', 'особь', отсутствует возможность предложного употребления в причинном значении. Однако большая часть значений и употреблений, которыми *faqe* обладало в языке Бузука, представлены и в современном албанском. К их числу относятся такие значения, как 'лицо' в прямом и переносном употреблении и ряд возникших на его основе устойчивых словосочетаний, 'образ', 'внешний облик', 'поверхность', 'плоскость'. Все эти значения наличествуют и у современных романских продолжений латинского faciēs.

В семантической структуре современного алб. *faqe* значение 'лицо' стоит на 2-м месте, а не на первом, как в большинстве романских языков у соответствующей лексемы. Мы полагаем, что в албанском такое положение явилось следствием конкуренции со словом *fytyrë* 'лицо'.

Целый ряд производных значений и употреблений этого слова в албанском и романских языках также обнаруживает значительные сходства, что может объясняться, однако, не только исходно заданным семантическим потенциалом лат. *faciēs*, но и в неменьшей степени общими закономерностями семасиологического характера (ср. аналогичное развитие соответствующих лексем в других, нероманских, языках). Сюда относятся такие значения, как: 'измениться в лице' – алб. *e ndërroi faqen*, рум. *a schimba fețe*, ит. *cambiare faccia*, фр. *changer de face*; широко представлено во всех романских языках идущее еще из латыни использование этой лексемы в различных словосочетаниях для выражения общей идеи 'присутствия', – предложные словосочетания типа «перед лицом кого-либо» означают, что что-то происходит в присутствии кого-л., на глазах кого-л., на виду у кого-л.: алб. *në faqe* (të dikujt), рум. *a fi de față/față de*, ит. *in faccia a* (+Gen.), фр. *à*

inslav

la face de; для выражения общей идеи ‘непосредственного контакта’, так, предложные словосочетания типа «в лицо» с глаголами говорения означают, что нечто произносится прямо, открыто, непосредственно тому, о ком идет речь: алб. i thashë për faqezë, рум. a spunc cuiva în față, ит. dire le cose in faccia, а также значения, связанные с обозначением морально-волевых качеств человека, – алб. *ka faqe ai* (и большое количество производных и фразеологизмов типа *faqja e bardhe*), рум. *a scăpa cu fața curată*, ит. *uomo che non ha faccia*, фр. *sauver/perdre la face* и др.

Ряд значений связан с обозначением понятий ‘плоскость, поверхность’(различных предметов и объектов мира), т. е. это такие значения, как ‘сторона’, ‘грань’, ‘плоскость’, ‘фасад’, ‘склон’, например, алб. *faqet e kubit*, рум. *fețele cubului*, ит. *le fecce d'un dado*, фр. *face d'un cube* и др.

Значения алб. *faqe*, отличные от значений рефлексов лат. *FACIĒS* в романских языках

В албанском языке слово *faqe* приобрело значение ‘щека’, что произошло, возможно, вследствии конкуренции со словом *fytyrë* ‘лицо’, тоже заимствованием, но, видимо, более позднего времени (скорее из ит. *fattura*, чем из лат. *factura*). Значение ‘щека’ у рефлексов лат. *faciēs* в романских языках не обнаруживается, хотя в принципе подобные переходы в соматической лексике не редки. Можно предположить, что такие признаки денотата ‘щека’, как ее цвет и форма, послужили основанием для некоторых специфических употреблений лексемы *faqe*: *dha faqe* ‘искривилась, образовала выпуклость’ (о стене) (букв. «дала щеку»); *jep faqe* а) начинает подсыхать, б) начинает созревать (о плодах), в) начинает покрываться румяной корочкой (напр. о хлебе в печи) (букв. «дает щеку»); *mori faqe* а) слегка подрумяниться сверху (о хлебе, мясе в печи), б) высохнуть, покрыться тонкой корочкой от засухи (о земле) (букв. «взял(а) щеку»); *i dha një faqe* а) слегка подрумянил что-то у огня, б) обтесал что-то, придав предмету плоские грани с четырех сторон (букв. «дал ему щеку»). Балканскую параллель одному из этих значений

inslav

дает румынский, где для *faţă* словари фиксируют также значение 'цвет, краска'.

Еще одним специфически албанским развитием лат. *faciēs* являются значения, содержащие временну́ю сему, – 'отрезок времени длиною в год, отрезок времени длиною в жизнь человека, поколение': *faqe pas faqeje* 'поколение за поколением'. Эти значения, как указывает Э. Чабей, были присущи албанской лексеме уже в XVII в., – в словаре F. Bardhi латинскому *Saeculum* приводится в соответствие алб. *Shekulli, o faqje nierëzish.*

Здесь были намечены лишь некоторые линии семантического развития лат. *faciēs,* которое осуществлялось в албанском языке в соответствии с общими семасиологическими закономерностями, но было обогащено и специфически албанскими приобретениями.

ЛИТЕРАТУРА

И. Х. Дворецкий. Латинско-русский словарь. М., 1976.
«Meshari» i Gjon Buzukut (1555). Botim kritik punuar nga Eqrem Çabej, I-II, Tiranë, 1968. Примеры приводятся в фонетической транскрипции, выполненной Э. Чабеем с помощью знаков современного албанского алфавита.
E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes, IV. Tiranë, 1996.
Fjalor i gjuhes së sotme shqipe, A - M. Prishtinë, 1981.
Oxford Latin Dictionary. Ed. by P. G. W. Glare. Oxford, 1968-1982.

inslav

Н. В. Злыднева

ШКЕМБЕ ЧОРБА:
ориентальные аспекты балканской телесности

Одна из наиболее значимых категориальных пар в балканской картине мира – *внутреннее/внешнее*[1]. Эта оппозиция имеет универсальную корреляцию с оппозицией *свой/чужой*, что распространяется и на Балканы. Вместе с тем, спецификой балканского региона можно считать то, что зоной преимущественной экспликации этих противопоставлений часто является человеческое тело. Телесный код в аспекте *внутреннее/внешнее* по многим основаниям можно считать ориентальным компонентом региональной традиции. Предметом настоящего очерка являются характерные для Балкан манифестации телесности в различных кодах культуры, которые в комплексе могут служить одним из путей дешифровки балканского Ориента. Моделью балканской ориентальности может служить, в частности, кулинарный код – например, суп-харчо шкембе-чорба. Впрочем, сначала – ряд общих замечаний.

Манихейские традиции, проникшие на Балканы с Востока и укрепившиеся здесь благодаря богомилам (их следы, как известно, находят в Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговине, а также в Хорватии), определили многие особенности картины мира балканского человека, и в первую очередь – понимание телесности. Телесное, определяемое в этих верованиях дуализмом *дух/плоть*, занимало явно доминирующую позицию. Тело как граничная зона противоборствующих в мире сил само наделялось граничностью. Отсюда особая значимость *внутреннего* в балканской телесности, проявившееся в многочисленных явлениях экспликации телесности, наложении *внутреннего* на *внешнее*, а также в расчленении тела как целого с акцентировкой все той же оппозиции. Проникновение *своего* в *чужое* посредством овнутривания тела восходит к архаическому мотиву

---

[1] Т.В.Цивьян. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

inslav

троянского коня. Можно считать, что этот мотив задал парадигму всей региональной традиции. Кроме того, тело на Балканах выступает в рамках мифологической традиции как агент организации всеобщего пространства в момент сотворения Космоса и идентифицируется с землей, то есть, как содержащее внутреннюю силу, дающую рост изнутри наружу. В связи с этим *внутреннее свое* тело часто служит в культуре региона знаком идентичности. Все это лежит в рамках универсалий, соответствия которым можно выявить и в общеславянских народных традиционных представлениях. Специфически балканским можно считать акцентированность *внутреннего* в противовес *внешнему* телу, вывернутость тела *изнутри наружу*, подчеркнутая брутальность проявления такого рода телесности. Приведем три примера.

Зоной наиболее выраженного проявления подобного тяготения к внутренней телесности является балканская кулинария. Характерной особенностью балканской кухни является ее явная ориентация на еду из потрохов, что может служить моделью ориентальной телесности на Балканах в кулинарном коде. Примеров блюд из потрохов имеется большое множество – как в мусульманских областях Балкан (Босния, Турция, Албания), так и в христианских (Греция, Сербия, Болгария). Наиболее показательна еда под названием *шкембе чорба* – густая похлебка из рубленого говяжьего (или бараньего, ягнячьего, телячьего, козлиного) желудка. Унаследованное от турок, это блюдо получило широкое распространение в Болгарии, Греции, мусульманских областях бывшей Югославии и, разумеется, в Турции (предполагаю, что есть арабские, а также среднеазиатские аналоги). Рецепт содержит элементы, реконструирующие кулинарную идеологию кочевников (тюркских племен): освежеванная туша делится на части, в начале съедаются внутренности, в наибольшей степени подверженные порче, что касается мяса – оно сохраняется благодаря многообразным техникам консервирования (вяленое у стремени всадника, копченое на дыму и т. п.).

inslav

Существует и много других блюд из разнообразных внутренних органов. Среди кулинарных приемов, опирающихся на внутреннюю телесность – кипрский специалитет *джиросафия*: рубленое мясо со специями, завернутое в жировую пленку стенки желудка, с последующим обжариванием на гриле. Приведем еще несколько кулинарных рецептов, которые нам удалось обнаружить в греческой кухне. *Стомак долма* – в вареный желудок кладут говяжьи мясо, печень, сердце, легкие, зашивают и жарят на противне. *Гардумба* – кишки, намотанные на палку и обжаренные на гриле. *Сплинандер* – селезенка, зашитая в кишках и поджаренная на огне. *Кокареци* – печенка и сердце, а также кусочки легких вместе с луком и другими добавками жарят на шампурах, а потом обвивают кишками. *Магерица* – пасхальный суп из кусочков печени, легких, сердца с травами и рисом. *Сарма* – разрезанная вдоль и зашитая с травами внутри овечья или козлиная селезенка обжаривается на гриле. *Паца* – суп из говяжьих желудка, копыт и щек, можно делать также в виде холодца. *Мосхарокефали* – телячья голова вместе с мозгами варится в кастрюле, потом разрубается на части. *Джиросарма* – печень, сердце с рисом травами и большим количеством лука сначала варятся, а затем заворачиваются в жировую пленку наподобие голубцов. Наконец, стоит упомянуть пирог с обжаренными на гриле кусочками печенки и почек, суп из овечьих и козлиных копыт, набор разнообразных потрохов на гриле и многое другое, и тогда станет ясно, что поедание внутренностей имеет очевидную маркированность в балканской картине мира.

Мифологическая отмеченность внутренних органов (по сербски – “изнутрицы”) – потрохов – объясняет их сильную позицию в ряду других частей тела, участие в лечебной и заговорной магии, практиках предсказания и прочее. Так что в данном случае собственно ориентальное на Балканах выступает как восходящее к древне-ближневосточному, как глубинный слой бытового поведения, имеющий отношение к далекой архаике. Однако поедание внутреннего тела в качестве разновидности самопожира-

inslav

ния, самоликвидации есть акт семиотической нейтрализации телесности как высшего проявления телесной отмеченности. И в этом смысловом ключе *шкембе чорба,* наряду с другими блюдами из внутренних органов, выступает как нечто порожденное балканской ментальностью, для которой свойственно саморазрушительство. Вспомним характерность для БММ мифа о Миорице и соответствующего текста, где в центре – образ покорной и осознанной жертвенности героя повествования[2].

В связи с поеданием внутренностей вспоминается и специфические балканские телесные наказание – например, насаживание человека на кол, восходящие, очевидно, к тюркскому средневековью. Многие народы в своей иступленной ненависти выкалывают врагам глаза, сжигают заживо, снимают скальп, насилуют женщин. Однако балканскому ориентализму par excellence можно приписать страсть нанести ущерб *внутреннему телу* – кишкам. Тем самым внутренняя телесность как бы повышается в ранге, служа признаком идентификации как палача, так и жертвы. В связи с практикой казни *внутреннего тела*, маркированного анальным отверстием, вспоминается эпилог повести "Епифанские шлюзы" Андрея Платонова. Там русский палач-гомосексуалист, по-своему расправляющийся со своей европейской жертвой, выступает как все тот же жестокий и дикий Восток, что отмечено посредством дискурса как нарратора, так и персонажа.

Второй пример – из области изобразительного искусства. В югославянской, особенно сербской, живописи XX века мы находим множество примеров акцентированности внутреннего в противовес внешнему телу, его вывернутости наизнанку. Телесно-внутреннее как принадлежащее Матери-Земле в соответствии с архаическими представлениями демонстрирует картина наивной художницы Греты Печник "Земля" (1970): образ представляет тело аналитически, в продольном разрезе, открывающем вид на недра Матери, кишащие (ср. с *кишками*) разнообразным людом и

[2] Т.В.Цивьян. Ук. соч., с. 185-192.

insla

прочими земными тварями. Та же тема телесной вегетации, но уже в сфере мужского тела, может быть прочитана на полотне сербского сюрреалиста Любы Поповича "Процветшие гениталии" (1961). Изображение аллюзивно отсылает к иконографии Распятия Христа.

Еще более яркой манифестацией балканско-ориентальной телесности является живопись известного сербского живописца Владо Величковича. Этот мастер с конца 60-х живет и работает в Париже, где снискал славу одного из ведущих современных живописцев. На его полотнах 70-80-х годов доминируют образы экстатического тела: растерзанная, с рваным силуэтом и вывернутая наизнанку мужская фигура скручена в судорожном вихре и при этом словно распята на (внетелесной – с цифрами и геометрическими линиями) сетке координат, наложенной поверх фигуры. Это овнутривание тела показано с точки зрения истязаемой плоти, испытывающей собственные границы. В своей трехмерной органичности оно противопоставлено умозрительной и враждебной двумерности внешнего мира. Характерно столкновение экспрессивности статико-динамического сгустка энергии, исторгающегося из обезкоженной плоти, и остраненности внешнего наблюдателя. Представление тела лишено физиологичности, но эта препарированная плоть не отвлеченна, заставляя вспомнить близкие по духу экспрессивные полотна Френсиса Бэкона. Телесные метафоры В. Величковича, несомненно, содержат социально-политические коннотации, но при этом базируются на кодах балканской картины мира, в частности, внутреннего тела как жертвенной телесности. Картина В. Величковича "Великое пугало" так же как и в предыдущем примере, имплицирует тему растерзанного тела Христа.

В творчестве другого видного сербского живописца Мичи Поповича 70-80-х годов представление тела насыщено социальными аллюзиями. В годы титовской Югославии художник принадлежал к левой политической оппозиции (наряду с писателем Добрицей Чосичем и другими представителями сербской интеллектуальной и художест-

inslav

венной элиты). Живопись М. Поповича – это вариант югославского соц-арта в духе сурового стиля: энергичная пастозная манера с компонентами фотографии и элементами коллажа. Среди тем и персонажей – югославские гастарбайтеры, спящие на скамейках бомжи, карточные домики как знак зыбкости федерации. Все это – метафоры социально-экономических проблем бывшей Югославии, ее специфические аллегории. Значительную роль в мотивике М. Поповича играет препарированное, претерпевшее насилие тело. Это прежде всего серия с брутальным изображением сцен публичного дома (аллюзия на политико-экономический курс тогдашнего руководства страны). Тело представлено метонимически в виде натюрмортов – скромных закусок (читай: безработного трудяги) на газете с непременным разрезанным пополам арбузом или дыней в качестве знака отверзшейся, изнасилованной плоти. Триптих "Зачатие" демонстрирует тело беременной женщины как прозрачное для взгляда художника: внутренность его словно обнажена и виден плод. На картине "В память Рембрандта" мастер представил автопортрет с цитатой из Рембрандта: художник держит в руках освежеванную говяжью тушу. То есть, мастер принадлежит и истории, и препарирующей туши современности – он и мясник, и жертва одновременно.

Третий пример – литературный, речь пойдет о новелле Иво Андрича "Туловище" (1937)[3]. Новелла принадлежит к серии рассказов от лица сквозного персонажа многих произведений Андрича фра Петара; этот католический монах из Сараево, является, в частности, рамочным рассказчиком повести "Проклятый двор". Рассказ "Туловище" тоже построен как рассказ в рассказе. В миру фра Петар был оружейных дел мастером и часовщиком. Уже монахом сосланный в Акру (Малая Азия), он был приглашен ко двору некоего челефи Гафиза, богатого турка, чтобы починить башенные часы. И там он видит страшное зрелище: владе-

[3] Цитируется по: Иво Андрич. Туловище. Перевод И.Голенищева-Кутузова – В кн.: Иво Андрич. Проклятый двор. Повести и рассказы. М.,1967, с. 212-222.

inslav

лец дворца – это полуживое обезображенное туловище. Мотив телесности возникает уже в самом начале: поросший лесом холм, на котором стоит дворец, сравнивается рассказчиком с чубом, а звуки чесмы во внутреннем дворе – с языком матери. Все повествование представляет собой картину непрерывного мерцания полярностей *свой-чужой*, и они отмечены брутальной телесностью. Фра Петар работает под присмотром слуги господина. Слуга олицетворяет пограничную зону между *своим* и *чужим*: "*Он принадлежал к тем слугам в турецких знатных домах, о которых никто толком не знает, кто они, откуда родом<...> Отказавшись от своей веры, имени, от самой жизни своей, они в действительности управляют всеми, оставаясь неизменными, в то время как все вокруг них меняется: рождаются люди, умирают, женятся. <...> Такие-то вот рабы и чужестранцы, хитрые евреи и подозрительные потурченцы часто управляют господскими домами, потому что все в них перегорело <...>. И этот слуга <...> был именно таким домашним злодеем*" [214]. Таким образом, граничность персонажа по признаку рода, конфессии, матримониального статуса отмечена как зона зла и безжизненности, то есть отрицательной телесности. "Домашний злодей" показывает фра Петару своего господина, калеби Гафиза, который представляет собой страшный обрубок – туловище, вынесенное слугами на мощеный двор – ни рук, ни ног, и даже лицо описано фигурой негации: "*ни носа, ни глаз, ни губ, ни бороды, ни усов – все один сплошной шрам, затянутый тонкой кожей*" [215].

Управляющий повествует историю Гафиза – потомственного имама, некогда грозного завоевателя восставшей Сирии. Жестокий усмиритель жег и крушил все на своем пути, его люди истребляли сирийцев "как зверей на водопое", и те прозвали его Огненным Гафизом. Божья кара нашла его в образе плотской любви к женщине: он влюбился в сирийку, поселил ее в своем гареме, доверился ей, а она устроила ему засаду, и мстители изрубили его тело. Бунт усмирили, но с тех пор Огненный Гафиз стал туло-

inslav

вищем, живой колодой: "*стоит не двигаясь и только покачивается и как-то странно кланяется*" [215] .

Вспоминая расчлененное и интериоризированное (посредством его размещенности во *внутреннем* дворе), но продолжающее жить тело турка, фра Петар рассказывает историю о знакомом христианине, которому счастливо удалось избежать отсечения руки турками. В концовке рассказа звучит вывод: "*таков турок <...> изруби его на части – каждая часть живет отдельно. И последняя частица тела движется и ползет в том же направлении, в котором двигался бы живой, целый турок. А крещеный человек как стекло: ударишь его раз, и он рассыплется на куски*" [222]. Противопоставления *свой/чужой* как *внутреннее/внешнее* в телесном коде смещается в план *целое /партиципированное* и порождает антитезу *крещеный/ турок*. Причем, негативная маркированность второго члена – турок – парадоксальным образом снимается утверждением о высокой телесной витальности восточного человека в сравнении с балканцем-христианином. Разъятый на части, децентрированный, а точнее – инако, изнутри наружу центрированный мир Востока наделяется в глазах балканского славянина более высоким статусом, идеей витальности расчлененного тела. Он отсылает к мифу о первочеловеке Пуруше, тем самым расширяя региональное до уровня всеобщего.

Ориентализмы балканского мира эксплицируют граничность как качество этого пространства, одновременно побуждая его обитателей преодолевать собственные ограничения, порой ценой физического самоистребления. *Внутреннее* тело в форме витальности тела, расчлененного на части, или в форме заимствованного у восточного *соседа/врага* (*своего-чужого*) обычая поедать внутренние органы, и среди них в первую очередь – органы пищеварения, предстает метафорой парадоксального менталитета homo balcanicus. В условиях сосуществования многих языков и культурных традиций на одной территории у балканцев возникала усиленная потребность в самоидентификации. Последняя проявилась в акцентировке *внутреннего* в про-

inslav

тивовес *внешнего*, что особенно очевидно выявилось в переживании телесности. Ориентализм форсированной интериоризации тела на Балканах выступает как утверждение *своего*, особенного, вплоть до самоисключения из "цивилизованных норм" европейского контекста.

Natalia V. Zlydneva

Shkembe-corba: Oriental aspects of the Balkan corporeality

SUMMARY

The body code on the Balkans defined by duality in archaic beliefs reveals some significant features of the regional mentality and brings to light its orientalism. The latter can be detected in emphasizing body limits and the predominance of the inner over the outer. The article demonstrates the Balkan inclination with the inner corporeality in various codes – from food to art and literature. The oriental roots of body perception can be seen in a variety of dishes made of bowels such as shkembe corba and many others (mainly Greek food tradition). The examples from some other fields are used to support the assumption: the inside out turned bodies in the paintings by V.Velickovic (Serbia) and some drastic images in Ivo Andric's novel 'The trunk' (Bosnia). The interiorised corporeality on the Balkans asserts its *own* and Oriental as opposed to *the alien* and European. In respect of mentality the issue has to do with a tendency of self-destruction while in terms of semiotics it signifies the trend of neutralization.

inslav

Ю. В. Иванова

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Юго-восточная часть Европы, населенная народами различной языковой приналежности (каждый из которых в настоящее время обладает этническими характеристиками), представляет определенное историческое и культурное единство. На основании сходства этнографических особенностей мы предлагаем выделить историко-этнографическую область – «Юго-Восточная Европа» (ЮВЕ). Юго-Восточную Европу можно определить как культурно-географическое пространство, которое базируется на общности естественно-географической среды и одновременно исторического прошлого.

В исторической науке рассматривается иной вариант: все Средиземноморье в целом принимается за историко-культурную провинцию[1].

«Средиземноморскую цивилизацию» (есть и такой вариант районирования) создала античность: морские путешествия и необходимые для них портовые сооружения, торговля и монетное обращение, городская жизнь, сооружение городских укреплений. Рим, господствуя в этой части Европы, именно море превратил в главный путь, связующий все части огромной империи. Согласимся, что в этих соображениях присутствуют свои резоны. Однако, понятие «Юго-Восточная Европа» и у́же, и шире Средиземноморья (как и другого предлагаемого варианта – «Восточное Средиземноморье»), у́же – потому что включает земли к востоку от Адриатики, оставляя в стороне экономические дела и исторические события западного пространства, шире – потому что простирает внимание на земли, расположенные к северо-востоку от полуострова, включая Подунавье, и западную часть полуострова Малая Азия, с которой Балканы всегда были теснейшим образом связаны.

---

[1] *Биро П., Дреш Ж.* Средиземноморье. Т. II. М., 1962.

inslav

Что касается региона «Южная Европа» (Италия, Испания, Португалия, Греция), выделяемого некоторыми специалистами, то на мой взгляд это – чисто географическое понятие (климат, растительность, особенности сельского хозяйства и т.п.), в историческом исследовании его нельзя принять.

На протяжении истории изменялось само понятие – «что есть Европа?», представления об ее границах и ее отдельных регионах[2]. Сами понятия «Европа», «европейская культура» меняются в зависимости от изучаемого материала: не только в современном мире при широкой глобализации, но еще раньше «европейцами», потребителями европейской культуры и престижных материальных и духовных ценностей кроме собственно обитателей Европы и граждан Соединенных Штатов Америк оказались жители Канады, Латинской Америки, Австралии, Новой Зеландии, африканских и азиатских колоний европейских держав. «Европейская», или «западная» модель стала едва ли не общемировой.

Восточные границы «Европы» более, чем спорны: центрально-европейские страны по мнению европоцентристов – это уже «не-Европа». Точно так же как и «средняя Европа» (Австрия, Венгрия, Польша, Чехия). Историко-культурная общность всего населения Юго-Восточной Европы своим происхождением обязана империям – Византийской и Османской[3]. Жители Византии, как и всех балканских стран, как и России, становясь щитом Европы от нашествия монголов и османов, одновременно вступали в разносторонние контакты с пришельцами, обогащая свой культурный фонд и передавая далее – на запад образцы восточной культуры и религии. В Восточной Европе древние традиции народов региона (нормы поведения, общинное устройство, институт гостеприимства и многое другое)

---

[2] *Исламов Т. М.* Европейские историки о европейской истории // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 13; см. также с. 3 - 22.

[3] Там же. С. 14.

inslav

удерживалось дольше, чем на западе, они оказали большое влияние на формирование идеологии названных народов[4].

На мой взгляд, термин «регион», вполне совпадает с понятием «Историко-этнографическая область», принятым в этнографической науке, тем более, что социальная история людей прочно сочетается с природно-географическими условиями их жизни, а этот фактор «...играет весьма важную роль не только в формировании хозяйственного типа, но также оказывает определенное влияние и на психические характеристики людей, населяющих тот или иной историко-географический регион, на характер их взаимодействия с окружающей средой»[5].

* * *

Понятие историко-этнографической области давно устоялось в этнографической литературе. На культурное единство нескольких этносов, живущих на определенной территории, которое не совпадает ни с языковым, ни с расовым единством, обратил внимание известный российский ученый П. Ф. Преображенский [6].

Позже эта идея была высказана С. А. Токаревым и Н. Н. Чебоксаровым в совместной статье, опубликованной в 1953 г., более тщательно разработана М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым. Был предложен термин «Историко-этнографическая область», поддержанный многими специалистами[7].

---

[4] В данном пункте Т. М. Исламов излагает позиции австрийского ученого А. Капплера: *Kapler A.* Bedeutung der Geschichte Osteuropas für ein Gesammteneuropäisches Geschichtsverständnis // Annäherungen an eine Europäische Geschichtsschreibung. Wien, 2002. S. 549 - 554.

[5] *Исламов Т. М.* Указ. соч. С. 14.

[6] *Преображенский П.Ф.* Курс этнологии. М.; Л.,1927. С. 27 и др.

[7] *Токарев С. А., Чебоксаров Н. Н.* Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И.В.Сталина по вопросам языкознания // Советская этнография. 1951. №. 4. С. 7 - 26; *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Сов. этнография. 1955. № 4. С. 3 - 17; см. также: *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы. Расы. Культуры. М.,1971.

insbr.ru

Выделение историко-этнографической области (ИЭО) – это проблема этнографического районирования, которое представляет собою синтез нескольких исследовательских задач: во-первых, ИЭО – включает также и понятие географическое, ее внутренние связи и внешнее ограничение зависят напрямую от ландшафта местности (горы, моря, реки и другие особенности ландшафта в одних случаях соединяют людей, в других – разъединяют); во-вторых, ИЭО – это зона определенного хозяйственного направления, определенного сочетания хозяйственно-культурных типов (что имеет прямую связь с окружающей средой). В процессе функционирования хозяйственно-культурных типов (ХКТ) складываются традиционные взаимосвязи и взаимозависимости между ними. В системе таких связей не последнее место имеет обмен продукцией, торговля. Наконец, в-третьих, в восприятии культурных навыков контактирующих народов (как внутри ИЭО, так и вне ее) важную роль играет оценочная сторона, в которой в свою очередь действуют установки, исходящие во многом из этнических и социальных стереотипов; другими словами имеет место психическое поведение человека, групповая психология, что объясняет порою многое в конкретных исторических обстоятельствах[8].

Историко-этнографические области отличаются друг от друга специфическим набором хозяйственно-культурных типов (ХКТ). В этой связи надо принимать во внимание не только и не просто специфику естественно-географической среды, но и характер исторических процессов: не только естественная среда влияет на человека – подсказывая ему направление хозяйствования и других форм овладения природой, но и человек меняет среду в результате своей целенаправленной деятельности. Таким образом,

[8] Подробнее см.: *Тихвинский С. Л., Тишков В. А.* XVI Международный конгресс исторических наук // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 10 - 12, 19 и др.

instaV

обмен человека с природой энергией и ресурсами, а так же информацией был всегда социально опосредствован[9].

Иными словами для выделения историко-этнографической области следует принять во внимание сочетание образа жизни группы этносов в зависимости от конкретного набора хозяйственно-культурных типов. Но этого недостаточно: значительная роль принадлежит общности исторических судеб, межгрупповым информационным связям различных категорий.

Хотя выделение ИЭО, как было указано выше, – это в первую очередь проблема этнографического районирования, в то же время это и проблема общеисторического свойства, если принять за основной принцип исторического исследования сочетание изучения специфического, уникального в человеческом обществе и общих закономерностей развития этого общества. Каждая ИЭО – явление особое, но в то же время сам факт выделения данной ИЭО основан на закономерностях исторического процесса. На основании всех указанных выше соображений представляется обоснованным выделение Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) в качестве историко-этнографической области[10].

Название этой области условно: в нее включаются, кроме Балканского полуострова, острова Ионического, Эгейского и Средиземного морей, в том числе остров Кипр, а также западные районы полуострова Малая Азия. Границы историко-этнографических областей, так же как и этнических территорий, не могут быть прочерчены одной линией: на их периферия располагаются контактные зоны. На севере Балканского полуострова такой зоной служат Среднедунайская и Нижнедунайская низменности, а в

---

[9] *Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // Сов. этнография. 1975. № 3. С. 15 - 25.

[10] *Иванова Ю. В.* Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы // Балканские исследования. Вып. 7 – Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. С. 164 - 194.

instav

Малой Азии граница проходит примерно по горному хребту Султана[11].

* * *

Культурная (в самом широком смысле этого понятия) общность народов Юго-Восточной Европы и западных областей Малой Азии и островного мира прослеживается на протяжении нескольких тысячелетий на материалах археологии, искусствознания, ономастики (в частности топонимии, гидронимии и т.п.), религиоведения, фольклора, сравнительно-исторического изучения языков (проблемы формирования балканского языкового союза). Эта культурная общность проистекает прежде всего из многообразных межэтнических контактов последних тысячелетий до нашей эры, а также миграционных потоков того же времени, преимущественно в западном направлении – из Малой Азии на Балканы. Они несли хозяйственные и технологические достижения (определенные приемы земледелия, навыки разведения овец и коз, одомашнивание лошадей, металлургия меди, керамическое производство и многое другое). Общими были и мифологические образы и представления, религиозная символика, магические практики[12].

В древний период в жизни народов Юго-Восточной Европы доминировала культура эллинского мира, в течение тысячелетия (с середины IV до середины XV в.) господствовали импульсы Византийской империи и византийской цивилизации, включая христианскую религию.

---

[11] Иногда в специальной литературе за ИЭО принимается только территория Балканского полуострова (см.: *Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н.* Проблемы этнографического изучения культурной общности населения Карпат // Карпатский сборник. М., 1976, с. 8), однако очерченные выше границы ИЭО Юго-Восточная Европа шире, Балканский полуостров занимает большую ее часть, но не заполняет ее целиком.

[12] *Иванов Вяч.Вс.* Чатал-Гююк и Балканы. Проблемы этнических связей и культурных контактов // Balcanica: Лингвистические исследования. М., 1979, с. 5-38; *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы: Бронзовый и железный века. М., 1974; *Полевой В. М.* Искусство Греции: Древний мир. М., 1970.

inslav

Позже на общее пространство византийской, христианской культуры наложились новые – более ограниченные в размерах географо-культурные пространства, разделенные по религиозному принципу вследствие схизмы христианской церкви (XI в.) на восточную – православную и западную – католическую церкви.

Жизнь всех народов, населявших Юго-Восточную Европу, на протяжении длительного периода была неразрывно соединена с жизнью Византийской империи, со всеми превратностями ее судьбы. Даже в период существования латинских государств после разгрома Константинополя в 1204 г., когда в социальной стратификации появились новые «западные» порядки (в том числе в отношении земельных пожалований), византийские традиции сохранялись (например, в сфере поземельных отношений, организации общественной жизни в рамках сельских общин и т. п.). В XII-XIV вв. в славянском мире в литургии наряду с локальными языками употреблялся единый язык. Каждая из этих языковых форм имела применение в определенной сфере (такое явление называется *диглоссией*). Общие представления в системе «природа – человек» особенно ярко отразились в древнейших религиозных верованиях[13].

Объединяющим фактором для народов Юго-Восточной Европы было и включение значительной части ее земель в границы Османской империи. В период становления нового Османского государства (XIII-XV вв.) именно в ее балканских провинциях складывались политические, экономические и религиозные институты. Завоевания и одновременно хозяйственно-политическое освоение Западной Анатолии и Балкан (Румелии) сблизило население этих двух районов империи: и там, и тут шла быстрая феодализация общества (раздача земельных держаний – тимаров приближенным султана). Воины (они же – крестьяне) тюрки-мусульмане, получавшие за службу земельные наделы, включались в общее производственное состояние,

---

[13] *Иванова Ю. В.* Этнокультурные особенности календарной обрядности народов Юго-Восточной Европы // Балканские исследования. Вып. 9. М., 1984. С. 394 - 405.

inslav

практиковали те хозяйственные приемы, что были выработаны местным древним населением.

Многие представители местных господствовавших классов (болгары, сербы, албанцы) становились вассалами османских султанов, поддерживали их военной силой. Их позиция, административные меры султаната, массовое переселение из Анатолии на Балканы кочевников (юрюков и др.), а главное – фискальная политика османского правительства, отягощавшего всевозможными податями немусульманских подданных и урезавшее их права, все это привело к исламизации части балканских жителей (особенно во Фракии, Боснии, Герцеговине, Центральной Албании)[14].

Несмотря на то, что численность мусульман на Балканах на протяжении всего османского периода значительно уступала численности христиан, престижность культуры, идущей от политических центров империи, оказалась весьма высокой. Города центральных районов полуострова приняли «восточный» облик, в моду входили костюмы, архитектура и внутреннее убранство жилых домов, манера поведения и многое другое. Все эти культурные ценности создавали мастера разной этнической и конфессиональной принадлежности. Через османов проникали образцы более высокой персидской культуры, освоение которой считалось престижным для привилегированных кругов. Вне этого влияния оставались города и села греческого ареала, Далматинское побережье, замкнутые горные районы.

На протяжении XIX и первой четверти XX вв. балканские народы стремились освободиться от политической зависимости от османов, создать свои национальные государства. В этой связи привлекали особое внимание (отчасти конструировались) этнические традиции, главным образом на фольклорной основе. Существенную роль в воспитании национального сознания народов, боровшихся за свою политическую независимость, сыграли движения Национального Возрождения – иллиризм в хорватских и словенских землях, принадлежавших тогда империи Габсбур-

[14] Подробнее см.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. М.,1984.

instlav

гов, просветительские общества «Матицы», работавшее в разных славянских городах, албанское просветительское движение «Рилиндье», провозглашавшее «албанство» как объединительную идею албанцев, придерживавшихся разных религий[15].

Столь же существенным стало конструирование новых политических единиц после окончания Второй мировой войны – стран народной демократии (народно-демократических республик, позже включивших в свои титулы определение «Социалистические»). Это целенаправленное конструирование сблизило балканские государства с центрально-европейскими – той же политической ориентации и отделило государство Грецию от ее естественных (в географическом и экономическом аспектах) соседей.

После распада социалистической системы перед балканскими народами встала новая проблема вхождения в современный политический мир.

В последние десятилетия XX в. во всей ойкумене ярко проявилась тенденция глобализации, особенно в сфере материального производства, средств связи и урбанизации повседневного быта, в результате чего мир становится все более однородным и люди перестают ощущать себя в безопасности в собственном «этническом доме». По всей вероятности в этом заключается одна из причин (многочленных и весьма разнообразных) обострения конфликтов на этнической почве, которые захлестнули обширные области планеты, в том числе и Юго-Восточную Европу. В этой ситуации внимание общественности этих стран направлено не столько на бытовые стороны жизни, сколько на этику, этикет, народное творчество на фольклорной основе, а главное – на оценочные характеристики собственной культуры и «инаких» культур.

---

[15] *Лещиловская И. И.* Иллиризм. М.,1968; *она же.* Роль народных масс в формировании наций в Центральной и Юго-Восточной Европе // Bulgarian historical review. Sofia, 1985. № 2; Historia e popullit shqiptar. Vel. II. Tiranë, 2002. F. 17 - 20; Краткая история Албании. М., 1992. С. 147 - 235; *Смирнова Н. Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 25 - 33; Славянские матицы. М., 2004.

inslav

Отставание в темпах экономического и информационного мирового развития вызывает у отстающих государств, этносов, обществ попытки принять как доминирующие в своей общественной жизни (частично и в политике) тенденции к сохранению или даже возврату тех ценностей, которые кажутся наиболее привлекательными (своими, «традиционными») для общественного сознания. Отсюда проистекает и этнический эгоизм, который нередко становится питательной средой национализма[16].

В основе современных этнических и политических коллизий среди других факторов не последнюю роль играет специфика человеческих взаимоотношений.

Для современного историка центральной проблемой становится социально-культурный синтез. Социально-экономическая история должна рассматриваться «...в контексте, включающем идеологию и религиозность, психологию и воображение»[17].

* * *

Культурообразующие факторы, которые формируют признаки историко-этнографической области, схематично можно разделить на две категории, которые, несколько условно, можно назвать *экологической* и *социальной*. Первая из них зависит от характера физико-географических условий жизни. Из них проистекает направление хозяйственной деятельности и обширного набора особенностей произ-

---

[16] *Лещиловская И. И.* Исторические корни югославского конфликта // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 52-55; *Мартынова М. Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; *Иванова Ю. В.* Албанцы и славяне: закономерно ли противостояние? // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции. Вып. 21 – Балканские исследования. Ч. 1. СПб, 1999. С. 22 - 26.

[17] *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и "Школа анналов". М., 1993. С. 26. Позиция создателей "Школы анналов" – Люсьена Февра и Марка Блока, кажется мне наиболее убедительной среди прочих подходов к изучению истории. История ментальности, которая ставит в центр научного исследования сознание людей изучаемого общества, изменения в их сознании в течение этнических процессов, должна, на мой взгляд, обязательно присутствовать в этнографических изысканиях.

inslav

водственной практики и бытовой культуры. Сходные природные условия, в которых обитало население Юго-Восточной Европы, породили идентичность в формах ведения хозяйства, типах орудий труда и транспортных средств, системы питания, утвари домашнего обихода, они же определили исходные материалы для изготовления одежды, особенности заселения местности, типы поселений, выбор строительных материалов для возведения жилых и хозяйственных построек. Все эти этнографические реалии связаны, разумеется, не только с естественной средой и необходимостью находить в ней оптимальные варианты для выживания, но и с социально-историческими обстоятельствами, однако экологические факторы в их реализации превалируют. Вторая категория культурных особенностей зависела почти целиком от степени интенсивности многосторонних информационных связей, обмена культурными ценностями между различными группами населения, в том числе и между этническими общностями и только в известной (ограниченной) степени связана со средой обитания[18].

Безусловно, деление это в значительной степени условно, служит скорее инструментом исследователя: факты, отнесенные нами в одну группу, могут быть включены и в другую. Например, вся история развития жилища и одежды относится обычно к группе социальных явлений, в то время как многие предметы одежды, особенности жилой архитектуры и организация усадьбы имеют непосредственное отношение к природным условиям местности, где они возникли.

В пределах историко-этнографической области Юго-Восточная Европа протекали и протекают сейчас этнические процессы различных видов. *Этнообъединительные процессы* вызывались несколькими главными причинами:

---

[18] *Артановский С. Н.* Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967; *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 2. М.,1972, с. 18-30.

insiav

смешанным расселением этносов, которое имело место практически на всем протяжении обозримого исторического времени; совпадением хозяйственно-культурных типов (ХКТ) почти у всех этносов (за малым исключением); пребывание разных этносов в пределах многонациональных государств: в средние века – в Византийской империи, в небольших государственных образованиях, как например, в албанских княжествах до XV в., в Зетском государстве в XI-XV вв. на территории современной Черногории, в сербо-греческом государстве Стефана Душана (XV в.), которое простиралось от средней части современной Сербии до Акарнании и Фессалии, во владениях рода Бальшей (или Бальшичей), где оказалось сербское и албанское население, во владениях династии Черноевичей и т. д. В эпоху позднего средневековья и в новое время столь же разноплеменным было население, подвластное Османской империи и Габсбургской монархии.

Живя бок о бок на этнически смешанных территориях, имея одинаковый опыт ведения хозяйства, имея по существу одинаковый образ жизни, люди различной этнической принадлежности вступали между собой в тесные контакты, что вело к интеграционным процессам в первую очередь на уровне бытовой, социально-нормативной и гуманитарной культуры, в частности, в области устного, музыкального, хореографического народного творчества.

Рассекая этнические территории, разобщая родственные этносы, государственные границы способствуют интеграции не родственных между собой народов (славян, греков, албанцев, турок, восточных романцев, цыган). В этой ситуации общими становились в первую очередь престижные стороны культуры, в том числе религия, образование (сопровождавшееся многоязычием), профессиональная литература и искусство.

Этнообъединительные процессы имеют нескольких видов. В первую очередь следует отметить *консолидацию.* Выразительный пример – черногорцы. В ту пору, когда Черногория была единственной фактически независимой от османов территорией, в нее стекались

inslav

люди из разных мест югославянского мира. Единый образ жизни, направленный на сохранение фактической (хоть и не формальной) независимости при помощи военной силы, объединял людей[19]. После официального признания независимости (1878 г.) из пределов Черногории были изгнаны мусульмане (славяне «потурченцы»), они пополнили население Боснии. Создалась в конце концов единая черногорская этническая общность, члены которой говорят на сербском языке, исповедуют православие, отличаются от родственных этносов в первую очередь самосознанием.

Ассимиляции подвергаются небольшие этнические группы, живущие в плотном окружении другого этноса. Топонимы южной части Балканского полуострова явно свидетельствуют о присутствии славян в эпоху их расселения, некоторые данные языка указывают на более позднее проживание славян на территории современной Албании, но очевидно, албанский и греческий этносы поглотили мигрантов. Те небольшие группы, которые ныне живут в Албании – македонцы на западном берегу озера Преспа, черногорцы к северо-востоку от г. Шкодры – это остатки от чересполосного расселения славян и албанцев нового времени. Сами албанцы на территории современной Греции практически растворяются в преобладающем населении: люди, родившиеся в середине XX в., как правило, албанского языка уже не знают (их родители употребляют его только в домашнем общении).

Интеграция, как правило, протекает внутри государственных границ. Валахи, практиковавшие полукочевое скотоводческое хозяйство в пограничном районе между Албанией, Югославией и Грецией, после Второй мировой войны и закрытия границ стали активнее, чем в прошлом, оседать на землю. Сближаясь с греками, албанцами и славянами в отношении образа жизни, они передавали соседям навыки обработки молочных продуктов, шерсти, в частности – ковроткачества. Сами осваивали земледельческое хозяйство, навыки возведения жилых домов и т. д.

---

[19] *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч.1. СПб., 1897. С. 54 - 55, 129 - 130.

inslav

В Албании валахи, как и славяне, цыгане и евги (люди, возможно, египетского происхождения), имеют двойное самосознание: одно на уровне своей узкой родственной группы (употребление в быту родного языка и т.п.), другое – на государственном уровне: оценивая свое гражданское состояние, как патриотический долг, особенно после Второй мировой войны, когда большинство граждан всех национальностей включилось в борьбу против итальянской аннексии и немецкой оккупации, все они предпочитают называть себя албанцами, тем более, что албанский язык, на котором получают образование всех уровней, знают все.

Сельские поселения валахов в Северной Греции были ликвидированы во время гражданской войны 1940-х годов, ныне валахи-горожане практически не отличаются от греков.

Население Западной Фракии в официальных греческих документах называется «мусульманами» и считается единым образованием, хотя в его составе есть болгары-помаки, турки и другие группы разного происхождения, говорящие на разных языках и между собой практически не смешивающиеся.

Этноразделительные процессы вызываются разными причинами. Примерами могут служить мелкие группы албанцев и черногорцев, уходивших из родных мест, спасаясь от преследования кровников (кровная месть в этих краях была реальной угрозой, не изжитой до сих пор). Эти группы включались не только в повседневную жизнь, но и общественную структуру принявшего их сообщества[20]. На значение микромиграций отдельными семьями или малыми группами указывал Ю. В. Бромлей: по его наблюдениям эти миграции влекут и экономические, и социальные перемены, хотя потомки мигрантов, утратя

[20] *Поповић В.* Нешто за традиције о Матаругама и Драковићима на Грахову // Архив за арбанашку старину. Књ. III. Св. 1-2. Београд, 1926. С. 212-213; *Ђурковић. П.* Албанија. Црте о земљни и народу. Сарајево, 1884. С. 13-14; *Ajeti I.* Istorijski razvitok govora arbanasa kod Zadara. Sarajevo, 1964; *Krstić K.* Doselenje arbanasa u Zadaru // Zadar. Geografia - ekonomija – zaobraćaj – povest – kultura. Zagreb, 1964. S. 169 - 194.

inslav

многое из старой повседневной культуры, сохраняют порою этнические свойства, хотя бы только в самосознании[21].

Упомянутое не раз расчленение этнических границ также вело к разделению этноса. Часть болгар была включена в границы сербского государства. Трудно сказать, насколько к тому времени (первая четверть XIX в.) сложилось болгарское самосознание в сегодняшнем понимании этого термина. В восточных районах современной Сербии все население считается сербским, хотя следы болгарского элемента (принадлежность торлакского диалекта к балканскому языковому союзу и др.) там прослеживаются.

Македонцы Вардарской Македонии консолидировались в единый этнос благодаря существованию Республики Македонии в рамках Социалистической Федеративной Республики Югославии и сейчас являются государственнообразующим этносом Македонии. О Пиринской Македонии, принадлежащей Болгарии, этого в столь четкой форме сказать нельзя. Македонцы Эгейской Македонии находятся в двойственном положении: почти ассимилированные греками, они все же имеют возможности демонстрировать свои культурные особенности[22].

Когда этнос уже сформировался со своим языком, особенностями культуры и самосознанием, то миграции не всегда ведут к растворению в принимающем этносе. Например, албанцы в османское время активно мигрировали по обширным пространствам империи. Группы православных албанцев, уроженцев юго-восточных пределов этнической территории, примерно в XVI-XVII вв. перешли на болгарские земли, от нескольких их поселений там в настоящее время осталось только одно село (Мандрица), остальные, возможно, были ассимилированы болгарами. Одна группа албанцев из-под г. Сливен пере-

---

[21] *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 35, 36.

[22] *Игнатьев Р. И.* Влияние политических границ на этническое самосознание. Автореф. дисс. канд. историч. наук. М., 2002. С. 19 - 26.

inslav

бралась в начале XIX в. в Россию (ныне Одесская и Запорожская области Украины), где сохранилась поныне[23].

Более 25 лет назад некоторые ведущие специалисты полагали, что для новейшего времени наиболее типичны процессы этнического объединения, которые приводят к закономерному сокращению общего числа этносов по всей ойкумене[24]. События последних десятилетий XX в. и начала XXI в. опровергают это мнение. Действительно, культура бытовая, производственная, все, что связано с мировой экономикой, коммуникациями, информационными потоками, все это объединено или находится на пути к объединению в глобальных масштабах. И одновременно этническое / национальное сознание обостряется даже в небольших сообществах, раннее не выделявших себя из более многолюдных этносов. Оно нацелено на дробление людских сообществ и вызывает политические катаклизмы.

В конце XX в. в Юго-Восточной Европе обозначились напряженные отношения между населявшими ее этносами в процессе распада Федеративной республики Югославии. В 1991 г. Словения, Хорватия, Македония и Босния с Герцеговиной объявили себя суверенными государствами. После жестоких конфликтов, сопровождавшихся военными столкновениями, возникла Союзная Республика Югославия, состоявшая из Сербии и Черногории. В Сербии обострились отношения в Автономном крае Воеводине, где преобладает венгерское население, и в

---

[23] *Иванова Ю. В.* Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде (на примере албанских поселений на юге Украины в XIX - XX вв.) // Сов. этнография. 1981. № 4. С. 95-107; *она же.* Албанские села в Приазовье. Этнографические наблюдения за пятьдесят лет // Итоги полевых исследований. М., 2000. С. 40-53; *Шарапова Л. В.* Албаноязычные поселения Болгарии и Украины // Основы балканского языкознания. Ч. 1. С. 114-124; *Яранов Д.* Преселническо движение на българи от Македония и Албания към източните български земи през XV до XIX век // Македонски преглед. Година VII. Кн. II-III. София, 1932; *Musliu S.*, *Dauti D.* Shqiptarët e Ukrainës. Shkup, 1996.

[24] *Козлов В. И.* Проблемы фиксации этнических процессов. IX Междунар. конгресс антропологов и этнографов. М., 1973. С. 5, 7 и др.

inslav

Автономном крае Косово. В этом последнем регионе албанцы (числено преобладающие) и сербы (а также более мелкие группы – турки, адыгейцы, цыгане и др.) всегда расселялись чересполосно и умели налаживать жизнь в условиях общего экономического и культурного пространства, религиозной толерантности, смешанных межэтнических и межконфессиональных браков[25]. Столкновение двух крайних сил – шовинистической политики руководства Республики Сербии и сепаратистских устремлений албанских националистов, а также вмешательство международных сил под руководством НАТО ввергли край в политический, экономический, моральный хаос[26].

Yulia Ivanova

L'Europe du Sud-Est
comme une unité historique et éthnographique

RESUMÉ

La Region dans la compréhension acceptée par notre science est l'unité naturelle-geographique et en même temps l'unité historique et culturelle. La region de l'Europe du Sud-Est (ESE) inclue: la peninsule Balkanique jusqu'au bassin du Danube, les îles des mers Ionienne, Egée et Mediterrannée (y compris l'île de Chypre), les regions occidentales de la peninsule l'Asie Mineure. Les frontières de la region sont conventionnelles.

---

[25] *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 128. М.,1999. Там же см. свидетельства П. А. Ровинского, российских дипломатов XIX века (собраны в Архиве внешней политики Российской империи и др.), ссылки на полевые тетради Ю. В. Ивановой.

[26] *Мартынова М. Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М.,1998.

inslav

Г. П. Клепикова

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОРОМАНСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ЯЗЫКИ БАЛКАНСКОГО АРЕАЛА*

Сформулированная в самом общем виде проблема включает ряд важных аспектов, свое отношение к которым исследователь должен определить, приступая к рассмотрению конкретного языкового материала.

Первый из них – **хронологический**; он предполагает необходимость (но и возможность) *стратификации* по данному признаку всей совокупности «восточнороманских» элементов, зафиксированных в языках балканской зоны, что означает соотнесение результатов подобных влияний с различными этапами истории языков и этносов Юго-Восточной Европы.

Начало 1-го этапа датируется эпохой поздней античности – раннего средневековья, когда конституировался восточный вариант латинского языка – «балканская латынь» (1) (что связывается с постепенным завоеванием Римской империей территорий на побережье Адриатического моря, на Балканском п-ве, в карпатской области (2) и прямыми контактами носителей латинского языка с автохтонным населением Балкан и народами, мигрировавшими в этом регионе – гуннами, готами, славянами и др.), сформировалась «цивилизационная» граница между зонами преимущественного доминирования латинского или греческого языков (3), возникали локальные варианты балканской латыни (= БЛ) (4).

На 2-м этапе, соответствующем эпохе Средневековья и далее – нового времени, можно говорить уже о непосредственном влиянии общерумынского языка (= româna comună) (до X в.), а затем и собственно румынского (= его

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте», тема: «Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект».

inslav

макродиалектов в облике дакорумынского и арумынского) (5) – как исторически конкретных «трансформаций» БЛ (6) – на языки балканского (resp. балкано-карпатского) ареала (7). В качестве границы между указанными хронологическими стратами восточнороманизмов, т. е. между ранними заимствованиями из (балканской) латыни и более поздними, – из румынского, принимается VII-VIII вв. н. э. (8).

Вкладу латинского языка в формирование лексического состава балканских языков в различные периоды их истории посвящено большое число исследований (обзор современного состояния и направлений разработки этой проблемы содержится в упоминавшейся работе Х. Хаарманна [Haarmann]) (9). Значительно меньшее внимание уделяется анализу влияния на соседние языки румынского. В настоящее время, благодаря интенсивному развитию в последние десятилетия XX в. карпатского языкознания – нового направления в ареально-типологической лингвистике (10) – значительный прогресс достигнут в изучении (дако)румынских заимствований в языках/ диалектах карпатской зоны (11). Напротив, роль румынского элемента в истории языков к югу от Дуная редко становится предметом специальных разысканий, поскольку само это влияние характеризуется как незначительное (12). Возможно, поэтому (а также в силу трудностей хронологической стратификации элементов романского происхождения, см., например в: RS XVI 67-68) некоторые исследователи предпочитают говорить иногда о «романских» заимствованиях в целом, не выделяя среди них специально румынизмы (13). В то же время отмечается стремление разграничивать источники заимствований самих румынизмов в балканославянских языках, – наряду с идентификацией многих из них как дакорумынских элементов, выявляются заимствования из арумынского (14).

Однако, по нашему мнению, выяснение масштабов этого (хотя и не столь обширного, как, например, греческое, турецкое или иное) влияния, и в том числе – уточнение данных о географии румынизмов в языках/ диалектах балканского ареала, должно входить в круг

inslav

актуальных задач современной балканистики. Это позволило бы более объективно оценить эффективность «количественного» критерия, который используется при квалификации того или иного явления как релевантного в «балканистическом отношении», а именно – как признака, играющего существенную роль в структуре балканского языкового союза (= БЯС) (или, по И. Дуриданову, – *sprachbundbildend* (15)) (16).

В настоящей работе основной задачей является рассмотрение результатов влияния именно румынского языка (с учетом роли диалектов к северу и к югу от Дуная) как непосредственного *источника* заимствований (= source of interference [по У. Вайнрайху]) в соседние языки некоторого числа элементов; таким образом, статус «румынизмов» имеют не только исконно романские единицы, но и вошедшие в румынский из других языков – унаследованные из «субстрата» (17), заимствованные из греческого, славянского и т. д. (18).

Другой аспект общей проблематики восточнороманских влияний, нуждающийся в уточнении, – определение **объекта** указанных влияний (target of the interference). В нашем случае таким объектом влияния румынского языка (resp. дако- и арумынского) являются *балканославянские языки* – болгарский, македонский, сербохорватский (преимущественно – их диалекты) (19).

Оценка иноязычных элементов в балканославянских диалектах именно как «румынизмов» предполагает возможность *прямого* контакта носителей восточнороманской и славянской речи – в прошлом и/или настоящем. Такой тип контактов, по мнению исследователей, осуществлялся в средние века в основном в процессе активных миграций восточных романцев («влахов», «румын») в пределах Балканского п-ва (а позднее – и в Северных Карпатах), миграций, обусловленных политическими (войны, притеснения феодалов и под.) и экономическими причинами. Главной среди последних была необходимость обеспечивать функционирование того способа отгонного скотоводства (номадизм и трансгуманция), который

inslav

широко практиковался восточнороманским населением (но и другими балканскими народами) на протяжении всего Средневековья, -- вплоть до начала XX в. (20). Кроме того, указанные контакты славян и восточных романцев могли иметь место и вне сферы занятий пастушеством, – в отдельных областях Балкан, где длительное время сохранялось (и еще сохраняется) романское население. Такой зоной контактов, в частности, было славяно-(дако)румынское пограничье – вдоль р. Дунай (21) (не говоря уже о взаимодействии славян и румын на территории самой Румынии (22)); ныне восточнороманское население отмечается в некоторых районах на северо-западе Болгарии, в северо-восточной части Сербии (23). Данные о расселении на юге Балканского п-ва арумын и мегленорумын находим в: Rosetti. ILR II, p. 49 (см. и карту в: IV-VI, p. 96-97 (24)). Румынские диалекты к югу от Дуная достаточно интенсивно обследуются и лингвогеографическими методами (25), что позволяет уже в настоящее время, на базе новых материалов, более детально изучать в различных аспектах славяно-румынские взаимоотношения.

Несомненно, что изучение восточнороманских языковых влияний в *принципе* тесно связано с исследованием соответствующих влияний и *в сфере культуры* (в том числе народной) (26). По-видимому, существует зависимость между численностью лексических заимствований из БЛ (прямых и опосредованных) в языки балканского ареала (а также степенью, «глубиной» адаптации в них подобных заимствований) и характером воздействия самой римской культуры на культуру местного населения восточных провинций Империи (27); то же можно сказать и о румынском влиянии: чем сильнее оно сказывалось в сфере материальной и, соответственно, духовной культуры того или иного балканского этноса, и прежде всего – в сфере пастушества (см. выше, меньше в примитивном полеводстве в горах), которое на протяжении столетий оставалось одним из главных занятий населения Балкан и соседних регионов

inslav

(28), тем больше румынизмов фиксируется в словаре соответствующего языка-реципиента (29).

В настоящее время в исследовании языковых и этнокультурных взаимодействий и влияний все чаще используются *методы пространственной презентации* фактов языка (= диалектов) и народной культуры. Так, сопоставительный анализ рядов синхронно зафиксированных изоглосс (и – соответственно – изопрагм, изодокс) и отдельных ареалов позволяет, с одной стороны, описывать современный балканский культурно-языковой ландшафт – в его единстве и дифференцированности (а также соотношение с соседними ареалами – карпатским, средиземноморским и т. д.), и, с другой, – приступить к последовательной диахронической интерпретации ареальных данных (= установление центров иррадиации явлений, релевантных в балканистическом плане, хронологии и направления балканистических процессов и под.). Решению этих задач балканистики в значительной мере способствуют уже существующие и вновь создаваемые лингвистические атласы (ср. ALE, ОКДА, ОЛА, МДАБЯ) (30): они содержат новые сведения о распространении в макрозоне многих лексических элементов. Следовательно, *географический* критерий (наряду с фонетическими и др., принадлежностью к определенным лексико-семантическим группам и т. д.) (31) помогает установлению источника (resp. источников (32)) заимствований и траектории их движения в балканском (и позднее – в карпатском) пространстве.

Именно поэтому в настоящей работе основное внимание уделяется изучению ареалов ряда заимствованных единиц, зафиксированных в современных балканославянских диалектах и оцениваемых, с учетом лингвогеографического критерия, как непосредственные заимствования из румынского (при этом, как говорилось выше [см. сн. (18)] их генезис может быть различным). Такой исследовательский аспект определил и характер привлекаемых материалов: в основном это данные диалектных атласов, и прежде всего ОКДА, а также иные публикации, содержащие ареалогическую информацию, – так, важными для нас

inslav

являются упоминавшиеся выше работы М. Младенова (см. сн. 13), поскольку они в некоторой степени компенсируют отсутствие (по известным причинам) в многоязыковых атласах сведений из болгарской диалектной области.

Анализируемые ниже лексические единицы имеют исконную (романскую) или неясную этимологию (= «автохтонная», «субстратная» лексика – см. сн. 17), что в некоторых случаях позволяет предположить возможность достаточно раннего их заимствования в балканославянские идиомы (33); однако скорее следует согласиться с теми исследователями, которые, учитывая, что фиксация славянскими и др. памятниками письменности несомненно румынских апеллативов (также топонимов, антропонимов) начинается лишь с XIII-XIV вв. (Rosetti. ILR IV-VI 125; то же в: RS XVI 69 и др.), более осторожны в датировке подобных заимствований (34). Косвенно о древности того или иного румынизма в славянском можно судить, исходя и из вида соответствующего ареала (35). Поэтому рассматриваемые нами лексемы сгруппированы по *типам* выявленных ареалов – в зависимости от их величины и конфигурации (= охвата диалектов балканославянских языков).

I. Румынизмы, зафиксированные в диалектах всех БСЯ.

1. Рум. colastră (coraslă и под.) 'молозиво' и под. (: лат. *colastra < *colostrum – M.-Lübke № 2028; Cior № 229; о различных версиях происхождения слова см.: Клеп. 1998 202-204 и др.) распространено во всех дакорумынских говорах (ОКДА 6, № 58). Ср. и ар., мегл. culastră, curastră (Pap.). мегл. g(u)lastră 'то же'. По данным ОКДА, известно восточносербским говорам (ku'lastra), македонским (gu'łastra); широко отмечается и в болгарском: *коластра* и вар. 'то же' (север, центр, юго-восток) (Млад. 1987 №18). В большей части БСД – несомненное заимствование из (дако)румынского (ср. фиксацию формы colastră именно в севернодунайской зоне), в македонском, возможно, – из мегленорумынского; в то же время серб. (Черногория) kúnuzdra (ОКДА) имеет, по-видимому, иной источник – итальянские диалекты

inslav

(Клеп. 1982, с. 64-65). Об алб. ku'łostər 'то же' (ОКДА) и под. см. и: Клеп. 1974 116; Домос. 437. Лексема широко распространена в КСД (ОКДА) (RS XVI 81; Клеп. 1998).

2. Рум. urdă 'вид творога'и под. (< ?; сводку этимологических версий см. в: Russu 411-412; Клеп. 1998 249; Калуж. 49 и др.) распространено, по-видимому, очень широко на территории Румынии (и Молдовы) (ОКДА 3, № 33; к сожалению, рекартографированные в нем материалы ALR не позволяют описать полностью географию данной лексемы), ср. также ар. urdă, urδă, мегл. urdă 'то же'. Заимствование из румынского отмечено во многих диалектах БСЯ, ср. серб. ùrda, 'urda, мак. 'urda 'то же' (ОКДА), сведения о распространении румынизма в болгарском (*урда*) см. в БДА (тт. I-IV) и иных источниках. Хорошо представлено и в КСД (Клеп. 1998) (RS XVI 98; Клеп. 1968).

3. Рум. buză (budză) 'губы', 'край (чего-либо)' и др. (< ?; подробный обзор этимологических версий см.: Калуж. 108 и сл.) распространено повсеместно на дакорумынской территории (ALR II, №№ 29, 30; ср. ОКДА 4, НМ 10, где отражены, помимо основного, также локальные значения: 'нос лодки', 'передняя часть саней' [запад, северо-запад]; Клеп. 1998 248), ср. ар. bu(d)ză (Pap.), мегл. budză 'губа' (Wild № 157). В БСД, по ОКДА: серб. bù3e, 'bu3a 'губа; губы', мак. 'buza (bu'zełka) 'то же' (см. и: 'губа' [в р-не Дебыр, Воден] и 'морда животного' [р-н Тетово] – Scărl. 1981 136; Scărl. 1972 108); о болг. *буза* 'щека' (обычно) и 'губа' (только р-н Силистры) см.: БДА ОТ Л № 71; Млад. 1987 № 39 (о возможном направлении семантического развития: Калуж 116). В целом, допуская «субстратное» (и подобное) происхождение buză, мы не видим формальных и семантических аргументов, препятствующих возведению не только локальной (и, по-видимому достаточно поздней) фиксации болг. *буза* 'губа', но и частотного *буза* 'щека' (центральный, меридионально ориентированный ареал на территории Болгарии, микроареал, охватывающий говоры северо-запада Болгарии и северо-востока Сербии) к рум. buză; при этом датировка этого заимствования может быть значительно «удревнена», что

inslav

позволяет объяснить отмеченную эволюцию семантики (эвентуально: ‘губа’ → ‘щека’) уже на болгарской почве и избежать допущения о *прямом* заимствовании из (фракийского или иного) «субстрата» (о последнем: Калуж. 115). Наличие апеллатива buză (и соответствующих антропонимов) в памятниках, написанных на славянском языке (в том числе – на книжнославянском румынской редакции), фиксируется с XV в. (Mihăilă. 1996 32; Михаила 1997 23). Фиксация в ОКДА карпатославянских форм типа польск. 'buźa ‘лицо; рот; щека’ 'buz’a ‘лицо’, укр. (В. Словакия) 'pusa ‘лицо; рот’, укр. (Буковина) 'buʒa ‘лицо’, но и ‘телячья морда’ дает дополнительный материал для размышлений о вероятности независимости польских и иных форм с z’ от рум. buză (подробнее: Калуж. 107-108); в то же время укр. диал. 'buʒa и, вероятно, 'pusa – из румынского (RS XVI 77; Клеп. 1998; Калуж.).

4. Рум. guşă ‘горло, шея и др. ’ (: лат. geusiae [gall.] – M. Lübke № 3760; Ros. ILR. II 115 и под.) рапространено на всей территории Румынии (и Молдовы) (ОКДА 4, № 26), ср. и ар. ., мегл. guşă ‘то же’ (ср.: Wild № 162). Рефлексы рум. guşă, по ОКДА, отмечены в диалектах всех БСЯ, ср: серб. gùša, 'guša ‘опухоль, зоб (птицы)’, ‘горло’ (редко), мак. 'guša ‘опухоль, зоб’; о присутствии данного заимствования в болгарском (по крайней мере, восток, юг) см. в: МДАБЯ № 134 – 'gušʌ ‘шея, горло’ и под. ; ср. и: БЕР 1, 297: *гуша* ‘передняя часть шеи’ и др. – р-н Б. Слатины, Врацы). В КСД заимствование фиксируется в двух (микро)ареалах: запад Словакии ('guča) и Гуцульщина ('guša) ’опухоль, болезнь горла, зоб’ (ОКДА) (RS XVI 87-88).

5. Рум. glugă ‘(меховая) шапка; капюшон; укладка снопов’ (: лат. cucullus, cuculla ‘капюшон’, вошедшее в румынский через немецкое посредство, ср. ср.-в.-нем. gugel[e] ‘то же’, с метатезой – Bernard 110 и сл. ; БЕР 1, 292; Mihail 124 – с упоминанием факта фиксации лексемы в документах из Трансильвании уже в начале XVI в. ; ср. и: ЭССЯ 7, 168 и др.) в первом значении зафиксировано на всей дакорумынской территории (Mihail), в значении ‘вид укладки снопов’ – на востоке,

inslav

юго-востоке (ОКДА 2, №7; там же – данные ALR о географии вариантов лексемы clucă/ cuclă 'шар, кегли', которое, возможно, имеет то же происхождение, что и glugă – см.: БЕР 3, 92 [*кукла*[1]]). О наличии заимствования в Южной Славии см.: ОКДА – в.-серб. 'gugla 'шапка; мешок для спанья', мак. 'gugła 'gługa (!) 'шапка' (ср. 'то же' и в говорах Эгейской Македонии – Млад. 1987, № 13). О географии болг. *гугла* шапка и под. (запад, также небольшие ареалы в р-не Хасково, на юго-востоке, в Южной Фракии) см. в: Млад. 1987. В КСД это заимствование в форме 'gugła, 'gugl'a 'капюшон', 'вид одежды' и под. отмечено ОКДА в буковинских и гуцульских говорах; ср. и мор. 'kukl'a 'сетка на голове пчеловода' (RS XVI 86).

6. Рум. găleată '(деревянный) сосуд, подойник; ведро' и др (: лат. *gallēta 'ведро' – M.-Lübke № 3656 и др. ; далее неясно – [«доримское», «доиндоевропейское» и под.], см.: Клеп. 1983 216 и сл; Клеп. 1998 181) фиксируется на всей дакорумынской территории (ОКДА 2, № 39), ср. и ар. găleată (Pap.), мегл. gălétă 'то же' и др. Заимствовано в некоторые южнославянские диалекты, – ОКДА фиксирует: в.-серб. ga'l'ata 'подойник' (по иным источникам также в Югославском Банате: *гељата* 'ведро' – Клеп. 1983 226; в говорах Румынского Баната – galiáta 'подойник' – ALR sn, № 414), в.-мак. ga'leta 'то же'. В болгарских говорах отмечается крайне редко, ср., например: *гъл'ата* 'подойник (р-н Силистры – Кочев 108), а также в болгарских анклавах Румынии (Млад. 1993 297). Этот румынизм хорошо известен и КСД (ОКДА) (RS XVI 86; Берн. 2000 241) (см. карты 1-2).

II. Румынизмы, зафиксированные в диалектах двух БСЯ

1. Рум. spuză (spudză) 'жар; пепел' и под. (обычно сопоставляется с лат. spodium 'горячий пепел' и под., далее, возможно, – гр. σποδος, σποδια и др. – M.-Lübke № 8186; ср.: Клеп. 1998 205) распространено повсеместно в говорах Румынии (и Молдовы) (см.: ОКДА 1, № 61; ALR), см. и: ар. spudză 'то же' (Pap.), spuză (spurză).

instav

Распространено в некоторых БСД, см.: мак. '(s)puza 'пепел' (ОКДА); о болг. *спуза* (запад, юг) 'то же' см. в: Млад. 1987, №5 (ср. и: МДАБЯ № 164); о серб. spudza (Рум. Банат) см. в: ALR. В КСД заимствование отмечено в нескольких микроареалах: укр., ю.-польск., мор., в.-слвц. 'spu3a 'жар; пепел; угли' (ОКДА) (RS XVI 96; Берн., Клеп. 1989 134; Клеп. 1998).

2. Рум. vătrai 'вид кочерги' (< *vatra [< ?; изложение версий см. в: Russu 415-416; Клеп. 1998 194; Калуж. 49 и др.] и, вероятно, суфф. -ai – к -alis], подробнее: Ros. ILR I, 142) представлено на юге дакорумынской территории (на севере и востоке обычным является вариант vătrar[1] < vatră + -ar [: лат. -arius]) (ОКДА 1, № 63, 64). О серб. *ватраљ* 'то же' см. в: Клеп. 1973 164. Распространение болг. *ватрал*[()] 'то же' см. в: Млад. 1983, № 24; данные о фиксации *ватрал'* 'то же' в р-не Сереса (Эгейская Македония) см. в: Клеп. 1973 165. В КСД румынизм отмечается редко и в адаптированной словообразовательной форме, ср. польск., слвц., укр. vat'ral'ka, укр. vat'rač 'кочерга' (ОКДА; Vrabie 179) (RS XVI 99; Клеп. 1973).

3. Рум. călțun / colțun 'чулки; носки', 'вид обуви из материи' и др. (: лат. calcea [augm. к calceus] 'чулки' – M.-Lübke № 1495, с указанием, что рум. călțun от ит. calzone; далее обычным является утверждение о греческом посредстве [гр. καλτσούνι > рум. călțun], см., например: БЕР 2, 165 и др. ; к переходу ă > o в румынском слове см. и: norod < nărod [XVI в., по диалектам] – Ros. . ILR IV-VI 216; ср. также об o > ă [că < quod – еще в общерумынском] – там же, p. 45) распространено в Румынии (и Молдове) и отмечается в виде нескольких ареалов различной величины – на востоке, юге, в центре (ОКДА 2, № 26; эти сведения могут быть дополнены из: Mihail 153-154); значение 'вид обуви (из сукна и под.)' отмечено в Молдове, Сев. Добрудже, Мунтении (существование обуви такого типа засвидетельствовано памятниками начала XVI в., ср.: **калци кроени** и др. – Mihail), география значения 'чулки' и под. представлена в ОКДА (см. также: Mihail, № 38); в ОКДА отражены и некоторые переносные значения, ср.:

inslav

călțunaş, călțunei 'фиалка'(Трансильвания). В арумынском – лишь călčiune (но и călčiće – см. ниже) 'чулки' (Pap. 260). В БСД точное соответствие друм. călțun находим лишь в болгарском – в виде нескольких «островных» ареалов: *калцун* (устар.) 'вид чулок' 'шерстяные тапочки' (Родопы, р-н Дедеагач, Гюмюрджина, но и р-н Кюстендил, София, Видин, Свиштов, Силистра; ср. и: *калцуни* 'вид штанов' – Преслав [БЕР]; также – р-н Салоники – Зар. 251). Наряду с этими формами отмечены и многочисленные однокоренные лексемы, ср. болг. *калци* (ед. *калец, калца*) 'чулок; вид обуви'(возводится к гр. κάλτσα < ит. calza [и далее – лат. calcea] – БЕР), ср. и ар. calță 'то же' (Pap.). Кроме того, словари отмечают болг. *калчун (кальчун)* 'вид чулок' (Родопы, Кюстендил) (по БЕР – контаминация *калцун* + *калчин* [< тур. kalçın < ит. calzino]). З. Михаил рассматривает ю.-слав. kalčun как *прямо восходящее* к ар. călčiun (< -[c]ionis] (Mihail 406; Ros. ILR I, 143; ср. и словен. ćalčune < фриул. ćialzoń – Skok 2, 17). В этой связи возможно, на наш взгляд, и уточнение версии о друм călțun как заимствовании из итальянского (через греческий – см.: БЕР): лексема в румынском может быть исконно романской (с сохранением -ț- под влиянием глагола [a]încălța [: лат. calceāre – M.-Lübke № 1497]?; это сопоставление и в: DEx 130); поэтому может рассматриваться предположение о том, что болг. *калцун* – заимствование из румынского (чему не противоречит географический критерий). По ОКДА, в македонских говорах отмечены варианты: 'kalci, kal'čuni 'вид обуви' (но и: kal'čini 'гетры'); в сербских – только kálćine, kal'čina 'гетры; чулки; обмотки' (также и – kálače, ka'lača 'вид обуви)'. В КСД заимствование обнаруживается в отдельных диалектах и только в дакорумынской форме, ср. укр. гуцул. koụ'cun 'тряпка' и др., слвц. 'kolcu:ni 'вид обуви', польск. 'kołcuny 'то же', 'чулки' (ОКДА) (RS XVI 78).

4. Рум. băşică '(мочевой) пузырь', 'нарыв' и под. (: лат. *vessīca – M.-Lübke №№ 9276, 9277; Cior. № 70; Ros. ILR I, 89 [: bessīca]; Scărl. 1972 104 и под.) распространено в говорах Румынии (и Молдовы) (ОКДА 4,

inslav

№ 27), ср. ар. bişică (Pap. 210), мегл. bişócă. В БСД данный румынизм (по ОКДА) отмечен в сербских говорах: 'be'şika 'мочевой пузырь' и др., ср. также в.-мак. be'šika 'то же'. В КСД – только в отдельных украинских: be'šiha 'нарыв; опухоль', 'рожистое воспаление' и др. (ОКДА); однако другие диалектные источники фиксируют заимствование и в некоторых иных областях Северной Славии (подробнее: Клеп. 1998 215) (RS XVI 75; Берн., Клеп. 1989 70) (см. карту 3).

5. Рум. ţap 'козел' (< ?; ср. мнение о принадлежности слова к общему румыно-албанскому фонду – Ros. ILR II 121; изложение ряда этимологических версий см. в: ЭССЯ 7. 173; Клеп. 1974 48 и сл. ; Калуж 48, 115 и др.) известно практически всем диалектам на дакорумынской территории, – возможно, за исключением юга (ОКДА 6, № 33), ср. и ар., мегл. ţap (Wild № 327 [редко]). Заимствовано в македонские говоры: сар (там же фиксируется и 'междометие, которым отгоняют козленка' – 'саре, 'саре!, 'сэре, 'сэре! – № 70), – впрочем, ОЛА (2, № 6) отмечает макед. сар 'то же' лишь в некоторых говорах на западе Македонии (не фиксируется в БСД tsap по: МДАБЯ, № 159). Редко данный румынизм встречается в восточносербских говорах: 'сарас 'то же' (ОКДА). Ср. и алб. сар и др. 'то же' (Домос. 422). Хорошо представлено заимствование в КСД (ОКДА), а также в украинских говорах за пределами карпатской зоны (узкая полоса говоров – вплоть до р. Днепр! [ОЛА]) (RS XVI 87; Клеп. 1974 109 и сл.).

III. Румынизмы, зафиксированные в одном БСЯ

1. Рум. zestre 'приданое; имущество' (< ?; этимологические версии [например, возведение к лат dextrae < dexter 'правый' и др.] рассмотрены в: Клеп. 1998 211-212) распространено почти во всех дакорумынских говорах (исключение составляют некоторые западнорумынские) (ОКДА 3, № 61), ар. zestră 'то же' (Pap). Обычно заимствование отмечается в болгарском: *зестра* 'то же' (БЕР 1, 636; в словарях с пометой «нар.», «разг.», см., например, в: РБЕ), ср. и диал. *зес(т)ра* (Ихтиман, Гюмюрджина, р-н

inslav

Салоники) (Клеп. 1998; Зар. 187). Заимствование зафиксировано и в КСД, – в украинских и некоторых словацких говорах (ОКДА) (RS XVI 100).

2. Рум. căpăstru 'узда (с удилами)', 'уздечка, повод' (: лат. capĭstrum 'то же' – M.-Lübke № 1631; подробнее: Клеп. 1998 218) распространено на большей части территории Румынии (и Молдовы) (ОКДА 5, № 18, 19), ср. ар., мегл. căpestru 'то же'. В БСД – как будто только в болгарских, о географии лексемы *капистра* и под. см.: Млад. 1987, № 37 (ср. и болг. kap'istrA [Родопы] – МДАБЯ № 128). В КСД данный румынизм зафиксирован тольько в украинских говорах (ОКДА) (RS XVI 78; Vrabie 152).

3. Рум ţarc 'вид загона' и под. (< ?; обзор этимологических версий см. в: Russu 401; Ros. ILR II 123-124; Клеп. 1998 246; Калуж. 48 и др.) широко представлено на дакорумынской территории (см.: ОКДА 1, № 26, однако рекартографированный в нем материал ALR неполон и нуждается в дополнениях их иных источников, см.: Клеп. 1998). Заимствование отмечено как будто лишь в северовосточных болгарских говорах: *царк* 'то же' (Млад. 1987, № 18). Напротив, хорошо отражено в КСД, в них же отмечается и заметное развитие исходной семантики рум. ţarc – 'огороженное место (в доме, подвале и др.)', 'клетка' и т. д. (ОКДА) (RS XVI 98; Клеп. 1974 200 и сл.).

4. Рум. balegă (baligă) 'навоз' и под. (< ?; различные точки зрения на происхождение лексемы см. в: Ros. ILR. II 109; Russu 237; Клеп. 1998 213-214; Калуж. 21 и др.) распространено почти повсеместно на территории Румынии (и Молдовы) (ОКДА 6, № 6; исключение – некоторые р-ны Трансильвании и др.). Заимствовано в сербские (и хорватские) говоры: bàlaga, bàlega, ba'lega 'то же' (ОКДА; отмечено и в: МДАБЯ № 158). По Скоку, возможно говорить об албанском источнике (Skok 1, 100), ср. алб. bajgë, bagële и под., однако их фонетический облик и относительно позднее время фиксации (XVII в.) говорит скорее в пользу именно румынского как центра иррадиации (подробнее: Scărl. 1972 102) (RS XVI 74).

inslav

5. Рум. faţă 'лицо', 'сторона горы' и др. (: лат. *facia [: faciēs] – M.-Lübke № 3130; ср. Ros. ILR I 115) распространено на всей дакорумынской территории, ср. также ар., мегл. faţă 'то же'. О наличии румынизма только в македонских говорах ('faca 'лицо') см. в: ОКДА (RS XVI 84) (см. карты 4, 5).

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Ср. и термин «апеннино-балканская латынь», – подробнее: *Rosetti A.* Istoria limbii române. I. Bucureşti, 1964, p. 44-45 (далее – Ros. ILR. I).

(2) Об этапах завоевания Римом Иллирика, Македонии, Паннонии, Мезии, Фракии, Дакии и др. и образовании соответствующих провинций см. в: БСЭ 10 [1972], с. 131; 15 [1974], с. 234; 19 [1975], с. 147; 16 [1974], с. 27 [1977], с. 612; 7 [1972]. Подробнее об этом процессе см. в: *Моммзен Т.* История Рима. V. М., 1949 (гл. I. Северные границы Италии, гл. II. Придунайские земли и войны на Дунае).

(3) Так называемая «линия Иречека»; впервые об этой «культурной» границе см. в: *Jireček C.* Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. I. Wien,1901, S. 13; ср. также: *Rosetti A.* Op. cit. II. 1964, p. 35 (далее – Ros. ILR. II*); Poghirc C.* La latinité carpatho-balkanique// [Poghirc C.] Philologica et linguistica. Bochum, 1983, p. 223-224 и др. Конфигурация границы и, главное, понимание ее характера со временем корректировались, ныне она рассматривается как «буферная зона» (подробнее: *Haarmann H.* Der Einfluss des Lateinischen in Südosteuropa // Handbuch der Südosteuropa-Linguistik. Wiesbaden,1999, S. 549 (далее – Haarmann).

(4) О дифференции балканской зоны на 2-3 субзоны: «Küstenlatinität» и «Kontinental-/ Donaulatinität» – к северу от «линии Иречека», а также «латынь Via Egnatia» – к югу от нее см. в: Haarmann 559-560; несколько иначе в: Ros. ILR II, p. 34-34. Ч. Погирк предлагал для БЛ *в целом* термин «карпато-балканская латынь» (= latinité carpatho-balkanique) (*Poghirc C.* Op. cit., p. 216 и др.). Таким образом, появление локальных вариантов БЛ (прежде всего в форме «обиходного» языка – Verkehrssprache) рассматривается как результат культурной и языковой романизации Балканского п-ва; в различных областях Балканского п-ва БЛ насыщалась элементами, заимствованными из местных языков (= «. . . dieses Sprechlatein im Munde der Einheimischen local farbte» – Haarmann 557). В дальнейшем, по мнению исследователей, это привело к возникновению таких вариантов, как **a**) Dardano-Romanisch (с иллирийским субстратом), **b**) Daco-Romanisch (с фракийским субстратом «в облике дакийского»), **c**) Geto-Romanisch (с фракийским субстратом) (*Reichenkron G.* Das Dakische [rekonstruiert aus dem Rumänischen]. Heidelberg, 1966, S. 34-35).

inslav

(5) В силу особенностей развития румынского этноса появление первых памятников румынского языка датируется лишь началом XVI в. ; о первых переводах конфессиональной литературы на румынский (с использованием еще кирилической графики) см., например: *Rosetti A.* Op. cit. IV-VI. 1966, p. 353 , 356, 361 и сл. (далее – Rosetti. IV-VI; Ros. IV-VI). См. также работы Г. Михаилэ об отражении румынских слов в памятниках письменности на латинском, венгерском, славянском языках, например: *Mihăilă.* 1996, p. 23 (там же – литература) и др.

(6) О роли (классической) латыни как источника обновления лексики румынского, начиная с XVII в., см.: Haarmann 547, 555. Все это свидетельствует, по мнению исследователя, о «витальности», активности латыни в формировании ряда особенностей языков Балкан и сопредельных регионов. Ср.: «Das Lateinische ist in Gestalt seiner romanischen Transformationen im Rumänische, Aromunischen und Istroromanischen *bis heute lebendig*, und die Dualität von lateinischen Erbwortschatz und dem Kultursuperstrat lateinischer Herkunft im Rumänischen illustriert *die zeitlose Dynamik* eines sprachlichhen Mediums mit vielschichtigen Funktionen. . . Das Lateinische ist bis heute organischer Bestandteil aller Sprachen der Region geblieben. In der romanischen Transformation des Rumänischen *kulminiert die Vitalität der lateinischen Determinante* in der schriftsprachlich-textuellen Hochfrequenz von Elementen des Erbwortschatz» (Haarmann 573, 574; [курсив наш – Г. К.]). Вместе с тем на вопрос, влиял ли латинский язык значительным образом на формирование языковых структур, общих языкам БЯС, обычно дается отрицательный ответ (там же, с. 573). Впрочем, признается роль латинского (как и греческого) как адстрата на Балканах (см.: *Schaller H.* Die Balkansprachen. Heidelberg, 1975, S. 118-119).

(7) Отметим настойчивые попытки в современном языкознании заменить многоплановое название макрозоны «Балканы» на *географически* более точное «Юго-Восточная Европа» и, соответственно, – название научной дисциплины «балканская лингвистика» – на «юговосточноевропейская лингвистика». См. об этом, например, во многих статьях сборника «Handbuch der Südosteuropa Linguistik»(1999): *Reiter N.* Von der Balkanologie zur Europalinguistik; *Hinrichs U.* Aufgaben und Ziele der Südosteuropa-Linguistik; также – *Sundhaussen H.* Südosteuropa und Balkan: Begriffe, Grenzen, Merkmahle и др.

(8) Ros. ILR. IV-VI, p. 29-30. Ср. и: «. . . Мы будем рассматривать VII в. (и, может быть, первые десятилетия VIII в.) как переходный период: язык не является более латинским, но он еще ни румынский, ни итальянский или французский… если мы принимаем, что для того, чтобы датировать начало румынского языка нужно считаться с эволюцией других романских языков, то с VIII в. можно говорить о румынском как особом языке, который характеризуется чертами, отличающими его от иных языков, вышедших из латинского, и который, с модификациями, присущими всей языковой эволюции,

inslav

существует до наших дней» (*Fischer I.* Latina dunăreană. Introducere în istoria limbii române. Bucureşti, 1985, p. 208, 210).

(9) О значении изучения «ранненароднолатинских» (= «западнобалканских романских» и под.) заимствований, например, в общеславянском, см. также в обзорном труде: *Бирнбаум Х.* Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987, сс. 158, 160-161, 171, 229, 338 и др.

(10) Об этом см.: *Клепикова Г. П.* Карпатское языкознание и «Общекарпатский диалектологический атлас» // Studia Slavica Hungarica. 48/1. Budapest, 2003.

(11) Важным импульсом подобных исследований явилось создание «Общекарпатского диалектологического атласа» (= ОКДА). О его целях см.: ОКДА. Пробный выпуск. Скопје, 1997, с. 9 и сл. ; также см.: *Бернштейн С. Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000 (статьи в части II) (там же литература).

(12) Ср., например: «. . . stehen also Griechisch und Türkisch an erster Stelle bei der Entwicklung des gemeinsamen Lehnwortbestandes der Balkansprachen während dem Romanisch und damit auch dem heutigen Rumänischen als Entlehnungssprache *eine geringene Bedeutung* zukommt» (*Schaller H.* Op. cit., S. 173; курсив наш – *Г. К.*).

(13) Ср., например, серьезное исследование М. Младенова (Ареална характеристика на романски елементи в българските диалекти // Die slawischen Sprachen. 12. Salzburg, 1987), в котором констатируется отсутствие надежных критериев разграничения «раннелатинских» (= *балканолатинских*) и более поздних, собственно *романских* (главным образом, румынских, но и итальянских) элементов (с. 75). В то же время в данной работе говорится лишь о двух возможностях проникновения ранних романских элементов в болгарский – или непосредственно из балканской латыни, или через посредство какого-либо языка (например, греческого) (с. 81), т. е. румынский в качестве *прямого* источника заимствований как бы не рассматривается. Правда, в другой работе М. Младенова (Българско-румънски езикови ареали // Там же. 5, 1983) описана география нескольких относительно поздних заимствований как раз из румынского, которые обычно фиксируются в говорах вдоль р. Дунай.

(14) Важна при этом ориентация на уточнение как языка-источника, так и языка-реципиента; см. работы: *Scărl.* 1972; *Scărl.* 1979; *Mihai. 1979*; *Scărl.* 1981 (далее – Scărl. 1972; 1979; 1981).

(15) *Duridanov I.* Zur Bestimmung des Begriffes «Balkanismus» auf den verschiedenen Sprachebenen // Ziele und Wege der Balkanlinguistik. Berlin, 1983, S. 62.

(16) В этой связи представляется достаточно механистичным положение о том, что «балканизмом» следует считать языковые особенности, зафиксированные более чем в двух языках. Так, П. Асенова формулирует это следующим образом: «...Двуезични сходства нямат ранг на балканизми: те могат да се възприемат като

inslav

непосредствен резултат от влиянието на един балкански език върху друг, осъществено в процеса на билингвизъм с локален характер» (*Асенова П.* Балканско езикознание. София, 2002, с. 293). Впрочем, далее автор замечает: «...двустранните сходства са много съществени за изясняване на вътрешните отношения в Б[алканския] Е[зиков] С[ъюз]» (там же). Принципиально иным является подход к этой проблеме Т. В. Цивьян, которая, наряду с этапом выявления *каркаса* БЯС (= его границ) – путем использования «ограничительного способа описания» (= «сужение списка балканизмов для установления максимально общей структуры БЯС»), – предполагает этап изучения и иной тенденции в функционировании языкового союза: балканистические изменения проходят по всем языкам или по группам языков, но и в каждом отдельном БЯ; ср.: «...оправданно считать балканистичными структурные изменения, которые возникают в *любых* комбинациях контактирующих языков, с тем прогнозом, что при распространении контактов данный вариант может захватить большее число языков → все языки» (*Цивьян Т. В.* Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979, с. 272-273; курсив наш – Г. К.). С другой стороны, следует иметь в виду, что вследствие недостаточной изученности диалектов балканских языков – в аспекте их функционирования в ЯС – мы не всегда можем с уверенностью определить число языков (resp. их диалектов), в которых существует то или иное явление. Более точный ответ на этот вопрос должно дать дальнейшее (и систематическое) исследование балканского диалектного континуума, в том числе труды лингвогеографического характера: «Малый диалектологический атлас балканских языков» (= МДАБЯ) (уже опубликовано: *Соболев А. Н.* Малый диалектологический атлас. Пробный выпуск. München, 2003), подготавливаемый проект большого Балканского атласа (подробнее о нем см.: *Цыхун Г. А.* Балканский лингвистический атлас: цели и задачи// Актуальные проблемы балканского языкознания. СПб., 2003). Ср. и предложение В. Фридмана, касающееся создания Атласа балканских турцизмов (*Friedman V.* Turkisms in a comparative Balkan context // 7-me Congrès international d'études du Sud-Est européen. Athènes, 1994, p. 537); эта идея рассматривается и в: *Клепикова Г. П.* Стратификация заимствований из турецкого в диалектах карпато-балканского ареала // В поисках «ориентального» на Балканах. Тезисы и материалы. М., 2003.

(17) О роли субстрата см.: Ros. ILR II, p. 32-33; *Poghirc C.* Considérations sur les éléments autochtones de la langue roumaine// [Poghirc C.] Philologica et linguistica, p. 253 и сл.; см. и: Haarmann 558 и сл.

(18) Методологически важно при этом понимание необходимости разграничения *происхождения* явления (в лексике – этимологии) и *источника* его иррадиации/ распространения в определенном ареале, см. еще в: *Трубачев О. Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования // ВЯ, 1959, № 1, с. 19.

inslav

(19) Таким образом, здесь мы не затрагиваем несравненно более сложную проблему восточнороманско (= румынско)-албанских языковых отношений, поскольку прежде всего неясен генезис фонда общей для двух языков лексики, – является ли он наследием общего «палеобалканского» (= «автохтонного» и под.) субстрата или следствием заимствований из одного языка (албанского) в другой (румынский) и др. (подробное изложение существующих версий см. в: *Калужская И. А.* Палеобалканские реликты в современных балканских языках. М., 2001).

(20) См.: Ros. ILR. IV-VI, p. 107-110; в последнее время об этом подробно в: *Домосилецкая М. В.* Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь. Скотоводческая лексика. СПб., 2002, с. XXIII-XXVII (с литературой).

(21) Ros. ILR II, p. 44-46, 48-49 и др. ; ILR. IV-VI, p. 125, 128.

(22) Подробнее см., например, в: *Младенов М.* Българските говори в Румъния. София, 1993.

(23) В последнее десятилетие заметно вырос интерес к изучению этнической группы «влахов», язык которых определяется как принадлежащий дакорумынскому диалекту; см., например: *Сикимич Б.* Полевые исследования «влахов» в Северо-Восточной Сербии // Актуальные вопросы балканского языкознания. СПб., 2003 (там же литература).

(24) XV; к этому также прибавим: *Atanasov P.* Le meglénoroumain des nos jours. Marburg, 1990.

(25) Отметим, например, наличие нескольких диалектных атласов: *Dahmen W., Kramer J.* Aromunischer Sprachatlas. Hamburg, 1994; *Neiescu P.* Mic atlas al dialectului aromân din Albania şi din fosta Republică Yugoslavă Macedonia. Bucureşti, 1997; *Wild B.* Meglenorumänischer Sprachatlas. Hamburg, 1983.

(26) Ср.: «Alles Sprachliche – und damit auch das gesamte Lexikon einer Sprache – ist *kulturgebunden.* In Abhängigkeit von der Spezifik und Intensität potentieller Kontaktbedingungen kann praktisch jedes lexikalische Element entlehnt werden, und *sei der damit bezeichnete Begriff noch so elementar*» (Haarmann, S. 555; курсив наш – *Г. К.*).

(27) О некоторых итогах изучения полифункциональной роли латинского в процессе многовековой романизации Балкан и сопредельных областей (использование его в качестве языка надписей и правовых документов, разговорного [= Umgangssprache] и обиходного [= Verkehrssprache] языка, специального языка армии и гражданской администрации, а также средства общения римлян и местного населения и т. д.) как отражение военно-политического господства и культурного влияния Рима в Восточных провинциях см. в: Haarmann 546-548 («. . . Seit sich die Römer militarisch und politisch auf dem Balkan etablierten, ist das Lateinisch *eine mediale Konstante* in der Sprachenvielfalt dieser Region» – Ibid., S. 547; курсив наш – *Г. К.*). Позднее, после разделения Римской империи на Западную и Восточную (395 г.),

inslav

народы, населявшие Балканский п-в, – с формированием «нового центра силы» (Византии) – постепенно стали испытывать все усиливавшееся влияние византийской культуры, а греческий язык стал играть в этом регионе чрезвычайно важную роль (Haarmann 553; см. и: *Mihăescu H.* La littérature byzantine, source de connaissance du latin vulgaire. I-III // RÉSEE, XVI, XVII, 1978, 1979). Ср. также: «...Византийская культура... впитала художественные традиции, созданные народами, населявшими империю. Не только греки, но особенно сирийцы, а также копты, армяне... и латинское население Иллирика в разной степени внесли лепту в формирование собственно византийской культуры. Но после ее окончательного сложения культурное развитие этих народов пошло под знаком *нивелирующего господства* византийской цивилизации» (Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1984, с. 17; курсив наш – Г. К.).

(28) О роли пастушеских миграций на юге Балкан, фиксируемых источниками уже в XIII-XIV вв., см. в: Ros. ILR IV-VI, p. 107; RS XVI 69-70 и сл.

(29) Особенно наглядно проявляется эта зависимость в Северных Карпатах. Как известно, в карпатославянских диалектах самое большое число румынизмов отмечается в лексико-семантических группах, «обслуживающих» именно пастушество (названия построек, загонов, стад, сосудов, обозначение особенностей внешнего вида животных, переработки молока и др.). Чаще всего подобные заимствования фиксируются в карпатоукраинских говорах Закарпатья, Гуцульщины, Буковины, т. е. в той части севернокарпатского ареала (= Лесистые Карпаты), которая явилась в XIII-XIV вв. исходной областью так наз. «валашской колонизации», когда восточнороманское население (= румыны), практиковавшие отгонное скотоводство и мигрировавшее в севернокарпатскую область непосредственно из Центральных Карпат (Трансильвания – Марамуреш), двигались на северо-запад и запад, достигнув, по-видимому, в XVI в. конечного пункта – Моравии. В ходе миграций имело место интенсивное взаимодействие местного (по преимуществу славянского) населения и пришлых этнических групп. Результатом этого явилось усвоение славянами многих сторон материальной (и духовной) культуры романских мигрантов, а также соответствующей лексики (терминологии). См., например: *Клеп.* 1998 (там же литература). Кстати, радикальная позиция Д. Крынджалэ (см.: Crânjală D. Rumunské vlivy v Karpatech se zvláštním zřetelem k Moravskému Valašsku. Praha, 1938; см. и другие его труды), преуменьшавшего значение румынского влияния на славянские языки (resp. культуру), не находит подтверждения в процессе развития карпатистики, ср. оценку взглядов этого ученого, например, в: *Fochi A.* Coordinate folclorice în Carpații de nord. București, 1984, p. 17-19; также: *Клеп. 1998,* с. 172 и сл. ; ранее см. и в: Rosetti A. ILR IV-VI, p. 118. Что касается проблемы отношения карпатского пастушества к балканскому, то целесообразно

inslav

рассматривать его в двух аспектах: типологическом и историческом (с различными выводами о близости этих видов пастушества друг к другу), см.: *Клеп.* 1974, с. 16-17; несколько неточно наша точка зрения изложена в: *Домос.*, с. XXXIX.

(30) Ср. также удачные примеры комплексного изучения явлений традиционной славянской культуры и соответствующих терминов с учетом их географии, – работы А. А. Плотниковой, И. А. Седаковой, Е. И. Якушкиной и др. Особо отметим книгу: *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

(31) Сведения о процессах фонетико-морфологической адаптации славянскими языками румынизмов, об изменении семантики последних и под., которые могут быть использованы при установлении возможного времени усвоения румынизмов, а также о примерном распределении их по терминологическим группам см., например, в: RS XVI, p. 102 и сл.

(32) Ср. мысль В. Н. Топорова о том, что если заимствованный элемент (в нашем случае – румынизмы в славянском) «...засвидетельствован в разных и многих славянских языках и диалектах <. . .>, то почти с полной достоверностью можно утверждать, что это приобретение было сделано не в результате *однократного* акта заимствования, но множества таких актов»; и далее; «...Полицентризму источников заимствования... соответствует полицентризм результатов рецепции заимствований» (*Топоров В. Н.* О балто-славянской диалектологии [несколько соображений]// ИСД. 4. 1995, с. 46-47; курсив наш – Г. К.). Применительно к балкано-карпатской зоне это положение формулируется следующим образом; «...При наличии одного источника – «восточнороманская языковая среда» – допускается множественность источников заимствований..., и многократность актов заимствований (= возможность разновременного появления этого элемента в нескольких зонах одной языковой территории)» (*Клеп.* с. 228). Сходные мысли см. и в: *Младенов М.* Ареална характеристика..., с. 76.

(33) Так полагали, например, авторы обзорной работы, посвященной румынскому влиянию на славянские языки, см.: «. . . En ce concerne les Slaves méridionaux, l'influence roumaine est *sans doute fort ancienne*, car, avec l'apparition de traits specifiques de la langue roumaine, les emprunts faits au latin populaire (vulgaire) y ont commencé a changer de caractère» (RS XVI, p. 68-69; курсив наш – Г. К.).

(34) Ср.: «...нужно отметить, что некоторые элементы словаря вошли в болгарский язык недавно, более точную хронологию установить невозможно» (Ros. ILR IV-VI, p. 125; курсив наш – Г. К.); избегает точной датировки и: Младенов М. Ареална характеристика..., с. 80.

(35) Ряд исследователей *славизмов* в румынском полагают, что наибольший ареал заимствований соответствует наиболее старому их пласту – юговосточнославянскому (= «болгарскому» по характеру

instav

языка), см.: *Petrovici E.* Studii de dialectologie şi toponimie. Bucureşti, 1970, p. 74; также: *Mihăilă Gh.* Studii de lexicologie şi istorie a lingvisticii româneşti. Bucureşti, 1973, p. 12. Данное положение может быть рассмотрено как трансформация «нормы большой области» (= norma dell'area maggiore) в ареальной лингвистике, что означает: сохранение старого состояния языка (архаизм) – в группе родственных языков – на большой территории (*Bartoli M.* Introduzione della neolinguistica. Genève, 1925, p. 10). В ситуации *контакта* и интерференции языков допустимо, на наш взгляд, интерпретировать данную «норму» как: «чем больше территория фиксации заимствования, тем более старым оно является». Разумеется, «принципы Бартоли» достаточно условны (= «индикативны»), они не являются закономерностями в точном смысле слова, поэтому их учет и применение должны сопровождаться определенными оговорками и комментариями, что может быть сделано на основе привлечения некоторых дополнительных данных

СОКРАЩЕНИЯ

БДА – Български диалектен атлас. I-IV. София, 1964-1981.

БДА ОТ – Български диалектен атлас. Обобщаващ том. София, 2000.

Берн. 2000 – *Бернштейн С. Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.

Берн., Клеп. 1989 – *Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П.* Восточнороманское влияние в лексико-семантической сфере внутри и вне балканского языкового союза// Мат-лы к VI межд. конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1989.

БСД – балканославянские диалекты.

БСЯ – балканославянские языки.

Домос. – *Домосилецкая М. В.* Албанско-восточнороманский…(см. сн. 20).

Зар. – *Вачева-Хотева М., Керемедчиева С.* Говорът на с. Зарово Солунско. София, 2000.

ИСД – Исследования по славянской диалектологии. М.

Калуж. – *Калужская И. А.* Палеобалканские реликты в современных балканских языках. М., 2001.

Клеп. 1968 – *Клепикова Г. П.* Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. 1. urda //Этимология. М., 1968.

Клеп. 1973 – *Клепикова Г. П.* Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. II. vatra //Балканское языкознание. М., 1973.

Клеп. 1974 – *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология. М., 1974.

Клеп. 1982 – *Клепикова Г. П.* К проблеме стратификации романских заимствований в лексике языков балканской (resp. балкано-карпатской) зоны // ОЛА. МИ. 1982.

inslav

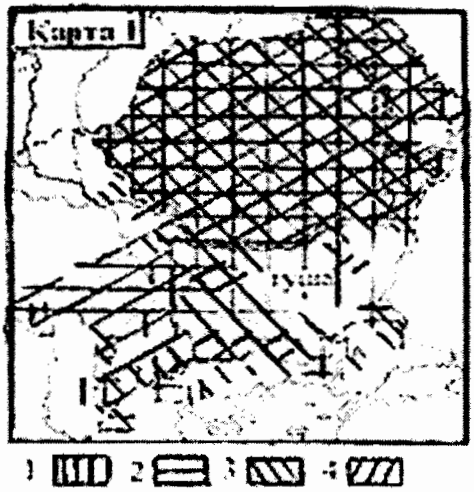
Клеп. 1983 – *Клепикова Г. П.* Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира. 5. +gVlVta //СБЯ (Проблемы языковых контактов). 1983.
Клеп. 1998 – *Клепикова Г. П.* Изоглоссы румынских заимствований в славянских диалектах карпатского ареала – типологический аспект //ИСД. 5. 1998.
Кочев – *Кочев И.* Гребенският говор в Силистренско. София, 1969.
КСД – карпатославянские диалекты.
МДАБЯ – Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск. München, 2003.
Михаила. 1997 – *Михаила Г.* Славяно-румынские грамоты и другие письменные памятники как источник для истории румынского языка (вторая половина IX в – 1520 г.)// RS XXXV, 1997.
Млад. 1983 – см. сн. 13.
Млад. 1987 – см. сн. 13.
Млад. 1993 – *Младенов М.* Българските говори в Румъния. София, 1993.
ОЛА. МИ – Общеславянский лингвистический атлас. Мат-лы и иссл. М.
РБЕ – Речник на българския език. 1 -. София, 1975 -.
СБЯ – Славянское и балканское языкознание. М.

ALR – Atlasul lingvistic român. Cluj.
ALRsn – Atlasul lingvistic român. Serie nouă. Bucureşti
Bernard – *Bernard R.* Deux mots bulgares: *vulgia* 'sac de cuir' et *gugla (kukul)* 'capuchon'// Балканско езикознание. 2, София, 1960.
Cior. – *Cioranescu A.* Diccionaril etimológico rumano. La Laguna. 1-, 1959.
DEx. – Dicționarul explicativ al limbii române. Bucureşti, 1975.
Mihail. 1978 – *Mihail Z.* Terminologia portului popular românesc // Bucureşti, 1978.
Mihail. 1979 – *Mihail Z.* Aromunische Elemente im Bulgarischen // RÉSEE XVII, 1979.
Mihăilă. 1996 – *Mihăilă Gh.* Les plus anciennes attestations des mots roumains autochtones (X-e siècle – 1520) // Thraco-Dacica. XVII. Bucureşti, 1996.
M.-Lübke = Meyer-Lübke.
Pap. – *Papahagi T.* Dicționarul dialectului aromân general şi dialectal. Bucureşti, 1963.
RÉSEE – Revue des études sud-est européennes. Bucureşti.
Ros. ILR – см. сн. 1,3,5.
RS – Romanoslavica. Bucureşti.
RS. XVI – *Niță-Armaş S.* et al. L'influence roumaine sur le lexique des langues slaves //RS XVI, 1968.
Russu – *Russu I.* Etnogeneza românilor. Fondul autohton. Bucureşti, 1981.

inslav

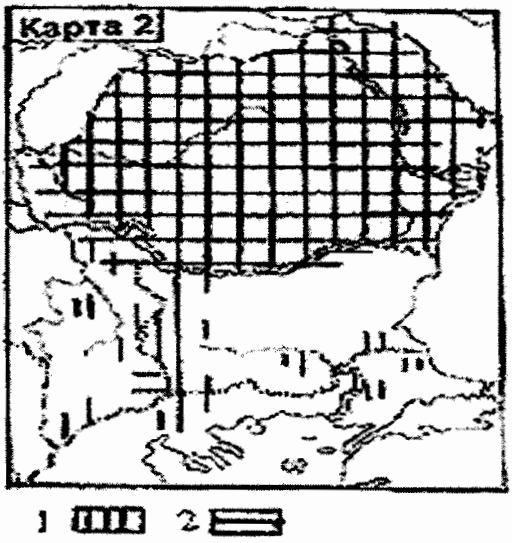
Scărl. 1972 – *Mihăilă- Scărlătoiu E.* Emprunts roumains dans le lexique serbo-croate // RÉSEE X, 1972.
Scărl. 1979, 1981 – *Scărlătoiu E.* Romanian lexical elements in Macedonian and Serbo-Croatian // RÉSEE XVII, 1979; XIX, 1981.
Vrabie – *Vrabie E.* Influența limbii române asupra limbii ucrainene //RS XIV, 1967.
Wild – *Wild B.* Meglenorumänische Sprachatlas. Hamburg, 1983.

Остальные сокращения см. в издании ИРЯ РАН «Этимология».

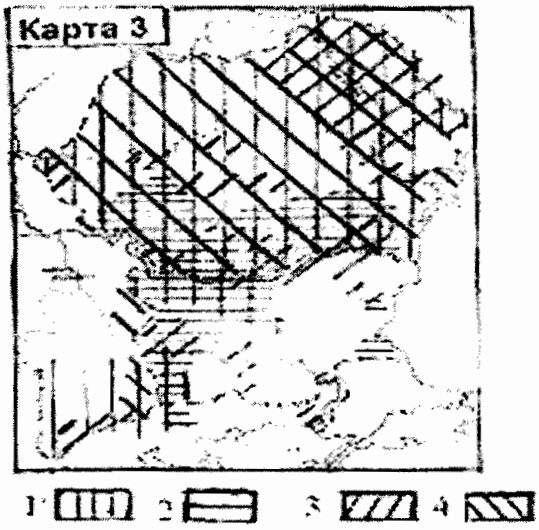


Карта 1. 1 – рум. colastră ~ слав. kolastra, 2 – рум. urdă ~ слав. urda, 3 – рум. buză ~ слав. buza, 4 – рум. guşa ~ слав. guša.

inslav

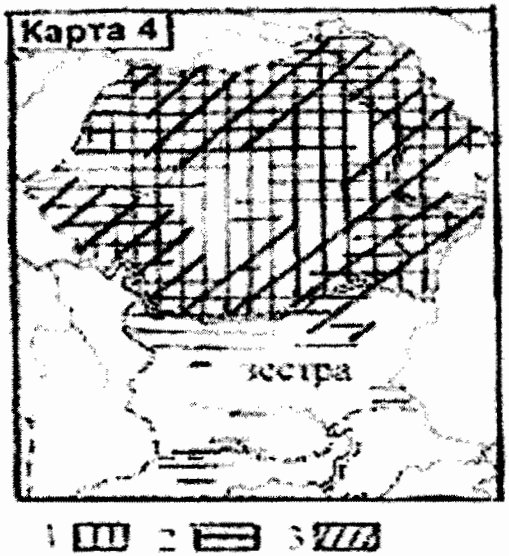


Карта 2. 1 – рум. glugă ~ слав. gugla, 2 – рум. găleată ~ слав. gal'ata.

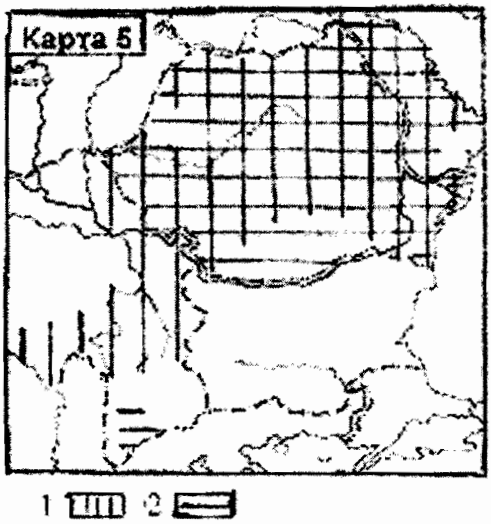


Карта 3. 1 – рум. spuză ~ слав. spu(d)za, 2 – рум. vătrai ~ слав. vatral(), 3 – рум. călțun/ călciun ~ слав. kalcun/ kalčun, 4 – рум. băşică ~ слав. bešika.

inslav



Карта 4. 1 – рум. zestre ~ слав. zestra, 2 – рум. căpăstru ~ слав. kapistra, 3 – рум. țarc ~ слав. cark.



Карта 5. 1 – рум. balegă ~ слав. balega, 2 – рум. față ~ слав. faca.

inslav

Galina P. Klepikova

Eastern Roman linguistic Influences in the Balkan area

SUMMARY

The main problem in studying Eastern Roman (= ER) influences on the languages and culture of the Balkan peoples – in our case, Southern Slavs – is stratifying the body of borrowed lexical elements into (1) those that have been adopted by the Slavs at early stages of their history in the Balkans from Latin (= Balkan Latin) and (2) those that date back to the Medieval epoch (from Common Rumanian) or the new age (from Rumanian). Researchers pay much attention to the first group of borrowed elements; on the contrary, the significance of Rumanian in the shaping, for example, the lexicon of the Balkan Slavic languages seldom becomes the main subject of research as the influence in this case is regarded as insignificant. However, the clarification of such influences in the areas of language and traditional culture should be one of the most relevant problems of the modern Balkan studies.

Presently the methods of spacial presentation of linguistic facts are being used more and more often in language studies. The comparative analysis of synchronic fixed isoglosses allows, on the one hand, to describe contemporary Balkan linguistic (and cultural) landscape in its unity and differentiation and, on the other hand, to set about a consistent diachronic interpretation of areal data. The resolution of these tasks is enabled by linguistic atlases, which can be national and polylingual (the Slavic dialectal atlas, the Atlas of the Carpathian dialects [= ACD] etc.).

The article analyses areal information, which is contained in ACD and several other sources on some ER elements interpreted in Balkan Slavic languages as borrowings from Rumanian.

inslav

К. А. Климова

НЕРЕИДЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЦИИ *

В традиционной греческой культуре нереиды являются основными женскими мифологическими персонажами (далее – МП), представления о которых распространены не только по территории всей Греции, но и практически во всех уголках «греческого мира» (например, у греков южной Италии, у понтийских греков). Нереиды как МП восходят к общеизвестным древнегреческим нимфам. В современной традиции они имеют бóльшую связь с водой, чем с другими природными стихиями, однако сохранились представления и о «воздушных», и о «лесных» нереидах. Наиболее распространенное название этого МП – *нереида* – напрямую восходит к древнегреческой мифологии, где Нереиды были прекрасными дочерями вещего морского старца Нерея и богини Дориды, жившими в море и иногда выходившими на берег водить хороводы и петь песни. Нереид было пятьдесят, они считались покровительницами мореходов и обеспечивали им счастливое плавание.

В нашей работе будут рассмотрены основные характеристики новогреческих нереид по схеме описания мифологических персонажей Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой [Виноградова-Толстая 1994].

Названия мифологического персонажа

Из терминов, обозначающих этот МП, наиболее распространенным является тип «нереида» (*Νεράιδα,* мн.ч. *Νεράιδες*).

1) ***Νεράιδα***

Термин *Νεράιδα* используется практически на всем Пелопоннесе (в Мани, в Каламате, в Аркадии, в Элиде), на

* Авторская работа выполнена при финасовой поддержке Программы ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социо-культурном контексте» (проект «Культурные диалекты Южной Славии»).

Додеканезах (Родос, Карпатос, Лерос), на Кикладских островах (Сифнос, Аморгос), на Крите. В северных говорах, в которых отмечается редукция безударных гласных, например, в Македонии, на Лесбосе, этот тип трансформируется в *Νιράιδα*. В Каламате встречается вариант *Νεράδια*; на Ионических островах (Закинф, Кефаллиния), на Кикладских островах (Наксос, Сирос, Сикинос), на Крите, во Фракии и в Мессинии – вариант *Ανεράιδα*; *Ναράιδα, Ναραιδή* – в Эпире, у понтийских греков; *Αναραϊδε* – в Цаконии; Νεράδα – во Фракии; *Ανεράδα* – на Додеканезах (Лерос, Калимнос, Кос, Сими, Тилос), на Аморгосе, на Кипре; *Αναράδα* – на Додеканезах (Родос, Калимнос, Сими, Кос); *Αναράα* – на Карпатосе, Калимносе; *Αναράγδα* – на Крите; *Νεραγίδα, Ανιραγίδα* – на Лесбосе; *Ανεραγίδα, Ναραγίδα, Αγαραγίδα, Γεραγίδα* – на Хиосе; *Ραγίδα* – в Мадитосе на Геллиспонте; *Νεράισσα* – во Фракии; *Ανιρούσα* – на Лесбосе [см. также Πολίτης 1918, 17 – 20].

Согласно народной этимологии название *Νεράιδα* восходит к новогреческому слову *νερό – вода*, так как нереиды – божества прежде всего водной стихии.

2) *Εξωτικές*

Термином *Εξωτικά* (то же слово, но в форме мн.ч. ср.р.) в новогреческой мифологии обозначается нечистая сила вообще. В форме женского рода множественного числа этим же термином *Εξωτικές* или *Ξωτικές* на Кефаллинии (диалектные варианты *Ξουθιές, Ξουθκιές* – Эпир) обозначают нереид. Внутренняя форма слова *Εξωτικές* – «внешние; те, кто вне». Существует два варианта толкования этого имени. Б. Шмидт считает, что таким образом верующие греки обозначали языческие силы, выходящие за рамки христианских представлений, то есть нереиды и прочая нечисть – это «те, кто вне» официальной религии. Вторая точка зрения представлена Н. Г. Политисом, который считает, что этот термин означает «вне человеческой природы, сверхъестественное» [Πολίτης 1918, 24]. К этой же категории названий нереид Политис относит и имя нереид, использовавшиеся в качестве апотропея – *Απ' εμάς καλοί*

inslav

(внутренняя форма – «от нас, хорошие») у понтийских греков в Амисосе. Причем у понтийских греков в Ойное практически то же имя используется и для обозначения *каликандзаров* – *Ας εμάς καλοί* (вн.ф. – «оставьте нас, хорошие») [Πολίτης 1918, 24].

3) «Воздушные»

Эту группу составляют названия нереид с корнями *αερ-* («воздух»), ανεμ- («ветер»), отражающие представления о том, что нереиды так или иначе связаны с воздушной стихией (перемещаются по воздуху, танцуют внутри воздушного вихря и т.д.): Αγερικά – на Сикиносе; Αγεραγίδες, Γεραγίδες – на Хиосе; Ανεμικές – в Македонии, Ανεμογαζούδες – в Гортинии. [Πολίτης 1918, 25]

4) Γελλώ

Имя *Γελλώ* характерно для особого женского персонажа греческой демонологии, душащего ночью младенцев. Нереидам в некоторых областях Греции, например, на Родосе, в Мани также приписывается свойство душить или красть младенцев. Политис отмечает, что на Эгейских островах название *Γελλώ* заменило название *Νεράιδα*, причем все характерные признаки нереид за этим МП сохранились. Случаи одновременного использования обоих названий для обозначения одного МП, условно называемого *нереидой,* довольно редки, обычно в местах, где встречаются эти два названия, они обозначают два разных МП. [Πολίτης 1918, 25]

Γελλούδα, Αγελλούδα, Αναγριαλούδα – на Хиосе, *Γιαλλού, Αγελλούδα* – на Миконосе и Тиносе, *Γιαλλού* – на Тилосе.

5) Эвфемистические, уменьшительно-ласкательные и апотропеические названия

Среди эвфемистических названий нереид наиболее распространены нейтральные имена со значением «госпожа»: *Κυράδες* (Ливадия), *Κυράτσες* (Кефаллиния), *Αρχόντισσες* (Кефаллиния, Хиос). Часто к этим именам добавляют

inslav

прилагательное *καλός – хороший, добрый*: *Καλές Κυράδες* (Афины, Фивы, Милос, Скиафос), *Καλές Αρχόντισσες* (Хиос), *Καλοκυράδες* (Афины, Фивы, Милос), *Καλοκεράδες, Καλοτσιουράδες* (Афины) – «*хорошие дамы*», *Καλές γυναίκες* (Калимнос, Карпатос) – «*хорошие женщины*».

Иногда нереид могут называть не «женщинами», а «девушками», а также использовать по отношению к ним эпитеты, применяемые обычно по отношению к девушкам. По мнению Н. Г. Политиса, эти имена восходят к древнегреческим названиям нимф – *Νύμφες (девушки), κόραι (девицы), παρθένοι (девы)*. Так, на Хиосе нереид называют *Καλούδες – милые, Χαριτωμένες – веселые;* на Закинфе и в Ливадии – *Κοράσια, Κορίτσα, Κουρίτσα – девочки, девушки;* в Арахове – *Κοπέλες – девушки* [Πολίτης 1918, 28].

Другие имена, с помощью которых задабривают нереид: *Καλομοίρες* (Икария, Чесмес, Хиос, Закинф, Халкидики) – «*с доброй судьбой*», *Καλότυχες* (Гревена, Загори) – «*с доброй удачей*», *Καλόγνωμες* (Хиос, Акарнания) – «*с добрыми помыслами*», *Χαιράμενες* – «*радостные*», *Καλόκαρδες* (Кефаллиния) – «*добросердечные*», *Καλορίζικες* (Фессалия) – «*с доброй судьбой*».

Для того чтобы обезопасить себя от вредоносного воздействия нереид, в Касторье (греческая Македония) и на Хиосе их называют апотрептическим именами *Μελιγάνες* (от слов *μέλι – мед и γάλα – молоко*) и *Μελιτένιες* (от *μέλι – мед*), так как эти предметы используются в качестве оберега от нереид (см. **Коммуникация**).

б) Αλουστίνες

На о. Сими (Додеканезы) эти МП называются *Αλουστίνες – немытые*. Это имя происходит от народного названия месяца августа – *Άλουστος – немытый*, так как считается, что в начале августа было необходимо соблюдать запрет на контакты с водой, особенно опасно было мыться, мыть голову и стирать, потому что в это время, по поверьям, активизировались нереиды, живущие в воде, и наказывали человека, вторгшегося в их локус. В других областях Греции (например, в Мантинии) «опасные» дни

inslav

августа называются *δρίμιες* или *δρίματα* и они также связаны с представлениями о том, что в это время нереиды особенно вредоносны [Φραγκούλης 1917, 250].

7) Заимствования

Среди названий нереид можно встретить и два явных заимствования. Это встречающееся в Каппадокии имя *Ζαμπέττα* – от уменьшительно-ласкательного Elisabetta – и встречающиеся в греческой Македонии и Фракии имена *Σαμοντίβα, Σαμοβίλα*, заимствованные у славянских народов.

8) Μιλιαούρες

Н. Г. Политис отмечает еще одно название нереид, употребляющееся на Хиосе – *Μιλιαούρες*. Его значение и этимология остаются неизвестными [Πολίτης 1918, 30].

Имена собственные

Среди имен собственных особо можно выделить слово *Λάμια*. Этим именем может обозначаться как отдельный мифологический или сказочный персонаж, обладающий набором особых характеристик, так и одна из нереид, чаще всего их предводительница, зачастую имеющая какой-либо физический недостаток, и поэтому самая опасная (злая).

На Лесбосе известны имена *Αστέρω* и *Καλλιόπη* [Διαλεκτός 1979, 10]. В Гортинии известны эти же имена, а также *Μελπομένη, Ουρανία, Αρετή, Αγλαϊα, Λαμπετία, Αγράφω, Ζουγράφω, Παγώνα, Πυργούλα, Κανέλλα, Λεϊμονιά, Γαρούφω, Γαρουφαλιά, Τριανταφύλλη, Μηλίτσα, Χάιδω, Ακριβή, Αργυρώ, Ασήμω, Χρυσάφω, Ζαφείρω, Σμαράγδω* [Πολίτης 1904, 422]. В быличке из Трифилии (Мессиния) рассказывается о нереиде по имени *Χρυσαυγή* [Πολίτης 1904, 405]. А на Самосе бытует легенда о сражении нереид с именами *Δελεβίκα и Βαραβάνα* [Πολίτης 1904, 423]. Все эти имена, кроме последних двух, используются и как обычные женские имена.

Ипостаси

Для этих МП абсолютно преобладающим оказывается антропоморфный облик, преимущественно женский,

inslav

иногда они появляются в виде младенцев [Πολίτης 1904, 479] и детей. Кроме того, нереиды обладают способностью превращаться в различных животных (собак, кошек, зайцев, волков [Πολίτης 1904, 404,490; Διαλεκτός 1979, 9]), птиц, рыб и бабочек [Διαλεκτός 1979,9; Πολίτης 1904, 480], становиться невидимыми, однако в большинстве случаев именно антропоморфная ипостась расценивается как основная, а способность к оборотничеству – как одно из их свойств. Кроме того, почти на всей территории Греции распространены поверья о том, что нереида может появляться в виде вихря [Πολίτης 1904, 396, 442; Διαλεκτός 1979, 12], или что нереиды так или иначе с вихрем связаны (вихрь – танец нереид [Πολίτης 1904, 401, 406, 434, 435], свадьба нереид [Πολίτης 1904, 435], рассерженные нереиды насылают вихрь [Πολίτης 1904, 410, 432], нереиды перемещаются с помощью вихря [Πολίτης 1904, 444; Οικονομίδου 1974, 339]). Сочетание антропоморфных и зооморфных черт в облике нереиды встречается относительно редко. Так, например, нереиды описываются с крыльями [Πολίτης 1904, 391, 468-469; Διαλεκτός 1979, 9], как женщины с рыбьим хвостом – русалки [Διαλεκτός 1979,9], полуженщины – полусаранча, полуженщины – полулошади [Πολίτης 1904, 393], часто нереиды, как и прочая нечистая сила, описываются с козлиными или ослиными ногами [Πολίτης 1904, 390, 401, 440; Οικονομίδου 1974, 342].

Внешний облик

Внешний облик, наряду с местом обитания и появления, характерными занятиями и функциями, можно назвать одним из определяющих признаков этих МП.

В подавляющем большинстве случаев нереиды описываются как существа женского пола, однако представления об аналогичных персонажах мужского пола встречаются также довольно часто [Διαλεκτός 1979, 9,10; Πολίτης 1904, 408, 428, 453, 474-475].

Нереиды могут представать в образе детей, обычно младенцев, в основном они описываются молодыми, однако в сюжетах, где действуют мать и дочь-нереиды, герой

inslav

отмечает, что одна из них (мать) выглядит старше [Πολίτης 1904, 448].

Высокий рост отмечается практически в любом описании нереид, примечательно, что нереида маленького роста (Ламия) обычно оказывается вредоносней других (Мани). В других локальных традициях (Калаврита и др.) вредоносной нереиде приписывается хромота [Πολίτης 1904, 419-420].

Красота – одно из основных свойств нереид, они описываются как существа неземной красоты, сравниться с которыми не может ни один из людей. Особо выделяются их стройность, тонкая талия, красивые руки, грудь и миндалевидные глаза, причем иногда отмечается, что глаза у них голубого цвета [Πολίτης 1904, 464]. Описанию глаз обычно уделяется довольно много места, иногда они являются признаком, по которому можно отличить нереиду от человека: разрез глаз у нереиды не горизонтальный, а вертикальный [Πολίτης 1904, 422]. Однако наряду с представлениями о красивых нереидах бытуют и поверья о нереидах безобразных: с «длинными мордами» [Διαλεκτός 1979, 9], страшных, черных, как арапки [Οικονομίδου 1974, 342], толстых, как корабельная мачта [Πολίτης 1904, 409]. Нередко нереиды описываются обнаженными, босыми [Διαλεκτός 1979, 10], причем нагота может быть частичной – обнажена только грудь нереиды [Διαλεκτός 1979, 9], или временной, например, когда нереиды купаются или танцуют, они сбрасывают одежду, а перед тем, как исчезнуть, снова надевают ее [Πολίτης 1904, 399]. Обычно на время купания или танца нереида оставляет свой платок, украв который можно взять ее в жены, в быличках, где нереиды оставляют одежду целиком, для этой цели необходимо завладеть ее платьем. Одежда нереид описывается достаточно подробно. Это красивые воздушные платья, длинные и широкие, украшенные кружевами и вышивкой, или покрывала [Διαλεκτός 1979, 10 и др.], иногда просто рубашка [Πολίτης 1904, 399], редко считается, что одежда нереиды сделана из травы и цветов [Διαλεκτός 1979, 10]. Магическая сила нереид сосредоточена в платке (покрывале), который они носят на голове,

inslav

шее или на поясе (в единичных случаях – золотой пояс [Πολίτης 1904, 445], и волшебная палочка [Διαλεκτός 1979, 10]). Крайне редко нереиды описываются с венком из цветов на голове [Διαλεκτός 1979, 10].

Одна из основных характеристик внешнего облика нереид – их длинные распущенные (очень редко – заплетенные в косы) волосы, доходящие «до ногтей ног».

Говоря о цветовой характеристике этого МП, необходимо отметить преобладание белого цвета: белые одежды, белый платок, белые полотна, которые ткут нереиды; их одежда может быть также голубого или красного цвета. На Лесбосе существуют поверья, что добрые нереиды носят белые и голубые платки, а вредоносные – черные или красные. Цвет волос у нереид обычно светлый, золотистый, иногда темный. В сборнике поверий Политиса рассказывается о зеленоволосой нереиде [Πολίτης 1904, 477].

Взаимоотношения МП

В греческих поверьях и быличках встречаются упоминания как об одиночных персонажах-нереидах, так и о группах нереид, однако следует признать, что множественность все же более характерна для этих МП. Считается, что они часто появляются по двое, трое, пять-шесть, десять или двенадцать, либо точное их число не указывается. Живут нереиды также вместе. Они выходят замуж за нереидов, рожают детей. Нереиды дружны между собой, так, например, они все вместе помогают отобрать украденный у одной нереиды платок, прилетают забрать нереиду, которой платок вернули.

Среди нереид может выделяться предводительница, королева: Λάμια (Ламия) [Πολίτης 1904, 499], κυρά Κάλλω (госпожа Калло) [Πολίτης 1904, 393, 417; Διαλεκτός 1979, 11; Οικονομίδου 1974, 343] или просто Κυρά (Госпожа) [Πολίτης 1904, 407, 451-452]. Один раз упоминается некая «мать нереид» (Νεραϊδομάνα), руководящая другими нереидами [Πολίτης 1904, 439]. Кроме того, нереиды делятся на однотипные группы по месту обитания. Обычно выделяются две большие группы: горные нереиды (βουνήσιες,

inslav

του βουνού) и морские (θαλασσινές, του γιαλού) [Πολίτης 1904, 392-393; Διαλεκτός 1979, 10; Οικονομίδου 1974, 342-343]. Эти две группы находятся во враждебных отношениях, воюют друг с другом, бросаются друг в друга камнями, вредят людям, проживающим на территории противника (морские вредят людям с гор, а горные – людям, живущим у моря). Кроме основных двух групп нереиды могут делиться на более мелкие группы, опять же связанные с местом их обитания: речные (του ποταμού), озерные (της λίμνης), полевые (του κάμπου), лесные (του δάσους), садовые (του κήπου), живущие на природе (της εξοχής), долинные (της λαγκάδας), нереиды водяной мельницы (του νερόμυλου), дождя (της βροχής), ночи (της νύχτας), воздуха (του αέρα), неба (του ουρανού) [Διαλεκτός 1979, 10].

Контакты с персонажами других классов для нереид практически не характерны. Нам встретилось только два упоминания других МП вместе с нереидами: Арап курит трубку и играет в барабан, а нереиды танцуют [Πολίτης 1904, 412], и хромой чертенок (κουτσοδαιμόνι) считает листья смоковницы, а нереида смотрит на него и смеется [Πολίτης 1904, 431].

Генезис

В греческих мифологических поверьях происхожение нереид можно разделить на пять групп:

1) Из «заложных» покойников: грешники, девушки, проклятые матерью, красивые и богатые девушки, наказанные Богом за эгоизм [Διαλεκτός 1979, 9].
2) Дети, рожденные в результате сожительства нереид с людьми.
3) Происхождение от представителей этого же класса МП.
4) В нереид превратились сестры Александра Македонского в наказание за то, что они выпили «бессмертную» воду (умылись ею) [Πολίτης 1904, 367; Οικονομίδου 1974, 340].
5) Ангелы, проклятые Богом [Διαλεκτός 1979, 9].

inslav

Однако необходимо отметить, что упоминания о генезисе нереид встречаются довольно редко, в большинстве случаев их происхождение остается неясным.

Локусы

Локативная характеристика этих МП имеет большое значение для их идентификации. Для нереид очень важна связь с водой и источниками. Как уже было сказано, народная этимология даже возводит имя «нереида» к новогреческому νερό «вода». По большей части считается, что нереиды постоянно живут и появляются возле пресной воды, однако иногда характерным локусом для них оказывается и море или побережье (см. **Взаимоотношения МП**). Места обитания и появления нереид в общем характеризуются тем, что это – нежилое пространство. В Мани такие места даже обозначаются определенным термином – *άοικου μέρος*. Итак, в греческих поверьях наиболее характерными локусами для нереид являются:

1) Пресная вода, в особенности источники (ручьи, реки, озера, колодцы, резервуары для хранения воды), воспринимаются как место постоянного обитания нереид [Πολίτης 1904, 397, 398, 418, 441; Διαλεκτός 1979, 11; Οικονομίδου 1974, 337], либо как место их появления, место, где они занимаются своими характерными занятиями (танцуют, пируют, расчесывают волосы, купаются, стирают и т.д.) [Πολίτης 1904, 398, 401; Διαλεκτός 1979, 11 и др.]. В одной быличке рассказывается, что нереиды появляются даже в русле высохшей реки [Πολίτης 1904, 440].
   Как уже отмечалось, другим характерным «водным» локусом для нереид является море, которое воспринимается как место, где они живут постоянно (в море у нереид дома-дворцы и т.д.) увидеть же нереид можно либо в море, либо на побережье [Πολίτης 1904, 473, 477; Διαλεκτός 1979, 11; Οικονομίδου 1974, 337; Βαφειάδου 1982, 398-399].
2) Вторым наиболее распространенным локусом для нереид являются горы вообще [Πολίτης 1904, 388,

inslav

3 89, 401, 471-473; Διαλεκτός 1979, 11; Οικονομίδου 1974, 337], и горные пещеры в частности [Πολίτης 1904, 403, 404; Διαλεκτός 1979, 11; Οικονομίδου 1974, 337], в Козани рассказывают, что вода, капающая в пещерах, течет из грудей нереид и обладает целебными свойствами [Οικονομίδου 1974, 337].

3) Другой характерный локус – возле деревьев. Нереиды появляются под (по частотности упоминания) смоковницей, миндальным деревом, тополем, грушей или просто «под деревом» (очень редко – на нем или в дупле дерева) [Πολίτης 1904, 392, 420, 431, 434, 435-436, 437, 459-460; Διαλεκτός 1979, 11].

4) Прочие места появления нереид характерны для «нечистой» силы вообще. Это мельницы [Πολίτης 1904, 483-486; Διαλεκτός 1979, 11], гумно [Πολίτης 1904, 466-469, 479; Διαλεκτός 1979, 11], перекресток трех дорог [Πολίτης 1904, 400, 410].

В нескольких быличках из сборника Политиса упоминается о том, что у нереиды бывают «свои пределы» («το όριό της»), за которые она не может выйти [Πολίτης 1904, 449].

Время

Появляются нереиды в типичное для всех видов нечистой силы время – преимущественно ночью, в полночь, до первого, второго или третьего крика петухов [Πολίτης 1904, 468-469, 472, 476, 489; Διαλεκτός 1979, 11; Βαφειάδου 1982, 398], а также в полдень [Πολίτης 1904, 430-431, 450, 451-452, 461, 472; Διαλεκτός 1979, 11]. Среди времен года считается, что нереиды наиболее часто появляются летом, особенно в августе [Πολίτης 1904, 412, 461, 489; Διαλεκτός 1979, 11], а среди дней недели иногда особо выделяется суббота [Οικονομίδου 1974, 343].

Свойства, способности, пристрастия

Как уже упоминалось, этим МП свойственно превращаться в различных животных, птиц, рыб, бабочек, в вихрь, становиться невидимыми, причем человек, спря-

inslav

тавшийся под юбкой нереиды, тоже становится невидимым [Πολίτης 1904, 453].

Как особые свойства выделяются также бессмертие нереид и их способность всегда оставаться молодыми и красивыми, не стареть [Διαλεκτός 1979, 9]. Умение предсказывать будущее характерно для нереид в очень малой степени, только один раз нам встретись упоминание о том, что этой способностью обладал мальчик, рожденный от нереиды [Πολίτης 1904, 473].

По отношению к пище специальных пристрастий у нереид не отмечается, кроме, пожалуй, особого отношения к меду, которым их задабривают хозяйки.

Любовь к музыке, песням и танцам присуща нереидам на всей территории Греции: они танцуют, водят хороводы, поют песни, пируют под музыку, справляют свадьбы, сами играют на музыкальных инструментах, заманивают музыкантов и заставляют их играть всю ночь.

Характерные занятия, действия, привычки

Среди занятий нереид можно выделить несколько основных групп:

1) Танцы, пение, игра на музыкальных инструментах, совместные пиры [Πολίτης 1904, 391, 397,398, 400, 401, 404, 406, 407, 409, 412, 425, 429, 430, 445, 451, 466-468, 471; Διαλεκτός 1979, 11].
2) Купание в источниках, мытье головы [Πολίτης 1904, 395, 399, 407; Διαλεκτός 1979, 12; Οικονομίδου 1974, 343].
3) Расчесывание волос [Πολίτης 1904, 407, 426, 476; Διαλεκτός 1979, 12; Οικονομίδου 1974, 342].
4) Стирка и сушка одежды [Πολίτης 1904, 396, 416, 417463, 477, 478; Διαλεκτός 1979, 12].
5) Ткачество и прядение [Πολίτης 1904, 414, 415; Διαλεκτός 1979, 12; Οικονομίδου 1974, 341].
6) Катание по морю на лодке, украденной у рыбака [Πολίτης 1904, 487-488; Βαφειάδου 1982, 398].

Среди прочих занятий можно отметить единичные упоминания о том, что нереиды разматывают куколки шел-

inslav

копряда и делают шелк [Πολίτης 1904, 415-416], ухаживают за своими садами [Πολίτης 1904, 404], рубят дрова [Πολίτης 1904, 448].

Функции и предикаты

По большей части нереиды в народном сознании греков расцениваются как вредоносные существа, так как принадлежат они к классу «нечистой» силы. Среди предикатов этого типа особо выделяются следующие действия:

- заманивать, похищать людей [Πολίτης 1904, 388-390, 397-398, 401, 433, 435-436, 442-447, 451-453; Διαλεκτός 1979, 12; Οικονομίδου 1974, 340], иногда похищение человека происходит на невидимом уровне – после контакта с нереидами он с каждым днем «тает на глазах», а потом умирает, такого человека называют *νερϊδοπαρμένος – взятый нереидой*, и считается, что нереиды забрали его к себе;
- заставлять человека танцевать [Πολίτης 1904, 428-429, 477-478; Διαλεκτός 1979, 12];
- сбивать с пути [Πολίτης 1904, 428];
- подменивать ребенка [Πολίτης 1904, 435-436, 439-441; Διαλεκτός 1979, 14];
- пить кровь у младенца [Πολίτης 1904, 440; Διαλεκτός 1979, 12];
- отнимать дар речи, способность двигаться, ослеплять, делать глухим [Πολίτης 1904, 398, 433, 436-438, 451-453; Διαλεκτός 1979, 13];
- лишать разума [Πολίτης 1904, 403, 409-410, 432, 440-441, 451; Διαλεκτός 1979, 12];
- насылать болезни [Πολίτης 1904, 396; Διαλεκτός 1979, 13; Οικονομίδου 1974, 344];
- лишать юношей их мужской силы (после вступления в контакт с нереидой, юноша не может спать с обычной женщиной) [Πολίτης 1904, 389];
- бить людей [Πολίτης 1904, 399, 432-433, 473; Διαλεκτός 1979, 12; Οικονομίδου 1974, 344];
- забрасывать камнями [Πολίτης 1904, 426-428, 432];

inslav

- умерщвлять: душить, топить, разрывать пополам, выпивать кровь, съедать [Πολίτης 1904,401, 427-428, 431-433, 454, 471, 472, 474-476, 486; Διαλεκτός 1979, 12];
- насылать вихрь, холод, снег и лед [Διαλεκτός 1979, 12, 14];
- вредить в домашнем хозяйстве: забирают пшеницу с гумна [Πολίτης 1904, 412], разбирают ткацкий станок, заплетают гривы и хвосты лошадям [Διαλεκτός 1979, 12]

Среди попечительных действий можно отметить способность наделять богатством в награду за что-либо (за хорошую игру музыканта, за исполнение хороших похоронных причитаний над покойником нереид, за то, что человек вытерпел все мучения от нереид), а также силой, удачей и славой [Πολίτης 1904, 474, 490; Διαλεκτός 1979, 14; Οικονομίδου 1974, 345]; давать обереги [Πολίτης 1904, 444; Διαλεκτός 1979, 14], учить, как излечиваться от различных болезней (чумы, ветряной оспы и т.д.) [Πολίτης 1904, 402, 449; Διαλεκτός 1979, 22], обучать музыкантов искусству игры «так, как никто, кроме нереид, не умеет» [Πολίτης 1904, 390, 413; Οικονομίδου 1974, 344], помогать женщине ткать [Πολίτης 1904, 414].

Большое значение для характеристики нереид имеет способность сожительствовать с людьми и рожать от них детей, причем сожительствовать с человеком может нереида как женского [Πολίτης 1904, 388, 448, 450, 451, 453-470; Διαλεκτός 1979, 14; Οικονομίδου 1974, 345; Βαφειάδου 1982, 398-399], так и мужского пола [Πολίτης 1904, 474, 475-476].

Объекты, адресаты, реципиенты

Нереиды воздействуют чаще всего на детей, молодежь обоих полов, рожениц и представителей профессий, предполагающих длительное пребывание в одиночестве: пастухов, дровосеков, мельников. Очень редко встречаются былички, в которых объектом воздействия нереид оказывается старик или старуха [Πολίτης 1904, 429, 443-444].

Также считается, что увидеть нереид и вступить с ними в контакт может только человек, обладающий даром общения со всевозможными МП: человек, рожденный в субботу (Σαββατογεννημένος), или человек «с легкой тенью»

inslav

(Αλαφροήσκιωτος) [Πολίτης 1904, 388, 427; Διαλεκτός 1979, 9; Οικονομίδου 1974, 344]. Среди животных способность видеть нереид приписывается лошадям и «четырехглазым» собакам (у которых над каждым глазом есть по пятну) [Πολίτης 1904, 395].

Модусы

Нам встретилось довольно мало упоминаний о том, что нереиды передвигаются верхом на овцах и жеребятах [Διαλεκτός 1979, 12], на соломинке [Πολίτης 1904, 400]. Редко говорится, что нереиды появляются в мире людей, вылезая из колодцев и трещин в земле [Πολίτης 1904, 398; Διαλεκτός 1979, 14], проникают в дома и сундуки через замочные скважины, щели (в виде мотыльков) [Πολίτης 1904, 481]. Как уже говорилось, для нереид также характерно появление в вихре, в сопровождении вихря.

Коммуникация

На островах Эгейского моря известна традиция приглашения нереид на Клидонас (24 июня) для помощи при гаданиях. Для привлечения нереид на крышу дома забрасывают различные сладости.

Мотив овладения человеком МП в греческой традиции очень распространен. Человек, овладевший нереидой, делает ее своей женой. Наиболее известным способом порабощения нереиды является похищение у нее платка, покрывала, рубашки, какой-нибудь одежды вообще, кольца или крыльев, в которых сосредоточена ее магическая сила [Πολίτης 1904, 457, 462, 468, 469, 471; Διαλεκτός 1979, 14; Οικονομίδου 1974, 345]. Кроме того, подчинить себе нереиду можно, схватив ее за руку или за волосы или поцеловав [Πολίτης 1904, 391-392; Διαλεκτός 1979, 14; Βαφειάδου 1982, 398].

Обереги от нереид, в основном, универсальны для нечистой силы вообще. Это хлеб, чеснок, соль, порох [Πολίτης 1904, 457, 462, 468, 469, 471; Διαλεκτός 1979, 15; Οικονομίδου 1974, 340], нож с черной ручкой, «немая» вода (вода, которую набирают в полночь, и на протяжении всего пути до источника и обратно все время молчат), очерчивание вокруг себя круга, крест в любом виде, молитва

inslav

[Πολίτης 1904, 396, 424; Διαλεκτός 1979, 15; Οικονομίδου 1974, 344]. В качестве специфического средства для задабривания нереид выступают мед и молоко – их выставляют перед домом, вымазывают пол дома, где лежит «взятый нереидами» больной, медом, приносят молоко и мед на то место, где нереиды навредили человеку, чтобы он излечился [Πολίτης 1904, 452]. В Мантинии и Мани больного человека или ребенка, которому, как считалось, навредила нереида, относили к большому вросшему в землю камню, к камню «с корнями» («ριζωμιά πέτρα») [Πολίτης 1904, 432]. К камню «с корнями» в Мани относили и младенцев на второй или третий день после рождения, чтобы обезопасить его от нереид. На Лесбосе и в Кардице в качестве апотропея упоминается панцирь черепахи, который обладает свойством превращать нереид в черепах [Πολίτης 1904, 411; Διαλεκτός 1979, 15; Οικονομίδου 1974, 345].

Для исцеления от болезни, насланной нереидами, «знающие» люди, целители, колдуны используют некие растения, называемые «трава нереид» (*νεραϊδοβότανο*) или особые деревянные палочки, «дерево нереид» (*νεραϊδόξυλο*) [Πολίτης 1904, 421-422; Διαλεκτός 1979, 15].

Помимо вещественных оберегов существуют также две группы особых словесных формул. В первой группе в заклинании используются слова «мед и молоко», например, «Мед и молоко!» («Μέλι και γάλα!»), «Мед и молоко на ваши крылья!» («Μέλι και γάλα στα φτερά σας!»); «Мед и молоко вам в путь!» («Μέλι και γάλα στο δρόμο σας!») [Πολίτης 1904, 389, 403; Οικονομίδου 1974, 340]. Эти заклинания используются как при непосредственной или потенциальной (при вторжении в их локус) встрече с нереидами, так и для того, чтобы утихомирить сильный ветер. Ко второй группе относятся формулы, связанные с представлениями о нереидах как о превращенных в них сестрах Александра Македонского. Так, при встрече с ними говорят: «Жив царь Александр, жив и царствует!» («Ζει Αλέξανδρος ο βασιλιάς, ζει και βασιλεύει!») или «Ради души царя Александра!» («Στην ψυχή του βασιλέως του Αλέξανδρου!») [Πολίτης 1904, 388, 389; Οικονομίδου 1974, 340]. В поверьях

inslav

о нереидах также встречается сюжет, в котором нереиды окружают лодку рыбака и спрашивают, жив ли царь Александр или умер, рыбак должен ответить «жив, жив и царствует», иначе нереиды потопят лодку. Здесь, очевидно, представления о нереидах смешиваются с представлениями о других МП, так как в новогреческой мифологии существуют особые женские персонажи – горгоны (Γοργόνες) – в которых, как считается, были превращены сестры Александра Македонского. Горгоны выглядят как женщины с рыбьим хвостом, а живут они только в море. Именно горгонам обычно приписывается свойство топить корабли в случае, если на их вопрос человек отвечает, что царь Александр умер.

Характерные мотивы

В рассмотренных нами поверьях и быличках можно выделить следующие основные мотивы, связанными с нереидами: устраивают совместные пиры, танцы, трапезы; играют свадьбу; танцуют на мельнице или на гумне; купаются; расчесывают у воды свои волосы; ночью стирают и сушат одежду у источника; лишают дара речи заговорившего с ними человека; заставляют прохожих танцевать; танцуют с человеком, не идентифицируя его как отличное от них существо; приглашают бабку-повитуху на роды нереиды; похищают музыканта и заставляют его играть на их пирах; похищают ребенка; подменивают ребенка; пьют кровь у младенцев; юноша крадет платок или одежду нереиды и берет ее в жены; нереида, ставшая женой человека, молчит, пока он не делает вид, что хочет бросить ее ребенка в печь; нереида находит или выпрашивает платок и бросает мужа и детей, улетая во время танца; нереида находит платок, убивает своих детей и улетает; хлеб, замешанный нереидой перед исчезновением, не кончается; учат музыканта играть; рассказывают, как излечиться от болезни; дают целебные обереги.

Источники

Наиболее характерными источниками сведений о нереидах являются, прежде всего, поверья и былички, иногда

inslav

почти сказочного типа, а также фразеологические обороты: *Χορεύει σαν Νεράιδα – танцует, как нереида, Όμορφη σαν Νεράιδα – красивая, как нереида.*

В Греции встречается множество топонимов, так или иначе связанных с именем нереид. Это названия гор: *Νεραϊδοβούνι, Νεραϊδόβουνο – Гора нереид, Νεραϊδόραχη – Хребет нереид;* камня, возле которого любят собираться нереиды: *Νεραϊδολίθι – Камень нереид;* пещер, где, как считается, живут нереиды: *Νεραϊδότρουπα – Дыра нереид, Νεραϊδόσπηλος – Пещера нереид;* источника: *Νεραϊδόβρυση – Источник нереид,* места в горах, что часто появляются нереиды: *Νεραϊδόκηποι – Сады нереид.*

Имя нереид встречается и в названиях лекарственных трав: *νεραϊδοβότανο – трава нереид, νεραϊδόμηλο – яблоко нереид.*

В современной греческой демонологической системе нереиды занимают одно из центральных мест. Как мы уже отмечали, иногда смешиваются представления о нереидах и горгонах, нереидах и Гелло, нереидах и Ламии. Ламия часто выделяется как отдельный женский МП, по некоторым своим характеристикам схожий с нереидами (внешний облик – красивая высокая девушка с длинными волосами и с козлиной или коровьей ногой; локусы – источники, реки, море, пещеры, горы, заросли; время – ночь, полночь, полдень; характерные занятия – пение, танцы, игры, расчесывание волос, прядение). Функции Ламия выполняет исключительно вредоносные, причем главная ее цель практически всегда – убийство человека или младенца, у которого она выпивает кровь или пожирает его [Πολίτης 1904, 491-499]. Однако в греческих поверьях Ламия часто описывается как одна из нереид не воспринимется в качестве другого, отличного от нереид, МП. Кроме горгон и Ламии можно упомянуть еще об одном женском персонаже, связанном с нереидами, – о Мойрах (*Μοίρες*). У них много общих черт: внешний облик – высокие женщины в белых одеждах; время появления – ночь, полночь; характерные занятия – пение, танцы; пристрастие к меду, так как именно такое угощение оставляют на ночь в доме новорожден-

inslav

ного, чтобы Мойры предсказали ему «сладкую» судьбу. Среди свойств нереид мы также отмечали косвенную способность предсказывать судьбу. Так, выступая в качестве основного женского персонажа, нереиды могут обобщать в себе характеристики других женских МП, находящихся на периферии.

В нашей работе мы использовали ограниченное количество материала, поэтому данный нами мифологический портрет нереид получился несколько схематичным, однако он может стать основой для дальнейших исследований в области новогреческой демонологии и ее связей с мифологическими системами других стран.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградова-Толстая 1994 – *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Москва, 1994.

Πολίτης 1904 – *Πολίτης Ν. Γ.* Μελέται περί του και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Αθήνα, 1904.

Πολίτης 1918 – *Πολίτης Ν. Γ.* Τα ονόματα των Νεράιδων και των Ανασκελάδων // Λεξικογραφικόν Αρχείον της Μέσης και Νέας Ελληνικής. Τόμος Ε΄. Εν Αθήναις, 1918.

Διαλεκτός 1979 – *Διαλεκτός Ν.* Νεράιδες – Καλλικάντζαροι – Βρυκόλακες στις Λεσβιακές παραδόσεις. Αθήνα, 1979.

Ψυχογιού 1980 – *Ψυχογιού-Ιωαννίδη Ε.* Νεράιδες. Πίστη και λατρεία τους στην Ηλεία // Ηλειακά. Περ. Β΄ 16 (1980).

Οικονομίδου 1974 – *Οικονομίδου Δ. Β.* Αι περί Νεράιδων δοξασίαι και παραδόσεις του Ελληνικού λαού // Επιστημονική επετηρίς Φιλοσοφικής Σχολής. Περίοδος Δευτέρα. Τόμος ΚΔ΄ Έτους 1973-1974.

Βαφειάδου 1982 – *Βαφειάδου Β.* Θράκικη παράδοση για θαλασσινή Νεράιδα // Λαογραφία. Τόμος ΛΒ΄. Αθήνα, 1982.

Φραγκούλης 1917 – *Φραγκούλης Χ. Παραδόσεις Μεγάλης Μαντίνειας* // Λαογραφία. Τ. ΣΤ. Εν Αθήναις, 1917, Σ. 250.

inslav

Ksenia A. Klimova

Neraides in Modern Greek mythology

SUMMARY

Neraides are well known in the traditional Greek culture as mythological characters going back to the ancient mythology of Greece. The folk etymology of the term "Neraida" comes from the word "νερό", which means "water", because of the locus where Neraides usually live. These characters' image is widely spread not only on the territory of Greece, but also in the whole "Greek world" (e.g. among the Greeks of Italy, among the Pontian Greeks).

Terms designating these characters can be divided into five categories: *Νεράιδες, Εξωτικές, Ανεμικές, Γελλώ* and *euphemistic* names as, for example, *Καλές Κυράδες*. Besides common names, some personal names of Neraides (*Καλλιόπη, Μελπομένη, Ουρανία* and so on) are also known. In the report we will present a full description of Neraides according to the plan given by Tolstaya and Vinogradova by the following categories: forms in which Neraides appear (whirlwind, trees, animals, people), appearance of these demons (female-male, attractive or ugly, physical anomalies, clothes, focus of their magical force), attributes and companions (kerchief, animals), relations between demons (plurality of Neraides, their families, Lamia as a leader of Neraides), genesis (from souls of dead people, transformation, birth from cohabitation with a man), loci (springs, seas, mountains, crossroads and other places where demons usually live), time (Neraides appear at night, at midday, at some calendar feasts), characteristics (ability for metamorphoses, weakness for music, dances and plays), functions and predicates (to take care of or to harm people, to capture, to torment, to take children and young men, to help, to cohabitate with people and so on), objects, modus, communication with demons, typical motives, sources of information about Neraides.

Modern Greek Neraides have common features with the female mythological character known in the whole Balkan area as *vila, samovila, samodiva*, thus we can say that Neraides belong to the common Balkan type of this kind of female demons.

inslav

И. И. Ковалева, И. В. Тресорукова

Г. СЕФЕРИС И КАРАГИОЗИС (К АНАЛИЗУ СТИХОТВОРЕНИЯ «ΘΕΑΤΡΙΝΟΙ»)

Стихотворение Георгоса Сефериса «Θεατρίνοι Μ.Α.[1]» было написано в 1943 году и помещено автором в сборник «Ημερολόγιο καταστρώματος Β'» («Судовой журнал-II»)[2]. Исследователи творчества Сефериса, в том числе М. Витти[3], отмечают, что поэт, выбирая название для своих произведений, никогда не действует механически. Так, например, весь сборник «Судовой журнал-II» является отражением происходивших тогда в мире событий[4] и трагической неуверенности автора, и именно поэтому название полностью соответствует содержанию сборника. В 1944 году Сеферис в своем письме Т. Маланоглу[5] отмечает, что для него κατάστρωμα (палуба) является местом публичным, где все движется, изменяется, где природа живет своей жизнью, где человек-поэт, «я» этого человека, отделяется от его личности и становится в значительной мере гротескным образом в толпе других людей на палубе, в отличие от καμάρα (комната), которая является абсолютно замкнутым, частным и уединенным местом. Сеферис, отправившийся в военные годы в долгое путешествие с греческим правительством в изгнании, чувствовал себя «человеком на палубе». Все эти волнения и изменения в его настроении отражены в сборнике стихотворений «Судовой журнал-II». Более того, уже сам эпиграф «Κάποτε συλλογίζομαι πως τούτα εδώ που γράφω δεν είναι άλλο παρά εικόνες που κεντούν στο δέρμα τους φυλακισμένοι ή πελαγίσιοι» (*Иногда я прихожу к выводу, что все то, о чем я пишу здесь, есть*

---

[1] Μ.Α. – Μέση Ανατολή – в 1943 году именно там находилось греческое правительство в изгнании.

[2] Первое издание – лето 1944 г. в Александрии, тиражом 75 экз., переиздан, с небольшими изменениями, в Афинах в декабре 1945 г. тиражом 315 экз.

[3] *M. Vitti,* Ιστορία της νεοελληνικής λογοτεχνίας, Αθήνα, 1985.

[4] Имеются в виду годы Второй Мировой Войны, начиная с августа 1941 года и заканчивая октябрем 1944.

[5] *Γ. Σεφέρης* «Δοκιμές», Β'. Σελ. 354-355.

inslav

не что иное, как татуировки, которые выкалывают на своем теле заключенные или моряки) дает нам ощущение нестабильности и беспокойства[6]. Сам поэт неоднократно отмечал, что хочет быть πελαγίσιος, то есть человеком моря, странником, путником вдали от родины, что прослеживается в его творчестве.[7]

Сборник «Судовой журнал-II» на фоне всего предыдущего творчества Сефериса выделялся как образец яркой политической сатиры. Для поэта это было необычно: до сих пор, касаясь современной ему исторической и политической ситуации, Сеферис предпочитал выражаться иносказательно, намеком, пользуясь мифами и символами. Но обстоятельства Второй мировой войны, роль Греции, действия греческого правительства в изгнании, с которым Сеферис был связан по долгу службы, – все это пробудило гнев и разочарование поэта и продиктовало ему язвительные, открыто-сатирические строки.

Стихотворение «Θεατρίνοι. Μ.Α.», которое нас интересует, было написано в августе 1943 года в Александрии. Как пишет поэт в своем дневнике, идея стихотворения пришла к нему внезапно, когда он наблюдал труппу актеров театра марионеток, дававших представление во дворе[8]. У Сефериса возникла ассоциация, связавшая театр марионеток с правительством Цудероса, которое тогда находилось в пятимесячном изгнании. Все в то время понимали безвыходность положения и тщетность усилий по созданию Сопротивления. Поэтому в данном произведении Сефериса звучит безысходность и тоска.

Название стихотворения и помещение его в сборник, в эпиграфе которого звучит слово πελαγίσιοι, не случайно.

---

[6] В примечаниях Г. П. Саввидиса к сборнику есть указание на заимствование и перефразировку Сеферисом строк из произведения Д. Соломоса «Γυναίκα της Ζάκυνθος» «σαν εκείνες που κάνουν στα χέρια και στα στήθια οι πελαγίσιοι με το βελόνι». *Γ.Σεφέρης,* Ποιήματα, 11η έκδοση, Ίκαρος, 1977. Σελ.329.

[7] В задачу данной работы не входит подробный анализ этого понятия, играющего значительную роль в творчестве Сефериса.

[8] *C. Capri-Karka.* War in the poetry of George Seferis. Pella Publishing Company, INC., New York 1985. P. 141-142.

inslav

Можно сопоставить понятия πελαγίσιος и θεατρίνος: как первый, так и второй являются странниками, почти вечными, по бескрайним просторам, и разница состоит лишь в месте странствования: первый всегда путешествует по морю, а второй по суше.

У Сефериса в роли θεατρίνοι, как мы увидим далее, выступают артисты странствующего театра кукол или марионеток:

Строим театры и их разбираем,
Где б не случилось нам очутиться,
Театр и сцену сооружаем...

(пер. И.Тресоруковой)

Но при этом над ними господствует судьба – μοίρα[9], – которая увлекает за собой и актеров, и декорации, и оставляет их στους πέντε ανέμους τους βιαστικούς (на волю стремительных ветров). Здесь сразу следует отметить, что обычно в первоначальном своем значении выражение σαρώνει... στους πέντε ανέμους употребляется в отношении морских путешествий, когда корабль, увлекаемый бурей, несется по ветру. Далее идет описание натянутых словно нервов жил, масок, румян и белил, мешковины, криков актеров во время представления, закатов и рассветов, и все это составляет хаотичную, беспорядочную смесь. Но самым важным моментом являются следующие строки:

Поверх нашей кожи натянуты нервы,
Словно полосы у онагра или зебры

(пер. И.Тресоруковой)

Здесь, несомненно, речь идет о кукольном театре марионеток, так как их «нервы» – нити кукловода – действительно проходят поверх их «кожи». Все это наталкивает на

[9] Вообще понятие судьбы является для Сефериса ключевым в этом стихотворении. Об этом пишет *Σ. Τσίρκας,* «Μία άποψη για το Ημερολόγιο Καταστρώματος, Β'» в сб. «Για τον Σεφέρη. Τιμητικό αφιέρωμα στα τριάντα χρόνια της στροφής.», Αθήνα, 1961. Σελ. 246-247

inslav

мысль, какой же именно театр кукол увидел Сеферис из окна? Вполне возможно, что это был греческий театр теней, Карагиозис. Тем более, что в военные годы один из кукольников, сатирик Василис Ротас, очень активно публиковал свои произведения «Τα καραγκιόζικα», в газетах «Αυγή» и «Λαϊκός λόγος»[10]. В частности, одним из самых популярных в то время произведений было письмо Карагиозиса к Шарло[11]. В этом письме есть следующие строки: «... κι γίναμε σα θεατρίνοι ναυαγισμένοι σε μικρό χωριό...» (*и стали мы словно актеры бродячего театра, потерпевшие кораблекрушение в маленькой деревушке* – пер. И. Тресоруковой), причем речь идет о попытках правительства наладить ситуацию в стране и об ожидании помощи со стороны американцев. Совершенно очевидно, что, будучи главой отдела печати МИДа греческого правительства, в эмиграции Сеферис читал греческую прессу, и это могло подтолкнуть его к идее данного стихотворения. В данном отрывке есть и θεατρίνοι, и тема моря и кораблекрушения. Кроме того, неоднократно в пьесах Карагиозиса, когда речь заходит о правительстве, его действиях, или же о предстоящих выборах, употребляется тема кораблекрушения, или моря, или шторма, или же какой-либо политик становится ναυαγισμένος и τα κάνει όλα θάλασσα (все проваливает с треском – буквально «пускает все на волю волн»).

Тема «кукольного театра» присутствует и в другом произведении Сефериса, связанном с «Судовым Журналом-II» множеством нитей, – мы говорим о романе «Шесть ночей на Акрополе». Этот роман был закончен в 1954 г., но замысел его возник у Сефериса еще в студенческие годы. Главный герой романа – поэт Стратис – одна из автобиографических personae Сефериса, и он же – лирический герой нескольких стихотворений сборника «Тетрадь упражнений» (1940) и интересующего нас сборника «Судовой

---

[10] Большинство его произведений собрано в сборниках *Β.Ρώτας* «Καραγκιόζικα», Θέατρο και επικαιρότητα 3, Αθήνα, 1996.

[11] Под Шарло обычно подразумевается Чарли Чаплин в пьесах театра теней.

insdan

Журнал-II». В стихах этот персонаж имеет фамилию «Талассинос», т.е. «Мореход», – таким образом, это еще одна вариация на тему πελαγίσιος. В начале романа «Шесть ночей на Акрополе» мы читаем дневник Стратиса, который, как известно, почти буквально воспроизводит дневник Сефериса за 1925 г. В одной из записей этого дневника находим цитату из Марка Аврелия: «Тщета пышности, театральные действа, стада, табуны, потасовки; кость, кинутая псам; брошенный рыбам корм… ДЕРГАНЬЕ КУКОЛ НА НИТКАХ»[12]. «Кукольная» метафора у Сефериса выделена заглавными буквами – «ΣΑΓΙΛΛΑΡΙΑ ΝΕΥΡΟΣΠΑΣΤΟΥΜΕΝΑ». Нельзя не отметить, насколько начало этого фрагмента перекликается со строками стихотворения «Θεατρίνοι. Μ.Α.»:

Плоть, мешковина, шесты, притиранья
Стишки, чувства, вуали, уборы
Маски, сумерки, вопли и крики
И восклицанья и рассветы
Брошенные как попало вместе с нами…
(пер. И. Ковалевой)

Напомним, что фрагмент Марка Аврелия, цитируемый в дневнике Стратиса, завершается многозначительным утверждением: «И среди всего этого дóлжно стоять благожелательно, не заносясь, а только сознавая, что каждый стóит столько, сколько стóит то, о чем он хлопочет»[13]. Проецируя эти слова на ситуацию греческого правительства в изгнании и – шире – на роль Греции во Второй мировой войне, на обманутые надежды, мужество и предательство, Сеферис задается горьким вопросом: Πες μου πού πάμε; Πες μου πού πας; (*Скажи, куда мы идем? Скажи, куда ты идешь?)* – и отсюда разворачивает метафору «кукол, висящих на нитках», уподобляя им, в первую очередь, продажных и неумелых политиков, – но не только их. Сеферис

[12] Пер. А.К.Гаврилова.
[13] Пер. А. К. Гаврилова.

insiav

говорит «мы», а не «они», не снимая с себя ответственности за происходящее, оценивая, «сколько стоит то, о чем хлопочет» каждый[14].

Тот же самый фрагмент «Размышлений» процитирован в эссе «К. П. Кавафис, Т. С. Элиот: параллельные», над которым Сеферис работал в военные годы: в 1946 г. в Афинах он выступал с лекцией на эту тему, а затем в 1947 г. текст ее был опубликован в журнале «Англо-греческое обозрение». Вот что пишет Сеферис, характеризуя поэзию Кавафиса: «...Все его творчество соткано из примеров надувательств, ловушек, махинаций, страхов, подозрений, просчетов, обманутых надежд, тщетных усилий. Боги насмехаются, люди глумятся, и сами они игрушки в руках богов, времени и случая – "косточка, брошенная собакам, хлеба кусочек в рыбных садках, хлопоты муравьев, полеты испуганных мошек, марионетки, подчиняющиеся нити"»[15]. Очевидно созвучие этих строк стихотворению «Θεατρίνοι. М.А.» В годы войны Сеферис по-новому открыл для себя Кавафиса (об этом он подробно пишет в упомянутом эссе), и сборник «Судовой Журнал-II» написан под явным влиянием Кавафиса, декларируемом в заглавиях – «Дни июня 41 г.», «Дни апреля 43 г.», отсылающих к известным стихам старшего поэта – «Сентябрь 1903 года», «Январь 1904 года», но если у Кавафиса речь шла о любви, у Сефериса на первый план выходит политика. В более поздней по сравнению с «Судовым журналом-II» лекции (и эссе) о Кавафисе Сеферис использует тот же образный строй, видимо, глубоко его волновавший: он сравнивает Кавафиса с Протеем, морским старцем, описанным Гомером (Od. IV, 455 sqq) – и упомянутым в стихотворении «Дни июня 41 г.»: остров Фарос, где, согласно мифу, обитал Протей, находился близ Александрийской гавани... Так же к творчеству Кавафиса Сеферис относит и

---

[14] О том, что Сеферис внимательно читал Марка Аврелия, свидетельствует, например, эпиграф из III книги «Размышлений» к циклу «Шестнадцать хайку» (сборник «Тетрадь упражнений»).

[15] Перевод И. Ковалевой.

inslav

образ людей-кукол, почерпнутый у Марка Аврелия и использованный в «Θεατρίνοι. М.А.».

Метафора «людей-марионеток», «игрушек судьбы» у Марка Аврелия имеет почтенную историю. Подробно изложенный миф о людях как куклах-марионетках в руках богов есть у Платона. Так, например, в «Законах» говорится: «Мы, живые существа, – это чудесные куклы богов, сделанные ими либо для забавы, либо с какой-нибудь серьезной целью... внутренние наши состояния... точно шнурки или нити, тянут и влекут нас каждое в свою сторону, и, так как они противоположны, увлекают нас к противоположным действиям, что и служит разграничением добродетели и порока...» (I 644 d – 645 c, VII 803 c – 804 b)[16]. Касался этой темы и Демокрит (fr. B 158 Diels). У Платона люди-куклы находятся в руках богов – и это в прямом смысле божественное руководительство Платон хочет представить как нечто благодетельное для человека. У стоика Марка Аврелия место богов занимает судьба (ср. II, 2, где употреблен глагол νευροσπασθέναι «быть приводимым в движение нитками, как кукла» – а кукловодом выступает судьба) – неотменимая, безразличная к участи человека сила, перед которой он только и может, что следовать нравственным принципам, пренебрегая «плотью»[17].

Следует заметить, что кукольный театр как таковой появился изначально в качестве действа сугубо религиозного: так, в Древнем Китае представления с театром теней и марионетками – больше всего, конечно, с тенями – были напрямую связаны с судьбой человека и его дальнейшей жизнью в загробном мире: еще в X в. н.э. в китайских руко-

---

[16] Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. «Мысль», М., 1994. Пер. А. Н. Егунова.

[17] «Что бы я ни был такое – все это плоть, дыхание и ведущее. Брось книги, не дергайся [как кукла на нитке. – *примеч. И. И. Ковалевой*] – не дано. Нет, как если бы ты уже умирал, пренебреги плотью; она грязь, кости, кровянистая ткань, сплетение жил, вен, протоков» (пер. А. К. Гаврилова). Марк Аврелий здесь обыгрывает двойное значение слова νεῦρα – жилы человеческого тела и нити, управляющие куклами. Не вслед ли за ним Сеферис тоже сопоставляет νεῦρα человеческого тела, куклы-марионетки – и жилы-струны (χορδές) гудящей лиры?

inslav

писях упоминаются представления в основном религиозного характера, которые играются при помощи фигур, вырезанных из бумаги, в виде тератоморфных существ с когтями (так китайцы представляли себе души умерших)[18]. Куклы, позади которых стоит светильник, отбрасывают тень на белую бумагу, – тень есть не что иное, как посредник между умершими и живыми, между Царством Подземным и Царством Верхнего Мира. Одна из легенд рассказывает, что театр теней был изобретен специально для утешения одного из императоров, жена которого умерла молодой. Кроме того, как известно, куклы, изображающие людей и человекообразные существа, появляются в человеческой культуре очень давно, первоначально в виде объектов религиозного поклонения, затем становясь куклами в сегодняшнем понимании этого слова. Куклы-игрушки находят в Древнем Египте, в захоронениях Древней Греции и Древнего Рима[19]. Таким образом, люди уже в древности отождествляли себя с игрушками в руках богов и судьбы, уподобляя себя куклам. Именно поэтому и Платон, и Марк Аврелий говорят о невидимых нитях кукловодов в руках богов.

У Сефериса «кукловодом» тоже является судьба – η μοίρα μας πάντα νικά. Интересно, что в тот же сборник «Судовой журнал-II» включено стихотворение «Η μορφή της μοίρας», которое связывается с анализируемым стихотворением одним чрезвычайно интересным мотивом. «Θεατρίνοι Μ.Α.» завершаются образом, напоминающим о евангельских событиях:

Посмотри на наше сердце – это губка
Влачащаяся по улице и по рынку
Пьющая кровь и желчь
И четвертовластника, и разбойника.

(пер. И. Ковалевой)

---

[18] «Ο Καραγκιόζης». Επιμελ. Γ.Ιωάννου, τομ Α'. Σελ.ιδ' . Здесь же следует сказать, что Китай, являясь родиной бумаги, вполне полноправно претендует и на роль создателя фигур из бумаги.

[19] *Алферов А. Д.* «Петрушка и его предки» // «Десять чтений по литературе», М., 1895; *В. Н. Перетц.* «Кукольный театр на Руси» // Ежегодник Императорских театров, №1 1894-1895.

insiav

Губка с уксусом и желчью[20], Ирод-тетрарх и разбойник воссоздают картину Распятия. В стихотворении «Облик Судьбы» присутствует тот же мотив: «*Теперь я не могу читать дальше/Потому что тебя сковали цепями, потому что тебя* ***пронзили копьем***...» (пер. И. Ковалевой). И здесь можно усматривать отсылку к театральным представлениям Византии: это и византийский мим, и театр мистерий, вышедший из древнегреческого театра. Именно там одним из самых популярных сюжетов представлений были «Πάθη του Χριστού», где одной из самых распространенных сцен была встреча Христа с Пилатом и дальнейшее распятие Иисуса[21]. Несомненным представляется тот факт, что Сеферис целенаправленно использует эту тему: безысходность древнегреческой судьбы, невозможность изменить ее, отражение ее в театральных постановках и в жизни современников поэта. Неслучайно Сеферис задает в последнем стихотворении безответный, горький вопрос – кто же кукловод?

«*Кто тот, кто стоит за нашей спиной, отдает приказы и убивает?*»

Не могла ли бродячая труппа кукольного театра (или театра теней), увиденная Сеферисом в 1944 г., разыгрывать какой-то сюжет, связанный с Распятием? Как бы то ни было, увиденное из окна представление пробудило воспоминание о теме, над которой Сеферис давно и мучительно размышлял, и подтолкнуло поэта к созданию одного из самых ярких его политических стихотворений.

---

[20] Заметим, что образ «сердца-губки» может восходить к началу «Метаморфоз» Апулея, где ведьмы вытаскивают у человека сердце и заменяют его губкой.

[21] *Α.Σολομός* «Άγιος Βάκχος. Άγνωστα χρόνια θεάτρου», Αθήνα-Γιάννηνα, 1987. Σελ. 69-104.

inslav

Irina I. Kovaleva, Irina V. Tresorukova

"Theatrinoi" by G. Seferis and Karaghiozis (Shadow Play)

SUMMARY

G. Seferis' poem "Theatrinoi" («Θεατρίνοι. Μ.Α.») was included in his "Logbook-II"(1944). This collection of poems is featured with strong satiric approach. The circumstances of the Second World War, actions of the Free Greek Government in exile – all these things provoked poet's anger and disappointment and dictated the bitter, satiric verses.

The poem «Θεατρίνοι. Μ.Α.» was written in Alexandria in August, 1943. We know from Seferis' diary that the idea of this poem formed as he was watching a performance of a marionette theatre played in his yard. A sudden association connected this marionette theatre to the situation of the Greek Government in exile.

Θεατρίνοι of this poem are the troupe of such a marionette theatre on tour. They believe that this is they who manipulate the marionettes, but in reality these people are played by Destiny – μοίρα. The image used by Seferis: "nerves, stretched over the skin" refers to the cords used by the manipulator to move a marionette.

This is possible that the performance watched by Seferis was one played by some Karaghiozis, a shadow play so much popular in Greece. One of the most popular writers working for the theatre, the satirist Vasilis Rotas, was publishing a great deal of his works in the newspapers «Αυγή» and «Λαϊκός λόγος» in this period. Being responsible for the public relations of the Free Greek Government in exile, Seferis had to monitor Greek newspapers and knew the satires by Rotas which could agitated his imagination as he was working on the poem «Θεατρίνοι. Μ.Α.».

The same motive of a marionette theater could be found in another work by Seferis, "Six nights at Acropolis", related to "Logbook II". The main character of this novel, Stratis, an alter-ego of the author, is the lyrical person of some poems, included in "Logbook II". As for the novel, it begins with a

inslav

diary by Stratis, which strictly follows the real diary of Seferis for 1925. Among the other entries in that real diary we find a quotation from Marcus Aurelius who compares our life with a marionette theater. Seferis especially marked the words «ΣΑΓΙΛΛΑΡΙΑ ΝΕΥΡΟΣΠΑΣΤΟΥΜΕΝΑ» in this quotation with capital letters. And the same passage was quoted by Seferis in his essay "C.P. Cavafy and T.S. Eliot: the parallels" which was written in the exile.

The final images of the poem – the sponge with wine vinegar, Herod, a robber – address the reader to the scene of Crucifixion. So we can suppose that the performance watched by Seferis from his window was the one based on Gospel and it provoked a new meditation of the poet on the subject which had been in his consciousness for some years and finally was realized in that political satire.

inslav

Ю. А. Лопашов

О НАЗВАНИЯХ МЕСЯЦЕВ В АЛБАНСКОМ И ГРЕЧЕСКИХ ГОВОРАХ ЗАПАДНОЙ МАКЕДОНИИ*

Изучение языковых контактов в области лексики, как, впрочем, и на других языковых уровнях, в целом велось в балканистике преимущественно применительно к литературным (общим) языкам. Данные диалектов и говоров привлекались при этом, вообще говоря, не очень широко, а в тех случаях, когда исследователи обращались к таким материалам, чаще всего объектом изучения в этом аспекте становились отдельные говоры или диалекты того или иного языка без сопоставления их друг с другом, а тем более с говорами и диалектами других языков. При этом основной корпус заимствований, составляющий в литературных балканских языках в той или иной мере общий слой лексики, по существу известен уже со времени работ Копитара, Миклошича, Г. Майера, Вайганда и Сандфельда, хотя отношения общих для разных языков лексем в ряде случаев остаются не вполне выясненными до сих пор. В этой связи здесь достаточно упомянуть известный ряд лексем, общий для албанского и румынского языков, относимых то к палеобалканскому, то к более позднему периоду. Между тем кажется очевидным, что с точки зрения балканистических исследований такой подход недостаточен, ибо, конечно же, наиболее интенсивные контакты носителей различных балканских языков в тот период, когда формировалась эта языковая общность (а формировалась она, надо полагать, прежде всего в период Средневековья), происходили именно на уровне диалектов и говоров в силу вполне ясных исторических причин. Общие (литературные) языки вырабатывались где-то уже на заключительной стадии её формирования, и, по существу, непосредственно мало были захвачены этим процессом: они получили в наследство то общее балканское, тот

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 04-04-00164а.

inslav

‘сгусток’, или ‘осадок’ балканских черт, который был им передан соответствующими диалектами, на основе которых они формировались. Поэтому естественно, если говорить о лексических балканизмах, что в определенных говорах и диалектах данных языков таковых значительно больше, чем в соответствующих литературных языках. В связи с этим важной задачей в балканистических исследованиях является изучение общей балканской лексики в говорах и диалектах в сопоставительном аспекте как в рамках отдельных языков, так и в межъязыковом плане – насколько это ещё возможно в современных условиях при быстром исчезновении этих форм языка. Одной из задач в этом направлении должно стать выявление границ распространения лексем, общих для тех или иных языков, определение ареалов, различающихся по степени насыщенности соответствущих идиом лексическими балканизмами и т. д.

Определенный интерес с этой точки зрения представляют названия месяцев в албанском и греческом языках. Как известно, названия пяти месяцев: января, марта, апреля, мая и августа (janar, mars, prill, maj, gusht) – в литературном албанском – латинские заимствования; названия сентября, октября, ноября и декабря (shtator, tetor, nëntor, dhjetor) – также связаны с соответствующими латинскими названиями, поскольку представляют кальки с этих последних (Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. I, II. Prishtinë. 1981). Названия трех месяцев: февраля, июня и июля – особые. Название февраля – shkurt – образовано от корня со значением ‘короткий’; имя qershor ‘июнь’ связано с названием черешни (qershi): = ‘месяц созревания черешни’; название июля – korrik – происходит от корня глагола korr ‘косить, жать’ (= ‘месяц жатвы’).

В греческом литературном все названия месяцев – латинского происхождения: γεν(ν)άρης, φλεβάρης, μάρτης, απρίλης, μάης, ιούνης, ιούλης, αύγουστος, σεπτέμβρης, οχτώβρης, νοέμβρης, δεκέμβρης.

В северных же говорах греческого (в Западной Македонии) зафиксированы следующие названия февраля, июня и июля: февраль – σ΄κούρτους; июнь – κιρασάρς (=

instiav

‘месяц созревания черешни’); и июль – θιρστής (= ‘месяц жатвы’). Два последних названия, таким образом, – по внутренней форме одинаковы с албанскими. Все эти названия употребляются, в частности, в говоре села Гермас (село находится в округе Касторья; см. Γεωργίου Χ. Γ. Το γλωσσικό ιδίωμα Γέρμα Καστοριάς / Μακεδονική Βιβλιοθήκη, 23. Θεσσαλονίκη. 1962); указанное названия февраля в говорах Западной Македонии отмечает также Эвангелопулос (Эвангелопулос Ю. В. Лексические особенности новогреческого языка в Западной Македонии. Ташкент. 1978). Каким образом следует объяснять возникновение этих общих для греческого и албанского языков названий месяцев?

Очевидно, что в случае с названием февраля мы имеем дело с заимствованием из албанского (о разных этимологиях корня см. Orel V. Albanian etymological dictionary. Leiden, Boston, Köln. 1998).

Название июня в албанском – образование внутриязыковое от заимствованного слова со значением ‘черешня’; однако неясно, из какого языка произошло это заимствование: из греческого или латинского; см. Orel, op. cit.). В греческом соответствующее имя – также внутриязыковое образование, на что указывает форма слова. Но, по-видимому, в каком-то из этих языков название этого месяца возникло под влиянием внутренней формы аналогичного слова другого языка. Учитывая, что в общегреческом это название происходит из латинского, скорее всего можно предположить, что в этих говорах оно образовано под влиянием соответствующего албанского имени.

Ясно, что в случае с названиями июля мы также имеем дело с калькированием, хотя в каждом из языков соответствующее имя образовано от корня исконно унаследованной формы (см. Ανδριώτη Ν. Π. Ετυμολογικό λεξικό της κοινής Νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη. 1967: θερίζω; Orel, op. cit.: korr) со значением ‘жать, косить (об уборке зерновых культур)’; какой из языков калькировал – вопрос.

inslav

Во всяком случае – это один из фрагментов балканской языковой общности, один из показательных случаев взаимодействия данных языков на уровне говоров.

Как было отмечено выше, одной из задач исследований в этом направлении является определение зон (ареалов), различающихся по степени насыщенности соответствующих идиом лексическими балканизмами и т.д. В данном аспекте интересно сопоставить, например, словари, представленные в доступных мне описаниях северных греческих говоров.

Так, в работе Андриотиса, посвященной описанию греческого говора Меленика (современный Мелник на территории Болгарии) (Ανδριώτη Π. Ν. Το γλωσσικό ιδίωμα του Μελενίκου / Μακεδονική Βιβλιοθήκη, 68. Θεσσαλονίκη. 1989) общее количество лексем в приведенном им глоссарии – 2887; в том числе отмечено заимствований из турецкого – 292, из славянских (у автора – из болгарского) – 182, и незначительное число заимствований из других учитываемых автором языков: из итальянского – 20, немецкого – 9, французского – 4, аромунского – 2, албанского – 1. При этом отмечены не все заимствования (включенные в словарь) из турецкого; не отмечены также заимствования из латинского, хотя несколько из них входит в состав словаря.

В словаре Георгиу (указ. соч.) насчитывается приблизительно 5071 лексема; в том числе заимствований из турецкого отмечено автором 188, из латинского – 24, из персидского – 8, арабского – 7, славянского – 4, итальянского – 3, албанского – 1, французского – 1. При этом не отмечено как значительное число включенных в словарь турцизмов, так и славизмов. Можно привести здесь такие слова, не отмеченные как турцизмы: γαϊτάν, (γ)ιλέκ, γκ΄ουμ, γκισέμ, γκουτζάμ, τζ΄αμλίκ, τηγάν, χαντάκ и др.; и не отмечены как славизмы, например, слова βιρός, βλάγα, γκόλ΄ους, γκρούδα, έζ΄γκ΄ους, ζμπόρους, κουζ΄ίν΄, κουσ΄όρα, μόλ΄τσα, μπάμπου, ν΄άν΄α и др.

Иное наблюдаем, к примеру, в говоре острова Самофракия. Так, Н. Кацанис в своем труде об этом говоре (Κατσάνη Νικ. Αθ. Το γλωσσικό ιδίωμα της Σαμοθράκης

inslav

Θεσσαλονίκη. 1996) дает глоссарий, включающий 234 лексемы. Помимо этого он приводит отдельно списки заимствований из турецкого и латинского – новолатинского языков; в последнем списке отмечает и итальянизмы, и венецианизмы. Список турцизмов состоит из 55 единиц, заимствований из латинского – новолатинского – 53. В глоссарии зафиксированы также единичные славизмы и албанизмы. Глоссарий не перекрывает списки заимствований, с другой стороны – не все заимствования, данные в отдельных списках, включены в глоссарий. В целом словарь, как видим, небольшой (он ориентирован, конечно, на диалектизмы), но среди заимствований явно видно преобладание турцизмов и новолатинизмов, что вполне понятно, если учитывать исторические факторы; в частности, что касается наличия значительного числа так называемых новолатинизмов в этом говоре, то это объясняется тем обстоятельством, что остров длительное время находился под протекторатом Венеции.

Таким образом, эти данные говорят о том, что в этих греческих говорах (как, можно полагать, и во всей диалектной зоне, о которой идет речь) удельный вес иноязычных заимствований (которые, надо заметить, в преобладающем числе представляют собой балканизмы – в особенности турцизмы и славизмы) довольно значителен. В этом отношении данные диалекты весьма и весьма отличаются от литературного греческого.

К сожалению, я не располагаю подобными данными по другим северным греческим говорам (в том числе по Эпиру, где, как можно предположить, наряду с турцизмами и славизмами наблюдается и больше заимствований из албанского), и, однако, эта картина свидетельствует также, что в этом ареале в свое время происходило очень интенсивное (возможно – и наиболее интенсивное) взаимодействие балканских языков.

inslav

А. А. Новик

АЛБАНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ УКРАИНЫ

(Свадебная обрядность в Приазовье в контексте сохранения традиций)

В течение 1998–2003 гг. мною проводилось этнолингвистическое изучение Приазовья. За это время были совершены экспедиции в албанские, греческие, гагаузские и болгарские поселения с целью исследования состояния языка и культуры их населения. Большее внимание мною было уделено албанским селам в силу интереса к албанской проблематике в целом, а также потому, что длительное время, а именно, с 1970-х годов, не проводилось масштабного и планомерного изучение этих сел. Во всяком случае, публикации последних лет базировались на полевых материалах, собранных несколькими десятилетиями ранее.

Так, в ноябре 2002 г. мною была проведена экспедиция в албаноязычные села Украины[1]. Из четырех сел, находящихся на территории Республики Украина, в которых проживает албанское население, мною были выбраны 3 села в Запорожской области. Это село Георгиевка (бывшее название Тюшки), село Девнинское (бывший Таз) и Гаммовка (прежнее название Джандран). Все три села расположены в Приазовском районе Запорожской области. Прежде, перед нынешней экспедицией, я был в названных селах в 1998 г., в июле-августе и ноябре. Тогда я проводил полевые изыскания вместе с Ю.В. Ивановой (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва) и И.В. Уваровым (Московский государственный университет международных отношений). В экспедиции 2002 г. было важно проследить изменения, произошедшие в селах за последние четыре года, в сфере сохранения языка и традиционной культуры. Важно было также записать и зафиксировать ма-

---

[1] Поездка осуществлена при поддержке Минобразования России. Шифр гранта: PD02-3.17-60.

inslav

териалы по праздничной и свадебной обрядности. В данной статье я постараюсь осветить материал, непосредственно связанный со свадьбой и брачными связями и отношениями в изучаемом регионе.

Названные выше поселения, куда была направлена экспедиция, в Запорожской области возникли в 1861-1862 гг. Их основали выходцы из Каракурта (ныне село Жовтневое Болградского района Одесской области). А в сам Каракурт албанцы с Балканского полуострова переселились в 1811 г. Переселение единоверцев с Балканского полуострова было санкционировано русским властями, заинтересованными в заселении Приазовья и Причерноморья, отошедших в результате длительных войн с Турцией к России.

В Приазовские степи селились люди различной этнической принадлежности[2]. В Георгиевке и Девнинском население изначально было почти исключительно албанским. В Гаммовке албанцы проживали совместно с гагаузами. В ближайшей округе возникли болгарские, украинские, русские, а также смешанные поселения. Долгое время население албанских сел оставалось почти полностью моноэтничным (за исключением Гаммовки). До 1920-х годов албанцы вообще не признавали и не приветствовали межэтнические браки. Старики считали, что их сыновья могут жениться только на албанках, и дочерей выдавали тоже исключительно за албанцев. Такое положение существовало довольно долго.

После лихолетья двух революций и гражданской войны в селах значительно сузились возможности выбора брачного партнера. И межэтнические браки стали возможны. Однако несколько десятилетий эта свобода выбора ограничивалась весьма малым списком народов, за представителей которых можно было выходить замуж или жениться. Вступать в брак разрешалось со «своими», а именно с болгарами и гагаузами. Всех прочих считали «чужими». Это и понятно. Ведь предки современных приазовских ал-

---

[2] Иванова Ю.В., Чижикова Л.Н. Из истории заселения Южной Украины // Культурно-бытовые процессы на юге Украины / Отв. редактор Ю.В. Иванова. – М.: Наука, 1979. С. 5.

inslav

банцев несколько веков прожили среди болгар и гагаузов. Ушедшие с албанской территории ориентировочно в XVI в., поселенцы обосновались вначале в Восточной Болгарии, в районе Варны. Там они проживали совместно с болгарами и гагаузами. А затем, в начале XIX в., спасаясь от усиливающегося гнета османских завоевателей, переселились в пределы Российской империи. Вместе с албанцами переселялись болгары, гагаузы, греки, представители других народов[3].

На новых землях албанцы впервые столкнулись с русскими и украинцами, молдаванами и ногайцами[4]. Жизненный уклад, бытовые установки, традиции и обычаи тесным образом связывали албанцев с другими выходцами с Балканского полуострова. Владели албанцы, помимо своего родного – албанского, еще и гагаузским, и болгарским языками. Без знания языков соседей нельзя было свободно общаться, иметь хозяйственные и личные связи[5]. Русскоязычные люди были совершенно новым этносом, с которым албанцы встретились в Буджаке (междуречье Днестра и Прута). Но контакты с русскими ограничены были, как правило, лишь общением с русскими чиновниками – пред-

---

[3] Народи Північного Приазов'я (етнічний склад та особливості побутової культури) / Ред. колегія: І.П. Аносов, М.В. Елькін, Б.М. Кочерга, В.В. Крижко, В.С. Повіляй. Запоріжжя; Київ: Просвіта, 1997.

[4] Научные изыскания здесь начал проводить акад. Н.С. Державин. Затем, начиная с 1948 г., многочисленные экспедиции предпринимались Ю.В. Ивановой. Прямо либо косвенно проблематики говора и культуры албанцев Украины касались ученые Санкт-Петербургского государственного университета и Института лингвистических исследований РАН; см.: Державин Н.С. Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР // СЭ. 1948. № 2. С. 156-170; Иванова Ю.В. Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде: На примере албанских поселений на юге Украины в XIX – XX вв. // СЭ. 1981. № 4. С. 95-107; Шарапова Л.В. Албаноязычные поселения Болгарии и Украины // Основы балканского языкознания. Т. 1. Языки балканского региона. Л., 1990. С. 114-125.

[5] Новик А.А. К истории поселения немецких колонистов в Приазовье (по материалам этнографической экспедиции 1998 г.) // Мавродинские чтения. Сб. статей / Под ред. Ю.В. Кривошеева, М.В. Ходякова. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2002. С. 178-179.

inslav

ставителями властей. На бытовом уровне общения с русскими и украинцами первое время после переселения в пределы Российского государства практически не было. После переселения в Приазовье связи с русскоязычным населением усилились, однако некоторая настороженность и отчужденность все же сохранялись. Как вспоминают информанты, вплоть до второй мировой войны албанки русскими пугали своих детей: «Придет русский и заберет тебя». Если в селе неожиданно появлялась какая-нибудь подвода из районного центра с начальством либо еще кто-нибудь «чужой», то женщины также гнали ребятишек домой и прятались сами: «Русские едут!»

Распространение межэтнических браков среди албанцев, болгар и гагаузов приняло в 1920-1930-е годы систематический и масштабный характер. Многие представители старшего поколения противились ломке старых установок и запретов. Однако молодежь стойко сопротивлялась и, как правило, добивалась разрешения на брак с представителем другого этноса. В это время особенно распространился обычай умыкания невесты по обоюдному сговору. Так, жених пробирался ночью или на рассвете к дому невесты и увозил ее в свое село. После присылались сваты, и не оставалось ничего другого, как играть свадьбу. Родители невесты, таким образом, в некоторой степени сохраняли свое лицо. В принципе они не одобряли брак своей дочери-албанки, скажем, с болгарином. Но настойчивый жених добивался своего путем умыкания суженой. Этот обычай был знаком балканским поселенцам много веков. Родители в глазах общественности тоже не теряли авторитет. Они хотели бы выдать дочь замуж за албанца, да настойчивый болгарин оказался весьма проворным. Схожая картина наблюдалась и в болгарских и гагаузских селах.

Важным фактором, влияющим на выбор брачного партнера, была вся советская система в целом. Об этом информанты как-то совершенно забывают в своих рассказах. Конечно, молодые комсомольцы и коммунисты, работавшие в период всеобщей коллективизации в тракторных и полевых бригадах, на фермах и колхозных садах, знако-

inslav

мились друг с другом уже не с помощью свахи или родни, а непосредственно в процессе труда. Между молодыми людьми возникали симпатии, отношения. И многие уже не спрашивали разрешения у родителей, а тем более, у других родственников. Брак заключали по любви, а не согласуясь с пожеланиями родителей и приоритетами семейных связей. Новая советская идеология ломала сложившиеся традиции[6]. И в приобщенности к новым порядкам и установкам виделась явная прогрессивность взглядов. При сложившейся к тому времени системе выбора брачного партнера нововведения, вне сомнения, давали больше свободы и прав в создании новых семей. Однако нынешними информантами данная ситуация положительно не оценивается. Многие видят в ней начало процесса утраты этнической идентичности. «Раньше было правильно, когда родителей спрашивали, а потом все потеряли», – говорят многие из них. Однако, когда рассказывают о себе, то с удовольствием подчеркивают, что женились или выходили замуж по любви, без принуждения и без решающего слова родителей.

Голодомор 1934 г. на Украине не обошел стороной албанские села. В Приазовье погибло множество людей самых разных национальностей. Жуткие картины того времени оставили неизгладимый след в памяти народа. Множество пожилых информантов с содроганием вспоминают события тех лет. В албанских селах голодомор вспоминают чаще и с большим волнением, чем военные годы. После гибели большого количества людей множество сел и дворов в Приазовском районе опустело. Сюда советские власти стали переселять украинцев и русских из северных районов Украины. После окончания Великой Отечественной войны в здешних местах остро ощущался недостаток рабочих рук. В то же время в присоединенной к Советскому Союзу Западной Украине был переизбыток рабочей си-

[6] Иванова Ю. В. Особенности формирования хозяйственного комплекса многонационального района Приазовья // Культурно-бытовые процессы на юге Украины / Отв. редактор Ю. В. Иванова. М.: Наука, 1979. С. 87.

insiav

лы и нехватка рабочих мест. Официальный Киев стал переселять людей из западных областей Украины в ее восточную часть. Молодых незамужних девушек привозили на грузовиках в местные колхозы и устраивали на работу – кого на животноводческую ферму, кого в полеводческую бригаду и т. д. В скором времени стали возникать новые семьи – местные парни охотно женились на таких поселенках. К тому же старики уже не могли активно противиться межэтническим бракам. Население Приазовья стало еще более смешанным.

К этому периоду происходит коренной слом и во взглядах местных жителей на интимную сторону жизни. Если до середины 1940-х годов общество оставалось, несмотря ни на что, по большей части патриархальным, то с приездом новых работников и работниц отношения между полами становятся более либеральными. Молодые люди начинают вступать в интимные связи в более раннем возрасте. Это и понятно. Ведь прежде в селе все друг друга знали с детских лет, семьи были связаны родственными и свойскими отношениями, кумовством. Молодому человеку приходилось долго добиваться разрешения жениться у родителей. Как правило, девушки и парни имели первый опыт интимных отношений в свою брачную ночь. Установки и традиции коренным образом изменились с приездом чужаков. Албанские молодые люди уже не только глазели на приезжих девушек, но и могли добиться их близкого расположения. Так, по воспоминаниям многих информантов, до второй мировой войны внебрачная беременность была исключительно редким явлением. Ее всячески скрывали, пытались утаить и выйти каким-то образом из затруднительного положения. Это могла быть ускоренная свадьба либо помощь местной знающей женщины, специализировавшейся на освобождении от нежелательной беременности (а такие знахарки были почти в каждом селе). С середины 1940-х годов беременность до свадьбы перестала быть исключительно редким явлением. Тем не менее, это в обществе не одобрялось, а весьма осуждалось. Во всяком

inslav

случае, местные албанские девушки старались быть более пуританских взглядов, чем их приезжие сверстницы

Албанские юноши часто находили приехавших работниц более привлекательными и раскрепощенными и охотно на них женились, не желая продолжать ортодоксальные традиции своих семей. Приезжие девушки охотно выходили замуж за албанцев, находя их привлекательными и интересными. Важный фактор и тот, что албанские семьи, как правило, были зажиточными. Во всяком случае, крестьянские хозяйства в Приазовье существенно выигрывали по сравнению с хозяйствами Западной Украины того времени. У албанцев были крепкие дома, хорошая утварь, дорогая одежда и обувь. Украинские невесты старались быстро влиться в албанские семьи и перенять их уклад.

Начиная с середины 1940-х – начала 1950-х годов албанских юношей стали призывать в армию. До этого албанцы в армии не служили. В начале войны албанцев стали призывать на фронт, но потом власти начали отсеивать из армии представителей народов, находившихся под гитлеровской оккупацией либо воевавших на их стороне. Хотя албанцы сопротивлялись гитлеровской агрессии, их на всякий случай причислили к болгарам (а Болгария, как известно, входила в прогитлеровскую коалицию). Чтобы «чего не вышло», советская система отнесла албанцев к числу «неблагонадежных» граждан, а потому долгие годы отказывала им в почетной обязанности служения отечеству.

Попав в армию, албанские парни в различных уголках Союза знакомились с девушками разных национальностей, а после службы в рядах вооруженных сил привозили их к себе домой в качестве жен. Так появились смешанные албанско-белорусские, албанско-татарские, албанско-мордовские и иные семьи. С этого момента происходит коренной перелом в укладе местных деревень. В албанские дома, в албанские семьи вливается иноэтничный элемент. В семьях, в которых традиционно говорили на албанском, в присутствии молодой невестки и снохи начинают говорить по-русски, чтобы она могла понять, о чем идет речь. Дети, рождавшиеся в смешанных семьях, становились сызмальства двуязычными.

inslav

Причем первым языком для них зачастую становился русский. В быт албанцев входили русские установки, взгляды на организацию хозяйства, проникали новые суждения и оценки.

Приход в албанскую семью для девушек разных национальностей складывался различно. И здесь сказывались уже не столько кросскультурные различия, сколько психологический климат в семье. В некоторых домах к молодой женщине относились заботливо, пытались помочь и научить. В других, наоборот, привыкание происходило медленно, с конфликтами и обидами. Мне не раз приходилось выслушивать от украинских, русских и белорусских женщин противоположные мнения об албанцах. Так, одни говорили, что албанцы терпимы и хозяйственны, с ними легко сладить и влиться в одну семью. Другие рассказывали совершенно иные вещи. Так, одна информантка, русская из центральных районов России, заявила мне в д. Девнинском, что «вышла замуж за турка, и сама отуркманилась». К быту и установкам албанцев она так и не смогла привыкнуть за 30 лет замужества. Понятно, что многое зависит от индивидуальных качеств, от умения и желания приспосабливаться к другим условиям.

Процесс увеличения числа межнациональных браков после 1950-х годов неуклонно усиливался. Это можно легко проследить по похозяйственным книгам в сельсоветах Георгиевки, Девнинского и Гаммовки (похозяйственные книги Гаммовки хранятся в настоящее время в административном здании поселка городского типа Приазовье)[7].

Чисто албанских семей, как говорят сами жители, практически не осталось. Почти всегда можно найти болгарского или гагаузского дедушку, русскую или украинскую бабушку. Тем сильнее подчеркивают свой «албанский род» сохраняющиеся еще в малом количестве несмешанные семьи. Но и в таких семьях албанская речь уже не

---

[7] Новик А.А. Экспедиция к албанцам Приазовья и Буджака 1998 г. // Малый диалектологический атлас балканских языков: Материалы третьего рабочего совещания (Санкт-Петербург, 18 декабря 1998 г.) / Отв. редактор А.Н. Соболев. – СПб.: Наука, 1999. С. 85.

inslav

звучит постоянно, как это было еще несколько десятилетий назад. Здесь свою роль сыграла школа. Школы в албаноязычных селах Украины были «русскими», т.е. преподавание в них велось на русском языке. Дети из албанских семей, приходившие учиться в первый класс сталкивались с большими языковыми проблемами. Они не могли понимать учителей, говоривших по-русски. Этот языковой барьер с трудом стирался. Чтобы у детей в будущем не было проблем с учебой, многие албаноязычные родители переходили разговаривать между собой в присутствии детей на русский язык. Таким образом, дети, приходившие учиться в школу, уже владели русским. Но в семьях, с родителями и, особенно, с представителями старшего поколения – бабушками и дедушками, а также со своими сверстниками-албанцами дети продолжали говорить на албанском языке. Как вспоминают учителя, еще 15-20 лет назад дети на школьных переменах разговаривали между собой по-албански. Сейчас школьники общаются по-русски. На албанском они могут разговаривать лишь с дедушками и бабушками, у которых принято говорить на родном языке. А украинский язык, который всячески насаждается местной администрацией, с трудом учится албанскими детьми.

С языковым вопросом неразрывно связан вопрос и этнической самоидентификации[8]. Последняя перепись населения в Советском Союзе предоставила нам следующие цифры: на Украине проживало приблизительно 5 тысяч албанцев. В 1996 г. Республика Украина вводит гражданские паспорта нового образца. В них отсутствует графа «национальность». Учет населения ведется уже без учета этнической принадлежности. Единственной лазейкой, позволявшей до сих пор считать количество населения той или иной национальности, оставались похозяйственные книги, ведущиеся в каждом сельсовете[9]. Они-то как раз сохраняли графу «национальность». Работая с ними, можно

[8] Етнокультурні процеси в Запорізькому краї у XIX – XX ст. / Рец. Михайлов В.О. – Мелітополь – М.: Скрипторий, 2001. С. 72-73.

[9] Новик А.А. Албанцы Украины. Запорожская, Одесская области. 1998. Полевые записи. Архив МАЭ РАН. Фонд К-1, опись 2. № 1724.

inslav

было не только подсчитать количество албанского населения, но и проследить степень «престижности» подобной этнической идентичности. Так, в советские годы многие албанские семьи записывали своих детей русскими либо украинцами. Многие из них руководствовались соображениями дальнейшего карьерного роста детей – чтобы у них не было проблем из-за необычной национальности, как то часто случалось в разные периоды советской власти.

С момента провозглашения независимости Украины в 1991 г. стало «модным» записываться украинцем. Многие усматривали существенные выгоды в формальной принадлежности к титульной нации новообразованного государства. Однако отсутствие экономических успехов в стране, идеологический кризис и разочарование в национальной политике привели к середине 1990-х годов к устойчивому желанию многих албанцев подчеркнуть свою этническую принадлежность. Люди не только перестали стесняться быть албанцами, но многие стали этим гордиться и, порой, кичиться. Зачастую даже если в семье лишь одна бабушка или дедушка были албанцами, внуки могут записываться албанцами. И здесь действуют несколько иные механизмы, чем, скажем, в случае принадлежности к немецкому, еврейскому или греческому этносу. Албанцем быть не выгодно, в отличие от названных случаев. Албания не оказывает помощи, не действуют экономические программы и т. д. по поддержке диаспоры. В то же время люди декларируют свою этническую идентичность. И это устойчивый процесс.

Во время работы в албаноязычных селах в 1998 г. похозяйственные книги служили интересным источником информации. Но с 2000 г. Украина ввела новые образцы книг в сельских радах. В них теперь, так же, как и в паспорте, не учитывается этническая принадлежность гражданина. А, следовательно, учет населения, принимая во внимание его национальность, можно проводить лишь исклю-

inslav

чительно методом полевой работы[10]. Так, в Георгиевке проживает 472 человека, в Девнинском 698, в Гаммовке 496 человек. Работая с похозяйственными книгами прошлых лет и ведя параллельно опрос сотрудников местной администрации, которые хорошо знают местных людей, я пришел к выводу, что в численном отношении албанцы составляют большинство.

Многие люди записывали себя украинцами или русскими, однако имеют албанских предков. При работе с похозяйственными книгами часто натыкаешься на курьезы. К примеру, в Георгиевке я нашел запись: «Отец – албанец. Мать – русская. Сын – украинец. Пол – женский». Однако это всего лишь казус. А внимательное изучение похозяйственных книг дает возможность проследить менявшиеся стереотипы и взгляды на собственную идентичность.

В Приазовье, как и на Украине в целом, распространено слово *суржик*. Оно означает смесь русского и украинского языка. Также *суржиком* называют людей, родители которых представляют разные этносы. Многие информанты мне рассказывали о себе: «Я – суржик. У меня отец албанец, а мать украинка». Более того, семьи полиэтничного состава также часто называют *суржиками*. Многие выставляют напоказ свое смешанное происхождение и даже гордятся им, подчеркивая, что стоят выше национальных условностей и какой-то определенной этнической принадлежности. Данный факт также приходится учитывать во время полевой работы.

Важным вопросом для изучения является свадьба. Свадьба – это та тема, на которую охотно и с удовольствием говорят практически все информанты. Это отрадно, так как есть некоторые темы, на которые с информантами трудно беседовать. К таким темам относится народная мифология, демонология, круг вопросов, связанных с армией, немецкой оккупацией и т.д. О свадьбе все говорят с удовольствием и весьма подробно.

---

[10] Иванова Ю.В. Система немассовых опросных листов для оценки устойчивости этнокультурной среды населения // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С. 249-253.

instav

Опыт полевой работы подтверждает, что, рассказывая о свадьбе, информанты, как правило, пересказывают то, что было на их собственной свадьбе, в меньшей степени повествуют о свадьбе своих родственников, друзей и т.д. Это всегда приходится учитывать при работе. Поэтому часто возникают спорные моменты, когда информанты что-то пропускают из того, что их не касалось в дни торжеств, либо преувеличивают некоторые вещи, которые кажутся им весьма значительными. О собственной свадьбе часто рассказывают пожилые люди и люди среднего возраста до 50 лет. Их свадьба кажется им вполне традиционной. Все, что устраивали после этого приблизительного рубежа (начиная с 1970-х годов), ими оценивается как нечто совершенно новое, не имеющее отношение к «настоящей» свадьбе. Молодые новобрачные воспринимают свою свадьбу как современную и далекую от отмечавшихся когда-то. Хотя большинство молодежи и склонно считать свадьбы, игравшиеся в старину, более веселыми и интересными, устраивать собственные торжества по примеру бабушек и матерей не хотят. Ими движет уже фактор престижа[11].

В данной статье я остановлюсь на свадьбе, которую играли в 1930-1940-е годы. С 1950-х годов, по общему мнению жителей албанских сел, произошли существенные изменения в проведении свадеб. Многие старые обычаи ушли совсем или были заменены новыми, характерными не только для албанцев, но и для представителей других народов, проживающих по соседству. Мой материал опирается, главным образом, на сведения, полученные мною у жительницы села Георгиевки Анны Кирилловны Бурлачко 1940 г.р. Анна Кирилловна, уроженка Георгиевки, считается авторитетом в селе по части знания албанского говора и местных традиций. Сведениям информантки можно доверять, так как она, будучи ребенком, принимала участие во всех свадебных церемониях и являлась наблюдателем почти всех обрядовых действий. Ее тяга к участию в подобных

[11] Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. С. 186-187.

inslav

мероприятиях поощрялась отцом, и это позволяло ей всегда быть среди взрослых. А малый возраст давал возможность наблюдать и за мужской частью свадьбы, и за женской, так как мужчины воспринимали ее как ребенка, а не как представительницу прекрасного пола, а женщины не прогоняли, так как считали своей.

Краткий план ключевых этапов свадебного обряда такой [12].

Когда в семье вырастал сын, вставал вопрос о его женитьбе. Родители торжественно спрашивали сына, есть ли у него невеста. Получив утвердительный ответ, принимали решение идти в дом невесты. Как правило, это происходило после храмового праздника села (в Георгиевке он отмечается 21 сентября). Родители жениха отправлялись (строго в субботу) в дом невесты спрашивать ее родителей, согласны ли они. Последние о предстоящем визите предупреждались заранее. Пришедших усаживали в доме на почетном месте на *клесэр* – продолговатую подушку с домотканой шерстяной наволочкой). *Клесэр* часто использовался в обрядовых действах, был непременным атрибутом важнейших ритуалов. Родители невесты вызывали дочь и спрашивали, согласна ли она выйти замуж. Если она была согласна, то назначали день сватовства – помолвки (в албанском говоре Украины называется *рурэ*). В указанные годы уже практически не было случаев, когда невеста совсем не знала жениха, и свадьба устраивалась по договоренности родителей. На «спрос» подарков в дом невесты не носили. А родители невесты пришедших не угощали и также ничего не дарили[13].

---

[12] Наблюдения экспедиции 1998 г. были изложены в статье: Новик А. А. Свадебный обряд у албанцев села Георгиевка // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 21: Балканские исследования. Часть 1 / Отв. редакторы А. В. Жугра, А. Ю. Русаков. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 29-31.

[13] Свадебная обрядность в Георгиевке была описана автором в статье: Новик А. А. Свадебная обрядность у албанцев Приазовья (по материалам экспедиций последних лет) // Университетские Петербургские Чтения. 300 лет Северной столице. Сб. статей / Под ред.

inslav

На *рурэ* из дома жениха отправлялась целая процессия – самое меньшее 15 человек. Это были родители жениха, сам жених, ближайшие родственники. Процессию сопровождал приглашенный специально музыкант. Обязанности сельского музыканта были почетными, а его труд оплачивался. Когда приходили в дом невесты, то обменивались с хозяевами подарками: полотенцами, фартуками, рубахами. Мать жениха дарила невесте следующее: отрез на платье, фартук, платок, бусы, браслет, серьги. Кольцо не дарили, его вручали в день свадьбы (надевали на мизинец правой руки). Невеста после визита провожала жениха до ворот и удалялась в свою комнату. Присутствующие оставались «гулять» до утра. Пили ракию, вино, закусывали. Всю ночь пели и танцевали. Часов в 6-7 утра расходились. Родственников жениха провожали по улице к дому. Это считалось обязательным. На *рурэ* договаривались, когда состоится свадьба. Обычно свадьбу назначали через месяц. Невеста после помолвки ходила в той одежде, которую ей подарила будущая свекровь. Встречая кого-нибудь из родственников жениха, бывших на помолвке, невеста целовала им руку с обеих сторон троекратно. Обычай целовать руки старшим был широко распространен в албанских селах. Такой же обычай бытовал и среди других балканских переселенцев[14].

Основные приготовления к свадьбе начинались в четверг. В этот день в домах жениха и невесты резали скот, готовили мясо. Женщины приступали к приготовлению всевозможных блюд. Родители жениха договаривались о свадьбе с крестным молодого. В албанском говоре крестный называется *нун*. *Нуну* отводится большая роль как в свадебном обряде, так и вообще в семейной обрядности и общественной жизни. *Нун* – это также и посаженный отец на свадьбе, и кум. Жена кума – *нунэ* – это и крестная мать,

---

Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова. – СПб.: Издательство «Знаменитые универсанты», 2003. С. 751-758.

[14] Ксенофонтова-Петренко О. Н. Семейные обряды в селе Сартана // Культурно-бытовые процессы на юге Украины / Отв. редактор Ю. В. Иванова. – М.: Наука, 1979. С. 181.

instaw

и посаженная мать на свадьбе, и кума. *Нунэ* покупала невесте фату и венок. На свадьбе *нун* и *нунэ* играют большую роль, чем даже родители молодых. Такая же традиция существовала и на Балканах.

В пятницу в дом невесты приходили ее подружки, родственницы, главная из них – дружка (по-албански *шоке*). В этот день собравшиеся в дом невесты девушки отправлялись оповещать о свадьбе родственников и друзей в своем селе и округе. Вечером девушки, вернувшись после обхода домов родни, пекли свадебный пирог.

В субботу рано утром начинались приготовления к свадьбе. В домах невесты и жениха готовили кушанья. Вечером этого дня начиналось застолье. Собирались все родственники и приступали к трапезе. Гостей, пришедших в дом, было необходимо угостить.

Рано утром в воскресенье в доме жениха начинались приготовления к большому застолью. Крестная жениха вместе с родственниками отправлялась за невестой. Жених ожидал невесту в ее дворе. К нему молодую выводила маленькая девочка. Во двор выходили родители и родня невесты, они благословляли молодых. Все отправлялись в церковь. Из церкви процессия направлялась в дом жениха. После того, как церковь в селе разрушили, все участники свадебной церемонии направлялись в сельсовет, где происходила роспись новобрачных. И тогда уже из сельсовета процессия направлялась в дом жениха. Здесь молодым предстояло жить.

В дом молодоженов вводила крестная жениха. Невеста становилась в угол стола. Она не сидела вместе с гостями, а все время находилась на ногах. Свои места занимали гости. Играла музыка, приглашенных обносили спиртными напитками, подавали закуски. Вино и водка не стояли на столе в свободном доступе. Разлитые в стаканы спиртные напитки приносили на подносе в комнату и обносили ими гостей. Вначале подавали почетным гостям, затем близкой родне, затем более далеким родственникам. Самые почетные места на свадьбе занимали *нун* и *нунэ*. Застолье продолжалось до 6-7 часов вечера. Затем подавали сладкую

inslav

лапшу. После этого блюда гости должны были вставать и расходиться. Крестных провожали до дома.

После брачной ночи, в понедельник, с утра вновь собирались гости. Их угощали, и веселье продолжалось по подобию первого дня.

После свадьбы в течение месяца молодая ходила каждую субботу в родительский дом, там она мыла голову, мылась сама и возвращалась в дом мужа. Спустя месяц молодая становилась полноправным членом новой семьи. Таким были основные этапы традиционной для 1930-1940-х годов свадьбы в Георгиевке.

В 1950-е годы условия проведения свадеб изменились. Роль крестных уже не была столь велика, как прежде. Свадьбу могли отмечать не все указанные дни, а ограничиться одним днем. В связи с тем, что в селе появились приезжие, в свадебную обрядность стали проникать другие действа, которые казались местным жителям интересными и нужными. Со времени 1950-х по 1990-е годы свадьба в албанских селах приближалась к свадьбам, распространенным в других регионах, и не только Украины, но и бывшего Советского Союза. Многие обычаи были совершенно забыты. И о них сейчас с тоской вспоминают представители старшего поколения.

Во время полевой работы мною был собран значительный языковой и этнографический материал, касающийся свадьбы, который еще требует серьезного изучения. Мне довелось работать с информантами, которые еще помнили албанские свадьбы в начале XX в. Также были записаны тексты о свадьбах в настоящее время. Сопоставление такого материала может дать много нового и интересного о традиционной культуре и жизни албанцев на территории Украины. Подводя некоторые итоги, хочется отметить, что албанцы Приазовья до сих пор продолжают говорить по-албански, продолжают отмечать албанские праздники, петь песни на болгарском языке, которые они считают «своими», и готовить албанские блюда. Работы для этнографов и лингвистов этот регион может предоставить множество. И албанская самобытность, вопреки неко-

inslav

торым прогнозам, сохраняется в селах, основанных полтора столетия назад. А старые свадьбы, которые играли в здешних селах больше полувека назад, оцениваются местными жителями как «настоящие» и подлинно традиционные. Фольклорный ансамбль, работавший в селе Георгиевка, ставил такую свадьбу на сцене клуба культуры в 1990-е годы. Все представление длилось 2 часа. Постановка албанской свадьбы была столь удачной и вызывала такой интерес, что с ней самодеятельный коллектив проехал пол-Украины, участвуя в фестивалях и конкурсах. Подобный же интерес к традиционной свадебной обрядности мы отмечаем и теперь, когда возрождается потребность знания истоков собственной культуры.

inslav

А. А. Новохатько

ВОСПРИЯТИЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ В МЕМУАРАХ ГЕНЕРАЛА ЯННИСА МАКРИЯННИСА

Время греческой революции и освободительной войны двадцатых годов XIX в. определяется изменениями и возрождением не только греческой культуры и литературы, но и самого языка. Уже на рубеже XVIII-XIX вв. в письменном греческом языке можно заметить, по наблюдению Р. Битона, разнообразное смешение стилей, корнями своими уходящих в далекое прошлое и вместе с тем сохраняющих настоящее. Влияние Дукаса, который пытался удержать древнегреческие формы в современном языке, сосуществовало с нововведениями Вилараса, делавшего всё возможное для воплощения на бумаге разговорных народных выражений[1].

Послереволюционные и послевоенные годы вызвали целый всплеск новой повествовательной литературы на подлинно народном языке, и это понятно: ведущие участники исторических событий стали писать воспоминания о них. Ярчайшим представителем этого жанра стала «образованнейшая личность греческой культуры», по выражению Георгоса Сефериса, генерал *Яннис Макрияннис* (1797-1864).

Яннис Макрияннис происходил из бедной крестьянской семьи, он не получил никакого образования и почти до тридцати лет был неграмотным, что не помешало, впрочем, ему стать одним из первых людей в освобожденной Греции. В 1829 году, получив в Аргосе должность Главнокомандующего исполнительной власти на Пелопоннесе и в Спарте, Макрияннис захотел написать о событиях начала двадцатых и стал учиться грамоте. «Воспоминания» – труд, написанный в четырех книгах. Первая охватывает период с рождения Макрияннис до 1827 года, вторая – четырехлетний период с 1828 по 1832 годы, третья – с 1833 по

---

[1] *Roderick Beaton*, An Introduction to Modern Greek Literature. Oxford 1999 ([1]1994); 328.

insla

1843 годы, и, наконец, четвертая – с 1843 по 1851 годы. Работа, начавшаяся в жанре воспоминаний и имевшая целью рассказать потомкам о событиях военных лет, постепенно превратилась в дневник автора, который он и продолжал вести почти до конца жизни. Бывали периоды, когда он вынужден был его прятать, как, например, с 1840 по 1844 годы во время подготовки и осуществления конституционного переворота. Потом он снова к нему возвращался, записывая события истекших лет. Так он писал до апреля 1850 года, а спустя примерно год снабдил текст прологом и кратким эпилогом. Созданные в четырех книгах «Воспоминания» представляют собой то наречие, на котором изъяснялись его современники – большей частью неграмотные деревенские жители. И тем не менее в языке генерала-самоучки в полной мере присутствуют все базовые риторические элементы античной школы, а с содержательной стороны Макрияннис сознательно ведет постоянный диалог с древнегреческой культурой, взывая к её героям и победам.

После смерти Макрияннниса в течение полувека рукописи словно не существовало. Своим вторым рождением и появлением в печати она обязана известному афинскому литератору начала XX столетия *Яннису Влахояннису*, который опубликовал ее в 1907 году. «Эта рукопись похожа на древние стены: глядя на них, кажется, различаешь каждое движение, каждое усилие зодчего, который плотно прилаживает камень к следующему камню, воплощая в законченном строении перипетии неразрушимой человеческой энергии, и итог нас потрясает, мы называем его стилем, или ритмом. В рукописи Макрияннниса, недоступной для неподготовленного читателя, гораздо больше, чем отдельные слова, ощущается упорное желание автора выразить на бумаге свою душу», – писал Г. Сеферис[2].

Написанные живым народным языком тех лет, «Воспоминания» представляют собой уникальное сочетание ценного исторического свидетельства (правление баварс-

[2] *Γιώργος Σεφέρης*, Ένας Έλληνας – ο Μακρυγιάννης. Δοκιμές, τ.1, Αθήνα, 1975; 233-234.

instav

кой королевской династии в Греции, заговор и конституционный переворот – знаменитое 3 Сентября 1843 года – в описании человека, напрямую связанного с происходящими событиями) и литературного произведения, достойного самого пристального изучения.

Первым, кто отозвался на опубликованные Влахояннисом «Воспоминания», был *Костис Паламас* (1859-1943). В 1911 г. он в одной из речей, позднее опубликованных, говорит, что «Воспоминания» – «своего рода шедевр невежественного, но крепкого и самостоятельного ума, написанный мало-помалу, застенчиво и наивно, человеком, привыкшим держать в руке винтовку, а не перо, но созданный его собственной рукой, без посторонней помощи…»[3].

Затем труд Макрияннниса выпал из поля зрения общественности, пока на него не обратил внимание Г. Сеферис. Речь, дважды произнесенная Г. Сеферисом в 1943 г. в Александрии, была опубликована как статья в собрании подобного рода небольших эссе «Опыты»[4]. Вряд ли можно назвать совпадением, что в разгар Второй Мировой войны Сеферис обращается к герою греческой освободительной войны, патриоту и отчаянному борцу за свободу и независимость своего народа.

Именно Г. Сеферис впервые определил место Макрияннниса в греческой литературе: «С 1926 года, когда “Воспоминания” Макрияннниса впервые попали в мои руки, до сегодняшнего дня не проходило и месяца, чтобы я не перечитал хотя бы несколько страниц из них, не проходило недели, чтобы я не задумывался об этом наполненном жизнью стиле. “Воспоминания” сопровождали меня в путешествиях и скитаниях, освещали мне путь и утешали в радостные и горькие минуты. В нашей стране, где нередко с таким трудом мы обучаемся самостоятельно, Макри-

[3] Κωστής Παλαμάς, Ηρωικά πρόσωπα και κείμενα. Ο Νούμας, απ.430, Αθήνα 1911· 216 -222.

[4] Γιώργος Σεφέρης, Ένας Έλληνας - ο Μακρυγιάννης. Δοκιμές, τ.1, Αθήνα, 1975; 228-263.

inslav

яннис стал самым скромным, но наиболее постоянным моим учителем»[5].

Почти в то же время и не менее высокую оценку труду Макрияннниса дал *Георгос Феотокас* (1905-1966) в статье «Генерал Макрияннис» (1941 г., послесловие в 1945 г.), заключенной в сборник эссе «Духовный путь»[6]: «Может быть, этот человек необразован. Но крайним заблуждением было бы считать, что речь, по этой причине, идет о неотесанном уме. Речь как раз идет об уме, по природе своей не спокойном, живом и остром, прочно основанном на исключительном жизненном опыте и на многолетнем процессе общения с высокообразованными людьми, с которыми генерал был на равных...»[7].

В настоящей статье речь пойдет об одном сквозном мотиве, связанном с античной Грецией и свидетельствующем о непрерывной традиции, сохранившейся в столетиях и дошедшей до Макрияннниса. Вопрос в том, как дошла до Макрияннниса эта традиция. В современной греческой историографии господствует точка зрения, что греческий язык и культура сегодня не представляют собой единую традицию возрастом в три тысячи лет народа, прожившего на одной территории всё это время, что греческая общественность некогда создала такое представление непрерывного существования греческого этноса. Современные исследования по проблеме греческой «народности» отстаивают точку зрения, в соответствии с которой мы не можем говорить о присутствии какого бы то ни было «этноса» до возникновения, рождения идеологии национализма. Эта точка зрения представляет собой реакцию на господствующее в течение более чем полутора столетий мнение[8], что греческая история не прерывалась никогда и была своего рода континуумом. Когда мы говорим о связи Макрияннниса с Древней Грецией и его отношением к ней, мы не возвращаемся к этой прежней и кажущейся

[5] Там же, с. 229-230.
[6] Γιώργος Θεοτοκάς, Πνευματική Πορεία, Αθήνα, 1994; 141-166.
[7] Там же, с. 149-150.
[8] Κ. Παπαρριγόπουλος, Ιστορία του Ελληνικού Εθνους (1876) и др.

inslav

«устаревшей» точке зрения о «трехтысячелетнем» наследии эллинства. Мы стремимся показать, что присутствовала всегда определённая историческая «память» древних греков, которая была значимой и влияющей. Прежде всего эта «память» напрямую связана с существованием и использованием языка, особенно среди церковных лиц. Но не только языка: значение этой памяти прорисовывается ***через восприятие Макрияннисом античности***.

Античные образы не просто номинально представлены на его страницах, в «Воспоминаниях» вновь обретают жизнь, становятся явью мифологические гомеровские герои. «И вы назначили нового начальника в бастион Корфос, – обращается он к своим политикам-современникам. – Самого умного, его звали Ахилл. Услышав имя Ахилла, вы решили, что это тот самый знаменитый Ахилл, и что это имя победит турок, – нет, имя никогда не побеждает, побеждают мужество, патриотизм, добродетель. А ваш Ахилл, начальник бастиона Корфос, был таким удальцом, что его называли Ахиллом. Крепость его была экипирована для военных нужд, таким же было и войско. Когда он издали увидел турок Драмалиса – который был побежден и в Румели, и в Дервении – так вот, увидев его, Ахилл бросил крепость и убежал без боя. Там был и Никитас, и он убежал? А Хатзихристас, а остальные? Конечно, нет. Потому что они ждали Драмалиса в открытом поле, и разбили его, а не в экипированном бастионе, каким был Корфос, и разбили его»[9].

Я хотела бы привлечь внимание всего лишь к одной маленькой главе, расположенной в самом конце второй книги, т. е. написанной приблизительно в 1832 г., в самую тяжелую пору молодой Греции. Крупнейшие политические силы Европы осуществляли на греческом поле свои интересы, а регентство тратило все деньги на содержание баварского войска. Макрияннис завершает вторую книгу

---

[9] Στρατηγού Μακρυγιάννη Απομνημονεύματα τ. 1, 76. Здесь и далее текст Макрияннса цитируется по изданию Απομνημονεύματα Μακρυγιάννη, Πρόλογος και Εισαγωγή Ι. Βλαχογιάννη, Παραρτήματα Απομνημονευμάτων, τ. Α' και Β'. Εκδόσεις Βεργίνα, Αθήνα.

insiav

общего рода рассуждениями о судьбе Греции, о великих людях в её истории[10].

«Многим обязана наша родина всем своим благодетелям, преимущественно благородным и добрым людям»[11] – так он начинает и говорит о тех, кто принес Греции бессмертную славу и остался в памяти потомков. Речь идет о древних греках. При этом Макриянис обращается к своим современникам, текст построен в виде инвокации. «Что вам дало имя Эллинов, вам, благородным мужам Европы, деятельным и богатым? Виднейшие из древних эллинов, прародители всего человечества – Ликург, Платон, Сократ, Аристид, Фемистокл, Леонид, Фрасибул, Демосфен и другие отцы человечества – денно и нощно терпели лишения и муки с доблестью и честью, вдохновенно, чтобы принести человечеству свет, чтобы возродить его к добродетели и свету, мужеству и любви к родине»[12].

Привлекает внимание не столько сам факт упоминания Макриянисом древних. В лихолетье, в котором ему довелось жить, эта идея должна была носиться в воздухе. Возрождающаяся, встающая с колен страна не могла не обращаться к своему великому прошлому, спасая тем самым настоящее. В кругах образованных людей, в том числе просвещенных европейцев, среди которых вращался Макриянис и, как замечает Феотокас, «был на равных»[13], наверняка и были услышаны им эти имена. Гораздо интереснее сам подбор имен, характерный скорее для историка античности. Хрестоматийно известные из любого курса античной истории имена спартанского законодателя *Ликурга* или оратора *Демосфена* наверняка неоднократно упоминались, и вошли в обиход Макриянниса. С другой стороны, называя *Сократа* и *Платона*, в которых находит свои истоки древнегреческая мысль, Макриянис не упоминает гораздо более знаменитого в Европе Аристотеля, а вместо него обращается к полководцам – к стратегу Марафонской

---

[10] Στρατηγού Μακρυγιάννη Απομνημονεύματα τ. 2, 353-358.
[11] Там же, с. 353.
[12] Там же, с. 354.
[13] Γιώργος Θεοτοκάς, Πνευματική Πορεία, Αθήνα, 1994; 150.

insiav

битвы 490 г. до н. э., а затем видному политическому деятелю и командующему греческим флотом *Аристиду*, к его современнику, также известному государственному и военному деятелю *Фемистоклу*, к геройски погибшему с отрядом трехсот спартанцев в 480 г. до н. э. при Фермопилах *Леониду*, к предводителю демократов в борьбе против Тридцати тиранов 411-404 гг. до н. э. *Фрасибулу*. В конце главы он упомянет еще *Мильтиада* – победителя Марафонского сражения. В тяжелый, переломный для истории страны период Макрияннис вспоминает героев легендарного V в. до н. э., века высочайшего подъема Древней Греции.

Дальше в его рассуждениях появляется эпический элемент: «Все эти великие мужи мира уже столько столетий проживают в Аиде, во мраке, и оплакивают многочисленные бедствия, выпавшие на долю их несчастной родины. Потеряв их, Эллада потеряла себя, стерлось ее имя. Они не заботились о том, чтобы обогатиться тщетно и временно, они несли человечеству вечный свет. Они надели на людей добродетель и сняли с них все дурное, и так рассматривая человечество, они стали учителями истины...»[14].

Продолжая, таким образом, гневную филиппику против инертности своих современников, Макрияннис неожиданно обращается к античному риторическому приему, берущему свое начало в гомеровском эпосе – к диалогу в подземном царстве. Он врывается в повествование без вводных замечаний. Макрияннис только представляет двух действующих лиц – императора Франции Наполеона и императора России Александра. «Знаменитого Наполеона, короля Франции, который почитал мужество и мудрость войны, и из маленького человека стал самодержцем, непобедимым королем, Харонт умертвил без винтовки и шпаги, и он спустился в Аид, окутанный девятиаршинным холстом. Целый мир его не удерживал, всех богатств мира ему не доставало, девяти аршинов ткани ему, однако,

[14] Στρατηγού Μακρυγιάννη Απομνημονεύματα τ. 2, 354.

inslav

хватило, и было с излишком. В том же платье спустился в Аид и царь России Александр. И вот два императора приветствуют друг друга…»[15].

Помимо самого включения античного приёма в повествование, нельзя не отметить использование ещё одного устойчивого античного мотива – эпически-гомеровского постулата о равенстве всех – и «сильных мира сего», и «нищих» – перед Харонтом. Именно эту мысль вкладывает Макрияннис в уста Наполеона, когда тот обращается к Александру: «Где твои награды? Где твой роскошный наряд, твои золотые диваны? Где льстецы, что рассказывают нам сказки, а мы им верим и теряем справедливость по отношению к человеку, почтенных людей уничтожаем, а верим нечестивым и восхваляем их? Где мошенники, что нас ослепляют, и мы теряем чувство справедливости, – ведь нас проклянут все невинные за то, что мы съели их живыми, что мы оставили их голодными, босыми, раздетыми? А здесь – великолепно одеты справедливые правители, истинные философы, нечестивые же раздеты перед Господом, истинным правителем Вселенной, и они преданы гневу людскому и проклятию. Тот, на чью честь, жизнь, свободу ты посягаешь и в дарованной ему Богом жизни не даёшь и жить как человеку, тот проклянёт тебя и не простит»[16].

Конечно, немыслимо представить себе подобный разговор между действительными императорами Наполеоном и Александром. Диалог создан в стиле символизма. Оба самодержца озвучивают помыслы Макрияннриса, его страдания и боль за судьбу его родного отечества. Просто он вкладывает эти мысли в уста двух великих властителей Европы, точнее, властителей двух великих стран. Наполеон символизирует величие Франции, хотя Франция для Макрияннриса опасна тем, что проводит свои интересы в Греции. Нередко в его «Воспоминаниях» мы встречаем повторяющийся мотив: Франция, Англия и Россия делят Грецию, каждая из стран заинтересована в слабости Гре-

[15] Там же, с. 355.
[16] Там же, с. 355-356.

inslav

ции. И потому здесь, как во сне, где смещаются пласты реальности и ирреальности, диалог ведут Франция и Россия – те, кого больше всего боится Макрияннис. Но говорят они не то, что сказали бы в жизни. Нет, снова, как во сне, они просто представляют поток сознания Макрияннниса, продолжают ход его размышлений о справедливости, человечности и роли Греции в новом мире после ее возрождения. Яркой иллюстрацией этого является тот факт, что Александр не соглашается и не противоречит Наполеону, он лишь развивает ту же мысль дальше, более того, он возвращается к упомянутым уже Макрияннисом прежде древним грекам, называя всё тех же: «Властители и при них стоящие, что верят льстецам, угодникам и мошенникам, будут носить платье дьявола. Пойдем, Наполеон, туда, где проживают древние эллины, найдем старика Сократа, Платона, Фемистокла, мужественного Леонида, и обрадуем их, что возродились их потомки, которые были забыты и стёрты из летописи человечества. Эти добрые и справедливые люди, свет истины, мужественные борцы за свободу любовью к родине, чистым мужеством, добродетелью, а не хитростью и коварством обогатили человечество, и если они в мирской жизни были бедными, то богатыми в мировой истории. Их деяния были состязаниями доблести. Поэтому Господь пожелал возродить их потомков, родина которых столько веков была потеряна»[17].

Так Макрияннис переходит к главному, вокруг чего вращаются все его помыслы. Это тяжкая горечь от осознания реалий современной ему Греции, боль за её слабость на политическом поле Европы. «Турок было множество, и они были вооружены, несчастных эллинов немного, они были безоружные, и они победили… Европейцы преследовали несчастных эллинов, первые годы снабжая турецкие лагеря. Преследовали и преследуют до сих пор, пока не истребят. Англия хочет сделать их англичанами с англий-

[17] Там же, с. 356.

inslav

ским правосудием, как мальтийцев, разутыми и голодными, французы – французами, русские – русскими…»[18].

Получается, таким образом, что в рамках формального диалога заключен монолог самого автора, единая сквозная идея, проходящая через все «Воспоминания», и через эту главу в частности. Макрияннис мыслит себе Грецию единой – Древнюю и Новую, для него нет тысячелетней бездны, что подтверждает многократное обращение к подвигам и славе древних. Завершая главу, он к ним вновь возвращается: «Доблестные прародители наши – Мильтиад, Фемистокл, Аристид, Леонид и другие могучие мужи, не гордитесь совершенными великими подвигами, за которые вас восхваляет весь мир – вы не совершали их одни. Вам помогали военные и политики, вам помогали философы добродетелью и отеческим светом. У них были добродетель и свет, у вас – мужество и чистая любовь к родине. Вот за что вам поклоняются…»[19].

Вновь и вновь повторяющееся обращение к древним говорит о непрерывной устной традиции, сохранившей в себе элементы античной Греции. И применение Макрияннисом античного риторического приема диалога в подземном царстве, пусть столь условно, как в этом тексте, еще раз подтверждает живую силу этой устной традиции.

Может возникнуть предположение, что Макрияннис лишь использовал в своем тексте античные реалии, не осознавая полностью значение культурных ценностей. Другими словами, общаясь в высокообразованной среде, он выучил, насколько было возможно, некоторые имена, привык правильно и к месту употреблять их. Один любопытный эпизод, однако, ярко характеризует отношение Макрияннса к античному искусству. «У меня были две знаменитые статуи, – пишет он, – женщина и принц, из цельного камня; на них были видны вены – так они были совершенны. Какие-то военные, когда проиграли битву при Поросе, взяли их с собой и в Аргосе хотели продать европейцам, просили за них тысячу талеров… Я позвал

[18] Там же, с. 356.
[19] Там же, с. 358.

inslav

военных к себе и сказал им: “Даже если вам дадут десять тысяч талеров, не позволяйте их вывезти с нашей родины. Мы за них воевали…”»[20]. Этот эпизод отмечает и Сеферис, комментируя, насколько «презираемая народная восприимчивость способна чувствовать и любить произведения древнего искусства»[21].

Речь не идет, таким образом, о единичном жизненном эпизоде генерала Макриянниса, вышедшего из бедной пастушеской семьи и оказавшегося на вершинах государственной власти. Можно с уверенность говорить о единой живой народной традиции, передаваемой из поколения в поколение и несущей в себе идеалы красоты и мужества великих античных предков. А потому, может, и к лучшему сложилось так, что у Макриянниса не было возможности получить образование, иначе нам бы не удалось так ярко увидеть проявление этой живой нити, уцелевшей через столетия турецкого ига. «Воспоминания» Макриянниса наглядно демонстрируют литературную условность деления греческого языка на консервативную «кафаревусу» и современную «димотику», в полной мере представляя сосуществование и взаимное проникновение друг в друга обеих форм. Именно о таком сосуществовании и говорит Г. Сеферис, обращаясь в годы Второй мировой войны всё к той же традиции, способной спасти и сохранить культурное достоинство нации: «Я не восхваляю Макриянниса за то, что он был неучем, но слава всеблагому Господу, который не дал ему средств учиться. Если бы у него в юности был учитель, у нас было бы, может быть, много “Воспоминаний” на рассыпающемся хрустальными перезвонами языке; может быть, больше информации по историческим событиям тех лет… но того неиссякаемого источника жизни, каким является книга Макриянниса, не было бы. Что было бы большим упущением. Потому что, едва мы знакомимся с Макрияннисом, мы ясно видим, хоть он и был безграмотным, он вовсе не был неотесанным

[20] Там же, с. 370.

[21] Γιώργος Σεφέρης, Ένας Έλληνας - ο Μακρυγιάννης. Δοκιμές, τ.1, Αθήνα, 1975; 241.

inslav

варваром-горцем. Совсем наоборот, он был одной из самых образованных личностей греческой культуры. И образование, воспитание, которые демонстрирует Макрияннис, не что-то его личное, отдельно ему одному принадлежащее; это общее приобретение, духовное достояние нации, передаваемое в веках и тысячелетиях, от поколения к поколению, от одной воспринимающей единицы к другой; преследуемое и всегда живое, не принимаемое в расчет и всегда присутствующее – это общее достояние великой народной традиции нашего этноса. Это сущность именно той культуры, той сформированной деятельности, создавшей людей и народ, который принял решение или жить свободным, или умереть в 1821 году…»[22].

A. A. Novokhatko

Approaches to Ancient Greece in the Memoirs of General Giannis Makriyannis

SUMMARY

General Giannis Makriyannis (1797-1864) was a significant though second ranking figure in the war that culminated in an independent Greece, and a central figure in the constitutional crisis of 1843. This paper focuses on his memoirs written between 1829 and 1851, and in particular on his attitude towards the ancient Greek world as depicted in these memoirs.

Ancient Greece appears repeatedly in Makriyannis' work. At several key moments in the narrative it is clear that the author viewed contemporary Greece through the prism of its presumed forbearers, the ancient Greeks. Such an attitude towards Greece's ancient past is itself noteworthy in an uneducated and previously illiterate fighter such as Makriyannis. Avoiding the temptation of speaking anachronistically of an essentialist Greek national tradition stretching all the way back to the ancients, this paper argues Makriyannis' engagement with the ancient world may be viewed as part of a tradition of creative engagement with ancient Greece.

[22] Там же, с. 237.

inslav

Л. А. Покровская

ГАГАУЗСКИЙ – ОДИН ИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Гагаузы – небольшой тюркоязычный народ, живущий в южных районах Молдавии и Украины, – исторически являются выходцами из северо-восточных районов Болгарии. Они переселились в Буджакскую степь в конце XVIII – начале XIX вв. вместе с частью болгар и других балканских народов, спасаясь от преследования христианского населения османско-турецкими мусульманскими властями. В 1812 г. в результате турецко-русской войны Бессарабия была, как известно, присоединена к России. Российское государство приняло «задунайских переселенцев» и обеспечило их земельными наделами (литературу по этому вопросу см. Зеленчук). Гагаузы-«колонисты» сохранили свой народно-разговорный язык и свой этноним «гагауз», исторически и фонетически восходящий, по результатам нашего исследования, к среднеазиатскому этнониму IX-X вв. «канга // ханга-гуз» (см. Покровская 1995, 1997). Этот этноним принадлежал части тюркских племен *гуз//уз*'ов, кочевавших на южном побережье озера Горгуз (теперь – оз Балхаш в южном Казахстане) в государстве Хангакет (см. Агаджанов, 72-73). *Ханга//Канга//Ганга* – индо-иранское название древнего среднеазиатского государства, сохранившееся до IX-X вв. Этноним «ханга-гуз» был найден С. Г. Агаджановым на картах географического трактата арабского автора XII в. аль-Идриси.

Историки и археологи локализуют центр древнего государства *Канга//Ханга//Ганга* в среднем течении реки Сыр-Дарьи. Его название происходит от индо-иранского корня *канг//ганг* 'река', 'канал' (см. Мурзаев, 251). Семантико-синтаксическая модель этнонима – определение, выраженное названием местности, плюс определяемое – название племени известна исследователям истории тюркских племен. Так, Т. И. Грунин считает, что «Тюркские племена, кочевавшие в районе Сыр-Дарьи, кроме племенного названия, имели, очевидно, название, связанное с

inslav

районом их кочевья. В некоторых арабских источниках река Сыр-дарья, как указывает В. В. Бартольд, называлась Кангар» (Документы, 98). У тюркских племен *ханга-гуз*'ов был и другой этноним «ханга-киши» 'люди [страны] Ханга//Канга' (см. Агаджанов, там же). Он сохранился в одной из гагаузских богатырских сказок в виде имени ее героя – Ган-киши (см. Покровская, 2001).

В X в. гузы//узы вслед за покоренными ими печенегами (кангарами) передвигались из Средней Азии на Запад через южно-русские и причерноморские степи, переправились через Дунай в 1064 г. и попали на Балканы, в пределы Византии (см. Еремеев, 64-66). Постепенно они перешли на оседлый образ жизни на территории Болгарии и приняли православную веру (несомненно, еще до завоевания Балкан турками-османами). Из трудов конца XIX – начала XX вв. К. Иречка, Л. Милетича и других историков Болгарии известно, что у гагаузов было много смешанных браков с единоверцами-болгарами и что они, естественно, были двуязычными. В меньшей степени предки гагаузов подверглись греческому влиянию (главным образом, через церковь). По-видимому, у них были контакты и с местным турецким населением. После переселения почти всех гагаузов из Османской империи в южную Бессарабию к болгарскому этническому влиянию прибавились молдавское, украинское и преобладающее русское влияние, продолжавшееся почти два столетия (до конца XX в.). В 1918 г. Бессарабия, как известно, была отторгнута от России и фактически до 1944 г. принадлежала Румынии (с небольшим промежутком времени в 1940-1941 гг.). В то время доступ российских тюркологов в Румынию был закрыт. Получить представление о гагаузах и их языке можно было только из трудов этнографа В. А. Мошкова начала XX в. (см. Мошков, 1900-1902, 1904). Лингвистический анализ гагаузских фольклорных текстов, записанных В. А. Мошковым, предпринял ведущий российский тюрколог 20-х – 50-х годов XX в. проф. Н. К. Дмитриев. Он написал четыре весьма ценных статьи о фонетических, морфологических, синтаксических и лексико-семанти-

inslav

ческих особенностях гагаузского языка в сопоставлении с турецким и с другими тюркскими языками огузской группы (азербайджанским, туркменским). Н. К. Дмитриев пришел к выводу о том, что «Гагаузский язык, в основном, принадлежащий к языкам тюркской системы, испытал, однако, столь значительное влияние славянских и румынского языков, что к моменту наблюдений Мошкова не только фонетика и словарь, но и особенно синтаксис довольно далеко отошли от обычного строя тюркских языков с их обусловленным порядком слов, специфической структурой сложноподчиненного предложения и т. д.» (Дмитриев, 251).

В конце 40-х годов XX в. российские тюркологи получили возможность исследовать народно-разговорный гагаузский язык в южных районах Молдавской ССР и Украинской ССР. По материалам ряда экспедиций автора в Чадыр-Лунгский, Комратский и Вулканештский районы МССР (1956-1961 гг.) и текстов первых школьных учебников на гагаузском языке (1959-1962 гг.) была написана научная грамматика гагаузского языка (см. Покровская, 1964). Одновременно было установлено, что в гагаузском языке имеются два диалекта: ведущий чадырско-комратский, на котором говорит население большинства гагаузских сел в МССР и менее распространенный – вулканештский, объединяющий несколько сел на территории Вулканештского района МССР и Одесской области УССР (см. Покровская, 1963; Тукан, 1965).

Значительным событием в культурной жизни гагаузов явилось введение письменности гагаузского языка Указом Президиума Верховного Совета Молдавской ССР от 30 июля 1957 г. Однако принятый алфавит гагаузского языка состоял только из букв русского алфавита, вследствие чего автору данной статьи пришлось разработать более приемлемый гагаузский алфавит. Удалось добиться включения в него только трех дополнительных букв ä, ö, ÿ (для обозначения гласных переднего ряда), взятых мной из академической транскрипции для тюркских языков. Письменные нормы были основаны на чадырско-комратском

inslav

диалекте с привлечением некоторых особенностей вулканештского диалекта. Этот алфавит и основы правил орфографии были утверждены Министерством просвещения МССР и Молдавским филиалом Академии наук СССР и опубликованы в 1958 г. (см. Правила). В 50-80-е годы у гагаузов появились свои поэты и прозаики, стала развиваться художественная литература на родном языке.

В 1989 г. молдавские власти «отменили» молдавский литературный язык и официально перешли на румынский, а в 1990 г. Республика Молдова стала самостоятельным государством. Вследствие этого возникла, на наш взгляд, необходимость перевести и гагаузский алфавит на латинскую графику. В начале 1992 г. мной был передан в городе Комрат гагаузским лидерам (которые в то время боролись за создание гагаузской автономии в Молдове) проект алфавита гагаузского языка на основе латинской графики. После долгих обсуждений и неурядиц он был утвержден Народным Собранием Гагаузии и Парламентом Республики Молдова в 1996 г. с добавлением буквы ţ (ц), взятой из румынского алфавита (для написания заимствованных слов с аффрикатой ţ) (см. Покровская, 1997, 47).

В Республике Молдова гагаузы в 1994 г. добились создания автономии, закрепленной законом Парламента Молдовы «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз ери)» – досл. «Гагаузская земля». Важным положением этого закона является пункт 4 Статьи 1: «В случае изменения статуса Республики Молдовы как независимого государства народ Гагаузии имеет право на внешнее самоопределение» (Сборник законодательных актов, 4). На территории Гагаузии насчитывается примерно 138 тысяч гагаузов, что составляет 80% населения Гагаузской автономии (см. Маруневич, 3). Всего гагаузов, по разным источникам, – около 200 тысяч человек (на территории бывшего СССР). Законодательным органом Гагаузии является Народное собрание (Халк топлушу), исполнительным органом – Башканат во главе с высшим должностным лицом – Башкан'ом. Административным центром Гагаузии является г. Комрат. Официальными языками Гагаузии

inslav

считаются молдавский, гагаузский и русский языки (см. Сборник законодательных актов, 18). Фактически же все делопроизводство в Гагаузии велось в 90-е годы на русском языке ввиду незнания гагаузами румынского языка и неразработанности официально-делового стиля гагаузского языка.

Создание Гагаузской автономии в Молдове представляется вполне оправданным, так как современные гагаузы – это самостоятельный народ с собственным языком и с соответствующим национальным самосознанием. Гагаузы не являются ни «национальным меньшинством», ни «этнической группой», то есть частью какого-либо народа (как, например, местные болгары).

С начала 90-х годов в Гагаузию начали активно проникать турки. Гагаузы, находившиеся очень долгое время в отрыве от других тюркоязычных народов, проявили большой интерес к турецкому языку и пытаются общаться с турками на бытовом уровне. Однако турецкая речь все же недостаточно понятна гагаузам, а турецкий литературный язык им почти совсем непонятен. Тем не менее, по экономическим причинам гагаузы, начиная с середины 90-х годов, стали в массовом порядке ездить на заработки в Турцию, главным образом, в Стамбул.

После открытия в 1991 г. Комратского госуниверситета Гагаузию стали посещать и турецкие филологи. Все они считают гагаузский не самостоятельным языком огузско-тюркской группы, а всего лишь одним из диалектов (*lehçe*) турецкого языка. По их убеждению, гагаузы должны научиться читать и писать на турецком литературном языке, а своего письменного языка у гагаузов быть не должно. Во время посещения Гагаузии в 1998 г. турецкой делегацией во главе с тогдашним президентом Турции С. Демирелем, он торжественно открыл в Комрате Турецкую национальную библиотеку «Atatürk» и щедро снабдил деньгами Комратский университет. Во всех крупных населенных пунктах Гагаузии в 90-е годы открылись турецкие лицеи, где мальчики-гагаузы получают турецкое образование и

inslav

воспитание. В Кишиневе активно работает с гагаузами турецкое агентство «TIKA», которое принимает участие во всех общественных мероприятиях Гагаузии. По комратскому телевидению ведутся передачи на турецком языке (наряду с румынским). В буклете, выпущенном к 10-летию КГУ в 2001 г., помещены фотографии пяти турецких «почетных докторов» Комратского университета во главе с Сулейманом Демирелем, а о кафедре гагаузской филологии факультета национальной культуры написано очень мало.

Турецкая «помощь» Гагаузии, как мы видим, отнюдь не бескорыстна. Она направлена на ассимиляцию гагаузского этноса и ликвидацию его письменного языка (так как он сложился «под русским влиянием»). Вследствие мощного турецкого влияния гагаузы уже с середины 90-х годов стали часто использовать в своем письменном языке новые для него турецкие заимствования, главным образом, арабского и иранского происхождения, такие как *asır* 'век', 'столетие', *ders* 'урок', 'занятие', *devlet* 'государство', *mektup* 'письмо', *merkez* 'центр', *müdür* 'директор' и др. Введено, например, и турецкое существительное *öğretmen* 'учитель', 'преподаватель' в гагаузском фонетическом варианте *üüretmen* вместо гагаузского *üüredici* и т. п. Проявляется тенденция ставить сказуемое в конце предложения с предикативным аффиксом 3-го лица *-dir*, как в турецком языке (см. Материалы). В гагаузском предикативный аффикс *-дыр* при сказуемом появляется обычно в случае инверсии именного сказуемого, когда оно стоит перед подлежащим, например, *будур йолум, гечӑрим* 'вот моя дорога, пройду' (Покровская, 1964, 153). Такая «ломка» норм гагаузского письменного языка может привести к его самоуничтожению.

На основе твердого убеждения в том, что гагаузский является самостоятельным, особым «балкано-огузским» языком тюркской семьи (а не диалектом турецкого языка) в данной статье изложено сопоставление небольшого фрагмента перевода на гагаузский и турецкий языки Евангелия от Луки (предложения 1-7 из главы 2 – Рождение Иисуса). Даже в этом сопоставлении выявляются, на наш взгляд,

inslav

принципиальные различия между письменным гагаузским и турецким литературным языками. Гагаузский перевод приводится по изданию Института перевода Библии (см. Рождество, 98), турецкий – по стамбульскому изданию 1987 г. (см. Mujde, 125).

Гаг. Иисус Христозун дуумасы.

1. О вакытта Кесар Августтан верилди сымарламак, ки бүтүн Рома падишахлыында хепси инсан филайа йазылсыннар.

Дословный перевод.

Рождение Иисуса Христа.

В то время от Кесаря Августа был дан приказ, чтобы во всей Римской империи все люди были записаны на (специальные) листы.

Тур. Isa'nın doğumu.

1. O günlerde Sezar Augustus tüm Roma dünyasında bir nüfus sayımının yapılması için ferman çıkardı.

Дословный перевод.

Рождение Исы.

В те дни Цезарь Август издал приказ о проведении во всем Римском мире переписи населения.

Грамматические различия гагаузского и турецкого переводов.

Гагаузский перевод синтаксически является сложноподчиненным предложением с придаточным цели, оформленным союзом *ки* 'чтобы' и сослагательной формой глагола-сказуемого (*йазылсыннар*). В главной части предложения подлежащим является отглагольное существительное *сымарламак* (< *ысмарламак*) тюркского происхождения, в придаточной части подлежащее – существительное *инсан* (< ар. 'человек', 'люди') с определением *хепси* 'все'.

Порядок слов в гагаузском предложении полностью совпадает с русским. В частности, глагольное сказуемое *верилди* 'был дан' стоит перед подлежащим (*сымарламак*), а не после него, как это было бы в турецком и других тюркских языках.

inslav

В турецком переводе имеем простое предложение, в котором целевое значение передается отглагольной формой с аффиксом *-ma* – определяемым в изафете 3-го типа (*nüfus sayımının yapılması*) с послелогом *için* 'о', 'для'.

Лексические различия.

В гагаузском переводе употреблено существительное *падишахлык* (иран.-тюрк) – единственное в гагаузском языке существительное, обозначающее понятие 'государство'. Существительное *фила* – румынского происхождения (рум. *filă* 'лист [книги, тетради]').

В турецком переводе использованы существительные *nüfus* (< ар.) 'население', 'жители' и *ferman* (< иран.) 'повеление', 'указ'. В гагаузском языке эти заимствования отсутствуют.

Гаг. 2. Бу йазылмак илк сыра олду кулланыжы Квиринийўн вакыдында, ангысы кулланарды Сирийада.

3. Херкези гитти, йазылсын кенди дуумак касабасында.

Дословный перевод.

2. Эта перепись была первой во время правителя Квириния, который правил в Сирии.

3. Каждый пошел, чтобы записаться (досл. 'чтобы записался') в своем родном городе.

Тур. 2. Bu ilk sayım, Kirinyus'un Suriye valiliği zamanında yapıldı.

3. Herkes yazılmak için kendi kentine gitti.

Дословный перевод.

2. Эта первая перепись во время правления Киринъюса в Сирии была произведена.

3. Каждый для записи в свой город пошел.

Грамматические различия.

2. Гагаузский перевод представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, введенным союзным словом *ангысы* 'который'. Это союзное слово имеется только в гагаузском языке. Оно образовалось из вопросительного местоимения *hangi* > *ангы* с аффиксом принадлежности 3-го лица *-сы*. Глагольные сказуемые в главной части предложения (*олду*)

inslav

и в придаточной части (*кулланарды*) занимают позицию сразу после подлежащего, а не стоят в конце предложения, как в других тюркских языках.

3. Сложноподчиненное предложение с придаточным цели, выраженным личной формой глагола в конъюнктиве – *йазылсын* 'чтобы записался'. Употребление этой формы является типичным грамматическим «балканизмом», так как личная форма глагола в конъюнктиве выполняет здесь функцию инфинитива.

2-3. В турецком переводе – простые предложения. 3. Целевое значение выражено отглагольной формой на *-mak* (*yazılmak*) с послелогом *için* 'для', 'с целью'. Глагольное сказуемое *gitti* 'пошел' стоит в конце предложения, как ему и полагается в тюркских языках.

Лексические различия.

3. В гагаузском переводе значение 'правитель' выражено тюркским отглагольным именем деятеля *кулланыжы* (от глагола *куллан-маа* 'управлять').

В турецком переводе использовано значение 'должность правителя', выраженное арабским заимствованием *vali* 'начальник вилайета' с тюркским аффиксом *-lik*, то есть *valiliği* 'правление' (определяемое в изафете 3-го типа). В гагаузском языке заимствования *vali* нет, так как оно относилось к административному устройству Османской империи и сохранилось только в турецком языке.

В гагаузском языке значение 'город' выражено существительным *касаба* (<араб.), обозначающим 'небольшой город', 'поселок' (так как больших городов у гагаузов не было и нет). В турецком переводе значение 'город' выражено нечасто встречающимся существительным *kent* (предположительно, иранского происхождения).

Гаг. 4. Иосиф, ангысы падишах Давидин сенселесиндänди, йолланды Галилейадан, Назарет касабасындан, гитмää Иудейайа, Вифлеем касабасына, Давидин дуума еринä.

Дословный перевод.

inslav

Иосиф, который был из рода царя Давида, отправился из Галилеи, из города Назарет, в Иудею, (чтобы) пойти в город Вифлеем, на место рождения Давида.

Тур. 4. Böylece Jusuf da, Davud'un soyundan ve torunlarından olduğu için Celile'nin Nasıra kentinden kalkıp Yahudiye bölgesine, Davud'un kenti olan Beytlehem'e gitti.

Дословный перевод.

Так и Юсуф, будучи из рода Давуда и его потомков, из Джелилейского города Насыра отправившись, в область Йахуди, в город Давуда Бейтлехем пошел.

Грамматические различия.

Гагаузский перевод представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, введенным союзным словом *ангысы* 'который'. Сказуемое главной части предложения (*йолланды*) стоит сразу же после придаточного определительного, за ним следуют обстоятельства направления в исходном падеже (с аффиксом *-дан*). Далее идет бессоюзное придаточное цели, выраженное инфинитивом *гитмää* 'пойти' с целевым значением, за которым следуют обстоятельства направления в дательном (направительном) падеже (с аффиксом *-а*, *-ä*). Следует отметить, что в турецком и других тюркских языках нет неизменяемого инфинитива, образовавшегося в гагаузском языке из форм направительного падежа отглагольного имени на *-мак*, *-мäк*).

Турецкий перевод представляет собой простое предложение с деепричастным оборотом (*kalkıp*). Развернутое обстоятельство причины оформлено отглагольной формой на *-dık* с аффиксом принадлежности 3-го лица и послелогом *için* (*olduğu için*), что типично для турецкого языка.

Лексические различия.

В гагаузском переводе значение 'род', 'родословная' выражено арабским заимствованием *сенселе* (<*silsile*); в турецком – тюркскими существительными *soy* 'род' и *torunlar* 'внуки', 'потомки'. В гагаузском языке слова *torun* нет; употребляется славянское заимствование *унука* 'внук', 'внучка'.

inslav

Очень важно отметить, что все собственные имена и географические названия в гагаузском переводе соответствуют русскому синодальному переводу. В турецком переводе все они представлены мусульманскими вариантами (Иосиф – Jusuf, Давид – Davud, Галилея – Celile, Назарет – Nasır, Иудея – Jahudi, Вифлеем – Beytlehem). Ср. также гаг. Иисус, Марийа и тур. Isa, Meryem.

Гаг. 5. Гитти, ки йазылсын Марийайлан барабар, йавклу олмушуннан, ангысы маамул булунарды.

Дословный перевод.

Пошел, чтобы записаться (досл. 'чтобы записался') вместе с Марией, ставшей его нареченной, которая была беременна.

Тур. 5. Orada, hamile olan nişanlısı Meryem'le birlikte yazılacaktı.

Дословный перевод.

Там со своей беременной нареченной Мерием вместе он должен был записаться.

Грамматические различия.

Гагаузский перевод представляет собой сложноподчиненное предложение с двумя придаточными: 1) с придаточным цели, введенным союзом *ки* 'чтобы' со сказуемым – личной формой глагола в конъюнктиве (*йазылсын*) в функции инфинитива. Выше уже было отмечено, что данная форма является грамматическим «балканизмом». 2) С придаточным определительным, введенным союзным словом *ангысы* 'которая'.

Турецкий перевод представляет собой простое предложение. Сказуемое выражено глаголом в будущем-прошедшем времени (с аффиксами *-acak* и *-tı*), обозначающим намерение или долженствование в будущем. В гагаузском языке также имеется данная глагольная форма, но она обозначает только неосуществленное в прошлом намерение ('если бы') (см. Покровская, 1997, 141).

Лексические различия.

Значение 'помолвленная', 'обрученная', 'нареченная' в гагаузском переводе выражено тюркским существительным *йавклу* (первоначально это прилагательное *йавуклу*); в

inslav

турецком переводе – иранским заимствованием *nişanlı* (с тюркским аффиксом *-lı*). Наконец, слово *барабар* 'вместе с' в гагаузском является сингармонизованным вариантом иранского заимствования *beraber*. В турецком переводе в том же значении представлено тюркское существительное *birlik* в местном падеже – *birlikte*.

Гаг. 6. Ачан оннар етиштилäр орайы, Марийанын гелди вакыды дуурсун.

7. О дуудурду илк Оолуну, сарды пläналарлан да йаттырды ахыр ичинä, зерä конаклык евиндä булунмадзы ер оннар ичин.

Дословный перевод.

6. Когда они добрались туда, Марии пришло время родить (досл. 'чтобы родила').

7. Она родила первого своего Сына, завернула его в пеленки и положила в ясли (для скота), так как на постоялом дворе не нашлось места для них.

Тур. 6-7. Onlar oradayken, Meryem'in doğum yapma vakti geldi ve ilk oğlunu doğurdu. Onu kundağa sarıp bir yemliğe yattırdı. Çünkü handa kendilerine yer yoktu.

Дословный перевод.

Когда они были там, Мерием пришло время родить, и первого своего сына (она) родила. Завернув его в пеленку, в кормушку (для скота) положила. Потому что на постоялом дворе им самим места не было.

Грамматические различия.

6. В гагаузском переводе придаточное времени введено союзом *ачан* 'когда' (из вопросительного наречия *качан*). Наречие направления *орайы* 'туда' (так же как *бурайы* ' сюда') имеет форму винительного падежа, а не направительного, что впервые заметил Н. К. Дмитриев (см. Дмитриев, 263). Глагол *дуурсун* 'чтобы родила' стоит в форме конъюнктива.

7. Однородные сказуемые связаны союзом *да* 'и' (< русск.). Придаточное причины введено союзом *зерä* (< араб. *zira*) 'потому что'. Глагольные сказуемые выражены личными формами и помещаются перед дополнениями и обстоятельствами, а не после них.

inslav

Тур. 6-7. В турецком переводе сказуемое придаточного времени выражено именной безличной формой (наречием *orada* с аффиксом *-ken*, имеющим соотносительно-временнóе значение). В гагаузском языке эта форма употребляется (см. Покровская, 1997, 116), но в гагаузском переводе более точно передается содержание данного предложения без этой формы. Использован соединительный союз *ve* (< араб.) 'и', отсутствующий в гагаузском языке.

В следующем предложении имеется деепричастный оборот (*sarıp*), предшествующий главной части предложения. В начале третьего предложения стоит союз *çünkü* (< иран.) 'потому что'.

Лексические различия.

В гагаузском переводе значение 'пеленки' передано славянским заимствованием *плäна*, отсутствующим в турецком языке. В этом значении ('пеленка') в турецком употребляется тюркское существительное *кундак*, которое в гагаузском обозначает 'тонкое летнее одеяло (для новорожденного ребенка)' (ГРМСл., 295). Значение 'постоялый двор' в гагаузском переводе передано тюркским изафетным словосочетанием *конаклык евиндä* (досл. 'в доме для ночлега'), в турецком переводе – иранским заимствованием *han*.

Итоги анализа.

В области грамматики (синтаксиса предложения и морфологии) гагаузский перевод характеризуется сложноподчиненными предложениями с союзами и союзными словами, со сказуемым, выраженным личными формами глагола. В турецком переводе то же содержание передается простыми предложениями с деепричастными оборотами, с отглагольной формой на *-dık* в соответствующем падеже с послелогом, что является характерным для синтаксиса предложения турецкого письменного языка. В гагаузском языке сказуемое не занимает последнее место в предложении как его главный член, что является обязательным в турецком и других письменных тюркских языках. На основе прозаических произведений на гагаузском языке,

inslav

изданных с 60-х по 1995 годы, стало возможным сделать описание всех типов предложения письменного гагаузского языка (см. Покровская, 1999). Содержание этой работы убеждает в том, что структура гагаузского предложения кардинальным образом отличается от структуры предложения турецкого письменного языка.

В гагаузском языке имеются традиционные грамматические «балканизмы», отсутствующие в турецком языке (см. Покровская, 1978, ч. 2).

В области лексики и семантики между гагаузским и турецким языками издавна существуют значительные различия (см. Дмитриев, 271-284), которые все увеличивались в течение XX века. Заметим, что в данном сопоставлении мы не касались глубоких фонетических различий между гагаузским и турецким языками, зафиксированных в этих письменных языках.

Хочется надеяться, что гагаузская интеллигенция поймет происходящий в настоящее время языковой процесс и будет в дальнейшем способствовать сохранению своего младописьменного языка, не допустит «растворения» его в турецком литературном языке.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанов – Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969.

ГРМСл – Гагаузско-русско-молдавский словарь. Составили Г. А. Гайдаржи, Е. К. Колца, Л. А. Покровская, Б. П. Тукан. Под редакцией проф. Н. А. Баскакова. М., СЭ, 1973.

Дмитриев – Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., Изд. вост. лит. 1962, с. 187-284.

Документы – Документы на половецком языке XVI в. (судебные акты Каменец-Подольской армянской общины). Транскрипция, перевод, предисловие, введение, грамматический комментарий и глоссарий Т. И. Грунина. М., «Наука», 1967.

Еремеев – Еремеев Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., «Наука», 1971.

Зеленчук – Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, «Штиинца», 1979.

Маруневич – Маруневич М. В. Правда о гагаузском народе как о самобытном этносе, и его этнической территории. Комрат, «Айдыннык», 1993.

inslav

Материалы – Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). В трех томах. Комрат, 2003 (см. переводы докладов на гагаузский язык).

Мошков, 1900-1902 – Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение, т. 44, № 1, 1900; т. 48, № 1, т. 49, № 2, т. 51, № 4, 1901; т. 54, № 3, т. 55, № 4, 1902.

Мошков 1904 – Мошков В. А. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племен. Изд. акад. В. Радловым, т. X. СПб., 1904.

Мурзаев – Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Müjde – Müjde. Incil'in çağdaş bir çevirisi. Istanbul, Özyurt Basımevi, 1987.

Покровская, 1963 – Покровская Л. А. Общая характеристика диалектной системы гагаузского языка. Тезисы докладов на IV региональном совещании по диалектологии тюркских языков 27-30 мая 1963. Фрунзе, 1963, с. 48-49.

Покровская, 1964 – Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., «Наука», 298 с.

Покровская, 1978 – Покровская Л. А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М., «Наука», 203 с.

Покровская, 1995 – Покровская Л. А. К вопросу об этимологии этнонима «гагауз» // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 54, № 2, М., с. 79-80.

Покровская, 1997 – Покровская Л. А. Современный гагаузский язык (курс лекций). Комрат, 1997. 189 с.

Pokrovskaya, 1997 – «Gagauz» kelimesinin kökeni üzerine yeni bir görüş // Türkoloji Araştırmaları 1997. Fuat Özdemir Anısı. Adana, 1997. S. 173-175.

Покровская, 1999 – Покровская Л. А. Синтаксис современного гагаузского языка (предложение). СПб.-Комрат, 1999, 83 с.

Покровская, 2001 – Покровская Л. А. Два средневековых этнонима гагаузов // Studia linguistica et balcanica. Памяти А. В. Десницкой. СПб., «Наука», с. 250-256.

Правила – Правила орфографии гагаузского языка. Кишинев, «Шкоала советикэ», 1958.

Рождество – Рождество Иисуса Христа. Евангелие от Луки 2: 1-20 на 80 языках народов СНГ. М., Институт перевода Библии, 2000.

Сборник – Сборник законодательных актов Гагаузии (Гагауз Ери), № 1. Комрат, 1997.

Тукан – Тукан Б. П. Вулканештский диалект гагаузского языка. Автореферат канд. дисс. Кишинев, 1965.

inslav

Liudmila A. Pokrovskaya

Gagauz – one of the regional languages of the South-Eastern Europe

SUMMARY

The Gagauz are a relatively small (some 200,000 people) Turkic population which inhabits southern parts of the republic of Moldova and enjoys an autonomy (Gagauz yeri) within this republic since 1996. The Gagauz is an ethnic unity on its own, not a "minority" or "ethnic group" (i.e. they are not a part of some bigger ethnos, like e.g. Bulgarians living in Moldova). The Gagauz language is literate in Moldova since 1957; there is a national belles-lettres tradition in Gagauz.

Gagauz has been studied by Russian turcologists since the beginning of the 20th century; it is considered to be a separate language belonging to the south-western group of Turkic languages. Contemporary Gagauz language is not a dialect of the Turkish language, contrary to what is claimed by Turkish philologists. Judging by its grammatical and lexical properties, Gagauz dispatches from other Turkic languages of the south-western group as a specific "Balkan-Oguz" language.

inslav

А. А. Романова

О СТРУКТУРЕ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ МИРЧИ ЭЛИАДЕ

Предварительные заметки

Исследование мемуарной прозы Элиаде, которое, по сути дела, еще не начато, является задачей столь же трудной, сколь и увлекательной. Уже само определение корпуса текста (состав, хронология, публикация, о чем см. ниже) содержит много вопросов, которые пока могут быть разрешены лишь отчасти. Но основную сложность представляет то, каким образом подступить к анализу того богатства научных идей, художественных образов, исторических событий и личностей, автобиографической хроники, исповедальной темы, — всего того, что смелый экспериментатор Элиаде объединил в своих дневниках. Жанр дневниковой (документальной и квази-документальной прозы) и его эволюция в XX веке, объединение и «соревнование» научной и художественной прозы, хронологические и пространственные сдвиги, собственно биографический момент, ориентация на интертекст — вот только некоторые из тем, к которым мы приступаем. Выбранный здесь фрагмент посвящен *пространству* и *времени*, основным составляющим мифопоэтического мира Элиаде, отпечатавшимся и в его научных теориях и в художественных произведениях. Начнем, однако, с описания того, что представляет собой исследуемый нами текст.

Из более чем сотни книг, принадлежащих перу М. Элиаде, самой объемной является «Дневник», превосходящий даже его 3-хтомную «Историю религиозных идей и верований».

Дневниковые записи Элиаде начал вести весной 1920 года, будучи подростком, и кончил за несколько дней до смерти, в апреле 1986 года. К самым ранним записям относятся «Летний дневник», «Из записок юного исследователя», «Часы, проведенные в лаборатории», запечатлевшие события школьного периода. Отдельные отрывки из этих тетрадей войдут, с небольшими изменениями, в «Роман о

insbe

близоруком подростке», написанный годы спустя. Двадцатилетний Элиаде ведет дневник во время своего пребывания в Индии в 1928-1931 годах. Этот дневник послужит основой для романа «Майтрейи», вышедшего в 1933 году.

Элиаде продолжает вести дневниковые записи и в начале сороковых годов. К сожалению, их судьба оказалась не очень счастливой. Часть записей того времени утеряна. Сохранившиеся были опубликованы лишь в 2001 году, в Испании, на испанском языке (перевод с румынского), под названием «Португальский дневник» («Jurnal Portughez»; американский исследователь творчества Мирчи Элиаде профессор Мак Линскотт Рикеттс подготовил к печати английский вариант этого текста).

Переезд Элиаде в Париж не прервал ведение почти ежедневных записей. Фрагменты этого дневника вышли (по-французски) в 1973 году в Париже под названием «Fragments d'un journal»; в Европе тираж издания превысил миллион экземпляров.

Решив опубликовать свой «Дневник» при жизни, Элиаде отобрал из написанного примерно четверть (отсюда и название «Отрывки из дневника»), не будучи уверен в правильности своего выбора, поскольку поставил сам себе ряд ограничений: он писал, что иногда ему кажется, что он пожертвовал самыми «личными» страницами, воспоминаниями, диалогами с людьми, еще живущими, мнениями об их произведениях и т. д. Вообще же Элиаде считал что в принципе «Дневник» должен быть опубликован если и не целиком, то, по крайней мере, «в большей своей части» (în doza mare).

С 1956 года до конца жизни Элиаде живет и работает в Америке, продолжая регистрировать течение времени в образах, ситуациях, мыслях, или, как он писал по другому поводу, спасать реальное время, «замораживая его». Там же издается и английская версия дневника. В середине 80-х Элиаде известен в Америке в первую очередь как ученый — мифолог, религиовед, культуролог, но не как автор художественной прозы. Возможно, поэтому в предисловии, написанном специально к английскому изданию «Дневни-

inslav

ка», он произносит речь в защиту творческих способностей ученых, выступающих в роли писателей.

В конце 70-х началась работа по подготовке публикации дневника на румынском языке, т.е. на языке оригинала. Однако самая полная (до сегодняшнего дня) версия «Дневника» вышла лишь в 1993 году в Румынии, уже после смерти автора. Именно на этом издании мы строим свой анализ. Что же он собой представляет?

Описываемые в нем события частично относятся к испано-португальскому периоду жизни Элиаде, а также к французскому и американскому; соответственно, его хронологические рамки — 1941–1986 гг.

Подготовка румынской версии «Дневника» заняла более 12 лет. Весной 1979 года было получено разрешение автора, выражавшего целый ряд сомнений по поводу ее осуществимости. «Не думаю, что ваш проект может быть реализован. Насколько мне известно, румынский текст был переведен Л. Бэдеску и не может быть переведен обратно с французского языка. Нужно найти румынский оригинал. К сожалению, две трети его машинописи утеряны. Пришлось бы искать в 50 рукописных тетрадях», — пишет он своему румынскому издателю и исследователю его жизни и творчества М. Хандоке (цитируется по: Jurnal 1993, I, 5). Выполняя этот план, Элиаде, начиная с 1982 года, отсылает в Бухарест ксерокопии рукописи дневника.

Издание 1993 года вышло в 2 томах (Jurnal I–II, 1993). Первый том представляет собой оригинальный текст Элиаде, написанный на румынском языке. Вошедший во второй том материал неоднороден. Частично это румынский оригинал, частично, поскольку рукопись утеряна, обратный перевод на румынский английской версии, предоставленной американским исследователем Мак Линскоттом Рикеттсом. Для наших целей более «притягательным» будет первый том, как более «аутентичный».

Благодаря любезности профессора Мак Линскотта Рикеттса мы получили полную информацию о внешнем виде рукописи «Дневника». «Дневник» представляет собой отдельные школьные тетради, скрепленные металличес-

inslav

кими зажимами. Иногда некоторые страницы кажутся переписанными, потому что они слишком аккуратны; другие явно написаны сразу в окончательном варианте. Позже, обращаясь к своему дневнику вновь, Элиаде кое-что вычеркивал, кое-что добавлял на полях или на обратной стороне листа (обычно он писал только на лицевой). Но доля таких исправлений очень мала. Готовя рукопись к публикации, автор отмечал фрагменты, которые должны войти в окончательный вариант, поэтому в ряде случаев опубликованный текст несколько отличается от рукописного. В рукописи нет ни рисунков, ни иллюстраций. Цитаты даются на языке оригинала. При публикации были сохранены все авторские курсивы, написания с заглавной буквы, авторские грамматико-орфографические варианты (peisaju, personaji вместо peisaj, personaj, sunt-sînt и т. д.).

Хронологически, содержательно (темы, степень подробности), по смене языков (сюда следует включить и обратные переводы) «Дневник» более чем разнороден. Тем не менее, мы считаем его единым текстом, не просто единым (по определению), но единым художественным текстом, выходящим за пределы документальной фиксации событий. Это еще один жанровый эксперимент Элиаде, представляющий собой синтез его научных и литературных произведений, объединенных мифопоэтическим видением мира. По соображениям места, мы остановимся только на одном фрагменте этого видения: на основных образах-семантемах из «мифопоэтического словаря дневника», своего рода скрепах, обеспечивающих единство описываемого мира. Нами выбраны две основные универсалии, описывающие структуру космоса: пространство (*дорога/путь, пейзаж*) и время. Подчеркнем известное: пространство и время связаны друг с другом, «перетекают друг в друга». Так формируется единый хронотоп. Соответственно, основным предикатом становится *движение*, являющееся основным признаком жизни, организующим и активизирующим ее хронотоп.

inslav

Движение в пространстве: *дорога/путь*

Один из ключевых образов-семантем «Дневника» — *дорога*, *путь*, с особым подчеркиванием *лабиринтности*, т.е. не просто пространство, но движение в пространстве. Конечно, это прежде всего соответствует необыкновенной динамичности Элиаде и в буквальном, и в переносном смысле: добровольное или вынужденное, намеренное или случайное пребывание в новом месте всегда является толчком к новым переживаниям, мыслям, идеям. Список и разнообразие его маршрутов поражают, и его топонимический словарь должен быть отдельным предметом анализа. Элементы рельефа (горы, долины, моря, реки, озера), страны, города, области, деревни, местечки, улицы, здания и т. д. и т. п. подчеркивают эту динамичность, которая, положенная на время («когда» и «как долго»), становится своего рода сюжетной основой «Дневника». Перечислим здесь лишь малую часть в условном (алфавитном) порядке: Альпы, Карпаты, Тироль; Ганг, Гвадалквивир, Дунай, Рейн, Сена, Средиземное море, Черное море и т. д.; Австрия, Англия, Германия, Голландия, Дания, Индия, Испания, Италия, Мексика, Португалия, Румыния, США, Франция, Швейцария, Швеция и др.; Амстердам, Аскона, Базель, Берлин, Брашов, Бриансон, Бухарест, Вашингтон, Венеция, Гейдельберг, Гетари, Женева, Калькутта, Кельн, Констанца, Лиссабон, Лондон, Мовилэ, Мюнхен, Нью-Йорк, Оксфорд, Париж, Рим, Рымнику-Сэрат, Таормина, Тузла, Тэш, Флоренция, Цюрих, Чикаго и др.; Страда Мелодией (дом Элиаде в Бухаресте, где Элиаде жил в детстве и юности: его знаменитая мансарда), Каля Мошилор, Рипон Стрит (в Калькутте), парижские адреса — Латинский квартал, бульвар Сен-Жермен, рю Вано, Люксембургский сад, рю Миньяр и др.

Не меньшую мозаику представляет собой обозначение дат дневниковых записей. Такое впечатление, что и здесь прочерчивается некий временной лабиринт, приводящий то к максимальной точности, то к максимальной неопределенности. Перечислим основные приемы: без даты вообще; месяц (октябрь, ноябрь, февраль); месяц и число

instaar

(18 сентября, 19 октября); месяц и год (сентябрь 1958, мартовские заметки 1959); число, месяц, год (7 января 1947, 18 января 1949); день, число, месяц (четверг 18 февраля); наконец, место и дата, причем место всегда предшествует дате (Венеция, август; Париж, июнь 1954; Париж, 17 сентября 1945; Рим 28 марта; Неаполь 8 апреля).

Но действительными пространственными и временными вехами этого пути становятся идеи, книги, проекты; таким образом, путешествие совершается не «от города к городу», а от «романа к роману», от «героя к герою». Само путешествие при этом происходит в большей степени ментально, виртуально, чем реально. Мы не найдем в «Дневнике» разнообразия глаголов движения со значениями «идти, отправляться, прибывать» и.т. п. (*a pleca, a veni, a sosi, a se duce, a trece* и т. п.); на смену им приходят *a deschide, a scrie, a termina, a întrerupe, a reîntoarce (открывать, писать, заканчивать, прерывать, возвращаться)*, обозначающие «этапы продвижения» в работе Элиаде над своими произведениями, научными или художественными.

Примечательно, что передвижение в пространстве приводит не столько в другое м е с т о , но (почти обязательно) в другое в р е м я . Так, поездка в таможню за книгами, присланными из Англии, переносит автора дневника на шесть лет назад, в начало войны. Идя вдоль набережной Сены, он попадает в другое время. «Переживал, это слишком обобщенно сказано: вызывая, оживляя, те изолированные во времени моменты, которые связаны между собой только “предметом”: река, пароход. <...> Помню путешествие по Дунаю в 1921 году. Очутился вновь, почти без всякого перехода, в первом путешествии по Гангу. Увидел его снова с нереальной четкостью — как будто вижу его из 1932 года — <...> против вокзала в Калькутте. Потом, путешествие по Рейну, в 1937 году, из Гейдельберга в Кельн, путешествие, воспоминание о котором я пытался “спасти”, записывая на месте, в записную книжку все конкретные мелочи и всё, что приходило в голову в связи с этими мелочами». (Jurnal 1993, I, 76–77). Или запись, сделанная 1 сентября 1950

года: «Даже в дождь, совершаем долгие прогулки. Находимся на высоте тысячи метров. Тирольский пейзаж – а я вспоминаю Карпаты <…> Не поднимался на румынские горы с лета 1939 года. Здесь, я вновь нахожу тот небосвод, дождь, воздух» (Jurnal 1993,1, 234). Так движение в пространстве превращается в движение во времени.

Возможно и другое развитие отношений *пространство-время.* Вот какую запись делает Элиаде по прибытии в Италию, во Флоренцию, в 1957 году: «Сколько раз возвращаюсь в Италию, столько вновь нахожу прежнюю свою страсть времен отрочества и юности: Возрождение. Защищаюсь, как могу: не захожу в антикварные магазины, не покупаю новых книг. Но, наконец, сдаюсь. Начинаю, во-первых, вспоминать. Вижу и сейчас, спустя семнадцать лет, библиотеку, оставшуюся в стране, и приближаюсь, как во сне, к полкам, на которых собраны тексты и книги об итальянском Возрождении. Как будто вновь они передо мной: могу их открыть, перелистать, вновь найти заметки на полях и подчеркивания карандашом. В последнем ящике бюро находились когда-то папки с заметками и рукопись моей дипломной работы 1928 года о Кампанелле» (Jurnal 1993, I, 285). Приезд в Италию приводит к переносу в ее прошлое (эпоха Возрождения) и — как продолжение — в собственную юность, прошедшую под знаком этой эпохи. Этот ассоциативный ряд переносит автора в другое пространство, в страну юности. Подобные «перетекания» порождают следующую схему: точка в пространстве hic et nunc — «прошедшее» время, далеко отстоящее от момента, когда делается запись в дневнике, eo tempore — перенос в другое (соответствующее «другому времени») пространство, eo loco. Много раз высказываемая Элиаде в его научных работах идея цикличности, «вечного возвращения» получает, таким образом, художественное воплощение.

Движение во времени

Структура *дневникового* времени у Элиаде отличается от структуры времени реального (отчасти это диктуется самим жанром, фиксирующим события прошлого, но не

inslav

хронометрирующим их с точностью до минуты). Основной чертой времени в «Дневнике» является его нелинейность, о чем уже шла речь выше, в связи с пространством. Графически время можно было бы представить не в виде отрезка прямой линии с отмеченным началом и концом, а в виде спирали с теоретически неограниченным числом витков. Другой образ — воронка, которая затягивает воспоминания все на бóльшую и бóльшую глубину. В этом снова можно видеть воплощение основной идеи Элиаде о «вечном возвращении». Она реализована в тексте разными способами. Упомянем здесь наиболее яркие:

1) постоянное (круговое) возвращение к ключевым для Элиаде мотивам: ностальгия по родной стране и по родному языку, оппозиция Восток – Запад, противопоставление и объединение науки и искусства и нек. др.

2) многочисленные хронологические сдвиги, которые можно разделить на две основные группы:

а) возврат в собственное прошлое, в события с фиксированной датой и местом. При этом, как правило, происходит встреча не с людьми из прошлого (*внешнего* мира), а с самим собой, со *своим* прошлым, со своим собственным *внутренним* миром: «…Вспоминаю лето, которое я провел в Сэчеле, в одном из “Семи сел” возле Брашова. Думаю, было это в 1922 году. Мне было пятнадцать лет, и я был увлечен в частности энтомологией. На заре гулял вдоль реки, <…> читал все, что попадало в руки…» (Jurnal 1993, I, 272). «Это было в 1926 году, весной <…> Я приехал накануне ночью и, как положено, утром, прежде всего, отправился в собор Сан Марко. Мне казалось, что нужно его увидеть одному, без помощи гида, и только так можно что-то постичь. Но постичь что? Не знал, не спрашивал себя. Только чувствовал, что мне что-то откроется» (Jurnal 1993, I, 276). «Вспоминаю те утренние часы в 1925 году, когда открывал для себя “Misteri” и когда бросился в историю религии со страстью и верой 18-летнего юноши. Вспоминаю лето 1926 года, когда, начав переписку с Петтаццони, получил в дар его “Dio”, и читал,

inslav

подчеркивая почти каждую страничку. Вспоминаю...» (Jurnal 1993, I, 146).

б) выход из настоящего времени во «вневременное» пространство, то, что сам Элиаде называл *in aeternum*. С каким периодом времени связать следующую запись, формально относящуюся к конкретной дате (11 января 1955 года), но не имеющую никакой поверхностной, явной связи с какой-либо точкой на временной оси? «Храм по-гречески называется naos, nēos – как и корабль. Размышлял над этим образом: храм, то есть святость, обретшая форму, понимается как корабль. Его предназначение — возможность путешествовать (очевидно, к Небу, на Небо), возможность пересекать водное пространство (= небытие, темнота, хаос). Идея о том, что такое совершенное путешествие не может быть совершено иначе, как на корабле, то есть в некой "закрытой форме", которая защищает от распада, разъединения, растворения (= растаивания в воде)» (Jurnal 1993, I, 267).

3) на лексико-грамматическом уровне: высокая частотность глаголов с префиксом *re-* со значением повторного действия («снова»): *a relua, a reface, a reîntîlni, a regăsi, a redeveni, a reveni* и т. д. (*снова взять, переделать, снова встретить, вновь найти, снова стать, возвращаться /снова приходить, снова получить)*.

И здесь время от пространства и пространство от времени неотделимы. Следующий раздел представляет собой еще одно этому подтверждение.

Пейзаж и погода

Перенос во времени провоцируется, как правило, сменой места, в частности, — сменой пейзажа. Примечательно, что это можно связать со сменой погоды и через погоду со временем. Следует заметить, что хотя описания пейзажа и погоды встречаются в «Дневнике» достаточно редко и они скупы и немногословны, это никак не уменьшает их значимости.

Наиболее простой случай — совпадение погоды с настроением, когда погода *внешняя* равна погоде

inslav

внутренней: «День превосходный (*zi superbă*), — но холодный. Какой-то золотой свет. Пошел во второй раз на выставку Гогена. Вспоминаю то чувство, с которым 4 года назад увидел первое полотно Гогена в Лувре. <…> Читаю отзывы на мой "Миф о вечном возвращении", все восторженные (*cronici excelente*)» (Jurnal 1993, I, 158).

Можно предположить, что впечатления от *золотого света* дня усилены колористикой Гогена и что это определяет общее настроение автора и, соответственно, выбор эпитетов *superbă, excelente*, объединенных семантическим множителем «превосходная степень».

Написание «Дневника» становится для Элиаде обязанностью, долгом, который он сам на себя возложил, пропуски в записях он ставит себе в вину. Часто внутренним оправданием того, что за день мало сделано, мало написано, оказывается погода. «Вот уже два дня ливень, ливень стеной, ливень тропический, потоками. Невозможно сделать даже несколько шагов, даже выйти в сад. Роман продвигался довольно тяжело…» (Jurnal 1993, I, 256).

Запись от 2 апреля 1951 года открывается фразой «Первый солнечный день». И далее начинается одно из самых протяженных во всем «Дневнике» изложение событий дня, разделенное на 4 «главы» самим Элиаде с помощью типографского знака * (звездочка). В одной из них появляется следующий фрагмент, требующий внимательного прочтения: «Написал 35 почтовых открыток и 2 письма. Сегодня мщу себе, как могу: все время открываю эту тетрадь» (Jurnal 1993, I, 181) Что стоит за словом «мщу себе?» (*mă răzbun*)? Возможно, это наказание самому себе, восполнение недостаточно усердного ведения дневника. Но, возможно, это «месть» ускользающему времени, что отчасти подтверждается и последующим текстом: «Я не в состоянии выразить подобные глобальные образы или — если осмелиться так сказать — подобные часы, подобные моменты конкретного времени» (Jurnal 1993, I, 182). Выстраивается цепочка: погода позволяет писать – и время «спасено», оно уже не

inslav

утекает бесследно, раз оно «зарегистрировано». Элиаде, много теоретизировавший по поводу дневника как текста in progress, стремился следовать критериям, им самим выработанным, то есть писать, по возможности, каждый день, спонтанно, сразу после случившегося: «Мне кажется, что дневник (как литературный жанр) будет более реализованным <...>, если автор регистрирует, в соответствии с течением времени, разные образы, ситуации, мысли; если, как я писал по другому поводу, спасает, "замораживая их", — фрагменты конкретного времени» (Jurnal 1993, I, 98).

Зачин *пейзаж – погода* становится указанием на день сегодняшний, «привязкой» к конкретному времени, а продолжающий его текст «записи дня» раскрывает собственно сюжет. Вот как комплекс *пейзаж – погода* открывает сюжет: «Ужасная буря вчера после обеда. В 3 часа, небо стало черным, на станции выключили электричество, и среди раскатов грома слышалось металлическое дыхание бури, безостановочно» (Jurnal 1993, I, 321). И далее следует переход к размышлениям о религиозных корнях политических движений, переходящий в набросок научной статьи, смысл чего непосвященному читателю может быть и непонятен.

Но все же основная функция подобных «пейзажно-климатических введений в сюжет» иная: они служат мостом, возвращающим в юность, на покинутую родину, т. е. в прошлое: «Вчера пошел снег. Сегодня бульвар Сен-Жермен весь в сугробах. Студенты играют в снежки перед зданием Сорбонны. Я шел на занятия. Снег, которого я не видел уже шесть лет, вернул меня назад в бухарестские зимы» (Jurnal 1993, I, 86). Еще пример: «Третий день ужасная жара, после почти двух месяцев дождей. Вспоминаю первое лето в Калькутте – но там, на Рипон стрит у меня в комнате был гигантский вентилятор, и стены были каменные» (Jurnal 1993, I, 73) Чтó является смысловым центром дня, единственным событием, удостоенным упоминания в дневнике, связью между

inslav

началом и финалом текстового эпизода? Возвращение в события, происходившие *eo loco et eo tempore*.

Первым, кто заметил и истолковал эту связь, был сам Элиаде, с его стремлением к анализу (в том числе и к самоанализу) и с его непревзойденным мифопоэтическим чутьем; он сформулировал это в записи от 28 марта 1951 года: «Почему я все откладываю толкование идеи, которая не дает мне покоя: трансформация прожитого времени через *смену* знакомого *пейзажа*?» (Jurnal 1993, I, 179).

Румынский язык (как и другие романские, и не только они) создает почву для семантического объединения понятий *время* и *погода* на лексическом уровне. Лексема *timp* обозначает и время, и погоду (для собственно погоды употребляется *vreme*, слав. заимствование, этимологически также связанное с понятием *время*). Конечно, разные значения легко определяются по контексту, ср.: «Timpul acesta, cît ar fi de melancolic, de beatific – se duce. Îl simt cum se scurge, parcă undeva printre degetele mele, prin sînge» (Jurnal 1993, I, 202) «Это время, каким бы меланхоличным и блаженным оно ни было, уходит. Чувствую, как оно течет, как будто сквозь пальцы, сквозь кровь»; «De ieri, plouă intruna. Abia acum, pe seară, pare că timpul stă să se îndrepte» (Jurnal 1993, I, 233) «Со вчерашнего дня непрекращающийся дождь. Только сейчас, к вечеру, кажется, погода устанавливается». Возможно употребление в этом же значении и лексемы *vreme*: «Suntem de la 22 decembrie aici, la Hotel Excelsior. A doua zi dupa sosirea noastră, se strică vremea» (Jurnal 1993, I, 207) «С 22 декабря мы здесь, в отеле Эксцельсиор /Монте Карло/. На следующий день после нашего приезда погода портится».

Глубинная семантическая общность приводит к взаимному притягиванию смыслов. Обратимся к записи от 13 июня 1959 года: «Летние дни, которых я не помню в Париже. Небо средиземноморской голубизны, необыкновенно ясное, и целый день дует ветер с моря. Меня соблазняет незаконченная повесть («У цыганок»), но не могу заставить себя писать» (Jurnal 1993, I, 310).

inslav

Текст содержит два основных сообщения: о необычной погоде и о незаконченной повести. Внешне они автономны, и может показаться, что оказались рядом случайно, по непонятной ассоциации. Однако читатель румынской версии ощущает на содержательном уровне за этой случайностью причинно-следственную связь. Чем вызвано это впечатление?

Первая часть записи посвящена «погоде» (*timp*), вторая отсылает к не законченной в этот момент повести «У цыганок», основное ядро которой — эксперименты со временем. Герой повести попадает в *иной* мир, в *иное* «время» (*timp*). Смысловые ассоциации, подсознательно возникающие из языковой омонимии, выполняют на семантическом уровне роль объединителя текста. Конечно, это открывается только тому читателю, который знаком с научными идеями Элиаде.

Заключим тем, с чего мы начали. Эти заметки — лишь подступ к неисчерпаемой теме. В определенном смысле «Дневник» является комментарием ко всему, созданному Элиаде–ученым и Элиаде–писателем. Но, возможно, не менее верно и обратное: все, написанное Элиаде, вытекает из «Дневника» и стекается в «Дневник». Круговорот времени и пространства, с вечными возвращениями и переходами друг в друга.

ЛИТЕРАТУРА

Fragments 1973 — *Eliade M.* Fragments d'un journal. V. I. Paris, 1973
Fragments 1981 — *Eliade M.* Fragments d'un journal. V. II. Paris, 1981
Jurnal 1993 – *Eliade M.* Jurnal. Bucureşti, 1993. I – II
Memorii 1991 – *Eliade M.* Memorii. Bucureşti, 1991. I – II.
Mac Linscott Ricketts 2003 – *Mac Linscott Ricketts*. Former friends and forgotten facts. Criterion Publishing, 2003

inslav

A. A. Romanova

Towards the Structure of Mircea Eliade Memorial Prose

SUMMARY

This article deals with the analysis of one of the less studied aspects of Mircea Eliade's heritage, his memoirs («Jurnal», «Memorii» a. o.). The main subject of study is «Jurnal», which the famous scientist has been writing for more than 40 years. The author seeks to demonstrate that «Jurnal» represents not only documentary writing, but mainly fiction with some specific characteristics. Eliade has created his own universe according to his scientific theories (myth of *eternal return* in particular). The structure of «Jurnal» reveals the complicated interaction of key motives and ideas. The motives of *way*, *time* and *movement* are being analyzed from the semiotical and anthropological point of view.

inslav

А. Ю. Русаков

АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК: МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ*

В последнее время албанский язык начал привлекать внимание типологов (см., например, Plank 1995; Koptjevkaja-Tamm 2003 и др.). Интерес к албанскому определяется, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, албанский является центральным языком Балканского языкового союза и, тем самым, представителем целого ареала, определяющего, во многом, лингвистический ландшафт Европы. Во-вторых, ряд грамматических черт албанского имеют типологически достаточно редкий характер (см., например, Plank 1995: 75). В данном докладе я попытаюсь бросить самый общий взгляд на некоторые типологически существенные черты албанского, прежде всего, с ареально-исторической точки зрения.

0. В последние десятилетия стал общим местом тезис о том, что балканистика как особая лингвистическая дисциплина находится в определенном кризисе. Кризис этот связан, как представляется, с тем, что чисто теоретический подход к трактовке схождений между балканскими языками практически исчерпан (см., например, Десницкая 1979). Действительно, в целом не представляет особой проблемы понимание того, какой контактный *механизм* лежит в основе возникновения того или иного балканизма. Совсем другое дело вопросы о том, *когда* возник тот или иной балканизм, *какой* конкретный язык явился его источником, *какова* была контактная ситуация. Возможность ответа на эти вопросы затрудняется большими лакунами в ранней истории балканских языков. Остановимся лишь на некоторых проблемах балканистики, существенных для настоящей работы.

Надо заметить, что набор балканизмов не представляет собой пучка сущностно связанных между собой приз-

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 04-04-00164а.

inslav

наков. В историческом плане они в достаточной степени гетерогенны. Можно попытаться условно стратифицировать ареально существенные черты грамматического строя балканских языков.

I. Прежде всего, балканские языки демонстрируют на удивление большое количество признаков, объединяющих их с языками SAE ареала. Так, из 12 черт SAE языков, выделяемых М. Хаспельматом как наиболее существенные, один из ядерных балканских языков – албанский разделяет восемь:

1. Наличие определенного и неопределенного артиклей;
2. Относительные предложения, вводимые склоняемым относительным местоимением;
3. Аналитический перфект с глаголом обладания;
4. Эксперинцер при аффективных глаголах выражен по-преимуществу номинативом[1];
5. Пассив, образованный при помощи причастия;
6. Преобладание антикаузативной деривации над каузативной;
7. Внешний поссесор выражен дативом;
8. Сравнительные конструкции, образуемые при помощи союза;
9. Эквативные конструкции образуются с помощью маркеров релятивного происхождения[2].

Таким образом, если опираться на вышеприведенные «изоглоссы», албанский несомненно относится к SAE

---

[1] Данный признак нуждается в дальнейшем уточнении, так как его значение может сильно колебаться в зависимости от того, какие глаголы будут включены в диагностический список.

[2] Список базируется на Haspelmath 2001 с определенными исправлениями и уточнениями, касающимися албанского материала. Надо отметить. что албанский разделяет и некоторые другие черты SAE языков: конъюнкция с помощью союза *и*; синкретизм комитатива и инструменталиса; отсутствие выражения противопоставления отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в именной группе; отсутствие оппозиции инклюзива – эксклюзива в первом лице плюралиса; отсутствие грамматической редупликации; базовый порядок SVO; специальная конструкция для отрицательного сочинения (Там же).

inslav

ареалу, разделяя 8-9 из приведенных М. Хаспельматом 12 признаков[3]. Для сравнения можно отметить, что всеми двенадцатью признаками характеризуются лишь немецкий и французский языки – общепризнанно наиболее яркие представители SAE типа (ядро *языкового союза Карла Великого,* см. van der Auwera 1998: 823), английский разделяет 10 признаков. Другие балканские языки также разделяют значительное количество SAE признаков (по данным М. Хаспельмата, новогреческий – 10, румынский – 8, болгарский – 5[4]). В целом, балканские языки (возможно, без болгарского) оказываются более «европейскими», чем некоторые другие языки европейской периферии – прежде всего, балто-славянские, – и приближаются к скандинавским. Необходимо отметить также следующие моменты:

– большая часть приведенных признаков является в принципе в высокой степени контактноиндуцируемыми (это, несомненно, относится к признакам 3, 5, 7, 8, 9, возможно и к признакам, 2 и 4; из всего списка лишь преобладание антикаузативной деривации является, по всей видимости, достаточно стойкой языковой чертой[5]);

– встает вопрос о времени и реальном пути появления этих черт («Кто у кого заимствовал», Haspelmath 2001: 1506). Сам Хаспельмат определял наиболее вероятное время формирования SAE союза как «эпоху великих миграций перехода от античности к средневековью» (там же), подчеркивая в то же время необходимость «считаться с возможностью (и даже с высокой вероятностью) того, что различные признаки SAE возникли благодаря различным историческим обстоятельствам» (Haspelmath 2001: 1506).

---

[3] *Не* разделяет албанский отсутствия двойного отрицания при глаголе; отсутствие pro-drop и несовпадение рефлексивного и усилительного местоимения (Haspelmath 2001).

[4] Эти данные, несомненно, нуждаются в уточнении, так как внимательное рассмотрение албанского материала позволило изменить значения по крайней мере трех признаков, из приведенных Хаспельматом.

[5] Ср. достаточно стойкое сохранение остатков каузативной деривации (варьирующееся в плане продуктивности по диалектам) в цыганском (Matras 2001: 122-125).

inslav

Это время – впрочем, определяемое достаточно условно, – совпадает с эпохой радикальной перестройки албанской звуковой и грамматической систем.

II. Что касается собственно балканизмов, то их можно разделить на несколько условных – и выделяемых по разным параметрам – групп.

(i) *Балканизмы «коммуникативно-прагматического» происхождения,* возникающие «когда носители различных языков пытаются общаться друг с другом наиболее эффективным образом» (Friedman, 1994: 86). В. Фридман указывает, что место подобных балканизмов (самый яркий из них – местоименное удвоение дополнений) «в системе различных (балканских – *А.Р.*) языков может быть описано в терминах континуума», в некоторых языках эти явления определяются прагматическими факторами, в других они более или менее грамматикализованы (там же)[6]. По всей видимости, балканизмы подобного типа могут распространяться достаточно быстро. К подобным «прагматическим» балканизмам относится, возможно, и балканский эвиденциалис, представленный в албанском, болгарском и македонском. Прямое влияние албанского на болгаро-македонский и наоборот более чем проблематично. В этой связи становится менее неправдоподобной возможность турецко-османского влияния (т.е. влияние прагматически доминантного языка) на его возникновение и/или развитие (см. там же: 79-86), хотя детали этого процесса остаются неясными. Любопытно, что в балканских языках существуют и другие синтаксические черты, вероятно, османского происхождения, также относящиеся к «эмотивной» сфере функционирования языка (например, стилистически маркированное употребление некоторых существительных

[6] На возможную связь некоторых общих свойств балканских языков (перенасыщенность текста служебными словами, в частности, клитиками) указывала Т. В. Цивьян (1979: 230, 284 и др.). См. также высказывание Дж. Николс: «местоименные клитики – это спонтанный ответ на языковой контакт» (Nichols 1992: 272).

inslav

в функции качественных наречий). В целом эти явления имеют, по всей видимости, достаточно поздний характер[7].

(ii). *«Диффузия процессов грамматикализации»* (см. Dahl 2001: 1468-1470). К балканизмам такого рода относится, например, распространение аналитического будущего, образованного с помощью неизменяемой частицы, восходящей к глаголу желания. Данная конструкция типологически тривиальна, однако ее развитие демонстрирует высокую степень параллелизма в деталях и стадиях процесса грамматикализации в различных балканских языках. Вероятно это объясняется «импортированной» грамматикализацией: относительно более грамматикализованные конструкции одного языка влияют на менее грамматикализованные конструкции другого, возникает своеобразная цепная реакция (см. Fiedler, 1989). По-видимому, таким образом могут быть объяснены многие из традиционных балканизмов.

(iii) Наконец, существует ряд явлений (традиционно включаемых в круг балканизмов), исторические обстоятельства возникновения которых представляют серьезную проблему. Сюда относятся прежде всего чрезвычайно глубокие схождения в строении именной парадигмы и функционирования именной группы в целом, существующие между албанским и восточнороманскими языками, включающие, в частности[8]:

- наличие в обоих языках постпозитивного артикля;

---

[7] Хотя отдельные случаи местоименного удвоения объекта в балканских языках встречаются достаточно рано, по всей видимости это явление едва ли могло относительно стабилизироваться намного раньше середины второго тысячелетия н.э. (о местоименном удвоении в балканских языках см.: Лопашов 1978). Время окончательной стабилизации албанского адмиратива, по всей видимости, 16–17 вв. (см. Сытов 1979).

[8] Существуют, разумеется, и другие важные сходства между албанским и балканороманским. Сюда относятся в первую очередь многочисленные лексические схождения и разительное сходство в области морфонологии.

inslav

- сходство в строении падежной парадигмы, например, меньшее количество падежей в неопределенном склонении, нежели в определенном;
- наличие в посессивных конструкциях специального элемента, занимающего особую синтаксическую позицию, и в то же время согласующегося с ядерным словом в роде, числе, падеже и частично определенности/неопределенности (элемент этот абсолютно обязателен в албанском и синтаксически обусловлен в румынском);
- наличие аналогичного элемента в адъективной именной группе (в албанском он тождественен посессивному показателю, в румынском – нет);
- сходство в оформлении именной группы (маркируется падежными окончаниями и показателем определенности первый член синтагмы, независимо от того, выражен ли он прилагательным или существительным).

Часть этих сходств разделяет и болгарский.

При интерпретации этих схождений возникает несколько вопросов (об этой проблематике см. Çabej 1976, Bokshi 1984, см. также Русаков 2002, 2004).

а) Поскольку они явно не случайны, встает вопрос о том, какой язык является источником влияния. Традиционно в качестве такового постулируется албанский, что определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, в албанском все вышеперечисленные явления выступают более последовательно и с меньшим диалектным разнообразием[9]. Во-вторых, – и это более существенно – то, что мы имеем в восточнороманском, достаточно сильно отличается от особенностей строения и функционирования

[9] Ситуация в румынском отличается значительным диалектным разнообразием как на уровне балканороманских «макродиалектов» (дакорумынского, мегленорумынского, истрорумынского), где генитивный артикль практически превратился в предлог, так и на уровне диалектов собственно дакорумынского (в большинстве диалектов – за исключением мунтянских – в генитивной конструкции мы имеем предлог *a*). Таким образом, на большей части балканороманского ареала возобладала «романская» тенденция маркировки посессивных отношений (см. Koptjevskaja-Tamm 2002).

inslav

именной группы в других романских языках[10]. Что касается болгарского, то имеются все основания полагать, что он мог испытать в этом плане влияние восточнороманского.

б) Если мы принимаем идею об албанском происхождении рассмотренных выше явлений (или части из них), то возникает необходимость понять, как возникла эта достаточно своеобразная система в самом албанском. Высказывались соображения как о типологически редком способе устройства генитивной конструкции, представляющем особый подтип Suffixaufnahme или двойного падежного согласования (Plank 1995: 75), так и об ареально относительно обособленном положении албанского (и румынского) в этом отношении среди языков европейского ареала (Koptjevskaja-Tamm 2003). При этом в историческом плане формирование албанской генитивной и адъективной именной группы имеет определенные индоевропейские параллели (формирование членных прилагательных в балто-славянском, противопоставления сильных и слабых прилагательных в связи с формированием категории определенности в германском, изафетных конструкций в иранском).

---

[10] Возможное влияние албанского на восточнороманский в области именной группы – лишь один фрагмент чрезвычайно сложной и, вероятно, ключевой для понимания особенностей возникновения феномена балканских языков, проблемы древних (прото)албанских/(прото)румынских контактов. Отнюдь не пытаясь решить здесь в целом вопросы, относящиеся к проблематике албано-румынских схождений, заметим, что их можно объяснить либо интенсивными контактами между предками албанцев и предками румын, либо тем, что предки албанцев и палеобалканское население, перешедшее затем на латынь, говорили на близкородственных диалектах. В сущности для решения вопроса о происхождении конкретного схождения точный ответ на вопрос о характере албано-румынского билингвизма не так уж важен. В любом случае мы имеем дело с интенсивным билингвизмом с доминированием одного из языков, а идет ли речь о палеобалканско(фракийско?)-латинском билингвизме у предков румын (субстрат) или протоалбанско-проторумынском билингвизме, существенно, прежде всего, в хронологическом плане.

insh.ru

Особенно интересны в этой связи албанско(балканско)-иранские типологические схождения. В области именной группы можно отметить следующие явления, находящие параллели в албанском:

– параллелизм адъективных и генитивных конструкций с изафетным показателем, восходящим к указательному местоимению (персидский), подобный параллелизм существует и в албанском;

– различие (изафетных) показателей в зависимости от контактного resp. дистантного положения определения по отношению к ядру (курдские диалекты, см. Расторгуева 1975: 169-172; возможно, подобное состояние было характерно и для древнеперсидского, см. Виноградова 1997: 55), аналогичную ситуацию мы имеем и в албанском;

– наличие в персидском постпозитивного артикля (правда, неопределенного), этимологически восходящего к числительному один, но фонетически совпавшего с рефлексом старого указательного местоимения (> показатель изафета) (Эдельман 2002: 132). В албанском мы также имеем дело с частичным совпадением (или общим происхождением) постпозитивного и связующего артиклей[11].

в) В последнее время предпринимаются попытки рассмотреть албанско-восточнороманские схождения в области имени на более широком ареально-типологическом фоне. Так, Ю. К. Кузьменко пытается объяснить возникновение постпозитивного артикля в и.-е. языках

[11] Сюда уместно привести составленный Д. И. Эдельман (2002: 198) список «“балканизмов”, наблюдаемых в некоторых иранских языках. Сюда относятся: 1) свертывание падежной парадигмы имени путем совпадения прежде всего форм генитива и датива…; 2) развитие постпозитивного артикля; 3) образование форм футурума через морфологизацию синтаксических оборотов с глаголом или основой со значением “хотеть”; 4) построение модальных оборотов с личными формами сослагательного наклонения основного глагола, но не с инфинитивом; 5) наличие конструкций с “опережающим повтором” – энклитиками прямого и косвенного дополнений…». Мы можем добавить сюда и различную маркировку определенного и неопределенного объекта (весьма распространенная ареальная черта языков «Центральной Евразии»).

inslav

(балканских, скандинавских, армянском) контактным влиянием языков с посессивным склонением (Kuzmenko 2003). В отношении балканских языков речь идет о доосманских тюрках, исчезнувших на Балканах, не оставив существенных языковых следов. Посессивные суффиксы тюркских диалектов могли быть отождествлены с указательными местоимениями балканских языков, иногда оказывавшимися в постпозиции. Это отождествление (еще один случай межъязыкового реанализа!) могло привести к их закреплению в постпозиции, далее постулируются процессы грамматикализации, приведшие к современному состоянию.

Разумеется, гипотеза Кузьменко оставляет много нерешенных вопросов как исторического, так и собственно лингвистического характера. Один из самых главных – почему влияние, проявившееся главным образом в стабилизации определенного порядка значащих элементов, не выявилось на уровне порядка составляющих именной группы (адъективной и генитивной): в албанском и – в несколько меньшей степени – румынском порядок этих элементов (вершина – зависимое) прямо противоположен тюркскому. Не отвечает эта гипотеза и на вопрос о влиянии балканских языков друг на друга.

Отметим лишь, что и идея субстратного происхождения «албанизмов» в румынском, и соображения о (пра)албанско-(пра)румынском билингвизме, и теория о доосманском субстрате указывают на достаточно ранний период, кончающийся, по-видимому, с приходом на Балканы славян.

г) Вместе с тем, надо отметить, что балканские языки, действительно, территориально примыкают к обширному «изафетному» (в широком понимании термина, включая и тюркский посессивный изафет) ареалу, в тоже время отличаясь по способу выражения посессивных отошений от большинства европейских языков. Если все же видеть в ареальном распределении грамматических явлений отражение пусть древних, но конкретных контактных ситуаций и признать возможность хотя бы минимального «восточного»

inslav

влияния на образование албанских и восточнороманских посессивных и адъективных конструкций, то мы получим достаточно любопытную с типологической точки зрения ситуацию: при определенном структурном подобии изафетные конструкции иранского типа представляют собой ярчайший образец вершинного маркирования в именной группе (ср. также вершинно маркированные посессивные конструкции в семитских языках), соответствующие тюркские и венгерские конструкции могут быть охарактеризованы как отличающиеся двойным маркированием, тогда как балканские конструкции скорее сохраняют зависимостное маркирование (см. Koptjevskaja-Tamm 2002).

Очень перспективным представляется в этой связи сопоставление балканских черт с характерными языковыми чертами других ареалов Европы и – шире – Евразии. Внимательное ареально-типологическое рассмотрение циркумбалтийского ареала (Dahl & Koptjevskaja-Tamm 2001) показало, что имеются черты, объединяющие его с Балканским языковым союзом (в высокой степени свободный порядок SVO, возможно, наличие эвиденциала). Таким образом, оба ареала представляют собой как бы переходную зону между Standard Average European языковым типом и типом, представленным в центрально-евразийских языках (см. Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001 728-733)[12]. При этом балканский ареал более втянут в SAE союз, чем языки северной части Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Десницкая, А.В. 1979. О современной теории балканистических исследований // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л. С. 3-15.

Виноградова, С.П. 1997. Древнеперсидский язык // Языки мира. Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки. М. С. 35-57.

Лопашов, Ю. А. 1978. Местоименные повторы дополнения в балканских языках. Л.

[12] Ср. в этой связи окказиональное появление изафета турецкого типа в чрезвычайно сильно интерферированных говорах малоазийских греков (Thomason & Kaufman 1988: 220).

inslav

Расторгуева, В. С. 1975. Вопросы общей эволюции морфологического строя // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. 1, М. С. 89-224.

Русаков, А. Ю. 2004. Албанский язык в ареально-типологической перспективе // International Symposium "The Typology of Argument Structure and Grammatical Relations". Proceedings. Kazan. P. 205-208.

Сытов, А. П. 1979. Категория адмиратива в албанском языке и ее балканские соответствия // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л. С. 90-124.

Цивьян, Т. В. 1965. Имя существительное в балканских языках. М.

Цивьян, Т. В. 1979. Синтаксическая структура балканского языкового союза.

Эдельман, Д. И. 2002. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М.

Aristar, A. 1991. On diachronic sources and synchronic patterns: an investigation into the origin of linguistic universals // Language, 67. P. 1-33.

Bokshi, B. 1984. Prapavendosja e nyjës në gjuhët ballkanike. Prishtinë.

Çabej, E. 1976. Studime gjuhësore. V.3, Prishtinë.

Dahl, Ö. 2001. Principles of areal typology // M.Haspelmath and al. (eds.). Language typology and Language Universals. B.2. Berlin – New York: Walter de Gruyter. P. 1456-1470.

Fiedler, W. 1989. Zur Arealtypologie der Futurbildung in den Balkansprachen // Linguistische Studien. B. 92. Reihe A. S. 70-109.

Friedman, V. 1994. Variation and grammaticalization in the development of Balkanisms // Katherine Beals et al. (eds.). Papers from the 30th Regional Meeting of the CLS, Vol. 2. Chicago: CLS. P. 101-115.

Haspelmath, M. 2001. The European linguistic Area: Standard Average European // M.Haspelmath and al. (eds.). Language typology and Language Universals. B.2. Berlin – New York: Walter de Gruyter. P. 1492-1510.

Koptjevskaja-Tamm, M. 2003. Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (ed.). Noun Phrase Structure in the Languages of Europe. Mouton de Gruyter.

Koptjevskaja-Tamm, M., Wälchli, B. 2001. The Circum-Baltic languages. An areal-typological approach // Ö. Dahl & M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). Circum-Baltic languages. Vol. 2. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. P. 615-750.

Kuzmenko, Ju.K. 2003. Die Quellen der Artikelsuffigierung in den Balkansprachen // Актуальные проблемы балканистики. СПб.

Lehmann, Ch. 1995 (1982). Thoughts on Grammaticalization. München – Newcastle.

Nichols, J. 1992. Linguistic diversity in Space and Time. Chicago: University of Chicago Press.

Plank, F. (ed.). 1995. Double Case. Agreement by Suffixaufnahme. New York – Oxford: Oxford University Press.

inslav

Stölting, W. 1966. Das Artikelsystem im Albanischen und Rumanischen // Beitrage zur Südosteuropa Forschung. München, 1966.
van der Auwera, J. 1998. Adverbial Constructions in the Languages of Europa. Berlin: Mouton de Gruyter.

Alexander Yu. Rusakov

Albanian between East and West

SUMMARY

A. Albanian as a Standard Average European language

Albanian shows an amazingly high number of features characteristic of the so-called Standard Average European Sprachbund. Albanian shares 9 out of 12 major SAE features listed by Martin Haspelmath:

1. Definite and indefinite articles	+
2. Relative clauses with relative pronouns	+
3. 'Have'-perfect	+
4. Nominative experiencers	+ (?)
5. Participial passive	+
6. Anticausative prominence	+
7. Dative external possessors	+
8. Negative pronouns and lack of verbal negation	–
9. Particles in comparative constructions	+
10. Relative-based equative constructions	+
11. Subject person affixes as strict agreement markers	–
12. Intensifier-reflexive differentiation	–

The list of features for Albanian is slightly modified as compared to Haspelmath 2001 (cf. 4 –, 8 +, 12 +, 6 – "no data" in the source article).

It should be mentioned that Albanian shares some other SAE features as well (Haspelmath 2001: 1501-1504): "A and-B" conjunction; comitative-instrumental syncretism; lack of the alienable/inalienable opposition in adnominal possession; lack of an inclusive/exclusive opposition in the first person non-singular pronouns; lack of reduplicating constructions; discourse pragmatic notions such as topic and focus are expressed primarily by sentence stress and word order differences (but see below about object doubling); SVO as the basic word order pattern; a special construction for negative coordination.

inslav

Thus, judging by these features, Albanian stands very near to the core of the SAE languages. We may mention that only French and German – the most typical SAE languages, *Charlemagne Sprachbund*, according to van der Auwera (1998: 823) – show all the 12 features. Albanian shares nearly all major SAE features with other Balkan languages (according to Haspelmath Greek has at least 10 features, Rumanian – 8, and Bulgarian – 5). In general, Balkan languages (possibly with the exception of Bulgarian) seem to be more "European" than some other languages of European periphery (Balto-Slavic, Celtic).

Two notes should be added:

– Many of the SAE features could be easily borrowed (3, 5, 7, 8, 9, 10, maybe 2, 4).

– Two closely related questions (common for the areal linguistics in general) arise:

1) What is the time of the rise of the SAE Sprachbund?

2) "[W]hat is the source of the various Europeanisms: Who borrowed from whom?' (Haspelmath 2001: 1506).

As for the first question, Haspelmath proposed that it was "the time of the great migrations at the transition between antiquity and the Middle Ages", adding that "[o]f course, we must always reckon with the possibility (or even likelihood) that different SAE features are due to different historical circumstances..." (Haspelmath 2001: 1506).

Thus, we may conclude that Albanian (as a member of Balkan Sprachbund?) has undergone the great changes that moulded the modern state of European languages.

B. The balkanisms and their stratification

i) **The balkanisms of communicative-pragmatic origin.** Cf.: "Balkanisms began as variation when speakers of different languages attempted to communicate more effectively... . The place of these Balkanisms in the systems of the various languages can be described in terms of a continuum from pragmatically conditioned variation to grammaticalization.." (Friedman 1994: 86);

– object reduplication (beginning of the spread: ≈ 12-13 centuries) ("the clitic pronouns are spontaneous response to language contact" Nichols 1992: 272);

inslav

– non-confirmativity (viz. evidential mood) in Albanian, Bulgarian and Macedonian (beginning of the spread: ≈ 15-16 centuries (??)). The direct influence of Albanian on Macedono-Bulgarian and vice versa is doubtful; it is very interesting to speculate on the problem of possible Turkish influence. Cf. the evidential mood in the Circum-Baltic area

ii) The diffusion of grammaticalization processes

(cf. Dahl 2001: 1468-1470).

A good example of this phenomenon is de-volitive future construction in Balkan languages. From the typological point of view, this type of construction is quite trivial but diachronic scenarios in this domain demonstrate a high degree of parallelism of the stages and details of grammaticalization processes in Balkan languages (*grammaticalization clines*).

The most part of the "traditional" balkanisms may be treated as a result of a grammaticalization diffusion.

iii) The relations between Albanian and Balkan Latin

a) Lexical isoglosses;

b) Morphonological similarities;

c) Grammatical similarities: deep resemblances in the architecture of the Noun Phrase:

(i) Rumanian (as well as Albanian) has possessive article. Syntactic conditions of its use are nearly identical to syntactic conditions in which *të* (in contrast to *e*) is found after the accusative of the head noun in Albanian. The Rumanian article agrees with the head noun in number and gender, but not in case, which implies that it is not a pattern of the true Suffixaufnahme. In Arumanian and Megleno-Rumanian the "possesive article" is indeclinable (*a* in Arumanian, used both with Genitive and Dative, *lu* in Megleno-Rumanian).

(ii) Rumanian distinguishes adjectival and possessive articles, but in the old texts and in the dialects this difference sometimes is obscured. We have in the most part of Daco-Rumanian dialects indeclinable *a* in possessive constructions, thus reflecting the "Romance" pattern.

(iii) A striking similarity of the constructions observed in Albanian and Rumanian indicates contact development, most probably Albanian influenced Rumanian or maybe it is a sub-

inslav

strate influence (in Daco-Rumanian). In both cases, the contacts must have taken place in a rather ancient epoch (presumably before the Slavic invasion into the Balkans).

Thus, we have to solve the problem of the ways of the originating of this construction in Albanian. We have here some IE parallels.

Within the framework of grammaticalization, the emergence of the Albanian system of "articles" could be viewed in relation to the following types of processes:

a) Development of the category of definiteness.

In this respect, a comparison with those Indo-European languages in which development of definiteness is originated within the adjectival phrase (Germanic and Balto-Slavic) seems to be relevant.

b) Development of relative, adjectival and genitival constructions:

The data from the Germanic, Balto-Slavic and Iranian could be insightful in this respect.

Parallels with Iranian languages are mostly striking:

– Similarly to Albanian, adjectival and possessive constructions are structurally identical (Persian);

– Similarly to Albanian, different sets of pronouns are used adjacently and discontinuously (Kurdish, see: Rastorgueva 1975: 169-172; maybe Old Persian, see: Vinogradova 1997: 55);

– In most Iranian languages, there are is no definite article. In modern Persian there is a postpositive indefinite article which originated from the numeral 'one', but phonetically coincided with the reflex of the old demonstrative pronoun (> ezaphe marker) (Edelman 2002:132). This article agglutinates to the rightmost word in the Noun Phrase. Phonetic coincidence (or the same origin) of the postpositive and "linking" articles is attested in Albanian as well.

See also the list of "balkanisms" in some Iranian languages (Edelman 2002: 198): 1) Dative-Genitive syncretism; 2) postpositon of the article; 3) de-volitive future; 4) modal verb + subjunctive constructions; 5) object anticipation. Differential marking of definite and indefinite objects could be added into

inslav

this list (a very widespread areal feature in the languages of "Central Eurasia").

C. Albanian between East and West

1. Albanian and Rumanian possessive constructions dispatch from the average European type; it is curious in this respect that the two languages are adjacent to the large area where possessive constructions are either double-marked (Turkic languages, Hungarian) or head-marked (Iranian and Semitic languages) (Koptjevskaja-Tamm 2003). Although the areal relevance of this affinity is not properly established, the very geographical pattern that we observe allows one to speculate on the possibility of early Turkic (pre-Osmanic) influence in the Balkans (cf. Kusmenko 2003).

Kusmenko relates development of the postposed article wherever in the IE languages (these are Balkan, Scandinavian, Armenian and Iranian languages) to the contact influence from the languages that have possessive inflection. For the Balkans the old Turkic population is implied, who have perished, as it were, having not left any significant linguistic traces.

Of course, Kusmenko's hypothesis leaves many questions unanswered. First of all, it is not at all clear why have not the order of the basic constituents of the NP been reshaped according to the Turkic head-final model if the Turkic influence has basically resulted in the reordering of certain meaningful elements? It does not also highlight intra-influences between various Balkan languages. It is interesting, however, that the time of the arrival of the first wave of Turkic invaders into the Balkans coincides with the epoch of the great changes in the Albanian phonological and grammatical system.

2. We may suppose that the historical development of the Albanian language system in the last 1,5 millenia represents the gradual drift from the language type represented in the broad area including the territory of Eastern Europe and the Western Asia (among the Indo-European languages we may mention Iranian, Slavic and Baltic languages) towards SAE type. During this development Albanian acquired the major part of Balkanisms as well.

inslav

Т. Н. Свешникова

МИРЧА ЭЛИАДЕ: «ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ» НА БАЛКАНЫ*

Fiecare exilat este un Ulise în drum spre Itaca. Orice existența «reală» reproduce Odissea.

M. Eliade **

Поиск неуловимых черт того или иного явления – задача нелегкая, а порой и непосильная. Поймать то, что составляет суть Балкан, можно, как кажется, лишь исследуя частное, – общее остается недоступным человеческому пониманию. Это частное видится в совершенно особом складе населяющих Балканы людей, в их способности, а, вернее, склонности воспринимать окружающее как нечто таинственное, в их умении творить миф и наполнять сотворенный их фантазией мир особой поэзией. Вот почему задаешься вопросом, не является ли мир Балкан миром сотворенным, миром заколдованным и таинственным, – воплощенным в реальных формах пространства? И если это так, то вполне естественной оказывается для жителей Балкан другая особенность – сохранение созданного их воображением, желание его удержать, вечное возвращение к нему.

Способность находить тайну в самых обычных вещах объясняет, как представляется, склонность многих балканских (и, в частности, румынских) писателей (и художников, и скульпторов – достаточно вспомнить Брынкуша) к проникновению в область фантастического и развитый в этих краях жанр фантастического реализма.

Мирча Элиаде (и не он один, но и его младший современник, замечательный писатель Шт. Бэнулеску) жил, по его собственному признанию, в двух измерениях:

---

* Статья написана при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН «История, языки славянских народов в мировом социо-культурном контексте» (проект «Структура и лингвистическая организация славянского текста в синхронии и диахронии»).

** Любой изгнанник – Улисс на пути к Итаке. Всякое «реальное» существование воспроизводит Одиссею.

instav

реальности, которая наполнялась, по его воле, фантастическим содержанием.

Пытаясь донести до других эту свою особенность, Мирча Элиаде в воспоминаниях возвращается в далекий мир детства, когда он впервые осознал, как тесно связаны эти две стороны действительности и как органично переплетены они в его мироощущении. Вот, что он пишет: «Особенно ярко я вспоминаю один летний день, после обеда, когда все в доме спали. Я вышел из комнаты, которую занимали мы с братом, и на четвереньках, чтобы не шуметь, направился в гостиную. Я почти никогда в ней не бывал, – нам позволяли входить туда только по праздникам или когда у нас бывали гости. Мне кажется, что остальное время дверь была заперта на ключ. Но на этот раз дверь не была закрыта, и я проник туда – все так же на четвереньках. В следующий миг я замер от волнения. Я словно попал в сказочный дворец: шторы были спущены и тяжелые, зеленого бархата портьеры задернуты. В комнате был разлит зеленый свет – я словно вдруг очутился внутри огромной виноградины <...>. Я никому не рассказывал об этом открытии. К тому же чувствовал, что и не смог бы рассказать. Если бы я умел пользоваться словами взрослых, я бы сказал, что открыл тайну» (Memorii 1991, I, 9).

Так, воскрешая в памяти это детское впечатление, глубоко запавшее в душу, Мирча Элиаде говорит о том, сколь невелико расстояние между реальным и нереальным, фантастическим, и как возможно и естественно одновременное существование в двух пространствах – реальном и мифологическом. Воссоздавая образ «зеленой комнаты» в своих воспоминаниях, М. Элиаде подчеркивает, что реальное и нереальное соседствуют, как две комнаты дома, расположенные рядом.

Действие большинства его произведений, написанных в эмиграции, происходит в Румынии и, в частности в Бухаресте (ср.: *«La țigănci», «12 mii de capete de vite», «Pe strada Mântuleasa»* и др.). Бухарест – город, который он хорошо знал и любил, где прожил часть жизни, особенно его центральная часть, кварталы, примыкающие к Универ-

inslav

ситету, улица, где он жил в детстве, юности и в университетские годы, мансарда, где он занимался, писал свои первые статьи и художественную прозу и где стоял его рояль, – все это не покидало его в годы вынужденного изгнания, куда он постоянно возвращался в мыслях и где происходило действие его фантастических рассказов. Реальное, конкретное пространство по его воле превращалось в область мифологического, Бухарест, его улицы, переулки, сады, даже трамвайные линии становились тем местом, где происходили фантастические события, где развертывались картины *«мира иного»*, где на глазах читателя, часто хорошо знавшего город, творился миф и где М. Элиаде осуществлял свои эксперименты со временем и движением[1].

Важно отметить, что Мирча Элиаде всей душой противился тому, чтобы его фантастическая проза разгадывалась, расшифровывалась читателем. По его мнению, она должна была восприниматься в том виде, в каком была создана, без какого бы то ни было обращения к области реального. Вот, что он писал в дневнике о своей повести «У цыганок» (*La ţigănci*): «...эта новелла ничего не "символизирует" <...>. Она создает мир, не зависящий от географических и социальных особенностей Бухареста 30-40-ых годов. Не надо стремиться к пониманию того, с чем связаны <...> различные эпизоды и что представляет собой тот или иной персонаж. Это новый, неведомый мир со своими собственными законами <...>. Проникая в этот мир, познавая его, *открываешь и для себя** нечто новое» (Jurnal 1993, I, 585; 5 марта 1968 года). Интересно также замечание М. Элиаде, что фантастические события, которые происходят на улицах Бухареста, так же далеки от реальности, как сам город – от того, каким он был в те времена, когда там жил автор; но только этот, далекий от реальности город воспринимается им как «настоящий»: «Бухарест в "На улице Мынтулясы", хоть и относится к области легенды, в большей степени "настоящий", чем тот

* Здесь и далее в цитатах курсив автора.

insiav

город, через который я проезжал в последний раз в августе 1942 года» (Jurnal 1993, I, 317; 24 июля 1959 года).

Таким образом, фантастические события рассказов и новелл М. Элиаде происходят в реальном городе, на реальных улицах, но этот город сохранился лишь в сознании автора, давно его покинувшего и далекого от Бухареста более позднего времени, такого, каким он стал в его отсутствие.

Тем не менее, события повестей М. Элиаде происходят в конкретном пространстве, которое представлено автором с присущей ему необычайной точностью[2].

Как известно[3], М. Элиаде в тот период своей жизни, когда он находился вдали от «дома», ощущал себя Одиссеем на пути к Итаке (мысль о возвращении никогда не оставляла его, что отчетливо отражают его Дневник и Мемуары): «Любой изгнанник – Улисс на пути к Итаке. Всякое "реальное" существование воспроизводит Одиссею. Путь к Итаке, к Центру. Все это я знал с давних пор. Но я внезапно открыл для себя то, что *каждому*[*] изгнаннику предоставлен шанс стать новым Улиссом…» (Jurnal 1993, I, 350; 1 января 1960 года). Центр часто представлен у М. Элиаде в образе мансарды, – оставленного «дома», куда он возвращается мыслью. Этот образ возникает в его сознании в связи с разными ассоциациями, но чаще всего тогда, когда он оказывается в другой мансарде, в другом месте: «Стою в углу комнаты, чтобы лучше разглядеть рисунок Омичолли и чувствую, что моя голова упирается в потолок. Так же, как в углу моей мансарды на улице Мелодии. Внезапно переношусь в 1922-1925 годы. Странное чувство <…>, что смысл моей жизни *сейчас*, в эти дни, в этом году состоит в том, чтобы *объединить эти две мансарды*, чтобы соединить в одной вселенной эти два мира: юность и зрелость. Но как? Как?» (Jurnal, 1993, I, 352-353; 10 января 1960 года). Мотив двух мансард звучит и в другой записи, сделанной автором значительно раньше и основанной на иной ассоциативной связи: «Сегодня утром меня разбудил шум падающего снега. За полчаса все

[*] Здесь и далее курсив автора.

insiav

стало белым, как в разгар зимы <...>. Сейчас снег перестал и медленно тает, я снова слышу птиц в лесу <...>. У меня впереди целый день для занятий <...>. Здесь в этой мансарде я вижу вновь свою мансарду в доме на улице Мелодии» (Jurnal 1993, I, 251; 10 мая 1953 года).

В этих двух записях отчетливо виден путь, которому следует мысль автора: внешнее впечатление, часто совершенно незначительное, – тактильное, зрительное или слуховое ощущение, – возвращает М. Элиаде «*домой*»: «Цоканье копыт по мостовой воскрешает в моей памяти давние воспоминания: когда мне было 3-4 года, в Рымнику Сэрат я слышал иногда вдалеке это цоканье...» (Jurnal 1993, I, 186; 6 апреля 1961 года). Прогулка в горах переносит его в Карпаты: «Тирольский пейзаж, но я все время вспоминаю Карпаты <...> во время летних каникул. Я не был в горах Румынии с лета 1939 года» (Jurnal 1993, I, 234; 1 сентября 1952 года); ср.: «К середине ночи начинают раздаваться таинственные лесные шумы: быть может, это сухая ветка лениво падает среди ветвей с едва набухшими почками? а, может, валежник и сухие дубовые листья, внезапно поднятые ветром или каким-нибудь лесным зверьком? ... Слушаю очарованный, как подростком прислушивался ночью к шуму леса в Карпатах...» (Jurnal 1993, II, 308; 21 марта 1978 года). Ср. также: «Иногда жара на шоссе и пыль, которую подымают автомобили, напоминают мне о Румынии» (Jurnal 1993, II, 171; 9 августа 1974 года); и противоположное впечатление: «Мороз, который продолжается вот уже две недели. Снег, как в *наши* зимы в Румынии полвека тому назад» (Jurnal 1993, II, 292; 7 декабря 1977 года).

Приведенные выше отрывки из дневника М. Элиаде отражают характерные особенности его внутреннего склада: стремление любой ценой удержать впечатления, жизненные события, не дать им исчезнуть или потускнеть, отсюда – дневник с юных лет и позднее – мемуары, во многом на дневнике основанные. С этим связано и особое отношение к книгам, рукописям и собранным для статей и книг материалом, оставленным в Румынии: «Иногда я вспоминаю Румынию и то, что я там оставил – рукописи,

inslav

дневник, письма, книги – и прихожу в мрачное настроение. Все это я могу утратить, если уже не утратил. Может случиться, что я не найду ничего, что у меня не будет ни одного «воспоминания», никаких отчетливых следов детства, юности и молодости» (Jurnal 1993, I, 223; 10 июня 1952 года); ср. также: «Перечитывая строки, написанные вчера о моей мансарде на улице Мелодии, я вдруг вспоминаю, что в тридцать три года уехал из Румынии с пустыми руками. Я не взял с собой даже свои собственные книги и статьи, не говоря уже о рукописях и папках с материалами <…>. Иногда в моей комнате в Отель де Сюэд на меня нападала тоска по рукописям, оставленным в Румынии. И я сидел целыми часами, полузакрыв глаза, стараясь воспроизвести их в памяти…» (Jurnal 1993, I, 287; сентябрь 1957 года).

Среди неотступных мыслей о «доме» часто возникают фигуры друзей, товарищей по литературному цеху и, разумеется, близких: «Ночью опять звонил в Бухарест Корине*. Не могу поверить, что больше не услышу мамин голос» (Jurnal 1993, II, 175; 14 сентября 1974 года); ср. также: «Я провел дни 13 и 14 июля на “мельнице” Еудженa** <…>, чтобы поговорить не спеша, вдвоем» (Jurnal 1993, II, 318-319; 15 июля 1978 года).

Совершенно особое отношение у М. Элиаде и к материальным свидетельствам принадлежности тех или иных вещей и предметов близким людям и близким краям (русская икона, принадлежавшая родителям; «дары», полученные от одного из писателей-коллег). Ср. приезд сестры 23 июля 1981 года в Париж, где в этом время, как всегда летом в «американский» период своей жизни находился М. Элиаде: «…она привезла мне несколько вещей, в том числе русскую икону в серебряном окладе, у которой обычно горела лампадка в комнате родителей» (Jurnal 1993, II, 415-416); ср. также описание привезенных из Румынии «даров»: «…четки, керамика из уезда Ильфов, пасхальные яйца из монастырей Агапия и Хурез, земля из

* Сестра М. Элиаде.
** Еуджен Ионеску.

inslav

Агапии, несколько камешков с берега Черного Моря...» (Jurnal 1993, II, 380-381; 23 мая 1979 года).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Т. Н. Свешникова. Вечное возвращение на Балканы // В поисках «балканского» на Балканах. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1999. С. 120-121; ср. также: Т. Н. Свешникова. Послесловие к кн.: М. Элиаде. Гадальщик на камешках. СПб., 2000. С. 507-510.

[2] Эта необычайная точность в обозначении времени и пространства порой представляется чрезмерной, не имеющей отношения к делу, но такова индивидуальная особенность М. Элиаде. Ср.: «Об этой книге мне говорил Эмиль Чоран *в один из октябрьских дней в кафе La Martiniquaise. Примерно за час до этого* мы встретились – Чоран, Еуджен Ионеску и я – *в Издательстве Бельфон*, где нас ожидал фотограф» (Jurnal 1993, II, 295; 20 декабря 1977 года).

[3] Ср.: Т. Н. Свешникова. Мирча Элиаде: штрихи к портрету // Славянское и балканское языкознание. М., 2003. С. 466.

ЛИТЕРАТУРА

Jurnal 1993 – *Eliade M.* Jurnal. Bucureşti, 1993. I-II.
Memorii 1991 – *Eliade M.* Memorii. Bucureşti, 1991. I-II.

T. N. Svechnikova

Mircea Eliade: «l'éternel retour» aux Balkans

RÉSUMÉ

L'ídée de l'éternel retour se réalise chez M. Eliade (quand il agit de sa prose créé en exil) dans ses nouvelles fantastiques (*La ţigănci, Pe strada Mântuleasa, 12 mii de capete de vite* et d'autres), dans son roman *Noaptea de Sânziene* et surtout dans son *Journal* et ses *Mémoires* où il revient toujours (parfois inconsciemment) en Roumanie, à Bucarest et où se passe l'action de ses œuvres (toutes écrites en roumain). En ce qui concerne ses *Mémoires* et son Journal, c'est le retour d'Ulysse dans son royaume d'Ithaque (selon l'expression de l'auteur), le retour au Centre (de la Périphérie de sa vie d'exilé), le retour à son «chez soi». On peut dire que l'idée du retour se manifeste en premier lieu sur les pages de sa prose mémorialiste qui est pour M. Eliade le moyen principal de revenir aux Balkans.

inslav

И. А. Седакова

БАЛКАНСКОЕ В ТЕРМИНОЛОГИИ И ОБРЯДНОСТИ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ РОДИН*

В докладе суммируются результаты работы по выявлению *балканского* в лексике и обрядности южнославянских (преимущественно болгарских) родин. Этнолингвистический анализ этого обрядового комплекса и обслуживающей его терминологии позволяет обнаружить балканизмы разного рода. Речь может идти о лексике и ее значении, о ритуальных действиях и их мотивировках, о *балканских* артефактах, демонах, специфических праздниках и пр.

Поскольку обрядовый термин связан не с одним коррелятом, а с целым фрагментом народной культуры (от слова – через действие и его мотивировку – к быличке, нарративу, а иногда в обратном порядке), разделить балканизмы на собственно лексические и, скажем, акциональные невозможно. За словом стоит сумма представлений в их локальной вариативности, комбинации термина и его значения могут быть различными: балканское слово может служить названием общеславянского (и шире – европейского) ритуала и, наоборот, славянский термин может обозначать *балканское*. Случаи контаминации славянского и балканского естественны, такое взаимопроникновение характерно и для других языковых и этнокультурных союзов.

Терминология болгарских родин дает пеструю картину сосуществования славянских и неславянских лексем. Балканизмы, заимствования, зафиксированные в других языках БЯС, составляют немалую часть терминосистемы. Отчасти это табуированная лексика, поскольку появление на свет ребенка, согласно народным представлениям, связано со сферой неизвестного и заведомо опасного (ср. со-

---

* Статья написана при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» (проект «Структура и лингвистическая организация славянского текста в синхронии и диахронии»).

inslav

хранение в тайне беременности, затем родов, имени младенца; многочисленные запреты на упоминание роженицы и новорожденного). «Чужое» слово, с неславянским звучанием и непрозрачным значением не так «страшно» произносить. Показательно в этом плане наличие у болгар множества имен для некрещеных младенцев, – имен в основном заимствованных из соседних балканских языков. Однако использование слов неславянского происхождения нельзя объяснить лишь процессом табуирования, столь же важной причиной служит и многовековое взаимодействие разнородных культур.

Неславянская лексика часто встречается в зоне непосредственных контактов болгар с иноязычным населением (с помаками, румынами, греками)[1], но не только и не столько в этих регионах. Так, болг. *гебе* 'беременная' (из тур. *gebe* – 'то же') имеет довольно широкое ареальное распространение на юге Болгарии [Родопи: 121; Сакар: 256][2]. Параллельно с этим турцизмом употребляется и славянская лексика: *трудна*, *т'ошка* [Родопи: 121;], *непразна*, *временна*, *тварна* [Сакар: 256] – типичный пример «пестроты» балканской диалектной терминосистемы. Заимствования из греческого – болг. *лауса, лафуса, лехуса, леунка, лихуса, лоуса, лууса* и др. 'роженица, демоны болезни, младенец до крещения' представлены на всей территории Болгарии; известны они в диалектах сербского и македонского языков, в новогреческом, румынском и турецком языках [БЕР 3: 379]. Грецизм *лехуса* проникает всё в большее число болгарских диалектов[3], существуя

---

[1] Ср. родопские именования женщины, родившей вне брака: *ажадия*, *брантия*, *мастия*, *сюргун* [Родопи: 119]; ср. также болг. диал. (Ново село, Видинско) *мошул* – 'повитуха и ее супруг' от рум. *moş* 'дед' [БЕР 4: 269].

[2] В словаре [БЕР 1: 234] приводятся диалектные варианты *гибе*, *гибя*, но не дается их география.

[3] Исследовательница болгарских обрядов М. Макдермотт возводит *лехуса*, *лихуса* к корню *лих-* [MacDermott 1998: 81, note 1], что неверно с этимологической точки зрения. Соединение *лихуса* с *лих* вполне вероятно (ср. частотность словообразований от *лих-* в болгарской и шире – славянской демонологической терминологии), однако подобная

inslav

некоторое время параллельно со славянским термином (*родилка, родителка*), затем постепенно вытесняет его.

В терминосистеме родин есть несколько довольно ранних заимствований. Имея статус балканизмов, они зафиксированы в старославянском, древнерусском языках, упоминаются в словарях украинского, а порой и белорусского языков. Так, болг., в.-серб. *белег* – в др-рус. *белёг* 'знак, пятно, белый струп' и 'подписанный бланк для удостоверения личности предъявителя' (ср. тур. *bilgü* 'знак')[4]; болг., в.-серб. *нишан* – в др.-рус. *нишанъ* 'печать'; «А назади у грамоты нишанъ, а в нишане имя его хана, Ахметъ царь» *нишенный* 'имеющий печать' [Словарь 1986: 388] (ср. тур. *nišan* 'диск, знак' [Фасмер 1: 146; 3: 77]). В терминологии балканославянских родин *белег*, *нишан* обозначают родимые пятна на теле новорожденного, появление которых, по народным поверьям, обусловлено неверным поведением матери в период беременности (см. ниже). Слав. *знак*, *знамение* в болгарском в этом значении употребляются очень редко.

Копеле, копиле[5] (с неясной этимологией – (?) лат., (?) алб., (?) греч., (?) тур. [БЕР 2: 614; МБТР: 1067]) доминирует как термин ('незаконнорожденный ребенок') в болгарской и сербской обрядности. В этом значении КОПЕЛЪ употребляется еще в Слепченском Апостоле, в русских текстах XVI в. (*копеличище* – «иже не от законныа жены отроча» [Словарь 1980: 296]). Известно оно и другим балканским языкам: алб. *kopill*, рум., арум. *copil* и украинскому (*копильча, копилюк*) [БЕР 2: 613-615]. Другой пейоративный балканский термин для незаконнорожденного (и обозначение злого, подлого человека): *пурдотя* [Родопи: 119], *пордот, продот* (алб. *prodot*) (с двумя этимологиями из греческого [БЕР 5: 528]). Возможно, эта лексика соотносится с балканским *пурде* 'некрещеный ребенок'

народная этимология нам не встречалась ни в литературе, ни в полевых исследованиях.

[4] См. о слове *белег* в белорусском языке: [Цыхун 1998: 329].

[5] Ср. *копелана* 'девушка или вдова, родившие ребенка', *скопелям* 'производить на свет ребенка вне брака' [БЕР 2: 614].

inslav

(согласно БЕР, из венг. purde 'цыган', заимствовано в этом значении и в рум. *puradel* [БЕР 5: 858]) и с «неясными» [там же: 857] *пурак*, *пурек*, *пурле*, *пурляк* 'пренебрежительно о слабом ребенке'. Не уточнена этимология и еще одного балканского родинного термина – *корместа* 'с животом, беременная' (от *корем* – 'живот, пузо, брюхо' [БЕР 2: 692]), ср. предположение о турецком происхождении этого слова [МБТР: 1069], не поддерживаемое этимологами (см. варианты в [БЕР 2: 633]).

Интересный случай представляет собой развитие семантики слова *risk* ('риск, опасность') на балканославянской почве. В огласовке *ризик* оно синонимично балканской лексеме и важнейшему концепту народной культуры на Балканах *късмет* (kismet). *Рызик* в русских переводных церковных документах XI в. транскрибировало греческое и означало 'счастье' [Гальковский 2000: 158].

В болгарских и македонских диалектах *ризик*, *ризик'* 'удел, доля, счастье, судьба', ср. солун. «Тъко ми й бил ризику» (*Такой у меня удел*); «Ништу ни могъ дъ стор'а – ризик» (*Ничего не могу поделать – судьба*) [Вачева-Хотева, Керемидчиева 2002: 340]; макед. «На свој ризик» (*На свое везенье*), «Ризик немала, чедо не добила» (*Счастья не было, ребенка не родила*) [РМЈ 3: 117]. Ср. и болг. народную песню:

«Сирмо, Сирмо, ризикарна,	*Счастливица Сирма, Сирма,*
Ако имаш два ризика,	*Если у тебя счастье двойное,*
Да ми родиш мъжко чедо	*Роди мне мальчика, сына,*
Да ми родиш женско чедо».	*Роди мне девочку, дочку.*

[Геров 5: 79]

Интересны в плане развития семантики и прагматики основы эвфемистические именования греческих нереид καλορϊζικες 'с доброй судьбой' (см. статью К.Климовой в наст. сб.). В албанском (rrisik) и греческом отмечены те же значения 'счастье, удел и пр.', но сохранено и первичное значение 'опасность' [БЕР 6: 255]. Полисемия этого слова и семантические сдвиги заимствования в славянских языках не кажутся случайными, если учесть весь комплекс

inslav

народных представлений о судьбе как фатуме, череде опасных и преимущественно несчастливых событий.

В качестве балканского явления в сфере номинации отметим и факты южнославянской антропонимии – и прежде всего называние детей до крещения особыми **именами** [Кръстева-Благоева 1999: 21-26], что известно также грекам, каракачанам, албанцам, хотя и в меньшей степени. При именовании практикуется отрицание человеческого и/или подчеркивание природного, не-свого, чужого и чуждого. Для этого используется иноязычная лексика: болг. *джавдже* (от тур. *civce* 'воробей'), *джагуре* (из серб *ђак* 'ученик' [БЕР 1: 352] (это кажется маловероятным[6]), *джоле* (из арум. *gjone* 'молодой человек' [там же: 366]); этнонимы (ср. сербские имена для некрещеных *Турче*, *Бугарче*, *Влашче* [Требјешанин 2000: 107]). Греки называют некрещеного младенца Σιδέρις, Δράκος [Даскалова-Желязкова 1989: 120], ср. болг. *Желязко*. Не случайно и именование младенцев до крещения балканскими терминами, обозначающими незаконнорожденных детей (болг. *пурде*, *копилче*).

Стратегию выбора имени для крещения следует считать ярким балканизмом. Сохранение родового имени, преемственность имен, «правильность» номинационных практик характерны для всех народных традиций Балканского полуострова. Имя собственное играет важную роль в обрядовой жизни [Толстой, Толстая 1998; Толстая 2001], поэтому имянаречению младенца придается особое значение.

Необходимо отметить богатство системы личных имен у славян на Балканах, что фиксируется словарями [Влахов 1999; Илчев 1969; Ковачев 1995; Станкова 1992; Грковић 1977]. Как показывают современные записи, эти системы открыты, что частично обусловлено получившей сейчас особое развитие тенденции «подновлять» имена

[6] Многие болгарские термины некрещеных детей с трудом поддаются этимологизации, ср. предположения в БЕР к статьям *джавдже* [БЕР 1: 352], *клефък* [БЕР 2: 441], *къже* [БЕР 3: 183], *маламка* [БЕР 3: 625] и др.

inslav

представителей старшего поколения [Кръстева-Благоева 1999а; Седакова 2003].

В болгарском именнике сосуществуют еврейские, греческие, румынские, славянские и др. имена. Интересно в этом случае не само сосуществование имен (что известно всем ономастиконам), а их последовательный параллелизм, «перевод», ср. *Ана – Блага*, *Добра*; *Анани – Богомил*, *Богдан* и многие другие [Заимов 1988; Вайганд 1926]. Такое же явление наблюдается, например, и у влахов, проживающих на территории Югославии: *Florija – Cvetanka*; *Pătra – Kamenka*; *Buna – Mira*; *Mîudra – Lepa*[7] и др.

Поверья и магическая практика. *Белег* и *нишан,* рассмотренные выше как балканские лексемы, интересны и как термины, обозначающие целый ряд народных представлений о причинно-следственной связи. Так, в родинах *белег* и *нишан* это «родимое пятно», но не обычное, а знаковое, которое, во-первых, как считается, имеет особую причину появления, а во-вторых, может предвещать что-либо в будущем. Причиной возникновения такого пятна обычно служат грехи матери в период беременности (ср. поверья о том, что человека «метит» Бог, ведь *белег* также «Божье наказание за кражу» [РКС 15]; «метить» может и святой, день которого не почитает женщина). Появление младенца с родимым пятном особой формы – это весьма частый мотив этнографических описаний не только южных славян, но и других европейских народов [Вакарелски 1956: 54; СЕЗб 14/1909: 103; Требјешанин 2000: 88 и мн. др.].

В восточно- и западнославянской традиции основной причиной появления знака на теле ребенка является испуг (при виде пожара и пр.). Специфически балканской интерпретацией служит к р а ж а. В подобных случаях предметом кражи всегда является что-либо съестное, отсюда и объяснения родимых пятен в форме сливы, маслины, грозди винограда, реже – куска печени или медовых лепешек (подробнее см. [Седакова 1997: 33], там

[7] Эта информация мне любезно предоставлена югославским коллегой С. Гацовичем.

insiav

же о том, как уберечься от появления родимого пятна и даже как избавиться от него, если на теле ребенка все же имеет такой знак)[8].

Белег и *нишан* как 'уродство, дефект, недоразвитость, аномалия' на востоке и юге Болгарии связываются с нарушением запрета на половые контакты в день (дни) св. Симеона (3.02 и 1.09 ст. ст), который именуется *Билежник* [Кирсово 1983], *Забележник* [ЕБ: 110; БМ: 327]. Рассказов о последствиях нарушений этих запретов записано и опубликовано немало. В Добрудже, например, рождение детей или животных с каким-либо уродством (без уха, с аномалиями конечностей и пр.) объясняется тем, что в доме в день св. Симеона пользовались ножом и соответственно «отрезали» ухо, руку и пр. [Добруджа: 338]. Целый ряд превентивных действий должна совершить в этот день или накануне беременная, чтобы ее ребенок родился нормальным. Каракачанки, замешивая (только в случае крайней необходимости) в день св. Симеона хлеб, обязательно говорят: «Я ребенка не трогаю, я замешиваю хлеб», так как в фольклоре беременных очень распространенными являются былички о рождении ребенка, у которого ноги были только до колен, напоминавших, в свою очередь, сжатые кулаки (как месила хлеб его мать) [Пимпирева 1995: 48].

Как мы видим, к лексемам *нишан* и *белег* и их дериватам в контексте этих верований добавляются грецизмы *симьосан*, *симьонест*, *симьосвам*, т.е. «меченый», «метить» (в Странджe Сретение носит название *св. Богородица Симьонеста* [Странджа: 320]). В Греции в день св. Симеона беременные строго соблюдают запреты на домашнюю работу, особенно на все, связанное с режущими и колющими предметами, – иначе ребенок будет «меченый», от греч. σημειωνω 'метить' [Megas 1958: 57]. Очевидно, болгарские представления сформировались под влиянием

[8] В других европейских традициях пятна называются «клубничными», их появление связывается с тем, что беременная ела слишком много клубники или, наоборот, хотела поесть ягод, но не могла [Belmont 1971; Wilson 1993].

inslav

греческих, где народная этимология имени святого (*Симеон*) вызвала развитие системы запретов.

Рождение ребенка с аномалиями – знак для всего села, это тоже *нишан* или *белег,* но уже «предзнаменование» (ср. макед. «Если ребенок родится без руки или еще чего-нибудь, – это *нишан*, в семье будет несчастье») [Цепенков 1972: 11]. Материальным знакам в традиционной культуре придается огромное значение. Это подтверждает материал, опубликованный в диалектных словарях. Так, к слову *мишен* в Родопском словаре дается следующий комментарий: «Вчера много звезд это падало, это плохая *примета*» [БД 2: 200]. В описании странджанского говора к *лишен* дается такой небольшой текст: «В этом году был дан нам *знак*: корова отелилась теленком с двумя головами. Видно, кто-нибудь из нас умрет» [БД 1: 106-107].

Нишан в определенной степени сближается с 'удачей' (в том числе и в замужестве – болг. *късмет*) и с 'судьбой' (ср. девичьи гадания со знаками). У сербов семантика слова *белег* включает в себя и 'судьба, рок, фатум': «Немој бежати од своје белеге», т. е. «От судьбы не убежишь» [РСКНЈ: 436], увеличивая таким образом синонимический ряд балканизмов с этим значением.

Темпоральные характеристики. Комплекс поверий о появлении младенца на свет (иногда и зачатии, крещении) в *субботу* и во *вторник* следует также рассматривать как балканизм. представления об особом статусе рожденных в субботу[9] встречаются у славянских и неславянских народов балкан (арумын, албанцев, греков и греческих киприотов)[10]. «Субботним» детям приписываются сверхъестественные способности.

---

[9] Рожденные в субботу именуются дериватами от общеславянской основы греческого происхождения: *съботник* (*саботник* [Котова 2002, 211; БД 9, 318, Врач.]), *събутник*, *съботниче*, *съботничав* [Капанци: 171], *суботник*, *суботан* [Требјешанин 200 83], σαββατιανοι [греч.] и др.

[10] На греческом о. Скирос рожденный в субботу обладает даром провидения, кроме того, считается, что его молитвы достигают Бога, поэтому к «субботнему» часто обращаются с просьбами (собств. зап. 2004. Инф. Евфросинья Панери, 1958 г. р. с. Молос.). Греческие пословицы и фразеологизмы характеризуют неудачника, дурного

instav

Доминирующим в этих поверьях и оказывающим на них самое сильное влияние является восприятие субботы как дня мертвых, последнего и несчастливого дня, отчасти дня нечистого, подобного святкам («нечистым дням»). Суббота – *мъртвешки, мъртъвски, мртвачки ден/ дан* и т. д. «мертвый день» [Равна; РКС 219, Троян; БМ 349-350; ДИОС Шипково; СЕЗб 24/1939, 410]. Суббота оказывается маркированной и в представлениях о нечистой силе: так, по болгарским поверьям, вампир неподвижен только в этот день, а по сербским – именно в субботу активизируются все демоны [Раденковић 1996: 172]. Защищенность «субботних» объясняется тем, что нечистая сила охраняет их день рождения (серб.) [Требјешанин 2000: 83], у болгар же – тем, что их охраняет девять сестер (явно демонического происхождения).

«Субботнему» человеку на Балканах приписывается множество характеристик, которые варьируют от положительных до отрицательных и нередко снимают традиционные оппозиции: хороший/ плохой; счастливый/ несчастливый; здоровый/ больной; живой/ мертвый; человеческое/ демоническое; культурное/ природное и пр. Статус рожденного в субботу зависит от тех способностей, которыми его наделяют согласно местной традиции, и может быть полярным – от восприятия его как демона, как обычного «профессионала» или почти как святого. Такой человек обладает даром оборотничества – может превращаться в змея [БМ: 349-350], а сербы верят, что рожденная в субботу девочка станет вештицей [Раденковић 1996: 172]. От ярко выраженных демонических свойств до обычных человеческих «слабостей» – таков набор характеристик «субботних» людей.

«Субботний» человек обладает особым зрением и слухом – только он может распознать нечистую силу (собственно упоминаются почти все балканские мифические

человека как «рожденного в субботу». (За эту информацию благодарю проф. Д. Ф. Яламаса.) В греческой части Кипра верят, что «субботний» младенец обладает исключительным, сверхъестественным везеньем (собств. зап. 2001. Инф. М. Куклиотис, 1948 г. р., с. Тала, Пафос).

inslav

персонажи: *вампир*, *караконджол*, *плтеника*, *таласм*, *самодиви*, *орисници* (*реченици*), *дракос* и др.), колдунов и ведьм [БМ: 349-350] и увидеть персонифицированные болезни (чуму, оспу, рожу [СбНУ 1982/7] и др.). Его защита может распространяться не только на один дом, но и на все село, хотя бы благодаря тому, что в дом (село), где есть «субботние» нечистая сила и болезни не заходят (ср. «чума не зашла лишь в тот дом, где в семье было два «субботних» [РКС 108]).

Память о, особом статусе «субботних» рождении фигурирует во множестве рассказов. Так, былички повествуют о встрече «субботних» с нечистой силой, об их способности видеть то, что другим не видно (ср., например, записанные А. А. Плотниковой в Заглавке (Сербия) рассказы о человеке, которому все время ночью что-то мерещилось, – потому, что он рожден в субботу [Плотникова 2002: 143]). Широко распространены балканославянские поверья (и былички), что только рожденным в субботу (и еще ряду персонажей — детям вампиров или появившимся на свет после смерти отца) под силу уничтожить вредоносных демонов, особенно вампиров (в том числе и в Греции [Abbot 1969: 221]).

Согласно другому комплексу представлений, «субботние» дети несчастливы (Шумадия, сев.-вост. Болгария и др.): не живут долго (макед.), болезненны (сербск., макед. [СЕЗб 24/1939: 410]), беспокойны, по ночам их мучают кошмары (им снятся змеи и покойники [Стоянов 1970: 150]), они могут беседовать с умершими, им мерещатся оборотни (Бессарабия) нередко они становятся пьяницами (юг Болгарии). После смерти, подобно некрещеным, зачатые или крещеные в субботу дети становятся демонами (*устрели*, Странджа), они могут превращаться в змеев. Это уже не герои, а мученики, страдальцы, жертвы, поэтому родителям следует выполнять ритуалы (например, обязательно стирать по субботам одежду ребенка до достижения им семилетнего возраста и др.), призванные уберечь ребенка от обозначенного ему субботним рождением жизненного сценария. Муж и жена воздерживаются от

inslav

контактов, чтобы не родился «субботник», который обречен всю жизнь видеть змеев и вампиров [БНМ: 396].

Субботнее рождение «синонимично» другим значимым компонентам родинной обрядности и ритуалам, связанным с воспитанием детей [Цивьян 1982]. Так, много параллелей (недобрый глаз, недолговечность и пр.), можно провести между «субботним» человеком и тем, кто родился во вторник (об идентичности восприятия на Балканах вторника и субботы см.: [Раденковић 1996, 172-173; Толстая 1996; Толстая 1999; Седакова 2002]).

Л. Раденкович связывает негативную трактовку вторника с *другим* (*вторым*), с возвращением назад, с повтором (т.е. здесь важна внутренняя форма слова) и соответственно с хтоническим миром, с миром мертвых [Раденковић 1996]. Интересно, что отрицательно воспринимается вторник у албанцев и у турок [Elsie: 254], однако о возможности народной этимологизации вторника в этих случаях говорить не приходится. У болгар и у восточных сербов рождение во вторник рассматривается как несчастливое [Стоянов 1970, 150], оно предвещает раннюю смерть, тяжелую жизнь, сиротство [Гунев 1992, 309; РКС, Новоселци, Софийско]. Верят, что рожденные во вторник будут всю жизнь болеть [Пир.кр.: 382], они не живут долго [Лов. кр.: 412]. О несчастливом человеке говорят *Родил се е на черен/църн/арждаф вторник* [ДИОС Стакевци]. В Груже (Шумадия) полагают, что неудачлив будет тот ребенок, что родился в девятый по счету вторник после Рождества [СЕЗб 1948/58: 256]. Термином *(в)торничъв човек* обозначается у болгар диаспоры человек, появившийся на свет во вторник, он будет непостоянным, как и его счастье [СбНУ 1914/29, 109, Бессарабия,]. В Сврлиге рожденные во вторник подобны рожденным в субботу – они наделяются сверхъестественными способностями, могут видеть различных демонов, им не могут напакостить *вештици* [Васић 1995, 99]. Подобные представления описывает Е. Крыстева-Благоева, отмечая, что таким детям дают имена «сильных» святых, чтобы обеспечить им сильное покровительство свыше [Кръстева-Благоева 1999: 76-77].

inslav

Признаки и свойства. В родинной обрядности болгар *второй,* как можно судить из интерпретации *вторника*, кроме своих прямых и метафорических значений, получает регулярные более широкие символические коннотации. *Второй* включается в характеристику состояния ('вдовство') и лица ('сирота'), что составляет особенно разработанную тему в болгарской традиции. Вдовство, утрата супруга воспринимается как потенциальный *второй* брак, сиротство – как вероятность приобретения *вторых* родителей (отчима, мачехи). Для *второго* в подобных контекстах важна проекция в будущее, перспектива.

В иерархической организации мира *второй* получает негативную оценку, если подразумевается исчезновение, уничтожение *первого*. Это распространяется на узловые моменты жизненного цикла, на обряды перехода, на пограничные периоды в жизни человека. Поэтому для исполнения ритуальных действий, а также на ключевые обрядовые роли выбираются только люди, состоящие в *первом* браке, а дети – имеющие и мать, и отца (а не мачеху или отчима – т.е. *вторых* родителей). *Первое* акцентируется в обрядах, направленных на благополучное будущее: в ритуалах свадебного комплекса рекомендуется отсекать деревце с *первого* удара, чтобы у жениха и невесты не было *второго* брака [Родопи 1994, 211]. Чтобы в новом доме не было повторных браков, при первом вхождении в него стараются разжечь огонь в очаге *первой* веточкой и т. д.

В контексте балканославянского восприятия *второго* следует рассматривать представления об опасности и нежелательности повторного кормления ребенка грудью, после того, как его уже отлучили от груди. Подобные запреты и поверья фиксируются у многих славян и других народов Балкан[11] и шире – Европы, однако у болгар отмеченные

[11] Ср. материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани) в записи Т. и В. Зайковских: дважды отлученный от груди ребенок именуется о δευτεροβυζαγμέν (букв. 'покормленный грудью во второй раз'). Считается, что такой ребенок может сглазить γκρμνάει – букв.

insta

запреты до сих пор соблюдаются в болгарских селах: по словам информатора, повторно давать ребенку грудь (*поврачане на сису*) – это «великое зло», «грех» [ДИОС Стакевци]. В с. Равна бытует выражение *То не става да се повтаря* («Повторять не годится»), там же записана быличка о том, что один человек сглазил маленькую девочку и она «онемела» на всю жизнь. Впоследствии родственники девочки вспомнили, что сглазивший был «повторенным» (*той е просукал, повторил да сучи* «ему вновь дали грудь после отлучения») [Равна 1997]. Запрет давать ребенку повторно грудь строго соблюдается и в других регионах Болгарии [Соболев 2001, 272].

В терминах такого «повторенного» ребенка акцентируется представление о *втором*, о повторе (*повторено дете*, *повтаран*, *повтарана* [Геров 4: 66], *повторан* [БЕР 1: 197], *повторак*, *повтораче* [Пл. кр.: 218]; *повтарак* [ИСД: 143, с. Гега, Петричская общ., зап. Е. С. Узеневой] и др.) или о 'возврате' к пройденному этапу (болг. *повратениче* [БЕР 5: 41], серб. *повратњак* [Требјешанин 2000: 131], *повртеник* [Живковић 1987], *поврчан на сису* [Крстић 1997: 123]). Повтор осмысляется как *второе* вхождение, возвращение в исходный статус (в данном случае грудного ребенка), что, согласно архаической системе взглядов, является недопустимым. Пейоративная лексика отражает отношение к таким людям (в частности, упоминавшийся выше в другом контексте термин *пурдотин* [БНМ: 315]).

Человек «повторенный», как и рожденный в субботу, получает особый статус в социальной среде. Таких людей знают в селе, от них прячут детей и приплод скота. Они не могут быть лазарками, сурвакарами, колядчиками и полазниками [БНМ: 315] или выступать в роли сватов [БМ: 269]. Если «повторила грудь» девочка, когда она вырастет, ей не разрешается заплетать и расплетать косу на свадьбе, замешивать свадебный хлеб, вить венки, выпекать хлеб для новорожденного и др. [СбНУ 1954/48, 379]. При первом

'разрушает, уничтожает' [ИСД, 172]. По сообщению К. А. Пономарченко, в Южной Греции (острова Родос и Карпатос) подобных верований не зафиксировано [там же, 192].

instav

засеве и в некоторых других обрядовых ситуациях стараются избегать встреч с людьми «повторенными» – от сглаза [Родопи: 211; Соболев 2001, 380].

Возврат к грудному молоку, восстановление разорванной связи с матерью может иметь следующие последствия для ребенка: 1). он подвергает опасности окружающих или 2). сам подвергается опасности. На территории Болгарии явно доминируют представления о том, что от «повторенных» людей исходит опасность. В Пиринском крае и во многих других областях Болгарии (а также Черногории, Герцеговины, Боснии, Македонии) полагают, что у них будет дурной, «сильный» глаз [Капанци: 295] (*зареклив човек ке стане* [ИСД, 143, с. Гега, Петричская общ., зап. Е. С. Узеневой]), они способны урочить людей и скотину [Пир. кр., 387], причем этот – сглаз самый сильный [Ангелова 1948, 290]. Если не прочитать над пострадавшими заговоры, у них будет болеть голова, поднимется температура, их будет тошнить, они могут умереть. Рупцы избавляются от такого сглаза следующим образом: пострадавший должен съесть кусок хлеба, на который плюнул сглазивший (Странджа). В Македонии считается, что «повторенный» будет опасен не только своим взглядом, но и словом («у него будет поганый глаз и поганый язык» [Китевски 1996, 181]). Во многих регионах верят, что в «повторенных» вселяется нечистый [РКС 83; Равна 1997].

Согласно родопским поверьям, младенец, вернувшийся к грудному вскармливанию после отлучения, станет неудачником, вором [Илиев 1973, 131], будет злобным, лживым, непостоянным [РКС 99]. В некоторых селах убеждены, что его ожидает *второй* брак или он останется сиротой [РКС 219]. Проклятья матери, если они направлены на ребенка-*повторниче,* обязательно сбываются [РКС 283].

Итак, *день* рождения (суббота, вторник) и нарушение запретов (повторное кормление грудью отлученного ребенка) в балканославянских представлениях имеют

inslav

идентичные последствия и служат взаимозаменимыми признаками.

Кроме отмеченных в докладе компонентах в болгарских родинах, следует хотя бы упомянуть о балканских демонах судьбы («мойры»: *орисници*, *одурисници*, *речници*, *судениці* и др.), об особом почитании Богородицы (представления о ее присутствии в момент появления ребенка), о выпекании ритуального хлеба и его раздаче при знаковых этапах развития ребенка (отлучении младенца от груди), а также об обрядовом комплексе по случаю первых шагов ребенка (подробнее см. [Седакова 1994, 1996, 2001]).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ангелова 1948 – *Р. Ангелова.* Село Радуил. Народопис и говор // Известия на семинара по славянска филология при Университета в София. София, 1948. Т. 8-9.

БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971-2002. Т. 1-6.

БД – Българска диалектология. Материали и проучвания. София. Т. 1-, 1962-.

БМ – Българска митология. Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 1994.

БНМ – Българска народна медицина. Енциклопедия. София, 1999.

Вайганд 1926 – *Г. Вайганд.* Българските собствени имена. Произход и значението. София.

Вакарелски 1956 – *Хр. Вакарелски.* Принос към проучване традиционния бит и традиционната култура на Панагюрско // Панагюрище и Панагюрско. София, 1956. Т. 2.

Васић 1995 – *Л. Т.Васић* Обичаји о рођењу детета у Сврљигу // Етнокултуролошки зборник. Сврљиг, 1995. Књ. 1.

Вачева-Хотева, Керемидчиева 2000 – *М. Вачева-Хотева, С. Керемидчиева.* Говорът на село Зарово, Солунско. София, 2000.

Влахов 1999 – *С. Влахов.* Енциклопедичен речник от Авгий до Яфет. Чужди собствени имена в езиковия свят на българите. София, 1999.

Гальковский 2000 – *Н.М. Гальковский.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000 (репринт).

Геров – *Н. Геров.* Речник на българския език. София, 1975-1978. Т. 1-6.

Грковић 1977 – *М. Грковић.* Речник личних имена код Срба. Београд.

Даскалова-Желязкова 1989 – *Н. Даскалова-Желязкова.* Кариоти. София.

ДИОС – материалы, собранные автором в составе экспедиций болгарского общества ДИОС (с. Шипково, Троянская обл. – 2000 г.; с. Стакевци, Белоградчишская обл. – 2001 г.).

inslav

Добруджа – Добруджа. [Етнографски, фолклорни и езикови проучвания]. София, 1974.
Живковић 1987 – *Н. Живковић.* Речник Пиротског говора. Пирот, 1987.
ЕБ – Етнография на България. София, 1985. Т. 3.
Заимов 1988 – *Й. Заимов.* Български именник. София, 1988.
ИДР – Идеографски диалектен речник. (Архив хранится в Софийском университете им. св. Климента Охридского, Болгария.)
Илиев 1973 – *Ч.Илиев.* Село Забърдо. История, бит, народно творчество. София, 1973.
Илчев 1969 – *Ст. Илчев.* Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.
ИСД – Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001.
Капанци – Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. [Етнографски и езикови проучвания]. София, 1985.
Кирсово 1983 – Полевые материалы, собранные в 1983 г. в с. Кирсово, Комратский район, Молдавия.
Китевски 1996 – *М. Китевски.* Обичаји и верувања поврзани со раѓањето и првите денови од животот на детето // *Китевски М.* Истражувања на македонскиот фолклор. Скопје, 1996.
Ковачев 1995 – *Н. Ковачев.* Честотно-етимологичен речник на личните имена. Велико Търново.
Котова 2002 – *Н.В.Котова.* Горно поле. Дупнишко. Речник. 1960-2000. София, 2002.
Кръстева-Благоева 1999 – *Е.Кръстева-Благоева.* Личното име в българската традиция. София, 1999.
Кръстева-Благоева 1999а – *Е. Кръстева-Благоева.* Съвременни аспекти на именуването в Северозападна България // Българская етнология. София, 1999. Год. XXV, № 1-2.
Крстић 1997 – *Д.Крстић.* Обичаји и веровања око рођења у селу Ошљане // Развитак. Зајечар, 1997. Год. XXXVII. Бр. 198-199.
Лов. кр. – Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999.
МБТР – Български тълковен речник с оглед към народните говори / Стъкми Ст. Младенов. София, 1951. Т. 1.
Пимпирева – *Ж. Пимпирева.* Каракачаните в България. София, 1995.
Пл. кр. – Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1986ю
Плотникова 2002 – *А. А. Плотникова.* «Видимая» и «невидимая» нечистая сила: мифологические образы у балканских славян // Признаковое пространство культуры. М., 2002.
Пир. кр. – Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.
Равна 1997 – Материалы, собранные автором в болгарском селе Равна, Провадия, Варненская обл. по программе Малого диалектного атласа балканских языков.

inslav

Раденковић 1996 – *Љ. Раденковић.* Народна бајања код Јужних Словена. Београд, 1996.
РКС – Архив Ст. Романского (хранится в Софийском Университете им. Климента Охридского, Болгария).
РМЈ – Речник на македонскиот јазик. Т. 1-3. Скопје, 1961.
Родопи – Родопи. Традиционна народна духовна култура и социално-нормативна култура. София, 1984.
РСКНЈ – Речник народног српскохрватског књижевног и народног језика . Београд, 1959-. Вып. 1-.
Сакар – Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване. София, 2002.
СбНУ – Сборник за народни умотворения. София.
Седакова 1994 – *И.А.Седакова.* Славянобалканские демоны судьбы: Трансформации во времени и в пространстве// Время в пространстве Балкан. М., 1994.
Седакова 1996 – *И.А.Седакова.* Первые шаги ребенка: магия и мифология ходьбы (славяно-балканские параллели) // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
Седакова 1997 – *И. А. Седакова.* Регламентация поведения беременной: еда и питье // Кодови словенских култура. Београд, 1997.
Седакова 2001 – *И.А.Седакова.* Культ Богородицы в болгарских родинах // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001.
Седакова 2002 – *И.А,Седакова.* Семантика и символика *второго* у болгар (с некоторыми славянскими параллелями) // Признаковое пространство культуры. М., 2002.
Седакова 2003 – *И.А.Седакова.* Имянаречение у болгар: балканская перспектива // Актуальные вопросы балканского языкознания. СПб., 2003.
СЕЗб – Српски етнографски зборник. Београд. 1884-.
Словарь 1980 – Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. К. М., 1980.
Словарь 1986 – Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. Н. М., 1986.
Соболев 2001 – *Соболев А. Н.* Болгарский широколыкский говор. Синтаксис. Лексика духовной культуры. Тексты. Марбург, 2001.
Станкова 1992 – *Л. Станкова.* Речник на личните имина кај македонците. Скопје.
РКС – Ръкописния фонд на Катедрата по славянско езикознание и етнография. Хранится в Библиотеке Софийского Университета им. Св. Кл. Охридского.
Стоянов 1970 – *Стоянов Ст.* Макоцево. История, бит и фолклор. София, 1970.
Странджа – Странджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания на България. София, 1996.
Толстая 1996 – *С.М.Толстая.* Вторник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. Москва, 1996.

inslav

Толстая 1999 – *С.М.Толстая.* Два // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Москва, 1999.
Толстая 2001 – *С. М. Толстая.* «Ономастическая магия» в славянской народной традиции // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Часть 2. М., 2001.
Толстой, Толстая 1998 – *Н. И. Толстой* и *С. М. Толстая.* Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998.
Требјешанин 2000 – *Ж.Требјешанин.* Представи о детету у српској култури. Београд, 2000.
Фасмер – *М.Фасмер.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М., 1986-1987.
Цепенков 1972 – *М.Цепенков М.* Македонски народни умотворби. Скопје, 1972.
Цивьян 1982 – *Цивьян Т.В.* Пространство и время в балканских охранительных обрядах, связанных с рождением ребенка // Македонски фолклор. Скопје, 1982. Т. 29-30.
Цыхун 1998 – *Г. Цыхун.* З балгарска-беларускіх моўных паралеляў // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. М., 1998. Т. 1.

Abbot 1969 – *G.F/Abbot.* Macedonian Folklore. Chicago, 1969.
Belmont 1971 – *N. Belmont.* Les signes de la naissance. Paris, 1971.
Elsie 2001 – *R.Elsie.* A Dictionary of Albanian Religion, Mythology and Folk Culture. By. London: C.Hurst and Co. 2001.
MacDermott 1998 – *M. MacDermott.* Bulgarian Folk Customs. London, 1998.
Megas 1958 – *G. A. Megas.* Greek Calendar Customs. Athens, 1958.
Wilson 1993 – *D.Wilson.* Signs and Portents: Monstrous Birth from the Middle Ages to the Enlightenment. New York, 1993.

Irina Sedakova

Balkanisms in South Slavic Childbirth customs

SUMMARY

South Slavic Childbirth customs are regarded in the paper as a folklore-ethnographic and language complex of a multiple origin. The structure of the birth-lore includes common Slavic (and broader – Indo-European) features, as well as typical Balkan components – archaic, medieval and new. Balkanisms in this context are the features we rather find in the Balkans, not in the East and West Slavic traditions. Sometimes we do

inslav

find these details in non-Balkan Slavic ritual complexes, but their semantics, pragmatics and functions are different.

The Balkanisms as non-Slavic elements of the birth-lore are mostly evident in the vocabulary. I mean the terminology of Turkish (Arabian) origin, which had penetrated into the lexical systems of the Balkan Language Union during the Ottoman Empire. There are also archaic borrowings in the South Slavic terminology which are known in non-Slavic Balkan languages, but the language-donator is not always defined. Some terms equally used by the South Slavs and other Balkan peoples are borrowed from the Greek, Romanian, or Albanian languages.

We discover Balkan ethnographic units in the South Slavic child-lore: baking bread in the day of the delivery; usage of special names for the baby before baptism; narratives on the Fates (*orisnitsi*, who grant a fate to the newborn, specific demons of labour illnesses), unique interpretation of the calendar feasts and corresponding pregnancy-lore, etc. Giving a name to the baby is a typical Balkan ritual and mental act of great importance. The concept of the proper name and its continuity, the set of names in all the Balkan languages are very much the same.

Childbirth customs as a ritual unity have a multilevel structure. It includes such spheres of folk knowledge, religion and beliefs as demonology, popular medicine, day-to-day mythological practice and folklore texts. Most of the components in their dialectal multitude give an idea of Balkan presence in the South-Slavic rites.

inslav

Н. В. Серпикова

СЕМАНТИКА ОБЩЕБАЛКАНСКОЙ ФОРМЫ ПЕРФЕКТА С ГЛАГОЛОМ «ИМАМ» В БОЛГАРСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ*

Как известно, в балканских языках перфект образуется при помощи вспомогательного глагола «иметь». Это относится к таким языкам, как албанский, македонский, новогреческий, румынский, хотя в новогреческом и македонском языках в отдельных случаях перфект может быть образован и при помощи вспомогательного глагола «быть».

В болгарском языке перфект образуется при помощи глагола «быть», что отличает его от других балканских языков. Ср.: макед. *Јас имам читано статии*, болг. *Чел съм статии* «Я прочитал статьи». Однако в болгарском языке существуют и перфектные конструкции с глаголом «иметь», основное значение которых не просто результат действия, а его принадлежность субъекту действия. Это так называемый посессивный перфект, семантические особенности которого и являются объектом нашего изучения.

Посессивный перфект – это одно из средств выражения категории посессивности. Значение категории посессивности – определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету, то есть относительная номинация. Согласно принятой в настоящее время большинством исследователей точке зрения, в понятие категории посессивности входят отношения как субъектной (посессор = лицо), так и предметной (вещественной) принадлежности. Посессивные отношения выражаются в языке при помощи разнообразных средств. В славяно-балканском языкознании круг вопросов, связанных с функционированием посессивной категории, осве-

---

* Статья написана при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» (проект «Структура и лингвистическая организация славянского текста в синхронии и диахронии»).

inslav

щается в работах А. В. Бондарко, А. В. Головачевой, Т. В. Гончаровой, Вяч. Вс. Иванова, К. Г. Чинчлей, Р. Зимека и др.

В болгарском языке существует несколько способов выражения посессивности: лексико-грамматический (посессивность выражается при помощи притяжательных и возвратно-притяжательных прилагательных), например, *негов брат* «его брат»; словообразовательный (посессивность выражается при помощи суффиксов и префиксов), например, *майчин* «мамин/материн»; морфологический (в большинстве славянских языков посессивность выражается при помощи форм родительного и дательного падежей, а в болгарском языке падежные формы сохранились только у местоимений и употребляются редко, поэтому падежные отношения выражаются при помощи предлогов), например, *кучето на съсед(а)* – «собака соседа»; синтаксический (конструкции с именами существительными и прилагательными, конструкции с местоимениями, конструкции с различными предлогами, глагольные конструкции), например, *чаша вино* «бокал вина», *ще му откъснат главата* «ему оторвут голову», *ние имаме собствено мнение* «у нас есть/мы имеем собственное мнение», *високи на ръст баскетболисти* «баскетболисты высокого роста» и т.п.

Синтаксические конструкции, выражающие посессивность, весьма многочисленны, но особо интересен такой синтаксический способ, как посессивный перфект. В болгарском языке посессивный перфект изучен мало; существует лишь несколько работ, в которых анализируется данная конструкция [Маслов 1949, 1984; Георгиев 1957; Пенчев 1968; Категория… 1989]. Посессивный перфект в болгарском языке представляет собой сочетание глагола «имам» с пассивным причастием прошедшего времени на -н-/-т- и именем объекта обладания в общем падеже или – в случае личного местоимения – в винительном падеже. Общее значение посессивных, причем не только болгарских, конструкций – состояние в настоящем, являющееся результатом действия, совершив-

inslav

шегося в прошлом; посессивность означает принадлежность этого состояния (результата действия) субъекту действия; действие принадлежит субъекту, находится в его владении.

В болгарском языке посессивный перфект встречается в диалектах, главным образом юго-западных, в разговорном языке, а также в официально-деловом (канцелярском) стиле литературного болгарского языка. Исследователи говорят об ограниченном употреблении данной конструкции в литературном болгарском языке, приводя редкие примеры из произведений Х. Ботева, И. Вазова, Зах. Стоянова.

Более активно данная конструкция («имам + прич. на -н-/-т-») используется в письменном научном и канцелярском стиле. Еще болгарский исследователь В. Георгиев приводил много примеров из научных работ, канцелярских записей и устной разговорной речи [Георгиев 1957]. При этом в болгарском языке посессивный перфект образуется только с помощью причастий от переходных глаголов, и эти причастия в большинстве случаев согласуются с именем объекта: *Ние имаме допуснати много грешки* «У нас допущено много ошибок»; *Аз ги (песните) също имам записани* «У меня тоже они (песни) записаны (я записал)»; *Аз имам приготвени лекции до 1948 г.* «У меня были готовы (я приготовил) лекции до 1948 г.»; *Имам изготвен един широк план* «У меня выработан (я выработал) подробный план» и т. п. [примеры В. Георгиева].

По мнению В. Георгиева, в подобных конструкциях болгарского языка часто еще ощущается собственное лексическое значение глагола «имам». В сочетании значений достигнутого результата и принадлежности этого результата субъекту действия и создается характерная семантика конструкции, называемой посессивным перфектом.

Конструкции с посессивным перфектом встречаются и в публицистических текстах, соединяющих в себе, как известно, элементы разговорного, литературно-художественного, научного и делового стилей. Как правило, это тексты, написанные в жанре хроники событий, отчетов о

inslav

проделанной работе, достижениях в самых разнообразных областях (от спорта до международных отношений); в них содержится рассказ о результате какого-либо действия, какой-либо выполненной работы и затрагиваются проблемы спорта, культуры, экономики, политики и пр. Приведем ряд примеров, взятых из газетных и журнальных статей на разные темы.

Бизнес, экономика: *Видинската фирма има сключени договори за изработване на повече от два милиона броя луксозни мъжки ризи – досл.* «Фирма города Видин имеет заключенные договоры на изготовление более чем двух миллионов мужских рубашек современных моделей».

Финансы: *Чужди кредитни институции имат направени поръчки в американските банки – досл.* «Иностранные кредитные компании имеют сделанные заказы (сделали заказы) в американских банках».

Медицина: *Проектът има забранени за употреба в хуманитарната и ветеринарната медицина 61 растения и вещества... – досл.* «В данном проекте запрещено использование 61 наименования растений и лекарственных веществ при лечении как людей, так и животных…».

Сельское хозяйство: *Те нямат изработени средства за борба с тях (с канадските бръмбари) – досл.* «У них не разработаны методы борьбы с ними (с канадскими жуками)».

Спорт: *Отборът на Гриша Ганчев също няма* (отрицательная принадлежность) *установена политика по отношение на екипировката* – «У команды Гриши Ганчева еще нет определенной политики в отношении экипировки».

Культура: *Аз имам направени предложения от името на театъра... (тя) се отказва* – «Я сделал ряд предложений от имени театра… (она) отказывается»; *Групата журналисти, режисьори и тонрежисьори... все още нямат подновени договори* – «У группы журналистов, режиссеров и звукорежиссеров еще не продлены договоры».

inslav

Некоторые болгарские конструкции с посессивным перфектом вне контекста могут пониматься двояко. Одним из первых на этот факт обратил внимание болгарский исследователь Й. Пенчев [Пенчев 1968]; в его статье приводится и комментируется следующий пример:

а) *Той има изорани две ниви* «У него вспаханы два поля». = *Той е изорал две ниви* «Он вспахал два поля»;

б) *Той има изорани две ниви.* = *Той има две ниви, които са му изорани* «У него есть два поля, которые вспаханы для него».

Анализ современного материала показывает, что подобных примеров довольно много. Так, по-разному можно трактовать следующую конструкцию:

а) *(той) Има отпечатани две статии* «У него напечатаны две статьи». = *Той е отпечатал две статии* «Он сам напечатал две статьи»;

б) *(той) Има отпечатани две статии.* = *Той има две статии, които са отпечатани* «У него есть две напечатанные им или кем-то статьи».

Приведем еще один пример:

а) *В таблици 6 и 7 имаме включени данни за фирмите...* «В таблицах 6 и 7 у нас включены данные фирм...». = *В таблици 6 и 7 сме включили данни за фирмите...* «В таблицы 6 и 7 мы включили данные фирм...»;

б) *В таблици 6 и 7 имаме включени данни за фирмите...* = *В таблици 6 и 7 имаме данни за фирмите..., които са включени от някой* «В таблицах 6 и 7 у нас есть данные фирм, которые включены в таблицы кем-то (не нами самими)».

Итак, вне контекста приведенные выше примеры воспринимаются и как предложения, в состав которых входит перфектная конструкция с посессивным значением, и как предложения с конструкциями «имам + имя существительное», которые имеют посессивное значение, но не обладают значением перфекта. Кроме того, в данных примерах возможно изменение порядка слов: *има изорани две ниви – има две ниви изорани; има отпечатани две*

inslav

статии – има две статии отпечатани; имаме включени данни... – имаме данни... включени. Однако имеющийся в нашем распоряжении языковой материал свидетельствует о том, что это возможно далеко не во всех случаях. Рассмотрим следующие примеры:

1. *При извършения оглед на трупа нямаме констатирани данни за насилие* «При окончательном осмотре трупа мы не обнаружили следов насильственной смерти»;

2. *За нито един от тези хора, родени преди началото на 1899 г., службата няма получени смъртни актове* «Служба не получила ни одного свидетельства о смерти людей, рожденных до 1899 года».

В примерах 1 и 2 рассматриваемые в данной работе конструкции выражают отрицательную принадлежность («нямам + причастие на -н-/-т- + имя объекта обладания»). От предыдущих примеров они отличаются еще и тем, что в них невозможно поменять местами причастие на -н-/-т- и имя объекта обладания, так как при этом каждое из данных предложений не просто меняет свой смысл, а теряет его. Это связано в первую очередь как с семантикой, так и с лексической сочетаемостью компонентов конструкции «нямам + причастие на -н-/-т- + имя объекта обладания»:

1....*нямаме констатирани данни за насилие – ...нямаме данни за насилие констатирани* (невозможно) или *нямаме данни констатирани за насилие* (невозможно);

2....*няма получени смъртни актове – няма смъртни актове получени* (невозможно).

Кроме того, в этих примерах причастия *констатирани* и *получени* образованы от глаголов, выражающих действия субъекта (или посессора); иной трактовки быть не может:

1. *При извършения оглед на трупа нямаме констатирани данни за насилие.* – «При окончательном осмотре трупа мы не обнаружили следов насильственной смерти», то есть «мы осматривали труп, следовательно, обнаружить или не обнаружить что-либо могли только мы, и никто другой».

inslav

2. *За нито един от тези хора, родени преди началото на 1899 г., службата няма получени смъртни актове.* – «Служба не получила ни одного свидетельства о смерти людей, рожденных до 1899 года» (функция службы состоит в получении или, как в данном случае, неполучении свидетельств о смерти, то есть свидетельства о смерти получает сама служба, а не кто-либо другой).

Собранный материал свидетельствует о том, что не все конструкции типа «имам + причастие на -н-/-т- + имя объекта в винительном или общем падеже» имеют значение посессивности, ср.:

3. *...жителите на съседни сгради имат счупени прозорци* – досл. «...жители соседних домов имеют разбитые окна»;

4. *...предприятието има завоювани позиции на пазарите в редица европейски страни* – досл. «...предприятие имеет завоеванные позиции на рынках в ряде европейских стран».

Анализируя пример 3 с точки зрения семантики, можно убедиться в том, что в данном контексте нет результата, принадлежащего субъекту действия: состояние в настоящем, выраженное причастием *счупени,* не является результатом действия, совершенного субъектом, выраженным существительным *жителите* (не сами жители разбили окна). Анализ примера 4 показывает, что состояние в настоящем, выраженное причастием *завоювани*, является результатом действия, совершенного субъектом, выраженным существительным *предприятието* (предприятие само завоевало позиции на рынках в ряде европейских стран).

Помимо этого, не все причастия на -н-/-т- образуют конструкции со значением посессивности, так как не все они, сочетаясь с глаголом *имам*, обладают значением результата действия, совершенного субъектом. Иначе говоря, не во всех конструкциях типа «имам + причастие на -н-/-т- + имя объекта в винительном или общем падеже» действие принадлежит субъекту, например: *Досега войниците ни имат скрити от политиката*

inslav

мотиви... «До сих пор у наших (болгарских) военных есть скрытые от политики мотивы...» (причастие *скрити* не означает результат действия субъекта, выраженного существительным *войниците*; это не посессивный перфект).

Причастия, регулярно входящие в состав посессивных конструкций, можно объединить в отдельные группы в зависимости от значений глаголов:

1) «разработать, создать, сделать» – *изработен, създаден, заведен, изграден, направен, съставен, сторен, проявен, заявен* (сочетаются с существительными – объектами обладания – *план, проект, книга, закон, бранд* «бренд», *схема, акт, грешка* «ошибка»);

2) «приготовить, подготовить» – *изготвен, приготвен, подготвен* (сочетаются с существительными *кадр, проект, закон, програма);*

3) «дать, предоставить, выделить» – *даден, спуснат, отпуснат, внесен, изпратен, посочен* (сочетаются с существительными *указания, средства, пари* «деньги»);

4) «распорядиться, указать, утвердить, выбрать» – *обявен, въведен, наложен, установен, регистриран, гласуван, избран, приет, заявен, взет, одобрен, поръчан* (сочетаются с существительными *проект, закон, кандидат, купувач* «покупатель»);

5) «писать, печатать» – *записан, подписан, написан, публикуван, отпечатан* (сочетаются с существительными, означающими названия различных документов или письменных жанров);

6) «отметить, заметить, выделить, обратить внимание» – *посочен, набелязан, отбелязан, забелязан* (сочетаются с существительными *кандидат, деец* «деятель», *посока* «направление», *програма, план);*

7) «наметить, запланировать» – *предвиден, уговорен, запланиран, набелязан* (сочетаются с существительными *исход* «выход», *план, резултат, прогрес*);

8) «хранить, копить, собирать, складывать» – *съсредоточен, събран, запазен, натрупан, сложен, приет* (сочетаются с существительными *свидетелство, документ, закон, материал*);

inslav

9) «добиться или не добиться чего-либо, прийти или не прийти к какому-либо результату» – *скриен, скрит, подновен, завоюван, зает, утвърден, прокаран, развит, отворен, докаран, завършен, издържан, развален, счупен, зачеркнат, изгубен* (сочетаются с существительными *позиция, изпит, решение, проект, закон, сделка*);

10) «приобрести, найти» – *купен, намерен* (сочетаются с существительными *акция, исход, решение*).

Если говорить об именах объектов обладания (имена существительные в винительном падеже), входящих в состав конструкций с посессивным перфектом, то прежде всего следует отметить, что таковыми являются неодушевленные имена существительные, которые обозначают названия различных документов или понятия, связанные с политической, научной, деловой сферами. Реже в роли объектов обладания выступают одушевленные существительные как единственного, так и множественного числа, например: *...вече имаме набелязани кандидати* «... у нас уже намечены кандидаты»; *На всяка секция имаме избран един редактор* «В каждом отделе у нас выбран редактор (в каждый отдел мы выбрали редактора)». Среди имен объектов обладания встречаются существительные, которые сочетаются в посессивных конструкциях только с определенными причастиями, то есть образуют устойчивые словосочетания, например:

- существительное *интерес* чаще всего сочетается с причастиями *проявен* «проявленный», *заявен* «заявленный», *изгубен* «потерянный», *забелязан* «потерянный»;

- существительное *решение* сочетается с причастиями *взето* «взятое, принятое», *прието* «принятое»;

- существительные *средства*, *пари* «деньги» сочетаются с причастиями *внесени* «внесенные», *отпуснати* «отпущенные, выделенные», *дадени* «данные», *изгубени* «потерянные», *запазени* «сохраненные» и т.п.

Таким образом, конструкция со вспомогательным глаголом «имам», встречающаяся во всех балканских языках, возможно, только в болгарском языке обладает ярко выраженной посессивной семантикой. Анализ

inslav

языкового материала показал также, что при определении синтаксической конструкции «имам + причастие на -н-/-т- + имя объекта обладания» как посессивной необходимо учитывать семантику ее компонентов, их лексическую сочетаемость, а также порядок слов.

ЛИТЕРАТУРА

Георгиев В. Възникване на нови сложни глаголни форми със спомагателен глагол ИМАМ // Известия на института за български език. София, 1957. Кн.7.

Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.

Маслов Ю. С. К вопросу о происхождении посессивного перфекта // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филологических наук. Вып. 14. Л., 1949.

Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

Пенчев Й. Конструкции с глагола ИМАМ // Славистичен сборник по случай VI Международен конгрес на славистите в Прага. София, 1968. Кн. 3.

ИСТОЧНИКИ

Демокрация. София, 1990. №№ 2, 4, 5.
Демокрация. София, 1996. №№ 2, 30, 56 – 67.
Икономика. София, 2002. №№ 6 – 10.
Икономическа мисъл. София, 2003. № 5.
Правна мисъл. София, 2003. № 2.
Сега. София, 1998. №№ 237, 238.
Труд. София, 1999. № 6.

Natalie V. Serpikova

La sémantique du parfait balkanique avec l'auxiliare *avoir* dans la presse écrite bulgare

RÉSUMÉ

Le parfait des langues balkaniques se forme le plus souvent avec l'auxiliaire «avoir»; à la différence de toutes ces langues, le parfait en bulgare se forme avec l'auxiliaire «être».

Cependant en bulgare il y a aussi les constructions avec l'auxiliaire «avoir» («avoir» + participe passé passif du perfectif + nom de l'objet possédé) dont les particularités sémantiques sont examinées dans cet article. Les constructions tirées de la presse écrite contemporaine sont choisies pour l'analyse. Le sens principal de ces constructions c'est non seulement le résultat de l'action, mais aussi l'appartenance de ce résultat au sujet de l'action (à l'agent) ou la possession.

inslav

L'article contient l'analyse sémantique de deux éléments de la construction possessive étudiée, ce sont:

- les substantives en role des objets possédés.

L'analyse des exemples concrets montre que:

- pas toutes les constructions avec l'auxiliaire «avoir» ayant le sens de la possession ont le sens du résultat;
- pas toutes les constructions pareilles ont le sens de la possession (c'est à dire, dans les constructions pareilles l'action et son résultat n' appartiennent pas au sujet de l'action);
- pour définir la construction du type "«avoir» + participe passé passif du perfectif + nom de l'objet possédé" comme possessive il est souvent nécessaire de prendre en considération non seulement la sémantique de ses éléments, mais aussi leur possibilité de la combinaison lexique et l'ordre des mots;
- probablement la construction avec l'auxiliaire «avoir» fréquente dans toutes les langues balkaniques n'a la sémantique possessive marquée qu'en bulgare.

inslav

С. А. Сиднева

РАСТЕНИЯ КАК ФИТОМОРФНАЯ ИПОСТАСЬ СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ
(на материале балканских народных сказок)

Живая природа, растения являются одной из основных составляющих традиционной картины мира, что подтверждается большим количеством фольклорных сюжетов, связанных с растениями, а также широким применением растений в обрядовых действиях. В сказке связь растительного мира и человека особенно ясно раскрывается в сюжетах, имеющих отношение к перевоплощению, когда сказочный персонаж (далее – СП) магическим образом меняет свой облик, и, в частности, изменяет свою первоначальную ипостась на фитоморфную.

Мы выделили несколько основных мотивов, в которых растения представлены в качестве фитоморфной ипостаси СП, используя балканский материал и учитывая те общие явления и свойства традиционной культуры, языка, менталитета, объединяющие между собой, например, греков, сербов, хорватов, албанцев.

Один из наиболее распространенных сказочных мотивов – *необыкновенное происхождение* из растения, которое может быть способом проявления мифологического статуса СП и дополнительно маркироваться *именем* персонажа.

В греческой сказке «Дафни»[1] бездетная женщина находит семечко от лаврового дерева, заворачивает его в пеленки и нянчит его, как если бы это был ее ребенок. Соседки выманивают женщину из дому, разворачивают пеленки и, обнаружив в них вместо ребенка лавровое семечко, выбрасывают его. Семечко попадает в царский сад и прорастает красивым деревом с густой кроной. Из дерева выходит прекрасная девушка и ест плоды с деревьев царского сада, пока ее не застает садовник и не рассказывает обо всем ца-

---

[1] Сказка взята из сборника: Dawkins. Forty-five stories from the Dodecanese. Cambridge, 1950.

inslav

ревичу. Тот дожидается момента, когда девушка уснет, целует ее и оставляет на ее груди розу[2], после чего Дафни (таково имя волшебной девушки, которое в переводе с греческого как раз и означает «лавр») не может снова вернуться в дерево.

В хорватской сказке «Куст розмарина»[3] встречаем аналогичный мотив чудесного рождения девушки по наговору: «Bili žena i čovjek i nemali dijece i išli su šetat. Našli bus rusmarina đe je procvatio i ona reče: "Bože moj, evo rusmarin cavti i ploda ima, a ja nemam. Da mi oče bog dat da imam i bus rusmarina". I ostane noseča. I rodi bus rusmarina...» // «Жили-были муж с женой, и не было у них детей, и отправились они как-то в путь. Нашли куст розмарина, жену аж прохватило и говорит она: "Боже мой, даже этот розмарин имеет плоды, а я нет. Пусть дозволит мне бог-отец хоть куст розмарина иметь". И зачала она. И родила куст розмарина». Далее из куста выходит девушка, которую замечает королевич. Она дарит ему звоночек. Каждый раз, когда он звенит, девушка покидает розмариновый куст. Королевич просит ее покинуть растение навсегда, но она не может этого сделать, пока не достигнет двадцати лет. Однажды королевич уезжает, забывает звоночек. Слуги обливают куст горячей водой. Куст вянет. Девушка предстает перед вернувшимся королевичем едва живая, и, чтобы излечить ее, наказывает поливать куст розмарина день чистой холодной водой, а день розмариновой водой. Королевич выполняет этот наказ, пока девушке не исполняется двадцать лет, и она не покидает куст.

Подобные сюжеты можно рассматривать и как, в своем роде, жизнь растения в антропоморфной ипостаси.

Еще более очевидно это проявляется в другой греческой сказке «Ползадка». У старика и старухи нет детей. Старик приносит домой несколько бобовых зерен. Старуха делает завет: «Μακάρι να ήταν όλα αυτά τα παιδάκια. Τι θα

---

[2] Отметим, что в новогреческой народной культуре сорванная роза (или чаще базилик) символизирует утраченную девственность.

[3] Narodne pripovijetke. Zagreb, 1963.

insiav

θέλαμε άλλο![4]»/ «Были бы они все детками! Чего бы мы еще могли пожелать!» Бог слышит слова старухи и исполняет их. Бобовые зернышки становятся детьми. Но среди зернышек – одно неполное. Поэтому ребенка, появившегося из этого зернышка, называют Ползадка. Однако детей оказывается слишком много. Старики не могут их прокормить. Тогда старик заставляет детей копать яму, и пока они копают, заливает их водой. Они снова становятся бобами. Остается только Ползадка, который был самым хитрым и «копал не внизу, а рядом». Отметим, что действия старика в данном случае напоминают посадку зерен: он как бы сажает бобы в землю и поливает их водой.

Сходный сюжет находим в сербской народной сказке из собрания Вука Караджича «Перчик» [5]: «Жила-была бесплодная женщина, просила она Бога, чтобы родить ей, пусть даже дитя будет как перечное зернышко. Пожалел ее Бог, и родила она дитя мужеского пола, как перечное зернышко». / «Била жена нероткиньа, па молила Бога да јој да роди, Макар било дете као биберево зрно. Бог јој даде по жељи, те роди мушко дите као биберово зрно».

Примечательно, что именно в сказках, по сравнению с другими жанрами фольклора, чаще присутствует мотив обращения растения в человека, а не обратный процесс. Однако восприятие растения как живого существа, наделенного душой и плотью, характерно для балканской народной мифологии вообще. Растение имеет человеческие свойства, не приобретая при этом человекоподобного образа. Мотивы отождествления растения с каким-либо духом мы находим и в других жанрах фольклора. Приведем следующую новогреческую быличку[6]:

«Πλάισια μια βουλά κατ'όπου μια σκιά κι τη μισή τι νύχτα μι παρασιάσκει ένα βάρους απάνου μ'κι δεν γκοιτούσα,

---

[4] Λαϊκά παραμύθια και παραμυθάδες του Δωδεκανήσου. Ρόδος, 1999. Σ. 128.

[5] *Караџић В.С.* Сабрана дела // Српске народне приповијетке. Београд, 1988. С. 243.

[6] Μπουσμπούκης Α. Δ. Αυθεντικές ιστορίες παραφυσικών φαινομένων από την Πίνδο. Αθήνα, 1983. Σ. 85.

instav

κι μητι μπορούσα να γυρίσου κι να κουνηθώ. Ξύπνησα. Του ένοιουθα και δεν το'γλιπα. Κοντά είπα «Πάτερ ημών κι αλάφρυνα. Ως φαίνιτι η σκιά είνι δέντρου αγναντιρό».

«Лег я однажды под тень дерева, и около полуночи мне показалось, будто на меня что-то давит сверху, а я не видел и не мог даже ни повернуться, ни пошевелиться. Проснулся. Чувствую это, а не вижу. Затем прочел "Отче наш" и полегчало. Наверное, это была тень «дерева видений».

О деревьях, способных «отомстить» человеку, осмелившемуся заснуть под ними или сломать ему ветви, пишет в одном из своих исследований греческий фольклорист З. Ксиротирис[7]. Он же подробно описывает обряд величания «благословенных» деревьев, которые, напротив, выполняют апотропеическую функцию и защищают деревню от злых духов и болезней. Для обряда избирается дерево, растущее на окраине деревни, высокое, с широким стволом. Обычно такими деревьями оказываются платан, дуб или железный дуб (το πουρνάρι). В дупле или в трещине, специально проделанной в стволе, оставляют το ύψωμα (хлебец, освященный в церкви, просфору). Дерево помечают нарисованным известью крестом. Освященное дерево запрещалось рубить и трясти, но отдыхать под ним было безопасно, так как его тень считалась благотворной.

Метаморфоза в растение может осуществляться различными путями: быть имманентно присущей персонажу, приобретаться при помощи *волшебного средства* или быть результатом *колдовства*.

СП приобретает «мифологическую способность» к оборотничеству при помощи *волшебного средства* в новогреческой сказке «Арап»[8], когда герой превращается в гвоздику, испробовав воды из волшебного источника Арапа.

Пример другого типа «опосредованной» метаморфозы, или, иначе говоря, через *колдовство*, представлен в

---

[7] Ξυροτήρης Ζ. Ισκιωμένα και υψωμένα δέντρα // Έθημα και δοξασίες του λαού μας. Τ Β'. Αθήνα, 1987

[8] Эта и другие греческие сказки, если они особо не отмечены в сносках, взяты из сборника Καφαντάρης Κ. Το φιδόδεντρο. Αθήνα, 1988.

inslav

греческой сказке «Сорок драконов», в которой колдун превращает девушку в кипарис (в другом переложении – в лимонное дерево), коснувшись ее головы волшебной веточкой. В албанской сказке «Хрустальная гора»[9] девушки-волшебницы превращают юношу в яблоко, чтобы спрятать его от своих братьев-людоедов.

Приведенные способы превращения являются, как правило, специфически «сказочными», не характерными, например, для былички или песни. Конечно, в других жанрах народного творчества, отличных от сказки, может встречаться мотив превращения в растения как следствие проклятия, более того – это довольно частый мотив для разного рода этимологических легенд, поясняющих происхождение каких-либо растений. В качестве примера можно привести легенду крымских греков о происхождении тополя, кипариса и граната, в которые превратились девушки, проклятые родителями за свою непочтительность[10]. Механизм осуществления заколдовывания и проклятия может быть в отдельных случаях сходным, особенно когда и то, и другое осуществляется в виде устного заклятия. Тем не менее, колдовство в сказке носит временный характер и не имеет этимологических функций.

Особым случаем метаморфозы СП будет *вырастающее на его могиле растение*, которое может рассматриваться как посмертное изменение сказочным персонажем своей изначальной ипостаси на фитоморфную. Кроме того, этот мотив часто переплетен и с мотивом *вторичного рождения*.

В новогреческой сказке «Змеиное дерево» чудесная змейка благодарит бедняка-строителя, который играет на ути, мешочком золотых монет. Когда змейка умирает, строитель закапывает ее косточки в саду. Из косточек прорастает «любопытное деревце, подобного которому во всем свете нет» («ένα δεντρουλάκι κουριόζικο, που δεν έχει άλλο ίδιο στον κόσμο»[11]) и которое обладает чудесным

[9] Албанские народные сказки. Москва, 1989.
[10] Легенды Крыма. Симферополь, 2000. С. 159-161.
[11] Καφαντάρης Κ. Το φιδόδεντρο. Αθήνα, 1988. Σ. 600.

inslav

свойством менять плоды и листья. Это деревце является своеобразной метаморфозой волшебной змейки.

Данный сказочный сюжет в различных его переложениях был проанализирован греческим ученым Г. А. Мераклисом[12], считавшим его отображением ряда традиций, бытовавших в отдельных районах Греции и связанных, с одной стороны, с культом деревьев и с культом змеи, шире – с культом животных – с другой. Ссылаясь, в свою очередь, на Н. Екатеринидиса, Мераклис приводит существовавший на юге Пелопоннеса обычай вешать на дерево змеиную кожу, чтобы вызвать дождь. К этому можно добавить поверья, бытующие на Балканах вообще, согласно которым в каждом доме живет змейка-хранительница. От обыкновенной змеи отличает ее яркая, переливающаяся окраска. Необходимо отметить, что и в тексте сказки змейка называется «добро дома»/ «καλό του σπιτιού».

В греческой сказке «Трисевгени и три апельсина» представлена целая цепочка превращений СП. Царевич привозит невесту-нереиду Трисевгени, оставляет ее на дереве. Под дерево приходит Арапка, сманивает Трисевгени с дерева и топит ее в источнике, та превращается в золотого угря. Арапка выдает себя за Трисевгени и говорит царевичу, будто почернела от горя, ожидая его, и просит изжарить чудесного угря, так как, по ее словам, это средство, которое «поможет ей вернуть прежний облик». Царевич выполняет просьбу арапки, но, когда та съедает угря, подбирает косточки и закапывает их в саду. На следующий же день на том месте, где были зарыты косточки, вырастает цветущее лимонное дерево. Арапка приказывает срубить дерево. Прохожий старик забирает поленце от дерева. Поленце превращается в девушку. Итак, героиня проходит несколько этапов превращения: девушка – угорь – лимонное дерево – поленце – девушка. Сюжет усложнен двойной посмертной метаморфозой.

В греческой сказке «Архонт и три его дочери» дочь приказывает убить отца. На могиле отца вырастает яблоня.

---

[12] Καφαντάρης Κ. Το φιδόδεντρο // Μερακλής Γ. Εισαγωγή ο. Αθήνα, 1988. Σ. 11-15.

inslav

Бедняк, проходя мимо могилы, собирает яблоки, упавшие с яблони, и продает их на базаре. Дочь покупает яблоки и съедает их, беременеет и рожает сына. Убитый отец перевоплощается в растение, а затем как бы снова возрождается в человеческом образе через ребенка.

Растения, вырастающие на могиле несправедливо погубленных героев, обладают особыми свойствами, обусловленными их дополнительной функцией – обличение вредителя. Лимонное дерево, вырастающее из косточек угря-нереиды, когда мимо него проходит царевич, склоняется и ласкает его своими ветками, когда же проходит Арапка – колет ее своими иглами.

Посмертное превращение СП иногда носит частичный характер, являя лишь одно из свойств СП. В албанской сказке «Куда ногою ступит, там зеленеет травка» [13] на могиле девушки, погубленной злой служанкой, вырастает зимой травка. Это было одним из чудесных свойств девушки. Куда бы она ногой ни ступала, там тотчас вырастала трава. Девушку достают из могилы. Она оживает.

Превращения в растения согласованы с определенными представлениями народной культуры. Лимонное дерево, например, нередко является метафорой красивой девушки, невесты в греческой традиции, розмарин или розовый куст – в албанской и сербохорватской. С кипарисом сравниваются стройные юноши и девушки в балканских народных песнях, цветок гвоздики символизирует жениха в греческой свадебной песне.

В некоторых сказках не обязательно наличествует мотив трансформации, и только *имя* указывает на «растительную» сущность персонажа, а по замечанию А. Ф. Лосева[14], «имя неотделимо от именуемой сущности и потому есть сама сущность».

В греческой сказке «Золотая веточка» это заявлено текстуально. Купцу, ищущему для своей младшей дочери подарок, золотую веточку, говорят, что золотая веточка – это царевич: «Και του έδειξαν ένα παλάτι και του είπαν, πως

---

[13] Албанские народные сказки. Москва, 1989.

[14] *Лосев А. Ф.* Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 230.

inslav

αυτού μέσα είναι το βεργί, και αυτό είναι το βασιλοπούλο»[15].

«И показали ему дворец и сказали, что в нем-то [во дворце] и находится веточка, и что это и есть царевич».

Распространен мотив *пребывания души* сказочного героя в растении. Так, например, в греческой сказке о двух близнецах и в албанской сказке с почти идентичным сюжетом упоминаются кипарисы, которые вырастают вместе с рождением близнецов, и стоит случиться беде с одним из близнецов, как один из кипарисов засыхает. Существует и обратная зависимость: чтобы нанести вред герою, нужно нанести вред дереву.

Итак, подведем итоги. В сказке растение часто выступает в качестве фитоморфной ипостаси СП, что отражается в следующих сказочных мотивах: чудесное рождение СП из растения; превращение СП, изначально имеющего антропоморфную или териоморфную ипостась, в растение; имя, указывающее на растительную сущность СП; пребывание души СП в растении. Мотив превращения, в свою очередь, может иметь различные модификации: метаморфоза при помощи волшебного средства, при помощи колдовства, посмертная метаморфоза, связанная с возрождением.

Svetlana Sidneva

The plants as hypostasis of the personages of the fairytales (on the material of the Balkan popular fairytales)

SUMMARY

The relations between the plant's life and that of a human being are especially evident in the plots of the fairytales, which contain transformation, that is when one fairytale personage magically changes his appearance and in particular changes his origin hypostasis into one *phytomorphous.*

I have chosen several basic motives when plants are presented as hypostasis of the fairytale personage. In my research I use Balkan material and take into account the common features

[15] Καφαντάρης Κ. Το φιδόδεντρο. Αθήνα, 1988. Σ. 125.

inslav

and phenomena of the traditional culture, language, mentality of the Greeks, Serbs and Croats.

Fairytales (particularly compared with the other genres of folklore) contain motives of the transformation of a plant into a human being, but not vice versa. Metamorphosis into the plant may be realized in different ways: it may be some immanent attribute of the personage or the personage may acquire this attribute with a help of some magic means. The metamorphosis may be a result of the *sorcery*.

These ways of transformation are often special for the fairytales and not usual, for example, for the songs, legends, ballads and other genres. In other genres one can find the motive of transformation as a consequence of damnation, and, which is more, this is often a motive of different etymological legends, which explain the origins of some plants. One special case of metamorphosis of the fairytale personage is *plant on the tomb*, which may be regarded as posthumous change of his original hypostasis into the phytomorphous one. Moreover, this motive is often connected with the motive of the *second birth*.

Transformations into the plants correspond with certain conceptions of the popular Balkan culture.

inslav

Н. Л. Сухачев

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ВОСТОЧНОРОМАНСКИХ НАРОДОВ

«...градация индивидуальности может идти от нации к группе народов, от нее к расе, от расы – к человеческому роду. Подчиненный этому индивид может двигаться вперед, назад или видоизменяться, но лишь внутри определенного круга.

Существует момент морального созидания, когда индивид (будь то нация или отдельный человек) становится тем, чем ему предназначено быть, и не постепенно, а внезапно и сразу. Тогда начинается его бытие, ибо до того он был иным» (*Гумбольдт* 1985: 280-281)[1].

Если подхватить уподобление В. фон Гумбольдта, по сути уравнивающее народы любого «возраста» в качестве индивидов, то во всем, что касается «созидания», только «отдельный человек» вправе оценивать, какие моменты его «родословной» для него значимы. И понятно, что вопрос о «корнях» всегда отвечает выраженному самосознанию, ценостным ориентациям личности в ее фенотипическом (субъективном) или типическом проявлениях (интерсубъективных – социальных, общенародных). Объективность исследований, затрагивающих происхождение отдельного народа, обусловлена исключительно сознанием его носителей, хотя бы потому, что всякая общность предполагает чувство сопричастности каждого к определенной традиции – языковой, культурной, политико-экономической и пр. Сказанное относится и к связанным с этногенезом вопросам сугубо лингвистического или социально-исторического характера (даже «генеалогические мифы», выдвигаемые в угоду так называемой злобе дня, проливают свет на историю народа).

Реальными общностями (т. е. исторически определенными «индивидами») не являются реконструируемые

---

[1] Фрагмент «Размышления о всемирной истории» («Betrachtung über die Weltgeschichte», ок. 1814, Вена; первая публ.: 1896), пер. М. И. Левиной.

inslav

«праязыки» или «протоэтносы», как и археологические «культуры», которые остаются удобными наименованиями для множества фактов, сопоставимых между собой по каким-либо признакам в качестве однотипных. Между тем, заметна тенденция к их абсолютизации, и не столько в качестве таксономического эталона, позволяющего классифицировать соотносимые с ним явления, сколько в роли своего рода «генотипа», чуть ли не предопределяющего своеобразие этнических, языковых, культурно-исторических образований, напрямую возводимых к постулируемым «пра-» и «прото-» состояниям[2]. При таком подходе, во-первых, пренебрегают тем, что культура и язык – образования пожизненные, которые «наследуются» лишь в силу действия внешних социальных[3], а не внутренних «генетических» механизмов: речь, и впрямь, идет об историческом сознании, даже если подобное словоупотребление по существу метафорично. (Правильнее было бы определять «сознание» социума в качестве культурной традиции или идеологии, хотя последняя дефиниция и опорочена политическими контекстами.) Во-вторых, при обращении к проблеме формирования «малых» или «больших» народов многофакторные и разнонаправленные процессы, объединяющие и разобщающие общности разного ранга, обычно низводятся до какого-то одного «момента морального созидания». Другими словами, в целом процесс этногенеза дезинтегрируется и редуцируется вплоть до искомого *генотипа*, хотя формирование культурно-исторических общностей – этноса, нации и т. д. – осуществляется отнюдь не «внезапно и сразу»[4], а занимает доста-

---

[2] Так как любая реконструкция, «прото-тип», есть некий инвариант (пусть и условный) наблюдаемого разнообразия явлений, как бы детерминирующий само их бытие, то логика анализа заранее задает правила синтеза.

[3] И следует считаться с тем, что всякое историческое образование *индивидуально-социально* по своей природе.

[4] Правда, на историческую сцену они вступают «внезапно», поскольку социальные факторы оказываются в поле внимания, только когда они начинают играть заметную роль, когда они уже видоизменяют восприятие истории.

inslav

точно протяженные периоды, что верно даже для относительно гомогенных родовых групп, не говоря о разноплеменных, межтерриториальных и многонациональных объединениях. К тому же, все такого рода образования, особенно гетерогенные, отличаются своей иерархией локальных и социальных групп, с которыми реально идентифицирует себя отдельная личность, а возможности такой самоидентификации подвижны и предельно широки. Именно индивидуальное разнообразие запускает как центростремительные, так и центробежные силы, формирующие и лингвистические, и этнические общности различной степени сплоченности, которые в своей неповторимости и в зависимости от характера взаимодействия народов-«индивидов» определяют ход истории.

* * *

Проблема этногенеза восточнороманских народов[5], показательна по одновременной обнаженности отдельных своих составляющих и общей неопределенности связующего их принципа. Отчасти это объясняется относительно поздним появлением на исторической сцене румын: *влахи* упоминаются с начала X в., *мавровлахи* (т. е. северные влахи) – со второй половины XII в., первое политическое образование в истории Румынии относится к началу XIV в. (царствование Басараба I, ок. 1310–1352 гг.), а румынский язык последовательно прослеживается с XVI в. – первый письменный памятник датирован 1521 г., массовые источники относятся к последней трети того же столетия.

Принадлежность восточнороманской речи (точнее – балканороманской) к «неолатинскому» типу несомненна, как и связь румынского языка в узком смысле[6] с романиза-

---

[5] Литература, посвященная этой проблеме, столь же обширна, сколь и разноречива. Предшествующие публикации подробно рассмотрены А. Филиппиде (*Philippide* 1923-1925. 1: 508-519, 662-852). К оценке выдвигавшихся гипотез см.: *Ivănescu* 1980: 47-77; *Vrabie* 1981; *Windisch* 1982; в контексте балканских межъязыковых контактов также ср.: *Rosetti* 1986: 189-201, 263-276.

[6] В румыноязычной литературе это определение часто охватывает также арумынский, мегленорумынский и истрорумынский: они рассматриваются на правах диалектов (dialecte) общерумынского

inslav

цией Дакии. Вовлеченность же восточнороманских языков в так называемый балканский союз, решающее для истории языка и – шире – культуры[7], менее показательна для самоидентификации их носителей. Формирование этнического (национального) самосознания уже́ означает преобладание над центростремительной тенденцией центробежных сил. Смена политической ориентации, собственно «идеология» – это такое проявление самосознания, которым нельзя пренебрегать.

Раннесредневековые славянские языковые и культурные влияния сыграли решающую роль в этногенезе восточнороманских этносов (см. *Королюк* 1985)[8]. Не менее важны древнетюркские элементы (печенежские, куманские и др.), хотя их роль ограниченнее (см.: *Гирфанова* 1997; 2001; *Гирфанова*, *Сухачев* 2003). Турецкое (османское) влияние применительно к румынскому языку в целом было более периферийным, несколько интенсивнее сказавшись локально (устойчивее в Добрудже, Южной Бессарабии). Ограниченными остаются также греческие (византийские, а в XVII в. и культурный вклад греков-фанариотов), венгерские и германские влияния – первые более значимы для Валахии (Țara Românească) и Молдовы, а мадьяризмы и германизмы иррадиировали в основном из Трансильвании. С XVIII в. начинается релатинизация и романизация: французские и итальянские заимствования интенсивно проникают в литературную речь особенно во второй половине XIX в., постепенно видоизменив и облик румынского языка, и культурную ориентацию его носите-

(româna comună), отошедших от дакорумынского, далее членимого на под-диалекты (subdialecte) и говоры (graiuri). Такой подход, правомерный в рамках лингвистической реконструкции, не должен все же затемнять факт исторической обособленности этих четырех ареалов.

[7] При том что языковая конвергенция всегда является показателем вызвавших ее культурных контактов, а не наоборот. (Под *культурой* я подразумеваю также экономические и политические факторы.)

[8] Об археологических и лингвистических свидетельствах проникновения славян на Балканы, относительно уверенно прослеживаемых с конца VI в., см.: *Шувалов* 1998; *Тохтасьев* 1998; для румынских земель также см.: *Федоров*, *Полевой* 1973.

inslav

лей. К XX в. большинство турцизмов и часть славянизмов были вытеснены на периферию литературного языка, некоторые же сохранились в диалектной речи, которая также видоизменилась, особенно во второй половине ушедшего столетия. Преемственная связь румынского языка с латинским, раньше была осознана трансильванскими книжниками, имевшими доступ к «пшеничному хлебу» романского мира (по выражению Данте). Восточнославянские влияния, относительно поздние, практически не затрагивают проблемы этногенеза, в основном завершившегося к концу Средневековья. Все же нельзя отрицать их роли в формировании локальных общностей на периферии карпатской зоны (Марамуреш, Буковина) и в современной Республике Молдова, хотя очевидна близость национального самосознания румын и молдован. Слабая корреляция собственно языковых и культурно-исторических признаков консолидации этноса (нации)[9] не позволяет считать какие-либо лингвистические критерии самодостаточными при обращении к этногенезу, где решающим аргументом остается самосознание «индивида».

Положение дакорумынских областей в месте пересечения разнонаправленных геополитических интересов и культурно-исторических формаций, в частности, политико-экономическая зависимость Дунайских княжеств от притязаний Османской, Священной Римской (потом Австро-Венгерской) и Российской империй способствовала своего рода «импорту идеологий»[10], переросшему уже на национальной почве в идею «Великой Румынии», которая и была реализована в 1918 г. после распада Австро-Венгрии. Зависимость от константинопольских импера-

[9] Можно лишь констатировать, что любой язык (народ) есть устоявшийся результат взаимодействия множества языков (народов), и если соматические характеристики индивидов наследуются генетически, то лингвистические и культурные особенности формируются исключительно исторически.

[10] Не случайно и пуристическая тенденция к релатинизации языка, и движение за объединение румынских земель активизировались в Трансильвании, чему благоприятствовала национальная и языковая политика Австро-Венгрии.

inslav

торов, чья власть не распространялась на левобережное Подунавье, была опосредована влиянием Восточной церкви и политико-экономическими связями с балканскими Славиниями. Все же военно-феодальная организация Византии, унаследованная Османской империей, в какой-то мере определяла и социально-экономическую ситуацию в Валахии и Молдове. После их объединения в 1865 г. в румынской культуре отчетливо прослеживаются, с одной стороны, профранцузская ориентация, с другой – прогерманская. Самоназвание же român(i) (ист. rumân(i), позже релатинизированное) в равной мере может быть увязано как с преемственностью традиции, восходящей к носителям романской речи в Дакии, так и с их культурной ориентацией на Восточную Римскую империю, а в новое время – с осознанием своей принадлежности к романоязычной Европе. И показательно, например, что бытующее в Республике Молдова самоназвание moldovan (и limba moldovenească) вполне согласуется с аналогичной оценкой своей индивидуальности – сами по себе именования ничего не значат.

Название, под которым румыны вначале обрели известность среди других народов – *волохи* (*валахи*, *влахи*), когда речь идет о балканском средневековье, не может быть однозначно соотнесено с носителями романской речи. Во-первых, достаточно велика вероятность смешения омофонных или сходных по звучанию форм германского и тюркского происхождения, опосредованных славянской речью. Во-вторых, у византийских хронистов, исключая упоминании фессалийских влахов, эта дефиниция однозначно относится к «кочевникам» («их в просторечии называют влахами» – Анна Комнина, XII в.), что вряд ли релевантно и для арумын Великой Влахии в Фессалии, и тем более для обитателей северного Подунавья, о чем позволяют судить хотя бы археологические источники. Римляне оставили в бывшей Траяновой Дакии земледельческую культуру, сохранявшую свои преемственные формы, несмотря на постоянный приток так называемых степных народов. Стереотип «варваров» или «вандалов»,

inslav

ассоциированный с этой кочевой стихией не без подключения к нему расхожих представлений о падении Рима, способствовал усиленному поиску таких территорий или «очагов», где могла бы сохраниться преемственная связь с римской цивилизацией. Но трудно допустить, что тактика «выжженной земли» оказалась бы приемлемой для человеческих масс, которые под натиском очередной кочевничьей волны устремлялись в поисках надежного убежища и пропитания в балканский «котел», где они оседали и со временем ассимилировались. Топонимы с формантами voloh-/voloc-, vlah-/vlas-/vlaş-, olos-/oloş- в Мунтении, Молдове и Трансильвании (*Iordan* 1963: 304, 338) не дают основания полагать,что аналогичные названия в славянских землях к югу от Дуная обязаны своим происхождением исключительно «романским пастухам» (ср.: *Гирфанова*, *Сухачев* 1994: 157-165; *Girfanova*, *Sukhachev* 1997). Неопределенным остается и указание венгерского анонима конца XII в., применительно к Паннонии (включая западную Трансильванию): «...quam terram habitarent Sclaui, Bulgarii et Blachii ac pastores Romanorum. Quia post mortem Athile regis terram Pannonie Romani dicebant pascua esse eo, quod greges eorum in terra Pannonie pascebantur»[11]. Э. Гамильшег, читая *ac* как 'то есть (das heiβt, das sind)' (обычно это 'и, а также'), отождествлял название Blachii с «романскими пастухами» (см.: *Windisch* 1982: 57)[12], тем самым подкрепляя свою гипотезу о трех очагах романской речи, один из которых он располагал на территории бывшей Апулийской или Верхней Дакии – в Карпатах (см.: *Gamillscheg* 1962: 225-243)[13].

---

[11] «Gesta Hungarorum» некоего «P. magistri», нотария короля Белы IV (или Белы III, 1172 или 1173 – 1196 или 1197), см.: *Szentrétery E.* Scriptores Rerum Hungaricum. Budapest, 1937. Vol. 1: 45-46 (цит. по: *Windisch* 1982: 57).

[12] Со ссылкой на: *E. Gamillscheg*. Blachi ac pastores romanorum, in: *Fschr. I. Lupaş*. Bucureşti, 1943, p. 270-276.

[13] Статья "Über der Herkunft der Rumänen" (1940).

inslav

Вопрос о территории формирования восточнороманских языков и народов – один из самых спорных со времен И. Тунманна и Ф. Й. Зульцера[14]. Строго говоря, следовало бы разграничить собственно историческую проблему от ее историографии, где так или иначе отображается «злоба дня»[15]. Вместе с тем именно «история истории» позволяет прослеживать и стереотипные представления, и смену «научных парадигм». Можно оценить, например, свидетельства Руфия Феста (371) и Флавия Вописка (ок. 395), восходящие к сообщению Флавия Эвтропия (369 или 370) об эвакуации в 271 г. левобережной Дакии, оставленной готам, и обосновании к югу от Дуная Новой Дакии (Dacia Nova), т. е. Аврелиановой (Dacia Aureliana). От этой внутри-«имперской» констатации факта несколько отличаются сведения Иордана об уходе из Дакии римского *войска и администрации*, как следует из его «Истории готов» (551), перелагающей одноименный труд Кассиодора (ок. 487 – ок. 578), приближенного короля Теодориха и сторонника сближения остготов и римлян.

Не говоря о том, что средневековые административно-политические границы были скорее номинальными, чем реальными преградами для перемещения и человеческих контактов (более серьезное препятствие представляли реки и горные хребты), романская речь на Балканах (в широком смысле, охватывающем и румыноязычные ареалы) могла сохраняться и развиваться на всей территории севернее так называемой линии Иречека (см.: *Jireček* 1902: 13) между Адриатикой и Черным морем. Она условно разделяет эллинизированные и латинизированные балканские провин-

---

[14] *Thunmann J.* Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Leipzig, 1774; *Sulzer F. J.* Geschichte der transalpinischen Daziens. Wien, 1781-1782. Bd 1-3.

[15] Ср. замечание Г. Ивэнеску о немецких исследователях как «адвокатах» политических интересов Австро-Венгрии, о «борьбе» венгерских ученых после 1918 г. за восстановление государственных границ эпохи Средневековья, тогда как румынские ученые до этого стремились к сплочению своего государства, «а затем, чтобы защитить это государство, поддерживали и развивали теорию континуитета румынского народа в Дакии» (*Ivănescu* 1980: 48).

inslav

ции[16], и примерно проходит по северной границе Македонии (позже Нового Эпира) и через Фракию. При этом в IV–VII вв. в Средиземной Дакии (Dacia Mediterranea), которая охватывала часть Фракии и Верхней Мезии, оказались как «романоязычные» Наиссус (Ниш) и Ремезиана (Бела Паланка), так и «грекоязычные» Паутилия (Кюстендил) и Сердика (София), образовавшие некую зону двуязычия. Не углубляясь в детали (ср.: *Сухачев* 1990: 138-140), отмечу, что уже в VII в. зону греческой речи существенно потеснило тюрко-славянское двуязычие, а если оперировать лингвогеографическими терминами, то к югу от Дуная, начиная с этого времени, романская речь могла сохраняться в виде дисперсных ареалов, давших начало арумынским и, вероятно, мегленорумынским говорам. Северные (дакорумынские) территории в то же время, по-видимому, представляли собой диатопную общность романских говоров т. е. слабо консолидированную, что предполагает отсутствие надтерриториального языкового эталона (аксиологической нормы). Причем здесь, скорее всего, имелись дисперсные славяноязычные и тюркоязычные ареалы, но романская речь преобладала, что следует из самого факта ее сохранения в качестве румынского языка[17]. И трудно согласиться с утверждением А. Росетти: «Уже в момент своей кристаллизации (de la cristalizarea sa) дакорумынский характеризовался единством, будучи в употреблении на обширной территории к югу и к северу от Дуная» (Rosetti 1986: 201). Поставленый им чуть ниже вопрос о румынском как «лингва-франка» на Балканах противоречит историческим реалиям эпохи «кристаллизации» румынского языка (и народа).

---

[16] Соответствующее разграничение проводится на основе выявленных латинских или греческих надписей, но за их графикой скрываются имена различного происхождения, трактуемые по-разному.

[17] Следует также иметь в виду прослеживающиеся для X-XIV вв. переселения романоязычного населения как с юга на север, так и в обратном направлении – один из таких миграционных потоков дошел от румынского Баната до Истрии.

inslav

Что касается обнаруживающейся «лакуны романизации» в Дардании, с которой некоторые исследователи увязывают этногенез албанцев[18], а также характера отношений между албанским и румынским языками, то нельзя забывать, что первый тоже подвергся интенсивной романизации, хотя и не стал языком романского типа. Латинская составляющая албанского языка, а также исторические контакты албанцев с арумынами и, возможно, общие субстратные формы (в частности, иллирийские) вызвали немногочисленные схождения (в пределах 100 изоглосс, ок. 60 при более строгом отборе), которые прослеживаются в лексике румынского и албанского языков. Рассматривать же гипотезу особого румыно-албанского симбиоза вряд ли целесообразно, если только не смешивать континуум романской речи на Балканах с румыноязычным континуумом, сложившимся там, где он и представлен.

Проблема осмысления «корней» культурно-исторических образований любого уровня так или иначе сводится к вопросу: как соотносятся между собой *фенотип*, *тип* и условный «*генотип*»? Этот последний оказывается как бы общим знаменателем субъективных или сугубо индивидуальных (фенотипичных), с одной стороны, и с другой – интерсубъективных, т. е. социальных (типичных) составляющих, которые в совокупности и характеризуют некое единство (этнос, народ, нацию или даже межнациональную общность типа той же балканской, общеевропейской и пр.).

Разумеется, когда речь идет о чисто классификационной группировке явлений (например, о восточнороманском), она осуществляется исключительно по типическим признакам, хотя определения наподобие общерумынского, прото-румынского или дако-романского,

[18] Об исторических, лингвистических и археологических аспектах этногенеза албанцев см.: *La Conference*... 1982 (доклады: А. Буда, М. Доми, С. Анамали).

inslav

балкано-романского[19] могут провоцировать иллюзию исторической реальности такого рода «индивидов». В действительности за ними стоит множество индивидуальных образований, совпадающих с теми ретроспективными проекциями, которые выстраиваются от современных этнолингвистических ситуаций, лишь в силу огрубления как первых, так и вторых. И любая попытка «уточнить детали», как правило, историческую реконструкцию разрушает.

ЛИТЕРАТУРА

Гирфанова А.Х. К характеристике тюркских диалектов в контексте балканского языкового союза // Материалы XXVI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 11-14 марта 1997. Вып. 3. Балканские чтения / Отв. ред. Ф. А. Елоева, А. Ю. Русаков. СПб., 1997. С. 10-13.

Гирфанова А.Х. Тюркские этносы раннего средневековья в юго-восточной Европе (к проблеме тюркских «заимствований») // Studia Linguistica et Balcanica. Памяти А. В. Десницкой (1912–1992) / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2001. С. 256-265.

Гирфанова А. Х., Сухачев Н. Л. Заметки по балканской топонимии тюркского происхождения (Валахия, Кумания) // Кунсткамера. Этнографические тетради (СПб.). 1996. Вып. 5-6. С. 156-172.

Гирфанова А. Х., Сухачев Н. Л. О тюркских элементах на исторической карте Юго-Восточной Европы (Данные топонимии) // В поисках «ориентального» на Балканах. Античность. Средневековье. Новое время / Редколл. И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М., 2003 С. 64-69 (Балканские чтения 7. Тезисы и материалы).

Гумбольдт В. Язык и философия культуры / Пер. с нем. М. И. Левиной, О. А. Гулыги, А. В. Михайлова и др.; Сост., общая ред. и вступ. статьи А. В. Гулыги и Г. В. Рамишвили. М., 1985.

Королюк В. Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего Средневековья: Политическая и этническая история. М., 1985.

---

[19] В данном случае речь идет о смешении в объекте исследовательского внимания «генетического», т. е. собственно исторического (временнóго или диахронного) и описательного моментов (статичного или синхронного), стоящих и за соответствующими явлениями, и за их дефинициями. При этом из поля зрения ускользает само сознание в своих характерных исторических состояниях.

inslav

Сухачев Н. Л. Латинская речь на Балканах // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки). Л., 1990. С. 125-140.

Тохтасьев С. Р. Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах // Основы балканского языкознания. Ч. 2 (славянские языки) / Под ред. А. В. Десницкой и Н. И. Толстого. СПб., 1998. С. 29-57.

Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973.

Шувалов П. В. Проникновение славян на Балканы // Основы балканского языкознания. Ч. 2. СПб., 1998. С. 5-28.

La Conference nationale sur la formation du peuple albanais, de sa langue et de sa culture. 2-5 juillet 1982. Les Rapports. Tirana, 1982.

Gamillscheg E. Ausgewählte Aufsätze. Tübingen, 1962. Bd. 2.

Girfanova A.H., Sukhachev N. L. Notes on Balkan Toponymy of Turk Origin (Wallachia) // Türk dilleri araştirmalari (Ankara). 1997. Cilt 7. P. 141-147.

Iordan I. Toponimie românească. Bucureşti, 1963.

Ivănescu G. Istoria limbii române. Iaşi, 1980.

Jireček C. Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. Wien, 1901. Bd 1 (Denkschriften der Wiener Akademie. 48).

Philippide A. Originea românilor. Iaşi, 1923-1925. Vol. 1; 1927-1928. Vol. 2.

Rosetti A. Istoria limbii române. I. De la origini pînă la începutul secolului al XVII-lea. Ed. definitivă. Bucureşti, 1986.

Vrabie E. Linguistic Aspects of the Question of the Romanians' Continuity in Dacia. A critical Study // Revue roumaine de linguistique. 1981. T. 26. N 3. P. 213-262.

Windisch R. Die Herkunft der Rumänen im Lichte der deutschen Forschung // Vox Romanica. 1982. Vol. 41. S. 46-72.

inslav

Л. Я. Гибианский

ЮГОСЛАВИЯ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКЕ НА БАЛКАНАХ В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В обширной исторической литературе о драматическом развитии на Балканах в начальной фазе Второй мировой войны, результатом которого было завершившееся в апреле 1941 г. постепенное подчинение фактически всех стран полуострова (кроме Турции, балканской лишь отчасти) нацистской Германией и фашистской Италией, давно занимает важное место рассмотрение тех аспектов этого развития, что касались столь крупной балканской страны, как Югославия, а особенно политики, проводившейся в отношении нее великими державами. Наиболее результативным в историографии явилось в данной связи изучение германской и итальянской политики и в довольно значительной мере – британской. Что же касалось политики СССР, стремившегося тогда тоже выступать в качестве одного из основных игроков на балканской международно-политической сцене, то хотя и его роль в югославском случае почти неизменно привлекала внимание исследователей, разработка этой темы долгое время оказывалась более чем затруднена в первую очередь недоступностью документов в советских архивах. Положение усугублялось тем, что в югославских архивах часть внешнеполитической документации начального периода войны отсутствовала, будучи утрачена в ходе нападения на страну в апреле 1941 г. и последующей оккупации. В итоге тема, о которой идет речь, затрагивалась в историографии, как правило, лишь в самом общем плане, причем в советской исторической литературе – при произвольно селективном изображении позиции СССР в соответствии с официальной апологетической версией[1]. А в тех буквально единичных работах югославских

[1] Например: История дипломатии. Изд. 2-е / Под ред. А. А. Громыко и др. Т. IV. М., 1975, с. 156-158; Севостьянов П. П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г. М., 1981, с. 227-228;

inslav

лингвизм также является одним из признаков, существенных для балканского языкового менталитета, в частности, у македонского этноса. Указанные изменения проходили более интенсивно в условиях отсутствия собственной государственности при наличии иноязычного официального (государственного) языка, пользующегося наибольшим престижем и потому являвшимся средством официальной языковой коммуникации.

Территория географической области Македонии, населенной славянами, влахами, греками, албанцами и другими этносами, с древности и вплоть до середины XX в. входила в состав разных государств: в средние века это были Византия, Болгария, Сербия; в течение пятисот лет Македония являлась частью обширной Османской империи, после Балканских войн и Первой мировой войны до 1945 г. Вардарская Македония была частью королевской Югославии, в 1945-1990 гг. стала частью федеративной Югославии, обретя собственную государственность в качестве одной из югославских республик. До XX в. терминов "македонцы" и "македонский язык" применительно к македонским славянам не существовало, они имели лишь локальное и христианское (православное) самосознание, а свой язык (диалект) называли "наш язык".

В этих исторических условиях наиглавнейшую роль в сохранении и развитии этнической культуры македонских славян играл народный фольклор (песни, легенды, сказки), язык которого был диалектен, но содержал также некоторые наддиалектные языковые черты и был понятен и любим всеми представителями македонского этноса. О языке македонского фольклора (народной поэзии) неоднократно писал Б. Конеский (Б. Конески 1971, 1974).

Попытки создать собственно македонский литературный язык на народно-разговорной основе предпринимались начиная с последней четверти XIX в. Лучше всего это удалось выпускнику С.-Петербургского университета македонцу Крсте П. Мисиркову в самом начале XX в. Его деятельность свидетельствовала о том, что в Македонии, которая в тот период все еще оставалась в составе Османской империи, формируются представления о специфичности ее политических интересов и этнической самобытности. К. П. Мисирков доказывал, что македонцы не являются ни сербами, ни болгарами, он вырабо-

inslav

тал нормы македонского литературного языка на основе центральных македонских говоров, сформулировал правила орфографии и на этом языке издал книгу «За македонцките работи» (София, 1903), а также подготовил к печати общественно-литературный журнал «Вардар» (Одесса, 1904). Своей главной задачей К.П.Мисирков считал просвещение македонского народа в духе воспитания его самоидентификации и самобытности. Для К.П.Мисиркова наиболее культурным и престижнымм был русский язык, который в его текстах на македонском литературном языке послужил базой для лексических заимствований в области политической и научной терминологии, отсутствующей в диалектах: в текстах Мисиркова 20% русизмов и интернационализмов, заимствованных через посредство русского языка. Тем не менее К. П. Мисирков, как человек с балканским языковым менталитетом, отказался перенять типологическую особенность русского литературного языка в отношении традиционной связи с церковнославянской письменной традицией: македонский язык, созданный Мисирковым, опирается только на живой народно-разговорный язык с диалектной базой из центральных западномакедонских говоров. К сожалению, в силу разных причин ни книга Мисиркова, ни журнал «Вардар» не дошли тогда до читателя и практически до середины XX в. в Македонии не были известны.

В 30-е годы XX в. в Вардарской Македонии активизируется движение за создание македонского литературного языка, закладываются основы македонской национальной литературы. В произведениях поэтов и прозаиков Кочо Рацина, Венко Марковского, Коле Неделковского, Ристо Крле, Антона Панова, Васила Ильоского, опиравшихся на язык и традиции македонского фольклора, стихийно формировались нормы литературного македонского языка. В 1941–1944 гг. – в годы национально-освободительной антифашистской борьбы – вопросы македонского литературного языка и его нормирования оживленно обсуждались на страницах подпольной коммунистической югославской печати, в 1943 г. московское радио стало вести передачи на македонском языке. Нормы языка утверждались практикой массовой литературы на македонском языке в брошюрах, листовках, газетах, воззваниях, песнях.

Возникновение в августе 1944 г. македонского государства – Республики Македонии в составе федеративной Югославии – ускорило выработку единых норм литературного языка. К моменту кодификации литературного языка правительственным декретом в 1945 г. македонский язык существовал в виде локальных говоров и жаргонов; вероятно, были и региональные койне вокруг более крупных городов – Скопье, Битоли, Охрида. В мае 1945 г. литературный македонский язык как главное средство официаль-

inslav

ной языковой коммуникации Народной Республики Македонии был введен правительственным декретом в школах, в государственных учреждениях, в средствах массовой информации.

Введение македонского литературного языка как средства официальной коммуникации внутри республики принципиально меняло языковую ситуацию: впервые официально можно было говорить на родном языке, задача состояла в том, чтобы им овладеть. В то же время языковая ситуация официального билингвизма сохранялась, так как за пределами Республики Македонии – в других югославских республиках – необходимо было общаться на сербохорватском языке, выполнявшего роль общегосударственного и межреспубликанского официального языка Югославии. Сохранялась и традиционная ситуация полилингвизма у разных этносов как внутри Македонии, так и в других республиках федеративной страны.

В своем становлении и развитии македонский литературный язык прошел четыре этапа, когда язык развивался как «сверху», через становление и развитие общественных институций и уточнение литературных норм, так и «снизу», по мере обучения литературному языку все большего числа разных поколений македонцев и привыкания использовать литературный македонский язык в официальной коммуникации на территории республики (Усикова 1988).

Часто встречающиеся при официальной коммуникации отклонения от литературной нормы (т.е. ошибки) в публичной устной и письменной речи имеют разные причины: недостаточное владение литературными нормами, влияние родного говора, влияние сербохорватского языка, особенно у македонцев, получивших высшее образование на сербохорватском языке в других югославских республиках, и т.п.

Во второй половине XX в. языковая ситуация билингвизма и полилингвизма в Македонии сохраняется в зависимости от социального статуса языка и этноса: распространен македонско-сербский билингвизм македонцев, ма-

inslav

кедонско-сербско-албанский полилингвизм албанцев, полилингвизм других этносов Македонии. Чем ниже социальный статус этноса в многоэтнической республике, тем больше языков знают его представители (разумеется в пределах своей языковой и культурной компетенции): так, больше всего языков знают македонские цыгане, а цыганский язык не известен другим этносам Македонии.

На современном этапе развития македонского литературного языка (с 1991 г. – по настоящее время), когда в 1991 г. было создано суверенное государство – Республика Македония, македонский литературный язык расширил свои внутренние и внешние функции – стал использоваться в македонской армии и в межгосударственном языковом общении.

Развитые функциональные стили литературного македонского языка – административно-деловой, публицистический и средств массовой информации, научный и разговорный различаются между собой составом лексики, формулами вежливости и иными клишированными словосочетаниями и фразеологизмами, а также некоторыми предпочтениями в употреблении грамматических форм и категорий. Кроме информативной функции, свойственной научному, публицистическому и административно-деловому стилям, литературный македонский язык успешно выполняет эстетическую функцию как язык художественной литературы и духовную функцию как орудие национальной культуры и всех ступеней образования. С начала 70-гг. XX в. литургическая служба в македонской православной церкви осуществляется на современном литературном македонском языке, и можно говорить о формировании ритуального подстиля литературного языка

В настоящее время национальный македонский язык состоит из литературного (стандартного) идиома, локальных говоров и региональных койне, в том числе наддиалектного столичного субстандартного идиома, из социальных жаргонов и сленгов, а также из разговорного македонского языка (стиля). Некоторые исследователи говорят о становлении «общенационального наддиалектного разго-

inslav

ворного языка» (термин Л. Миновой-Гюрковой), частично входящего в литературный язык как его функциональный разговорный стиль. Разговорный македонский язык представлен в различных вариантах, когда, в зависимости от коммуникативной ситуации, от языковой компетенции говорящего и от его ориентации на языковую компетенцию собеседника, могут встретиться различные и литературные, и региональные, и сленговые (жаргонные) элементы.

Таким образом, в языковом менталитете македонского этноса четко различались и различаются языки, которые можно использовать при официальной и при неофициальной коммуникации.

Специфическая языковая ситуация в Македонии, создававшаяся веками, продолжала существовать и после 1945 г., хотя одни элементы ее структуры заменялись другими, не изменяя структуру языковой ситуации и традиционного языкового менталитета македонского этноса в целом:

1. В официальном языковом общении веками использовался чужой язык. С 1945 г. в Республике Македонии в официальном языковом общении используется главным образом литературный македонский язык, пришедший на смену чужим официальным (государственным) языкам. С другой стороны, македонский языковой менталитет подсказывает, что литературный македонский язык обязателен именно при официальной коммуникации, а вне официальной коммуникации функционирует разговорный язык, в котором кодификационные нормы соблюдаются далеко не всегда (см. ниже).

2. Когда в Македонии данный чужой язык терял свою социально-политическую роль официального средства языковой коммуникации, его заимствованные элементы переходили в нижние страты македонского языка – в разговорный язык, в жаргоны и диалекты. Так было с турецким языком, а затем и с сербским.

В литературном македонском языке лексические заимствования из турецкого используются, если они обозначают исторические термины и общепринятые бытовые реалии: *султан, кааза* ‘район (административно-территори-

inslav

альная единица в Османской империи)', *кајмакам* 'начальник каазы', *алва* 'халва', *шеќер* 'сахар', *јорган* 'стеганое одеяло', *таван* 'потолок', и мн. др. В неофициальной, непринужденной вербальной коммуникации (в разговорном языке и в разговорном стиле литературного языка) используется больше турцизмов, получивших в литературном языке синонимы славянского или интернационального происхождения: *комшија* 'сосед, соседушка' – *сосед* 'сосед (полит.)', *саат* 'час; часы' – *час* 'час', *часовник* 'часы', и мн. др. Особенно часто турцизмы присутствуют в составе поговорок и и речевых клише. Например, турцизм *ава* в литературном языке заменен славянской лексемой *воздух,* но в выражении 'давай выйдем на воздух, подышать воздухом' в разговорном литературном (и нелитературном) языке турцизм остался: *да излеземе на ава;* клише, ставшее поговоркой с "демократическим" разговорно-экспрессивным значением в литературной речи – *немам мерак* 'мне неохота', в нейтральной литературной речи заменяется синонимичным словосочетанием *немам желба* 'у меня нет желания', то же самое относится и к *немам иштав* (разг.) – *немам амбиции, желба* (лит.) 'у меня нет желания, амбиций'. Подобных примеров можно привести довольно много.

Сербизмы входили в македонский разговорный язык и диалекты в течение многих веков, напр. в XIII–XIV в. – *куќа* 'дом', *меѓа* 'межа' и т.п., в XX в. – *догаѓај* 'событие', *сусед* 'сосед', в том числе бытовые реалии типа *самопослуга* 'магазин самообслуживания', *кафич* 'маленькое кафе, «кафешка»', *железара* 'металлургический комбинат', *пивара* 'пивная; пивоваренный завод', Литературный македонский язык в 1945–1990 гг. заимствовал или калькировал именно из престижного сербохорватского языка лексемы, обозначающие политические и научные термины, например, *влада* правительство, *Устав* 'Конституция', *одлука* 'решение', *стилски ознаки* 'стилистические пометы', *именка* (серб. *именица*) 'существительное', *прилог* '1. лингв. наречие; 2. (научная) статья', и мн.др.; интернационализмы заимствовал также через сербохорватское посредничество

inslav

(*универзитет* 'университет', *амбасада* 'посольство', *режија* 'режиссура', *авион* 'самолет' и т.д.). Там, где сербизм можно было заменить на македонскую лексему, в том числе и на неологизм, литературный язык занимал активную позицию в поисках собственного македонского термина: *догаѓај* 'событие' было заменено на *настан*; *ствар* 'вещь' – на *предмет, работа*; *рачун* 'счет' – на *сметка*; *новчаник* 'кошелек' – на *паричник; кафич* – на *кафуле*. Часть этих сербизмов все еще употребляется в диалектах и нелитературной разговорной речи. Сербизмы могут употребляться и в поговорках, напр., *млати пари* 'заколачивать деньги'.

В высоком официальном стиле литературной речи почти нет места для турцизмов и сербизмов, кроме принятых литературной нормой терминов, не имеющих синонимов.

После 1991 г. исчезает языковая ситуация необходимости в сербско-македонском билингвизме, современная школьная и даже студенческая молодежь уже почти не знает сербского языка. Тем не менее много и турцизмов, и сербизмов традиционно осталось в разговорном стиле литературного языка и в нелитературной разговорной речи.

3. Сфера функционирования родного македонского языка в различных его функциональных разновидностях расширяется: в высоком официальном типе общения используется литературный македонский язык (в административно-деловом, научном, частично также и публицистическом функциональных стилях), который может функционировать и при непринужденном общении в разговорном функциональном стиле. Формируется также общеэтнический (национальный) функциональный страт македонского языка – общеразговорный язык, употребляемый при неофициальном, непринужденном общении в устной (чаще) и в письменной форме (например, в личных письмах). В интерперсональной коммуникации возможен и официальный стиль литературного языка: например, в разговоре подчиненного с начальством подчиненный обращается с почтением, употребляя официальный высокий стиль. Соблюдение литературной нормы в таком интерперсональном устном

inslav

общении зависит не только от почтительности и уважения к собеседнику, но и от грамотности коммуникантов.

Можно сказать, что разговорный македонский язык, функционирующий в неофициальной интерперсональной коммуникации, находится в оппозиции литературному языку как главному средству официальной коммуникации в Республике Македонии.

4. Разговорному македонскому языку, употребляющемуся в различных вариантах в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации и характера общения, а также от социального статуса и языковой компетентности говорящего и собеседника, свойственны как черты литературного языка, так и некодифицированные фонетические, лексические, словообразовательные, синтаксические особенности разговорной речи, которая может включать также диалектные и жаргонные компоненты. Л. Минова-Гюркова так определяет разговорный македонский язык: «Разговорный функциональный стиль (или язык) охватывает неслужебное (неофициальное), неконтролируемое, спонтанное, частное употребление национального (общенародного) языка каждым отдельным говорящим, начиная от неграмотного до философа» (Минова-Гюркова 2003: 215). Заметим тем не менее, что разговорный стиль (язык) неграмотного по многим лексическим, словообразовательным, фонетическим и т.п. особенностям, связанным и с диалектными чертами, будет отличаться от разговорного стиля (языка) высокообразованного философа. Думается, что современный разговорный македонский язык еще не стал единым общенародным в том смысле, что у него есть варианты – не только социальные, но все еще и сохраняющиеся диалектные. Л. Минова-Гюркова справедливо подчеркивает, что «разговорный стиль не подчиняется кодификации, однако, все-таки, у него свои правила, свои, прагматические, нормы, потому что, если кто-нибудь будет неоправданно и чрезмерно употреблять особенности, характерные для других стилей, например, абстрактную лексику, то будет воспринят превратно, чаще всего с иронией» (там же, с. 219). Представляется, что в интерперсональной комму-

inslav

никации любой коммуникант обладает своими собственными языковыми особенностями в рамках македонского языка – степенью соблюдения литературной нормы, любовью к иронии, употреблением фразеологических выражений различного происхождения и т.д. Л. Минова-Гюркова довольно подробно рассматривает характерные черты разговорного македонского стиля (языка) в фонетике, грамматике, лексике. Остановимся лишь на некоторых из них.

В разговорном стиле литературного языка как средстве неофициальной коммуникации образованных собеседников-македонцев, есть некоторые отличия от функциональных стилей литературного языка, употребляемых при официальной коммуникации. Так, например, в разговорном стиле литературного языка широко употребительны феминативы со значением лиц женского пола с суффиксом *-ка: професорка* 'профессор', *министерка* 'министр', *деканка* 'декан', *лекарка* 'врач, врачиха', *адвокатка* 'адвокат' и т.п.; школьники и студенты обращаются к преподавателю-женщине *професорке!* При официальной коммуникации в высоком стиле литературной речи профессии и должности называются в мужском роде, независимо от пола лица, занимающего эти должности: *професор Иваноска* (разг. *професорка Иваноска, министер Митрева* (разг. *министерка Митрева*), *госпоѓа декан* 'госпожа декан'.

Разговорный язык (и разговорный стиль литературного языка) могут использовать турцизмы, сербизмы, церковнославянизмы, придавая им экспрессивные значения. Например, новые, экспрессивные, значения могут получать старые турцизмы-историзмы: *агалак* '(ист.) поместье, землевладение – (разг. ирон.) «поместье», 'дача', *ага* (ист.) 'землевладелец' – (разг. ирон. или неодобр.) 'барин; самодур; владелец «поместья», дачи', *паша* (ист.) 'паша' – (разг. ирон.) 'хозяин «гарема» (о единственном мужчине в женском трудовом коллективе)', *чорбаџија* 'богач, богатей' и 'любитель чорбы (похлебки)'. Нормы македонского литературного языка, провозгласив отказ от церковнославянизмов в лексике и словообразовательных моделях, ус-

inslav

пешно заменили их лексемами с продуктивными суффиксами и приставками, присущими диалектам и народно-разговорному языку (*положение – положба* 'положение', *движешти – двигачки* 'движущий', *избирател – избирач* 'избиратель'), но церковнославянизмы находят употребление в разговорной иронически-экспрессивной литературной речи, например, разг. *патешествие* – лит. *патување* 'путешествие'.

Разговорный язык (стиль) широко использует разные словообразовательные средства и модели для образования новых слов (иногда и окказионализмов), в основном экспрессивно-эмоциональной окраски, используя при этом турецкие или сербские элементы, поскольку в прошлом эти языки были престижными. Так, возникшую под влиянием сербохорватского языка словообразовательную модель существительных с суффиксом *-ара* (с ударением на втором слоге, что противоречит норме) литературный язык заменяет моделями с другими суффиксами, например: разг. *билетара* – лит. *билетарница* 'билетная касса', *рибара – рибарница* 'рыбный магазин' и т.п., оставив в виде исключений лишь несколько слов, вошедших в македонский язык еще до его кодификации, например, *(Скопска) пивара* '(Скопский) пивоваренный комбинат', *(Битолска) свилара* '(Битольский) шелко-ткацкий комбинат'. А в разговорном нелитературном языке модель на *-ара* используется как в традиционных, так и в новых словах, без экспрессивной окраски: *свеќара* (лит. *свеќарница*) 'свечная лавка', *сендвичара* 'бутербродная', *сладоледара* 'кафе или киоск «Мороженое»', *клучара* 'мастерская по изготовлению ключей' и т.д., и т.п. Новые экспрессивно-окрашенные слова в разговорном стиле литературного языка и в нелитературном языке образуются также с помощью суффиксов турецкого происхождения, например: *чашкаџија* 'любитель пропустить рюмашку', *филмаџија* 'киношник, любитель кино', *викенџија /викендаш* (серб.) 'дачник, владелец загородного дома'.

Различие между литературным и нелитературным языком состоит в том, что в разговорном стиле литератур-

inslav

ного языка нелитературные разговорные слова и выражения из числа диалектных, жаргонных, турцизмов, сербизмов и т.п., могут встретиться только в экспрессивно-эмоциональной окраске, т.е. в функции просторечия.

Для интерперсональной коммуникации, в частности, важны формулы этикета. В разговорной практике, например, сохранились турецкие формы вежливости, употребляемые с разными оттенками значения в зависимости от функционального стиля и носителя языка: в диалектном и разговорном языке не очень грамотных македонцев турцизмы могут употребляться нейтрально, без какой-либо экспрессии или же с торжественно-высоким оттенком в значении. Эти же турцизмы в разговорной литературной речи грамотных людей получают только экспрессивное значение. Так, придя в гости к македонцам, родившимся в селе и, вероятно, почти неграмотным, я услышала почтительно-приветливое и пафосное *«Бујрум!»* (турецк.) 'Добро пожаловать!'; то же самое приветствие, но уже с юмором, услышала, входя в дом известного македонского писателя, очень образованного человека, – это было ироническое просторечное употребление турцизма; на базаре в Скопье это же выражение можно услышать при вежливой благодарности продавца (албанца, турка, македонца) за сделанную покупку (в значении 'вот, пожалуйста, возьмите, спасибо вам').

Различия между литературным и разговорным македонским языком могут проявляться и в грамматике, точнее, в прагматике. При обращении к слушателю по имени или должности, званию, правила литературного языка при официальном общении (в том числе и в высоком стиле) рекомендуют использовать формы вокатива: *Радо! /Ратке!* (от *Рада), Веро!* (от *Вера*), *Иване!* (от *Иван*), *Максиме!* (от *Максим*), *професоре!* (от *професор*), *мајсторе!* (от *мајстор*) 'шеф (при обращении к мастеровому, к водителю автобуса и т.п.)', *тетке!* (от *тетка* 'тетя, тетенька, тетушка – при обращении к родственнице или к незнакомой женщине'). В разговорной речи при обращении часто употребляется не-вокативная форма существительного со

inslav

звательной интонацией: *Рада!, Иван!, Максим!,* тем более что в непринужденной дружеской беседе весьма часто фигурируют уменьшительно-ласкательные существительные среднего рода с суффиксами *-че, -е,* вообще не имеющие форм вокатива: *Ленче!, Маре!, Лиле! Верче!, момче!* 'мальчик, парень', *девојче!* 'девочка, девушка, девонька', а некоторые уменьшительные мужские имена стали официальными и единственными: *Петре!, Миле!, Блаже!.*

При непринужденном, неофициальном языковом общении говорящий-македонец, как этого требует языковой менталитет, подлаживает свою речь под речь слушателя. Так, например, родители, для установления более близкого душевного контакта с сыном или дочерью, по мере своей компетенции переходят на молодежный жаргон. Простой македонец при разговоре с иностранцем, который по мнению македонца должен лучше понимать, скажем, сербский язык, поскольку он будто бы более престижен, чем македонский, пытается в такой коммуникативной ситуации использовать сербский в пределах своей даже очень слабой языковой компетенции. Престижность сербского языка в подсознании простых, не очень грамотных македонцев и использование его в контактах с иностранцами можно проиллюстрировать двумя весьма юмористическими эпизодами. (1; пример Д. Пандева) В 90-х гг. в Македонию приезжало много болгар отдохнуть на Охридском озере в г. Охриде и его окрестностях, они селились, главным образом, в частном секторе и без проблем ежедневно общались с хозяевами каждый на своем языке. Когда же местные хозяева-македонцы сердечно и торжественно провожали болгарских гостей, то напутствовали их на сербском языке: *«Дођите опет!»* 'Приезжайте еще!' (по-болгарски было бы *Елате/заповядайте пак!,* по-македонски – *Дојдете/повелете пак!*). (2) В Охрид часто приезжает один германский журналист, свободно говорящий по-македонски, однако с немецким акцентом. Однажды он нанял лодку (типа водного такси), чтобы покататься по Охридскому озеру, разговорился (по-македонски!) с лодочником, а тот стал отвечать ему на ужасно ломаном сербском языке, потому что уловил

inslav

иностранный акцент и решил, что с иностранцем следует говорить на более престижном сербском языке. Таким образом многовековая привычка к диглосии и к неродному языку в роли официального у отдельных представителей македонского этноса в языковом менталитете еще сохраняется.

С другой стороны, литературный язык как язык престижный (что очень важно для языкового менталитета) повлиял некоторыми своими нормами на все разновидности общенационального разговорного македонского языка. В качестве примера такого влияния можно указать на употребление глагольных форм типа *има*+причастие на *-но/-то*, выражающих перфектные результативные значения наряду с традиционным перфектом типа *сум* + глагольная форма на *-л*, который выступает также и в модальных значениях так называемого пересказа. Формы перфекта с *има* характерны для юго-западных македонских говоров и кодифицированы литературным язком, но не известны восточным македонским диалектам. Под влиянием литературного языка эти формы проникают в литературную речь македонцев из восточной части Македонии. При этом жители г. Охрида при интерперсональной коммуникации в перфектном результативном значении употребляют только формы типа *има* + причастие на *-но/-то,* а перфект типа *сум* + *-л*-форма употребляют лишь в модальном значении пересказа, что в общем-то совпадает с правилами литературного языка и полностью отвечает особенностям охридского говора (юго-запад Македонии).

Появившиеся в художественной литературе модальные глагольные формы, выражающие предположение с помощью частиц *ќе, да* и глагольных темпоральных словоформ и еще не грамматикализованные с четким грамматическим системным значением (т.е. сравнительно новые явления прагматического уровня), характерны и для разговорного языка (стиля), например: *тој ќе да е дојден* 'он, вероятно, пришел'; *колку години ќе да има момчево?* 'сколько лет будет (сейчас) этому парню?' – *ќе да има околу двајсет* 'около двадцати, наверное'; *Господи, колку сум*

inslav

лежел, ќе да поминаа петнаесет дена оттогаш, а може и повеќе (М. Фотев) 'Господи, сколько же я пролежал, с того времени прошло, наверное, дней пятнадцать, а может, и больше'. В официальной коммуникации (в высоком стиле литературной речи) подобные формы нам не встречались.

5. Балканская языковая ситуация и формировавшийся веками балканский языковой менталитет способствовали неофициальному контакту между разноязычными этносами. Естественно, что в таких условиях языковому пуризму в балканских диалектах не было места. Литературный македонский язык, очень близкий к народно-разговорному, сыграл большую роль как в этнической дифференциациии, так и в становлении этнической самоидентификации: македонские славяне не болгары, не сербы, а самостоятельная общность – македонцы, со своим общенациональным языком. Литературному македонскому языку, как языку балканского народа, свойственно отсутствие пуризма, и он типологически и психологически соответствует македонскому языковому менталитету. Лексический состав литературного македонского языка обогащался за счет лексики разных македонских диалектов и за счет заимствования книжной терминологической лексики из престижных соседних славянских языков – в основном сербохорватского, а также за счет интернационализмов, воспринимавшихся через посредство сербохорватского. Следует заметить, что в первые годы после кодификации в македонском литературном языке было заимствовано немало русизмов (возможно, не без посредства болгарского языка), поскольку русский язык тогда пользовался престижем; но вскоре влияние русского языка, в частности, из-за смены политических условий, потеряло свою актуальность, и большинство русизмов, совпавших с церковнославянизмами, было заменено македонскими словами (*убедителен* заменено на *убедлив, уважаван* – на *уважен, почитуван*, *состојание* – на *состојба, значимост* – на *значајност, важност, формулировка* – на *формулација, испитува* – на *чувствува, доживува,* и т.п.; в современном македонском литературном языке остались русизмы, обозначающие

inslav

главным образом советские и российские реалии типа *колхоз, перестројка* и нек. др.).

В последние годы всемирная глобализация в языковой сфере, выразившаяся в расширении престижа английского языка как средства международной коммуникации, охватила и Македонию. Литературный македонский язык заимствовал и заимствует много англицизмов (/американизмов), особенно в сфере информационных технологий. Англицизмы интенсивно проникают также и в публицистический стиль средств массовой информации, наиболее демократичный и свободный в соблюдении литературных норм. Приведем один пример из номеров за февраль 2004 г. газеты «Утрински весник»: сообщая о поездке македонской правительственной делегации к руководству Евросоюза с целью вручить документы о желании вступления Республики Македонии в Евросоюз, журналист употребил англицизм *апликација*. Это слово в македонском имеет разные значения – '1. аппликация 2. применение, приложение', но здесь это заимствование было употреблено в новом для македонского языка значении 'заявление, обращение с просьбой', которое по-македонски обычно выражается лексемами *молба* 'заявление, просьба' и *барање* 'просьба; требование; заявление'. Автор сообщения, повидимому, не хотел употреблять македонские термины из-за их семантических нюансов. В последующих номерах газеты он подвергся критике своих коллег-журналистов, не побоявшихся употребить и *молба*, и *барање* по поводу названия указанного документа. Однако термин *апликација* как название упомянутого документа и родственный ему глагол *аплицира* 'подать/подавать обращение с просьбой' продолжают употребляться в македонских газетах.

Под влиянием телевидения, в основном развлекающего зрителей американскими фильмами на английском языке (синхронный перевод отсутствует, применяются краткие титры), англицизмы проникают и в разговорный македонский язык. Молодые грамотные поколения, проявляют интерес к изучению английского языка и вносят англицизмы в свой молодежный жаргон (не только лексику из

inslav

области терминов информатики, но и нецензурные слова и выражения, услышанные из американских фильмов). В связи с большой безработицей в Македонии македонская молодежь интенсивно учит английский, чтобы скорее эмигрировать в Австралию, Канаду и некоторые другие англоязычные страны.

6. Республика Македония – полиэтническое государство, в котором менее престижные в социальном плане этносы знают не только официальный язык государства – македонский, но и языки других этносов. Мы уже отмечали, что более полиязычными оказываются этносы, имеющие более низкий социальный статус. Следует сказать, что в Республике Македонии было и есть много албанских школ в районах с преобладающим албанским населением, в последние годы открылся университет с обучением на албанском языке. В 2001 г. в Республике Македонии возник серьезный вооруженный межэтнический конфликт с местными албанцами, составляющими около 25% жителей республики. Среди политических требований албанцы выдвинули требование признать албанский язык в Республике Македонии в качестве официального наряду в македонским. По Охридскому договору 2001 г., зафиксировавшему примирение обоих этносов, албанский язык стал служебным наряду с македонским в районах с преобладающим албанским населением. Официальным языком Республики Македонии остается македонский литературный язык. Заметим, что в Республике Албании проживают этнические македонцы, которые в районах с большинством македонского населения обучаются в школах на родном македонском языке. Это единственное государство, кроме Республики Македонии, которое ввело македонский язык в школьное обучение сразу после кодификации македонского литературного языка 1945 года. Разумеется, албанские македонцы владеют и государственным языком свой страны – албанским.

7. Многовековая привычка к диглоссии осталась в языковой ментальности носителей македонского языка, поэтому многие не очень грамотные их представители все

inslav

еще пытаются использовать в интерперсональной коммуникации с незнакомыми людьми, особенно иностранцами, сербохорватский язык, даже если они фактически очень слабо его знают. Впрочем, молодые поколения, уже не изучающие сербохорватский в школе, едва ли переходят на сербский при общении с иностранцами, которые слабо знают (или не знают) македонский. Возможно, в этом случае македонская молодежь скорее будет использовать наиболее престижный для нее английский язык. Вопрос требует изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Конеский 1971 – *Б. Конески.* Јазикот на македонската народна поезија. Скопје 1971.

Конеский 1974 – *Б.Конеский.* Языковые связи македонской поэзии с фольклором // Исследования по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти В.В.Виноградова. М., 1974.

Конеский 1993 – *Б. Конески.* Македонскиот литературен јазик // Реферати на македонските слависти за XI меѓународен конгрес во Братислава. Скопје 1993.

Минова-Ѓуркова 2003 – *Л. Минова-Ѓуркова.* Стилистика на современиот македонски јазик. Скопје 2003.

Треневский 1997 – *Т. Треневски.* Јазичниот израз на средношколската младина во Скопје. Скопје 1997.

Усикова 1988 – *Усикова Р.П.* Этапы становления и развития македонского литературного языка // Теория и практика изучения славянских языков, Издательство МГУ, М. 1988, с. 4–11.

Усикова 1994 – *Усикова Р.П.* О языковой ситуации в Республике Македонии // Язык. Культура. Этнос. М., «Наука». С. 221–231.

Усикова 1996 – *Р. Усикова.* Забелешки по повод функционалните стилови во современиот македонски јазик // Македонскиот јазик од Мисирков до денес. Симпозиум 1993. Скопје, 1996, с.13–21.

Усикова 1997 – *Усикова Р.П.* Языковая ситуация в Республике Македонии и современное состояние македонского языка // Славяноведение. 2, 1997, с. 11–17.

Усикова 1999 – *Усикова Р.П.* Языковая ситуация в Македонии и явления языковой интерференции и диглоссии в македонском языке // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте (Материалы международной российско-македонской научной конференции, Москва, 15–16 сентября 1998 г.). М. 1999, с. 12–19.

Усикова 2003 – *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. М. 2003.

inslav

Усикова 2004 – *Усикова Р.П.* Связь между типологией македонского литературного языка и его интенсивным развитием (1945–2004). // Материалы научных чтений памяти заслуженных профессоров МГУ им. М.В.Ломоносова Р.Р.Кузнецовой и А.Г.Широковой. М. 2004. С. 55–58.

Цивьян 1979 – *Цивьян Т.В.* Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., «Наука», 1979.

Цивьян 1990 – *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М. 1990.

Rina. P. Usikova

Balkan Mentality and Functioning of Macedonian Literary Language

SUMMARY

For many centuries Balkan language situation and Balkan language mentality including the language Macedonian ethnos, urged to differentiate the languages, which can be used in official and non-official communication. That generated diglossia and polyglossia in countries with multilanguage ethnoses.

1. Since 1945 in Republic of Macedonia as official language came into usage literary Macedonian language instead of alien official (state) languages.

2. When in Macedonia an alien language was losing its socio-political role of official device in language communication, its borrowed elements moved to the lower stratae of Macedonian language – colloquial language, jargons and dialects. Such was the situations with the Turkish language, and later on with the Serbian language.

3. Literary Macedonian language can function in non-official communication in colloquial functional style. The all-ethnic (national) functional strata of the Macedonian language – all-colloquial (literary and non-literary) language -- is opposed to the literary language as the major device of official communication in the Republic of Macedonia.

4. In colloquial style of literary language the colloquial non-literary words and expressions such as dialectisms, jargonisms, Turkish and Serbian words, etc., can be found only in expressive-emotional usage, i.e. in the function of vernacular speech.

5. Literary Macedonian language as a language of a Balkan people is characterized by lack of purism which psychologi-

inslav

cally corresponds to the Macedonian language mentality. Meanwhile, Macedonian literary language has played an important role in formation of the national Macedonian self-consciousness.

inslav

А. И. Фалилеев

ГАЛЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОСТАТКИ С ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КЕЛЬТСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Проникновение кельтских племен в юго-восточную Европу и последовавшее за ним недолгое (по историческим меркам) их присутствие в этом регионе, о чем известно благодаря немногочисленным свидетельствам античных авторов и что подтверждено археологическими данными, уже долгое время вызывает самый пристальный интерес исследователей. В результате кропотливого анализа этого достаточно разрозненного материала появилось несколько комплексных обобщающих работ, в которых рассматривается история кельтских анклавов к востоку от Альп, см., в частности [Todorović 1974; Papazoglu 1978; Домарадски 1984]. Включение ряда территорий этого обширного региона в орбиту римского мира способствовало появлению новой волны кельтского «нашествия» – на этот раз в качестве ветеранов и солдат римской армии; их имена и отражены в эпиграфике Фракии и Мёзии, Дакии и Иллирии. Вполне понятно, что эти данные не прошли мимо внимания историков (см., к примеру, работы Б. Герова, в частности, Геров 1967: 30 и сл.), а для отдельных регионов были созданы и своеобразные каталоги кельтских антропонимов, как, например [Husar 1999] и [Matasović 2003: 21-24]. Исследования кельтской топонимики и личных имен, известных по разнообразным источникам, в первую очередь по сочинениям античных авторов и эпиграфике, в сочетании с историческими и археологическими данными помогают создать, хотя и достаточно пунктирно, картину двух этапов кельтского присутствия в этом географически обширном регионе.

Впрочем, кельтские языковые данные, известные по источникам, локализируемым в юго-восточной Европе, являются крайне необходимым подспорьем не только для исторических построений и анализа этнической ситуации в

inslav

восточноевропейских провинциях римской империи, но и для сравнительно-исторического изучения кельтских языков. Язык кельтов, осевших в районе современного города Белград или в юго-восточной части Балканского хребта – это и язык кельтского населения Галлии. Начиная с V в до н. э. кельтские племена, говорившие на некоторых диалектах галльского языка, двинулись по Дунаю на Балканы. В начале III века до н. э. они оказываются во Фракии, а в 279 году нападают на храм в Дельфах. Галльские племена мы находим в устье Дуная, северно-западной Дакии и даже в Малой Азии. От пребывания этих племен в юго-восточной Европе не сохранилось ни одного связного текста. Однако те достаточно немногочисленные географические названия и более широко представленные личные имена, которые известны благодаря присутствию кельтов к востоку от Альп, имеют первостепенное значение для галльских штудий, в том числе и из-за достаточно ограниченного корпуса «галльского языка в узком смысле слова», как точно определил А. А. Королев язык памятников, локализируемых в границах собственно Галлии; см.: [Калыгин, Королев 1989: 71]. За последние десятилетия появилось немало работ, обобщающих многолетние исследования остатков галльского языка, как, например [DLG] и [TLG]. К сожалению, в этих трудах по преимуществу рассматриваются данные из Западной Европы, иногда учитываются источники из Галатии, но весьма редко приводятся галльские формы, известные по надписям, скажем, Дакии или Фракии. Тем самым и без того ограниченный корпус оказывается еще более ограниченным, ср.: [Falileyev 2003: 281-283].

Понятно, что в ряде случаев личные имена или топонимы, обнаруживаемые в юго-восточной Европе, имеют точные соответствия в ономастике собственно Галлии, как, например, в случае с географическим названием Noviodunum, которым в античность назывались современные города Иссакча в Румынии и Ниевр во Франции. Однако нередко кельтская ономастика юго-восточной Европы, не имея параллелей на кельтском Западе,

inslav

оказывается значительным подспорьем для сравнительных кельтологических исследований и позволяет увеличить корпус галльского языка. Ниже будут рассмотрены ряд галльских личных имен, известных по надписям римского времени на территории Дакии, которые, похоже, оказались незафиксированными к западу от Альп, и, тем самым, представляют значительный интерес для кельтских и собственно галльских штудий.

Диплом, найденный в 1957 г. в Сэлаж (Sălaj, Румыния), неоднократно привлекал внимание историков; см. IDR I: 77-78 (и приведенную там библиографию):

[M(arco) V]lpio Landion[is f(ilio)--------]
[----------] Acherae AN MA[----------]
[----------] ARO f(ilio) eius et Sur[------]
[----------] Solorigi f(ilio) eius et Cr….f. eius
[----------] Suruccae fil. eius.

Эта надпись примечательна в нескольких отношениях. Галльское составное личное имя Solirix известно по нескольким надписям (TLG: 139; см. также KGP: 271). Антропоним входит в известную группу композитов на -rix (ср. Tanco-rix, Suadu-rix, Smerto-rix и т.д.), распространенных как на кельтском Западе, так и на Востоке. Этимологическая интерпретация первого компонента может вызывать разногласия (см. DLG : 243 s.v. *suli- / soli-* и приведенную там библиографию), однако в кельтском происхождении этого элемента составного имени никто не сомневается. Примечательно, что в обеих аттестациях имени из «Галлии в узком смысле этого слова» первый компонент представлен формой на *-i*, и только в надписи из Дакии появляется *-o*. Известно несколько объяснений этого явления, в частности, со ссылкой на латинское посредство при передаче форм на *-i* (так: К. Х. Шмидт в KGP: 91; Duridanov 1997: 136). В ряде случаев представляется возможным предложить и иную интерпретацию (ср., в том числе, Бешевлиев 1952: 239-245), однако для галльского корпуса сам факт реального существования формы Solo-

inslav

наряду с известным Soli- представляет значительный интерес.

Немаловажно и то, что в этом дипломе, где имеется неоспоримый галльский антропоним *Solorix*, присутствует и личное имя *Suruccae*. С точки зрения И. Руссу (IDR I : 79), его можно рассматривать в качестве «дако-романского» варианта кельтского имени *Suricus*, *Surica*. В свое время Д. Эллис Эванс (GPN : 472-473) достаточно осторожно рассмотрел возможность анализа личного имени *Surus*, известного по целому ряду памятников с территории античной Галлии, в качестве кельтского. Он также приводит антропоним *Sura* (см. также Alföldy 1993: 4-5) и несколько сходно выглядящих гидронимов, впрочем, отмечая сложность их однозначной языковой атрибуции. Очевидно, что не во всех случаях, и, в особенности, если речь идет о памятниках, локализуемых к востоку от Альп, подобные личные имена можно однозначно интерпретировать как кельтские, см., к примеру, подборку антропонимов на *Sura-* в работе [Detschew 1976: 470-472]. Представляется, однако, что антропоним *Suruccae* из Дакии позволяет несколько по-иному взглянуть на галльские данные, известные по памятникам из западного анклава кельтского мира. В кельтской антропонимике Западной Европы известно несколько галльских личных имен, содержащих компонент *rucco-*, ср. Seno-*ruccus*, Ad-*ruci*, At-*ruciani*, *Ruca*, *Rocco-* и т. д. Существует некоторые сложности с установлением точного значения соответствующего апеллятива в галльском (см. DLG: 223), однако его сближение с др.-ирл. *ruccae* 'rougeur, honte, pudeur' принимается всеми исследователями. Далее, стоит обратить внимание на галльск. *su-* 'добрый, хороший', которое нередко оказывается в качестве первого компонента составных имен, как, например, *Su*carus (см. подборку примеров в GPN: 257-258; DLG: 239-240). Таким образом, можно высказать предположение, что за личным именем *Suruccae* может в действительности стоять композит *su-rucc*(*-a*). В таком случае, от предложения о «дако-романском» посредстве при передаче этого

inslav

кельтского имени, хотя и, похоже, неизвестного по другим памятникам галльского языка, стоит отказаться.

Крайне интересным для кельтологии является и военный диплом, датируемый 106 годом, и обнаруженный в 1939 г. в Поролиссуме (IDR I: 69-72). Он свидетельствует о том, что некий M(arco) Ulpio Adcobrovati f(ilio) Novanticoni, Ratis является римским гражданином. Населенный пункт Ratae Coritanorum, главный город Civitas Cartionorum, давно и надежно ассоциируется с современным Лейнстером в Англии: он упоминается в "Географии" Птолемея, Итинерариях и "Космографии" Равеннского Анонима, см. [Rivet, Smith 1979: 443-444]. Несмотря на то, что этот римский гражданин является выходцем с Британских островов, мы не находим личное имя *Adcobrovatus в современных сводах галльской антропонимики Западной Европы. При этом нет никаких сомнений, что имя является кельтским (галльским) по происхождению. Действительно, компоненты *ad-*, *cobro-* и *vatus* достаточно хорошо представлены в галльской антропонимике, ср. *Ad*-bogius, *Ad*-mata (KGP: 111-117; GPN: 128-131), *Cobro*-uo-mar(us), *Cobro*-mara (GPN: 185; Birkhan 1971: 23-24), *Uatus*, *Uatinus* (DLG: 259). Однако сочетание приведенных трех компонентов в одном антропониме представлено только в этом галльском личном имени с территории Дакии.

Неизвестно по другим источникам и личное имя *Novanticonus*. Первая часть этого антропонима представлено производным на *-*ant*- от кельтского **поu̯io-*, ср., к примеру, этнонимы Novantae и Trinovantae; гипотезы об их значении и этимологии удобно собраны в: [Rivet, Smith 1979: 427]. Второй компонент личного имени, следуя традиции, стоит рассматривать как вариант галльск. -gen(n)- / -gon- (ср. лат. genus), весьма частотного в галльской антропонимике, ср. Con-*gonius*, Caeda-*gonum*, Con-*gonnae* (KGP: 219; cf. DLG: 149-150; о написании его начальной согласной как *c* и *g* см. библиографию, приведенную в последней из указанных работ). Таким образом, в распоряжении сравнительной кельтологии

inslav

оказывается еще один неоспоримо галльский антропоним, не имеющий абсолютно точных параллелей на кельтском Западе.

Интересное кельтское имя обнаруживается в ещё одном дипломе из Дакии (IDR I: 121-126). Галльский антропоним Ivonercus (в надписи – в форме датива) не встречается ни к востоку, ни к западу от Альп. Первый компонент двусоставного личного имени хорошо известен: галльское **iuo-* 'ива' восстанавливается на основании средневековых островных кельтских апеллятивов (др.-ирл. éo, др.-корнск. hiuin, об этимологии см. Falileyev 1999: 44-45) и с учетом многочисленных галльских антропонимов, ср. Ivi-mari, Ivo-magi и Ivo-rigi (KGP: 228). Вторая же составляющая этого имени, как кажется, не обнаружена в корпусе галльского языка к западу от Альп, а соответствия реконструируемому на основании этого антропонима галльского *nerk-, похоже, неизвестны и в островных кельтских языках. И. Руссу (IDR I: 126) ссылается на приведенную А. Хольдером [Holder II: 719] форму Nercod, однако ее анализ как галльской может вызывать и сомнения. В то же время в галльском ономастиконе известно несколько имен, содержащих компонент (-)*nerto-*, напр., *Esu-nertus* или *Uro-geno-nertus*, и можно было бы сделать предположение, что в действительности за написанием Ivo-nerco скрывается *Ivo-nerto. Впрочем, можно было бы и представить, что перед нами – производное от того же индоевропейского корня **ner-* (соответственно, **$h_2$ner-*, греч. ἀνήρ), однако не на *-to-*, как в случае с галльским **ner-to-* (= др.-ирл. *nert*, валл. *nerth*), но на велярный. Производные на **-k-* известны кельтским языкам, как континентальным (= древнекельтским), так и островным (= новокельтским) (Pedersen 1913: 29 и сл.; De Bernardo Stempel 1999: 311-313; о классификации кельтских языков в русскоязычной традиции см.: Калыгин, Королев 1989: 5-7), однако постулируемая в таком случае праформа **ner-k-* не находит соответствий ни в кельтской древности, ни в средневековье. С другой стороны, можно было бы предположить, что приведенная форма содержит

inslav

суффикс *-rk-* (о котором см.: Pedersen 1913: 33). Естественно, что в таком случае появляется несколько возможных интерпретаций корня, от которого этот компонент галльского составного имени мог быть образован. В любом случае, является ли этот компонент производным на велярный или он содержит гораздо менее распространенный суффикс *-rk-* (ср.: Russell 1990: 13), причем, в таком случае, идентификация корня позволяет многочисленные манипуляции как с индоевропейским, так и общекельтским инвентарем корневых морфем, нет сомнений в том, что рассматриваемый антропоним должен занять свое место в корпусе остатков галльского языка.

Проблемы, нередко возникающие при атрибуции известных по латинской эпиграфике личных имен тому или иному языку, к сожалению, достаточно хорошо известны исследователям. Латинские надписи юго-восточной Европы не являются исключением: они также содержат немало антропонимов, позволяющих как кельтскую, так и иноязычную интерпретацию. При работе над корпусом «галльского языка в широком смысле» подобные случае должны быть несомненно учтены как потенциально кельтские. Так, в этом отношении стоит отметить следующую надпись из Гермисары (IDR III/3: 220-221):

Silvanis et
Silvano Cam-
pest(ribus) pro <pro>
sal(ute) Boceni Fr-
onto pater (posuit ?).

Уже И. Руссу при анализе этого текста (в IDR III/3: 221) высказал предположение, что *Bocenus* надписи может быть и кельтским именем; впрочем, он допускал и его африканское или семитское происхождение. Тот факт, что в этом регионе не зафиксировано других кельтских имен, вполне естественно, не может служить препятствием для того, чтобы антропоним в действительности мог оказаться галльским. Если он является таковым, то становится

inslav

возможным несколько его интерпретаций. Если не допускать даже минимальных эмендаций этой формы (иначе ср., к примеру, многочисленные галльские личные имена и этниконы с *bogio*, GPN: 152-153, причем нередко с написанием *c* вместо *g*, или формы на *boc*(*c*)*a*-, удобно собранные в TLG: 31, которые, впрочем, остаются во многом проблематичными), то предпочтительнее всего было бы увидеть в этом антропониме композит. Первую часть его можно было бы сопоставить с известным галльским *bo* 'корова' (ср. др.-ирл. *bó* 'то же'), хорошо представленной и в континентальной, и в островной кельтской ономастике, ср. галльские двусоставные имена Bo-mar(us) 'groβ an Kühen' и Bo-valus 'mächtig an Kühen' (KGP: 153). Второй же компонент можно было бы сопоставить с не менее известным галльским -cen- / -gen-, о котором см. выше. Такая интерпретация, что немаловажно, поддерживается и известными параллелями из галльской антропонимики, ср., к примеру, Matu-ceni (gen.), Matu-cenia, возможно, содержащие галльское название 'медведя' в качестве первого компонента (GPN: 228-231).

Таким образом, галльские личные имена, обнаруживаемые в эпиграфике юго-восточной Европы римской эпохи, представляют значительный интерес для исследования кельтской антропонимики, а также и для сравнительного изучения кельтских языков в целом. Без учета же этих данных корпус галльского языка не может не оставаться неполным.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бешевлиев 1952 = В. Бешевлиев. Една особеност в образуването на сложните местни названия от латински произход в Мизия и Тракия // *Известия на института за български език*, 1952, т. 1. С. 239-245.

Геров 1967 = Б. Геров. Проучвания върху западнотракийските земи през римско време. Част 2 // *Годишник на Софийския университет. Факултет по западни филологии*, 1967, т. 61. 1. С. 1-101.

Домарадски 1984 = М. Домарадски. *Келтите на Балканския полуостров*. София, 1984.

Калыгин, Королев 1989 = В. П. Калыгин, А. А. Королев. *Введение в кельтскую филологию*. М., 1989.

inslav

Alföldy 1993 = G. Alföldy. Die Personennamen auf den Bleietiketten von Kalsdorf (Steiermark) in Noricum // *Sprachen und Schriften des antiken Mittelmeerraums*. Innsbruck, 1993. S. 1-32.
Birkhan 1971 = H. Birkhan. Die "keltischen" Personennamen des boiischen Groβsilbers // *Die Sprache*, 1971, B. 17. S. 23-33.
De Bernardo Stempel 1999 = P. De Bernardo Stempel. *Wortbildung des älteren Irischen: Stammbildung und Derivation*. Tübingen, 1999.
Detschew 1976 = D. Detschew. *Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1976.
DLG = X. Delamarre. *Dictionnaire de la langue Gauloise*. Paris, 2001.
Duridanov 1997 = I. Duridanov. Keltische Sprachspuren in Thrakien und Mösien // *Zeitschrift für celtische Philologie*, 1997, B. 49/50. S. 130-142.
Falileyev 1999 = A. Falileyev. CT / PT VII, 23-24 *kat yn aber / ioed y dygyfranc adur breuer* und die frühwalisische Schlachtenkatalogtradition // *Akten des Zweiten Symposiums deutschsprachiger Keltologen*. Tübingen, 1999. S. 32-46.
Falileyev 2003 = A. Falileyev. Rez. DLG // *Folia Linguistica Historica*, 2003, T. 24. P. 281-293.
GPN = D. Ellis Evans. *Gaulish Personal Names*. Oxford, 1967.
Holder = A. Holder. *Alt-celtischer Sprachschatz*. Bd. I-III. Leipzig, 1896-1910.
Husar 1999 = A. Husar. *Celți şi Germani în Dacia Romană*. Cluj, 1999.
IDR I = I. Russu. *Inscripțiile Daciei Romane*. V. I. Bucureşti, 1975.
IDR III/3 = I. Russu. *Inscripțiile Daciei Romane*. V. III/3. Bucureşti, 1984.
KGP = K. H. Schmidt. Die Komposition in gallischen Personennamen // *Zeitschrift für celtische Philologie* 1957, Bd. 26. S. 33-301.
Matasović 2003 = R. Matasović. Jezični tragovi Kelta u Iliriku // *Latina et Graeca*, nova serija, 2003, T. 3. P. 5-24.
Papazoglu 1978 = F. Papazoglu. *The Central Balkan Tribes in Pre-Roman times*. Amsterdam, 1978.
Pedersen 1913 = H. Pedersen. *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*. Band II. Göttingen, 1913.
Rivet, Smith 1979 = A. F. L. Rivet, C. Smith. *The Place-Names of Roman Britain*. London, 1979.
Russell 1990 = P. Russell. *Celtic Word-Formation. The Velar Suffixes*. Dublin, 1990.
TLG = P.-H. Billy. *Thesaurus Linguae Gallicae*. Hildesheim, etc., 1993.
Todorović 1974 = J. Todorović. *Scordisci*. Novi Sad, 1974.

inslav

Alexander I. Falileyev

Gaulish linguistic remnants in South-Eastern Europe and their importance for the study of the Celtic personal names

SUMMARY

The Celtic presence in South-Eastern Europe in antiquity has been studied from various standpoints. Testimony of classical authors together with archaeological finds provides an indispensable basis for a study of Celtic movement and settlement in the area. The study also benefits from analysis of early Celtic onomastics of the region. A somewhat later source – Celtic personal names in Latin inscriptions of the Roman era – is important insofar as it provides information about ethnical interrelationship in the areas where the inscriptions are found. The Celtic data obtained from South-Eastern Europe is of importance not only for historic, but for linguistic studies as well. Unfortunately, it does not include a single text and is in fact confined to personal and divine names (or epithets) and toponyms. Notwithstanding this restriction the remnants of Gaulish found in these areas offer interesting parallels to the data found in Gaul, and sometimes the forms that are attested here do not have correspondences in the Western-European sources. For example, the personal name *Solirix* is attested at least two times in Gaul; but it is only in Dacia (military diploma from Sălaj, edited by I. Russu, *Inscripțiile Daciei Romane* I (Bucureşti 1975), p. 77-81) that the name is found in the spelling **Solorix*. The same text contains a form *Suruccae* (possibly a compounded name, cf. Gaulish *su-* 'good' and *rucco-* in *Seno-ruccus*, etc., cf. Ir. *ruccae*) which is of importance for Celtic studies as it may clarify the linguistic attribution of certain similar-looking forms attested in Gaul. Personal names *Adcobrovatus*, *Novanticonus* and *Ivonercus* found in the inscriptions of Dacia are not attested un the Celtic West. In this paper I also discuss a potentially Gaulish name *Bocenus*, although its different linguistic attribution is possible.

inslav

Т. В. Цивьян

ПТИЦЫ–«КУРЬЕРЫ»
мотив связи *верхнего и нижнего* мира в балканской перспективе*

Представления о зеркальном сходстве *верхнего* и *нижнего* (*земного* и *подземного*, мира *живых* и мира *мертвых, нашего* и *иного*) принадлежат в архетипической модели мира к числу универсалий. Взаимное отражение миров как бы опровергает границу между жизнью и смертью и имплицирует парадоксальную ситуацию: продолжение земной жизни в подземном мире («жизнь мертвых»), контакты между мирами вплоть до взаимных визитов. Эти визиты несимметричны. Посещение нижнего мира живыми происходит лишь в исключительных случаях (ср. хрестоматийные сюжеты — Одиссей, Орфей), и оно крайне опасно. Посещение верхнего мира мертвыми (приход в родной дом, свидания на могиле и т. п.) происходит регулярно: указанные в народном календаре «дни поминовения», «родительские дни» и под. дают расписание этих контактов/визитов в годовом т.е. циклически повторяющемся времени *вечного возвращения*[1]. Кроме того, «жители» нижнего мира могут появляться в верхнем мире и вне регламента — с благой (помощь) или злокозненной (вредительство) целью; такого рода нарушения могут быть опасны и для живых и для мертвых. При страхе перед миром мертвых, живые весьма заинтересованы в контактах с ним, прежде всего для получения важной для себя информации[2]. На стремлениях и надеждах узнать от мертвых судьбу живых (так реализуется связь прошлого с

---

* Статья написана при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» (Проект «Структура и лингвистическая организация славянского текста в синхронии и диахронии»).

[1] В кругу балканских традиций см., в частности: для албанской [Frasheri 1936]; для греческой [Megas 1958]; для румынской [Tipologia 1970]; для славянской [Агапкина 2002] и др.

[2] Ср. обращение Ахматовой за тайными знаниями к умершему: *Теперь ты там, где знают всё. / Скажи…*

inslav

будущим: *in my past is my beginning*) основана некромантия. Но здесь рассматриваются несколько иные сюжеты.

В балканских фольклорных традициях мотив контактов между мирами чрезвычайно распространен, и можно сказать, что желание постоянно обмениваться информацией о «жизни живых» и «жизни мертвых» подчеркнуто. Взаимное общение обеспечивается с помощью специальных каналов связи, позволяющих живым и мертвым получать сведения друг о друге за пределами некромантии и календарного регламента. Передача такого рода сведений возложена на специальных курьеров. Мы уже писали о новогреческом Хароне, который постоянно путешествует по маршруту *туда–обратно*, уводя души в *нижний* мир и возвращаясь в верхний за новыми. При этом у живых могут завязываться с Хароном деловые, дружеские и даже родственные отношения. Коммуникация между верхним и нижним миром актуализована не только в греческой, но и в других балканских традициях. Типовой случай — диалог, устный и даже письменный Он может вестись между живыми и мертвыми непосредственно или через посредника, который является представителем *нижнего* мира (Харон, славянская Черна Чума и т. п.) или, во всяком случае, с *нижним* миром связан (колдуны, знахари и т. п.) [Цивьян 1999, 349–350]. Посреднические функции могут возлагаться и на специальных информаторов-«курьеров»; поручаются они обычно летающим существам, прежде всего птицам[3]. Достаточно напомнить о роли птиц в знаменитом балканском сюжете «Приход мертвого брата»: они прилетают (летят рядом), пытаясь сообщить героине, что она едет с мертвым; в другом сюжете птицы предупреждают об инцесте и вовремя разрушают свадьбу

[3] Но и насекомым, например, бабочкам, ср. распространенное представление души не только в виде птицы, но и в виде бабочки; укажем здесь хотя бы данные славянских традиций [СД 1995, s.v. *бабочка*]. О других вариантах, например, особых знаках — предметы, звуки, цвета́, запахи и под. — мы пока не говорим, это отдельная тема.

inslav

брата с сестрой (мотивы, которые встречаются и за пределами Балкан) и т. д.

Мотив птиц, информаторов и курьеров в греческой традиции подробно проанализирован в недавно вышедшем бестиарии [Bestiaire 1997, 57 сл.]: птицы «говорят нечто» (*το λεν*), причем содержание их сообщения может, среди прочего, определяться местом, где это происходит; так например, птицы, поющие над могилой, оплакивают умерших[4]. Нас, однако, специально интересует роль тех птиц, которые осуществляют связь между миром живых и миром мертвых:

«Птица, обычно соловей или ласточка, должна передавать сообщения от мертвых к живым и vice versa. Этот мотив представлен в большом числе песен, в частности, в песнях о сооружении могилы:

Μαστόροι μου να χτίσετε δυό νοματών κιβούρι
Και στην δεξιά μου τη μεριά ν' αφήστε παραθύρι...
Να μπαινοβγαίνει το πουλί, να φέρει τα χαμπέρια»[5]
[Bestiaire 1997, 273–274]

Мотив *отверстия/окна* в могиле или гробе известен и по другим балканским традициям, и окно это может выполнять разные функции. Так, в сюжете строительной жертвы («Мастер Маноле») героиня просит не замуровывать ее целиком, а оставить отверстие, чтобы она могла кормить ребенка. В греческом примере существенно то, что подчеркивается «информативная» роль окна (в мифологическом словаре *окно* — средство визуальной связи с внешним миром), и, более того, указывается курьер (το πουλί «птица»), на которого возлагается передача соответствующей информации и обеспечения связи между мирами — что важно, связи в двух направлениях

---

[4] Το λεν τ' αηδόνια φλιβερά κ' οι κούκοι λυπημένα «Об этом с грустью говорят соловьи и с печалью кукушки» [Bestiaire 1997, 59].

[5] «Мастера, постройте мне могилу на два места
И с правой стороны оставьте мне окошко...
Чтобы птица влетала и вылетала, чтобы приносила вести».

inslav

(*μπαινοβγαίνω*), т.е. «туда–обратно» (маршрут Харона). Реализация этого зафиксирована в причитаниях, в сюжетно-формульном клише «прилетает птица из нижнего мира, к ней сбегается народ, узнать новости об умерших близких» (или узнать вообще, «что хорошего на том свете?»), ср., например:

Ένα πουλακι έβγαινε από τον Κάτω Κόσμο...
Τρέχουν μανίτζες το ρωτούν, νυφάδες το ξετάζουν:
– Το τι χαμπέρ', πουλάκι μου, ν-από τον Κάτω Κόσμο;
«Птичка вылетела из Нижнего Мира...
Бегут матери, спросить ее, жены, выспросить у нее:
— Какие новости, птичка, из Нижнего Мира?»
[Μότσιος 1995, 177, №43, см. также №№ 44, 45 и др.]

Выбор птицы в качестве курьера понятен и обоснован: она мобильна и, главное, движется и по горизонтали (летает над землей), и по вертикали (*сверху вниз*, с неба на землю и под землю, и *снизу вверх*, из-под земли на землю и на небо)[6]. Это движение=полет отождествляется с полетом души, оставляющей тело (ср. выше об отождествлении души с птицей). Но у птицы есть и еще один важный признак: голос=речь. Птица поет, и ее пение легко «переводится» на человеческий язык[7].

Эти два признака — *крылья/полет* и *голос/речь* — и являются определяющими в «назначении» птицы связным между *верхним* и *нижним* мирами.

---

[6] Подземные полеты, разумеется, принадлежат фольклорно-мифологической сфере.

[7] «Еще одна способность, выделяющая птиц из числа других животных, связана с их акустической характеристикой. Практически всем птицам (в том числе и домашним) приписывается способность произносить различные словесные возгласы и целые высказывания. Вербальная передача птичьих криков составляет основу особых звукоподражательных текстов...» [Гура 1997, 530; см. также работы автора, специально посвященные текстам такого рода]. Ср. распространенный мотив превращения человека в птицу и расшифровки ее пения в слова, связанные с соответствующим сюжетом. Так сохраняется ее связь с прежним, человеческим обликом.

inslav

Мы обращаемся далее к албанской эпической традиции, к богатырскому циклу, где есть замечательный пример не только связи, но почти смешения мира живых и мира мертвых, причем птице отведена в этом объединении миров роль медиатора. Мы рассматриваем две песни: «Смерть Муйи» и «Смерть Халиля»: «Deka e Mujit», «Halili mas deket» [Kenge 1955, №№ 57, 58].

Муйи — старший из богатырей мифической страны Ютбины, глава мусульманской четы, Халиль — его младший брат. Им противостоит глава христианской четы, слав Капедан (Krajle Kapedani, Kreshto Kapedani). Вражда между ними продолжается и после смерти братьев Муйи и/или Халиля[8]. По поводу такого продолжения публикатор песен К. Хаджихасани замечает, что албанские богатыри (*kreshnikët, крешники*) и после смерти разговаривают с живыми, более того, они могут встать из могилы, возвратиться в Ютбину и начать жить своей обычной жизнью [Kenge 1955, 292]. В нашем случае этого не происходит, мертвый богатырь не может встать из могилы, однако испытывает страдания от того, что враг оскорбительно тревожит его покой, приходит к могиле, вызывает его на поединок, угрожая, что в противном случае выроет его из могилы и сдерет с него шкуру:

…Там король нашел могилу Муйи,
Стал кричать ему: — Вставай из гроба!
Завтра в два часа с тобой сразимся.
А не встанешь из земли на битву,

[8] Обе песни, записанные в разных районах Албании («Deka e Muit» – Berishë-Malsi i Gjakovës, «Halili mas deket» – Kastrat), находятся в дополнительном распределении. В одном варианте умирает старший брат, Муйи, и действует младший, Халиль, в другом умирает младший брат, Халиль, и к нему на помощь приходит старший, Муйи. В своем анализе (и в цитировании) мы как бы объединяем оба текста, чтобы максимально использовать все содержащиеся в них мифологические детали. Мотив братьев, столь важный в балканской традиции (дружба или соперничество, расставание и узнавание и т. д.) особая тема, которой мы здесь не касаемся.

inslav

Я твою могилу раскопаю,
мясники сдерут с тебя всю кожу!
(«Смерть Муйи», [Kenget 1955,111])[9]

Мертвый герой хочет позвать на помощь брата (Муйи Халиля или Халиль Муйи), но поскольку не может сделать это сам (он не может встать из могилы), то передает свою просьбу через посредника-курьера; им становится птица (кукушка), которая летит к дому брата. Кукушка выполняет просьбу, хотя и с риском для себя самой: в доме брата ее прогоняют, грозят убить, считая вестницей смерти. В конце концов, ей удается объяснить, в чем дело. Брат спешит на помощь и убивает Капедана вместе с его воинами.

Сюжет достаточно простой, но с неповторимым «балканским» и, более точно, «албанским лицом» (ср. высказанные уже давно мысли о характерном для БММ монтаже уникального из неуникальных элементов [Цивьян 1990]). Мифологические мотивы, может быть, и универсальные, соединены в ткань сложного плетения, где особая, характерная для албанской традиции брутальность и резкость сочетается с тонко разработанными художественными приемами. Особенно существенны составляющие, на которых построен сюжет: *звук* и *движение*, объединенные мотивом *смерти*. Под *звуком* имеется в виду не только звучание как таковое, но *голос* (человеческий и птичий) и *речь* (человеческая). Сюжет использует акустический код модели мира (ММ) и специально балканской модели мира (БММ). Движение идет в двух направлениях, по горизонтали и по вертикали. По горизонтали, **от** могилы героя **к** его дому (кукушка); **к** могиле героя разные персонажи из разных точек:

[9] Ср. «вариант Халиля»: «"Встань, негодник, выходи на битву! / Путь когда-то преграждал ты славам, / Страх внушал ты славам всем в сраженьях!" / Так он издевается над мертвым, / Топчет и бесчестит он могилу / И последний сон тревожит смехом». — Здесь и далее стихотворные переводы даются по изданию «Старинные албанские сказания» [Алб. сказ. 1971, 105].

inslav

кукушка неизвестно откуда, враги со своей территории (по крайней мере дважды); брат **от** своего дома. Вертикаль требует особых комментариев.

Движение по вертикали манифестируется не прямым образом, но в связи со звуком. Во-первых, это голос героя идущий снизу, из-под земли, во-вторых, голос птицы, идущий сверху, ср. подчеркивание того, что она, прилетая, садится на ветви (высокого) дерева или на самую его верхушку: «Qyqja e kuqe n'bjeshkë ka kndue / Në nji rrem t'thatë qyqja ka hukatë /... N'maje t'majes ke me shkue me ra...» [Kenge 1955, 292], — к архетипическому мотиву птицы, сидящей на вершине мирового древа. Такое вплетение голоса в движение дополнительно подчеркивает значение звуковой стороны в сюжете: действительно, диалоги занимают большее место и в определенном смысле играют едва ли не бóльшую роль, чем действия.

Герой умирает, и враги через три года обнаруживают, что не слышно его голоса («Qe tri vjet zani na i ka hupë» [Kenge 1955, 298]). Именно это молчание/тишина вызывает у них беспокойство (исчезновение голоса = исчезновение героя) и побуждает к поискам. Узнав о его смерти, они находят его могилу и криком («...po m'bërtet» [Kenge 1955, 293]) вызывают героя на поединок, покрывая при этом угрозами и оскорблениями. Врагу герой не отвечает, он «поднимает голос», обращаясь к брату, и, как уже было сказано, может сделать это только через посредника-курьера. Это крайне значимая деталь. Голос может преодолеть расстояние по вертикали, но не по горизонтали: птица, сидящая на дереве над могилой, его слышит, а брат, находящийся далеко (и при этом по горизонтали), не слышит, для этого нужен специальный «транслятор». Им и становится птица, которая может летать и по горизонтали, и по вертикали (см. выше).

Муйи просит Господа послать ему птицу[10], и тот выполняет его желание, выбирая кукушку, которая

[10] Характерно, что герой обращается к «турецкому» богу: оправданием своей просьбы он считает то, что «Господь сделал его турком»:

inslav

прилетает на могилу и поет (*n'vorr qyqja po këndon*). Услышав ее пение/голос (т.е. убедившись, что птица прилетела), Муйи обращается к ней с просьбой. В варианте с Халилем, кукушка прилетает сама и начинает петь. В ответ на ее пение «из земли выходит голос» и повергает кукушку в изумление: голос она слышит, но при этом никого не видит и не может понять, кому этот голос принадлежит. Тогда голос объясняет, что он принадлежит мертвому, и видеть его владельца поэтому невозможно, а вслед за этим излагает свою просьбу – полететь к брату и рассказать об издевательствах врага (зд. Крешти):

Qyqja e kuqe n'bjeshkë ka kndue,
Në njirremt'thatë qyqja kahukatë,
Nji zâ prej dheut atherë ka dalë,
Ç'ka ditë qyqes e i ka thanë:
«Nji amanet, quqe, due me t'lanë,
Nji fjalë Mujit n'Jutbinë ma m'ja çue».
Qyqja e kuqe ç'ka ditë ei a thanë:
«Amanetin e mban edhe toka;
Por çudë mue âsht tue m'ardhë,
Zâ po ndiej e kend nuk jam tue pa;
Un jam msue vetun n'jeremi,
Po njiksi zani kurr nuk kam ndie».
Kqyr Halili atherë se shka i ka thanë:
«Jam i dekun, me sy s'ke si me m'pa...»...
(«Halili mas deket», [Kenge 1955, 292])

Герой объясняет, как выполнить его просьбу: кукушка должна полететь к дому брата, во дворе сесть на верхушку дерева и дважды или трижды подать *голос* (запеть), чтобы на этот голос вышли из дома родные: тогда кукушка передаст им поручение мертвого героя (т.е. перейдет на человеческий язык). На этом ее роль курьера оканчивается: брат спешит к могиле, подстерегает там врагов, расправляется с ними и возвращается в Ютбину.

«Hej, ti zot, turk në m'paç falë,
Nji shpend n'vorr me ma pru». [Kenge 1955, 298]

inslav

Пока говорилось о связи *голоса/речи* и *движения*, на чем, собственно, и основана роль птицы как посредника между живыми и мертвыми. Сюжет, однако, этим не исчерпывается. В нем есть и дополнительная тема: связь *голоса* и *смерти* (более широко, опасности, ведущей к смерти). Мотив голоса (канала информации) и смерти выступает неоднократно и в сложном сочетании: возникают ситуации недоразумения (непонимания, удивления, сомнения), т.е. той неопределенности и амбивалентности, ухода от однозначного решения, которая столь характерна для структуры БММ [Цивьян 1990, Цивьян 1999, passim]. Перечислим основные повороты сюжета, связанные с *голосом* и *смертью*.

1. Муйи просит, чтобы на его могиле не было причитаний «Gjamë për mue s'kini me bâ» (собств., «чтобы не было шума», *голосов*) [Kenge 1955, 297]), иначе враги узнают о его *смерти* и могут напасть на Ютбину и на дом брата.

2. Враги (см. выше) не понимают, почему они в течение трех лет не слышат *голоса* Муйи: это вызывает у них беспокойство. Узнав, что он *мертв*, они начинают искать его могилу, находят ее и *криками* вызывают героя на поединок[11].

3. Птица, поющая над могилой, не понимает, чей *голос* она слышит; оказывается — *голос мертвого* брата, которого нельзя увидеть.

4. Адресаты просьбы, услышав *голос* (пение) птицы не понимают, зачем она прилетела, и собираются ее убить как носителя *смерти*. Здесь лежит объяснение того, почему Господь выбрал в качестве курьера кукушку (или вообще, почему в сюжете действует именно кукушка). В албанской, как и в других балканских и небалканских традициях, кукушка связана с миром мертвых, и ее голос предвещает смерть[12]. В данном случае оказывается, что кукушка

---

[11] Очевидно, они боятся его и *мертвого* и хотят сначала окончательно расправиться с ним, а потом напасть на *живых*.

[12] См.: [Гура 1997, s.v. *кукушка*]; [СД 2004, s.v. *кукушка*]. О выделенности кукушки как вестницы в албанской традиции в отличие

inslav

предсказала смерть героя. Поэтому ее пытаются прогнать, угрожая смертью (за голос) ей самой:

«Çou andej, qyqe, kjosh e zezë,
Se edhe vjet ksi vakti njaty ke hukatë
E Halilin ti na e ke kobitë;
Se n'bâftë Muji jashtë me dalë,
Pushkën n'dorë Muji për me e marrë,
T'tana përket Muji t'i shpërdanë».
[Kenge 1955, 293][13]

После этого кукушка переходит на человеческий язык (голос становится речью), и ей удается объяснить ситуацию: она прилетела с поручением от брата и принесла важную информацию.

5. В последний раз мотив голоса возникает перед сражением у могилы героя: снова враг криком вызывает мертвеца на поединок, живой брат отвечает ему громким голосом, и враг теряется, не понимая, кому этот голос принадлежит. — Теперь это *голос* живого, несущий смерть врагу.

Sa t'madhe Kreshtja k a b ërtit:
«Çou, kopil, n'mejdan me n'dalë!»
Fort mâ t'madhe Muji ja ka kthye:
«Me mejdan sot po due me t'ngî».
Pak hutuem shkjau ka mbetë:

от македонской (в части информационных способностей она сопоставляется с голубем, в части предвещания несчастья — с вороном), см.: [Јаќоски 1984, 74–76]. «Речь» кукушки обычно расшифровывается как плач матери, сестры, жены, дочери по умершему, погибшему, загубленному ими сыну, брату, мужу, отцу, или тоскливый зов, или просьба о прощении. Очевидно, эти мотивы определяются минорной тональностью пения кукушки (некую мрачную таинственность может сообщать внезапность и потому отмеченность начала и конца ее «тирад» и их мерность, что используется в гаданиях — «Кукушка, кукушка, сколько мне жить?»).

[13] — Вот несчастье! Улетай, кукушка! / Год назад ты тоже куковала, / Смерть Халиля нам накуковала. / Вот возьмет сейчас мушкет свой Муйи / Только перья полетят на воздух! — [Алб. сказ.1971, 106].

inslav

«Ky zâ, zot – thotë me vedi – shka do t'jetë?»
[Kenge 1955, 293][14]

Мы коснулись лишь одного пласта этого концентрированного, многоуровневого сюжета, выходящего за пределы эпического жанра и захватывающего мифологический слой албанской картины мира, албанской традиции и ее вклада в БММ. Проницаемость границ верхнего и нижнего мира, более того, нейтрализация их противопоставления в данном случае реализуется благодаря птице, обладающей мобильностью (здесь играет роль направление и скорость движения) и голосом/речью. Эти способности определяют роль птицы не только как курьера-информатора, но и как медиатора. Не случайно, что эта роль отдана кукушке: ее связь с нижним миром облегчает контакты между обоими мирами.

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина 2002 — *Агапкина Т.А.* Мифологические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002

Алб. сказ. 1971 — Старинные албанские сказания. М., 1971

Гура 1997 — *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997

СД 1995 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995

СД 2004 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 3. М., 2004

Цивьян 1990 — *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990

Цивьян 1999 — *Цивьян Т.В.* Движение и путь в балканской модели мира. М., 1999

Јаќоски 1984 — *Јаќоски В.* Интерпретација на мотивите во македонската и во албанската јуначка народна песна. Скопје, 1974

[14] У могилы крикнул он беспечно:
— Эй, разбойник, выходи на битву! —
Страшным голосом ответил Муйи:
— Подожди, я выйду из могилы! —
Растерялся слав, остановился:
— Не возьму я в толк, откуда голос? [Алб. сказ. 1971, 108]

inslav

Bestiaire 1997 — *Karagiannis-Moser E.* Le bestiaire de la chanson populaire grecque moderne. Paris, 1997
Frasheri 1936 — *Frasheri S.Th.* Folklor shqiptar. V. I. Durrës, 1936
Kenge 1955 — Kenge popullore legjendare. Tiranë, 1955
Megas 1958 — *Megas G.A.* Greek Calendar Customs. Athens, 1958
Μότσιος 1995 — *Μότσιος Γ.* Το ελληνικό μοιρολόγι. Αθήνα, 1995
Tipologia 1970 — *Muşlea I., Bîrlea O.* Tipologia folclorului. Bucureşti, 1970

Tatiana V. Civyan

Les oiseaux–messagers.
Motif de la liaison de deux mondes; l'aspect balkanique

RÉSUMÉ

Dans les traditions balkaniques le motif des contacts du monde *supérieur* (*humain*) et celui *inférieur* (*des morts*) est marqué par la création des moyens spéciaux permettants aux *morts* et aux *vivants* d'échanger de l'information sur la vie des *vivants* et «la vie» des *morts*. Il y en a de messagers spéciaux: ce sont des êtres volants, les oiseaux par excellence. Cf. le motif du coucou-messager dans les chansons héroïques albanaises sur le mort des frères-héros Muji et/ou Halili («Deka e Mujit», «Halili mas deket»). Les ennemis poursuivent le héros même dans son tombeau, lui menacent de mort (*sic!*). Le *frère mort* s'adresse pour l'aide au *frère vivant* en faisant son messager le coucou. Dans le sujet nommé les motifs de la *voix-informateur*, du *mouvement* et de la *mort* forment une combination compliquée. La liaison des deux mondes, *supérieur* et *inférieur* est actualisée par l'oiseau-messager, informateur et médiateur. Ce n'est pas par hazard que le coucou devient messager: dans la tradition albanaise (ainsi que dans les autres traditions balkaniques) il est lié avec le monde *inférieur*.

inslav

Д. И. Эдельман

ОБ ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ ИРАНСКИХ И БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Развившееся во второй половине XX века историко-типологическое исследование иранских языков (входящих в так называемую "арийскую ветвь" большой индоевропейской семьи) выявило целый ряд типологических черт, сходных с теми, которые характерны для языков Балкан. Эти сходства наблюдаются в устройстве и функционировании некоторых языковых подсистем в синхронии, будь то современное состояние живых языков или синхронное состояние вымерших, засвидетельствованных письменными памятниками определенной эпохи. Отмечаются они и в диахронии — в характере протекания некоторых историко-лингвистических процессов. Думается, что рассмотрение таких сходных явлений в языках, носители которых не имеют тесных контактов в настоящем и практически почти не контактировали в обозримом прошлом, может пролить некоторый дополнительный свет на причины становления определеннных синхронных подсистем и на принципы диахронических трансформаций.

Такие сходные языковые явления, синхронные и диахронические, наблюдаются в разных иранских языках, в разных комбинациях и с разной степенью концентрации, и это позволяет анализировать их как по отдельности, так и в сочетании с другими такими явлениями. Сходства наблюдаются в истории морфологических и синтаксических подсистем.

Так, для истории иранской именной подсистемы характерно постепенное свертывание древней богатейшей восьмипадежной парадигмы, протекавшее в разных языках с различной скоростью и разной степенью интенсивности, вплоть до становления беспадежных систем. Вместе с тем, общим в этом процессе явилось относительно раннее объединение генитива с дативом, которое произошло путем поглощения первым второго. Уже в древнеперсидском языке (язык наскальных надписей царей династии Ахемени-

inslav

дов, VI–IV вв. до н.э.), праиранский датив утрачен, а генитив выступает как общий падеж для выражения принадлежности и адресата, например: *Auramazdā xšaçam manā frābara* «Ахурамазда царство мне даровал», *ϑātiy Dārayavauš xšāyaϑiya: manā pitā Vištāspa...* «говорит Дарий царь: мой отец — Виштаспа...».

То же слияние можно наблюдать в некоторых других иранских языках, где сохраняются (хотя и в сокращенном виде) компоненты древней флективной парадигмы: в хотаносакском, в раннем согдийском. В дальнейшем в разных языках происходит более интенсивное свертывание древней парадигмы, и рефлексы древнего генитива выступают уже в качестве общекосвенного падежа (включая оформление имени субъекта во вторичных эргативообразных конструкциях) или утрачивают падежные функции. Так, в современном персидском языке, полностью утратившем древние флективные падежи и саму систему морфологических падежей (синтаксические функции имен маркируются здесь предлогами, послелогами и местом имени в предложении или в определенных синтаксических блоках) налицо этимологические рудименты древнего генитива, например, перс. *man* 'я' продолжает форму древнего генитива **mana*, агглютинативный показатель множ. числа *-ån* — флективное окончание генитива множ. числа **-ānām*. Порядок свертывания падежной системы через этап объединения генитива с дативом отмечается также в истории индоарийских языков, в восточноармянском [Абаев 1965, 76-77] и в языках Балканского союза [Schaller 1975, 134-138], притом что другие индоевропейские языки Европы выявляют иные пути объединения древних падежей и соответственно иные случаи так называемого «синкретизма» падежей (ср. класс. греч. датив–локатив, генитив–аблатив; латин. аблатив–локатив и т.д.).

В истории некоторых иранских языков произошло совпадение определенных дейктических элементов (в частности, контаминация при определенных условиях рефлексов указательного местоимения **ai-* : *i-* и относительного

inslav

*i̯a-), которое вызвало разные по языкам позиции артиклей и различные оттенки значения, которые придают именам сами артикли. В частности, для среднеперсидского языка (существование которого датируется ориентировочно III в. до. н.э. — VIII в.н.э.) был характерен постпозитивный безударный артикль *-ē*, указывавший на выделительность, отождествление, но в то же время контекстуально и на неопределенность и/или единичность. То же — в языках, продолжающих среднеперсидский: в классическом и современном персидском, современном таджикском и в языке дари Афганистана. Ср., например, совр. перс. *ådam* 'человек', *ådami* 'некий человек', *ådami ke...* '(тот) человек, который'. К тому же в этих и в ряде других языков в более позднюю эпоху функции определенного артикля принял на себя еще и послелог, оформляющий прямое дополнение определенное (совр. перс. *-rå*, *-ro*, *-o*, тадж. *-ro*, *-a*, например, перс. *ådami didam* «(я) видел какого-то человека», *ådam-rå didam* «(я) видел (определенного) человека»). Тем самым в этих языках закрепилось постпозитивное выражение определенности и связанных с ней оттенков значения, притом, что другие иранские языки имеют и препозитивные артикли. Перекличка с постпозитивным артиклем в языках Балкан налицо и здесь.

Интересные вторичные типологичесие черты, перекликающиеся со сходными чертами индоевропейских языков Европы, включаяя Балканы, развились и в глагольной подсистеме.

В иранских языках, как и в индоарийских, произошло постепенное вытеснение остатков древнего индоевропейского перфекта новыми аналитическими формами перфекта, развившимися на базе причастий. В большинстве иранских языков эти конструкции вытеснили затем и претерит, став вторичными формами прошедшего времени, а на базе следующей серии уже вторичных причастий вырос новый перфект и новые причастные обороты с различными значениями. Эти процессы имеют аналоги в других индоевропейских языках Европы, включая славянские (подробнее см. [Эдельман 2002, 114–118]). При этом для

instar

некоторых иранских языков формы нового перфекта и примыкающие к ним причастные обороты получили значения «неочевидности»: употребляя их говорящий показывает, что он не являлся очевидцем данного действия или ситуации, а узнал о них с чужих слов или путем логического вывода; часто употребление перфекта вместо прошедшего времени подчеркивает также неожиданность описываемого события для самого говорящего: «(оказывается,) он ушел». В отдельных иранских языках эти оттенки значения перфекта становятся основными, что привело, в частности, в таджикском языке к развитию на базе перфекта разветвленной системы видо-временных форм «аудитивного», то есть «неочевидного» наклонения. Употребление перфекта и других форм и оборотов, построенных на базе причастий по «перфектному» образцу, с такими «неиндикативными» оттенками встречается в языках разных семей, хотя причины и пути возникновения таких форм и оборотов могут быть различны. Сходное явление в виде «пересказывательного» наклонения на Балканах, например, в болгарском языке, некоторые исследователи относят к турецкому воздействию. Однако наличие похожего (хотя и не тождественного) использования причастных конструкций также и в литовском языке, как и наличие оттенка «неочевидности», логического вывода у перфекта в других индоевропейских языках Европы, говорят о возможности их спонтанного возникновения, стимулированного общей содержательной подоплекой этой типологической тенденции в разных языках. Реализация же этой тенденции на морфологическом уровне произошла далеко не всюду, и тем интереснее ее выявление в столь далеких друг от друга ареалах.

В древних иранских языках отсутствовало грамматическое размежевание форм презенса и футурума, последний имел выражение косвенными наклонениями (чаще всего конъюнктвом) и/или контекстом. Формы, соответствующие древнеиндийскому футуруму с суффиксом *-sya-*, здесь, как и в славянских языках, не генерализовались в этом качестве. Впоследствии в ряде иранских языков вырабатывались формы футурума, причем в некоторых —

inslav

за счет грамматикализации модальных оборотов с глаголами или основами со значением ‘хотеть, желать’. Эти глаголы этимологически неодинаковы в разных иранских языках; различны и модели образования форм футурума, что указывает на относительно позднее, параллельное и независимое развитие футурума даже в компонентах самой иранской языковой семьи. Ср., например, персидский язык: *xåham kard* ‘(я) сделаю’ — личная форма глагола ‘хотеть’ и усеченная форма инфинитива основного глагола; согдийский язык: *kunand-kām* ‘(они) сделают’ — личная форма основного глагола и неизменяемая частица *-kām* от глагола **kā-* ‘хотеть’; осетинский: *færsʒænæn* ‘(я) спрошу’ личная форма от основы настоящего времени смыслового глагола с суффиксом будущего времени *-ʒæn-*, *-ʒyn-* / *-ʒin-*, происходящим от древнеиранской основы **čana-, *čina-* ‘желание, склонность’ (как и в некоторых славянских языках), и т.д. Сходные способы образования футурума в других индоевропейских языках (например, армянском, английском, славянских), включая языки Балкан, также подтверждают единую содержательную составляющую этой общей типологической черты: отражение в языковом мышлении принципиального осознания недетерминированности действий и событий в будущем, что выражается в модально окрашенном обозначении будущего действия, состояния, события и т.д. как возможного, желательного, нежелательного и т.п., но не констатируемого (подробнее см. [Эдельман 2002, 124–127]).

Для иранских языков характерны различные построения вторичных модальных оборотов типа «я могу читать». Различия отмечаются даже между близкородственными языками, попавшими в разные регионы большого ареала иранской языковой семьи. Например, одно из различий между персидским и таджикским языками (расхождение которых из единого для них языка классического периода датируется приблизительно XV в. н. э.) заключается как раз в том, что в таджикском, как и в других (родственных и неродственных) языках Средней Азии, в этих оборотах

inslav

стандартно используется инфинитив: «(я) читать могу», а в персидском — глагол в личной форме сослагательного наклонения, типа «(я) могу, (чтобы) (я-)читал-бы», ср. тадж. *in kitobro xonda natavonistam*, букв. «эту книгу читать [форма усеченного инфинитива] (я) не смог», перс. *natavånestam (ke) in ketåb-rå bexånam*, букв. «(я) не смог (чтобы) эту книгу (я-)читаю-бы [личная форма настоящебудущего времени сослагательного наклонения]». Большую роль в стандартизации этих одинаково древних конструкций сыграли ареальные тенденции. При этом любопытно, что персидский язык с его неинфинитивными конструкциями оказался типологически более близким к языкам Балкан.

Некоторые типологические общности наблюдаются также в синтаксисе простого предложения.

Для иранских языков уже в поздний период древнеиранского состояния была характерна тенденция к закреплению порядка основных членов предложения в виде (S-)O-V, что, в сочетании со свертыванием флективной падежной парадигмы, вызвало ряд других трансформаций в именной и глагольной подсистемах, в том числе развитие богатой инновационной системы предлогов и послелогов (и комбинаций предложно-послеложного оформления имен), а также выражение синтаксических функций имени просто местом его в предложении и/или в синтаксическом блоке, без дополнительной маркировки. При этом в единичных языках: в хорезмийском и менее ярко — в осетинском, впоследствии, по-видимому, при ареальном воздействии, порядок основных членов предложения был изменен на (S-)V-O (возможный для определенных жанров в осетинском и общий в хорезмийском). Косвенные признаки свидетельствуют об относительно позднем характере такого изменения порядка основных членов предложения. В результате такой перестройки синтаксиса в условиях, когда древняя флективная падежная парадигма уже была в значительной мере утрачена, а новые средства в виде предлогов и послелогов недостаточно однозначны, понадобились компенсаторные средства уточнения синтакси-

inslav

ческой функции того или иного имени в предложении. В результате в этих языках, особенно в хорезмийском, развилось явление, называемое в иранистической традиции «пролепсисом»,«антиципацией» и др. и выражающееся в постпозитивном присоединении к глаголу энклитических местоимений и энклитических же«наречных» элементов — поствербов, которые предваряют следующие дальше полнозначные имена, выступающие в качестве прямого или косвенного дополнения и обстоятельства места, см., например, хорезмийские (традиционно материал этого языка, дошедший до нас в арабской графике, передается транслитерацией): *p'cnwdyw* (< *p'cnwd'-hy-w*) *'y wž fnknc* «(он) вдел-ее-туда (ту) нитку в-иголку», *h'ßrn'hyd* (< *h'ßrn'-hy-d*) *y' d?d'm* «(я) дал-ее-тебе (ту) дочь-мою». Это явление представляет собой как бы зеркальный аналог характерной для балканских языков местоименной репризы, притом, что порядок основных членов предложения здесь иной (см. [Schaller 1975, 161 и сл.; Цивьян 1979, 171 и сл.]).

Как представляется, предпосылки образования таких конструкций с повторами в названных выше иранских языках и в языках Балкан в принципе едины: изменение порядка основных членов предложения в условиях, когда падежная парадигма имен существительных уже не столь богата, а функция того или иного имени в предложении оказывается недостаточно явной и нуждается в дополнительном пояснении. Балканская реприза и иранский «пролепсис» — это компенсаторные средства, проясняющие эту функцию падежной формой соответствующего энклитического или полного местоимения или энклитической формой наречия. Для хорезмийского языка при этом существенной оказывается еще и аранжировка порядка энклитик, проясняющих разные типы объектов.

В иранских языках отмечаются и другие историко-типологические инновации, из которых многие так или иначе связаны с «упрощением» как древней флективной морфологической системы, так и словообразования, особенно глагольного. Часть из них имеет аналоги в индоевропейских языках Европы, включая Балканы. Как

inslav

правило, они вызваны сходными структурными или содержательными причинами. Однако рассмотренные выше сходные инновации, отмечаемые в части иранских языков и в языках Балканского союза, имеют, как кажется, некий единый вектор в их развитии. Они сродни процессам пиджинизации и креолизации, которые наблюдаются в разных многоязычных регионах мира в условиях интенсивных контактов между языками, обладающими различными социолингвистическими статусами.

Интересно, что количественное большинство «балканизмов» выявляет современный персидский язык. Сюда относятся: 1) свертывание именной падежной парадигмы путем слияния прежде всего генитива с дативом; 2) развитие постпозитивного артикля; 3) образование форм футурума путем морфологизации синтаксических оборотов с глаголом 'хотеть'; 4) построение модальных оборотов с личными формами сослагательного наклонения основного глагола: но не с инфинитивом. Происхождение большей части этих (и ряда других) характерных типологических черт персидского языка действительно объясняется социолингвистической ситуацией данного региона в древности (подробнее см. [Эдельман 2002, 197–199], там же более ранняя литература).

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1965 — *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.

Цивьян 1979 — *Цивьян Т.В.* Синтаксическая структура Балканского языкового союза. М., 1979.

Эдельман 2002 — *Эдельман Д.И.* Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М., 2002.

Schaller 1975 — *Schaller H.W.* Die Balkansprachen (Eine Einführung in die Balkanphilologie). Heidelberg, 1975.

inslav

Joy I. Edelman

On Historic-Typological Parallels between Iranian and Balkan Languages

SUMMARY

The Iranian languages, being a part of the Aryan branch of the Indo-European language family, reveal various typological transformations in their history, some of them purely structural ones, some depending on a certain contensive basis. Most of them have to do with several trends of "simplification" of old word formation (especially verbal) and flectional morphological paradigms, similar to pidginization and creolization of languages in certain sociolinguistic conditions. Some of these innovations have resulted in typological features resembling the ones found in languages of Balkan language area. Most of them are found in Persian, and a particularly striking one, similar to "pronominal reprise", is seen in the Khwarezmian language. The comparative analysis of such features and reasons of similar transformations in Iranian and Balkan languages can help us deepen our knowledge of their history.

inslav

Е. И. Якушкина

«ДОБРОЕ ДЕЛО» В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ БАЛКАНСКИХ СЛАВЯН [1]

«Доброе дело» – концепт, противопоставленный в народной аксиологии греху[2], – чрезвычайно интересен для исследования, ставящего своей целью выявить специфическое в картине мира различных славянских традиций. В отличие от «греха» или «срама», которые, в целом, и лексически, и семантически в разных славянских культурно-языковых диалектах проявляют себя сходным или тождественным образом, составляя интегральное, общеславянское ядро народной этики, «доброе дело» – более неустойчивый элемент славянской этической системы, принимающий в разных традициях разные формы. Именно этот концепт создает индивидуальный облик балканославянской народной этики, в остальном в значительной степени близкой этическим представлениям других славянских традиций. У балканских славян этот концепт сформировался во взаимодействии славянской и ориентальной культуры, образовавшем сложный семантический комплекс, реконструкцию которого мы попытаемся дать в этой работе.

Балканославянский я з ы к о в о й образ доброго дела складывается из нескольких культурных и хронологических пластов. Наиболее широко у южных славян – географически и стилистически – распространены наименования этого понятия с помощью синтагмы *добро дело*,

---

[1] Авторская работа выполнена при финасовой поддержке Прроограммы ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социо-культурном контексте» (проект «Межъязыковые влияния в истории славянских языков диалектов: социо-культурный аспект»).

[2] Христианский оппозит «греха» – «добродетель» – концепт, периферийный для народной этики. Он известен лишь некоторым формам народной культуры, испытавшим влияние церковной традиции (духовным стихам). Народным говорам эта семантика чужда, ср. с.-х. книжн.-церк. *врлина* 'добродетель' в диалектах встречается только в нерелигиозном значении 'доброта, достоинство' (Караџић; МС).

inslav

лексемы *добро* и дериватов корня *добр-*: *добротина* (Елезовић), *доброта* (RJAZU), *добрените* (Верковић, 8) и т.д. Помимо этой общеславянской номинации, в значении 'доброе дело' в балканославянских диалектах употребляется специфическая южнославянская лексема *задужбина*, производная от формы *за душу*, ср. запись, сделанную в Болгарии: «сирот берут редко, обыкновенно в богатые дома; считается, что это большая *задужбина*» (Bogišić, 314) и далее: «никакой материальной награды за это не бывает, потому что это делается за душу, *за душату си прегледва сиромат му, сирачита* <«за душу» приглядывает за бедняками, сиротами> (Bogišić, 370). В. Караджич лексему *задужбина* толкует как 'die fromme Stiftung' <'благочестивое, набожное дело, предприятие'> (Караџић), а Н.Геров как 'что-то, что делается для общего блага, д л я с в о е й д у ш и' (Геров). Особенно отчетливо идея мотивированного добра, которым человек «зарабатывает» загробный покой себе и своим близким и связь значений 'благое деяние' и 'упокоение', заключенная в лексеме *задужбина*, представлена в духовных стихах. В текстах этого жанра слово *задужбина* означает доброе дело, конкретно: пожертвование, делаемое ради будущего упокоения своей души или поминовения душ усопших: *Један новчић мали дарак, а велика задужбина, // Рајска врата отворена, души место уваћено // На престолу Христовоме, // Гдино стоје добра дела // И Христове задужбине* <одна монетка – небольшая ценность, но большая *задужбина*; открытые райские двери, душе место обеспеченное, на престоле Христовом, где стоят добрые дела и Христовы *задужбины*> (Караџић 1953, 217). *Крајцара је мален дарак // Ал' голема задужбина, // Већ подели и намени // Своје мртве све спомени* <крейцер – небольшая ценность, но большая *задужбина*, раздай и одари, всех своих умерших помяни> (Караџић 1953, 215). Ряд терминологических значений слова *задужбина* (и его вариантов) свидетельствуют о том, что добрые деяния есть лишь одна из форм заботы о душе, которая может выражаться и по-другому. В древнесербских памятниках

inslav

зафиксированы слова *ЗАДОУШИІЕ, ЗАДОУШЬНИНА, ЗАДУЖНИНА*, функционировавшие в правовом значении 'завещанное на помин души' ('legatum in animae salutem'): *ШО ІЕ ЗА ДУШУ ОСТАВИО И ШО ІЕ ДУЖАНЬ ДУЖНИКОМЬ, И АКО БИ ШО ИЗОСТАЛО ОДЪ ЗАДУШЬІА И ДУЖНИКАА* <что оставил на помин души и что должен должникам, и если что-то останется от *задушья* и должников> (Даничић). В южной Сербии, Македонии и Болгарии слово *задужбина* встречается как обозначение поминального кушанья и вообще поминок (Филиповић 1939, 184; Геров; БЕР 1, 586).

В словарных толкованиях слова *задужбина* и контекстах его функционирования проступает его тяготение к лексике дескриптивной, с достаточно четко заданным содержанием, в отличие от *добра*, выражающего семантику чистой этической оценки, которая мотивируется варьируемым и нестабильным набором признаков, зависящим от ситуации вынесения оценки. Как кажется, южнославянское *задужбина* ближе всего русскому слову *милостыня*, которое приобрело значение вполне определенной формы добра, в отличие от денотативно весьма расплывчатого *милость*. Достаточно суженная по сравнению с общеоценочным значением 'доброе дело' семантика 'добра на помин души' может специализироваться до терминологической: 'объект, воздвигнутый на индивидуальные пожертвования', отсюда происходит сербохорватское выражение *градити задужбину* 'строить *задужбину*': *Да ви знате наше манастире // Славни наши цара задужбине // Да видите дивну Студеницу // Недалеко од Новог Пазара // Задужбину цара Симеуна // Прву бабо саградио цркву // Красну, славну себи задужбину* <Если бы вы знали наши монастыри, *задужбины* наших славных царей, если бы вы видели дивную Студеницу, невдалеке от Нового Пазара, *задужбину* краля Симеона, первую отец построил церковь, красную, славную себе *задужбину*> (Караџић, sv *задужбина*). И в народной, и в книжной традиции целый ряд сербских монастырей известен как *задужбина* того или иного правителя или члена царствующей семьи: монастырь

inslav

Студеница известен как *задужбина* основателя средневековой царской династии Стефана Немани, *Жича* – его сына Стефана Первовенчанного, *Лазарица* – князя Лазаря, погибшего на Косовом поле и т.д. В сходном значении «конкретной формы добра» слово *задужбина* функционирует и в современном сербохорватском литературном языке: 'имущество (деньги, здания и др.), приносимые в дар или завещаемые на благотворительные, просветительские нужды; фонд' (МС) (так, здание ректората Белградского университета известно как *задужбина* знаменитого благотворителя Николы Спасича, о чем гласит и надпись на самом здании).

Во всем вышеизложенном особо важными нам представляются два положения. Первое: в балканославянских диалектах лексикализуется особая семантика душеполезного добра, которую с большой долей условности можно эксплицировать как 'благотворительный акт'; в стоящей за балканославянскими говорами языковой картине мира делаемое на благо людей предстает как форма спасения своей души или поминовения душ усопших. Второе: стандартной формой добра, или благотворительности, в наивной картине мира является возведение (завещание) построек на общественные нужды. Эти две семантические особенности отличают языковой образ доброго дела балканских славян от соответствующего общеславянского и теснейшим образом связывают его с интерпретацией благого деяния, отраженной в турецкой системе нравственно-религиозных оценок.

В южнославянских областях, испытавших сильное турецкое влияние, в южной Сербии, Косове, Боснии, Черногории, Македонии, Болгарии в качестве имени того же концепта богоугодного, спасительного дела укоренился ряд турецких слов, самым распространенным из которых является лексема *севап (себап)* 'доброе дело, заслуживающее божьей награды', восходящая к тур. *sevab*, которое в современном турецком языке употребляется в значениях 'благое, доброе дело, благодеяние' и 'воздаяние, награда', которые в его производных

inslav

сливаются в идею Божьего воздаяния за сделанное добро, ср. *sevapli* 'похвальный, достойный, благой', *bunun sevapli çoktur* 'за это многое воздастся' (TPC). В толковании этой лексемы заслуживает внимания указание на субъекта оценки человеческих поступков, иногда эксплицитно выраженного в тексте в виде атрибута «божий»: *за божи севап* (Елезовић), а также результат этой оценки, за которым стоит представление о божьем суде, после смерти ожидающем душу, и ее загробной участи. В семантике этой лексемы мы сталкиваемся с той же идеей, которая заключена в слове *задужбина*: человек творит на земле добрые дела, чтобы после смерти его душа могла оправдаться перед Богом. Для прояснения значения балканославянского *севап* интересна дефиниция, которая дается одному из его производных в одном сербском диалектном словаре: *осевапити се* 'сделать доброе дело, снискать божью милость, *ухватити души место*', т.е. 'спастись, получить место в раю' (Станић), ср. *тај* <кто заботится о сиротах> *добива души мјесто* <получает душе место> (Bogišić, 369). Отсюда происходят причинные конструкции, содержащие слово *севап* как обозначение побуждения к действию: *добро је, кад је за севап, дађу ти* <ладно, раз «за награду», «в качестве богоугодного дела, «Бога ради» дам тебе> (Митровић). В производных словах *севап* семантический акцент смещается в сторону благотворительности: *севаплија* 'благотворитель': *богат човек ама па севаплија* <богатый человек, но и благотворитель> (Митровић). Как сугубо религиозная оценка слово *севап* в системе балканославянской народной этики оказалось противопоставленным *греху* (надо заметить, что слав. *добро* и его производные не очень типичны как антоним слова *грех*). В этой связи интересна антитеза, содержащаяся в сербском поверье: на Божьем суде Архангел Михаил взвешивает *грехоту* и *севап* (Филиповић, СЕЗ 61, 208, КСАНУ). По всей видимости именно религиозный компонент в семантике слова *севап* обусловил развитие у него неэтического, модального значения долженствования подобно тому, как славянскому *грех* свойственна универ-

inslav

сальная семантика нежелательности (типа *грех выбрасывать такую хорошую вещь*): *ред је и севап и ја да се подновим* <положено и мне обновить гардероб> (Митровић, s.v. *подновим се*); *почињела сам оно по окрајцима што Милан није мога да покоси, севап је да се и карамак искористи* <я доделала по краям то, что Милан не смог скосить, надо и обочину использовать> (Ћупић), *онакога би било севап смаћи с овога свијета* <такого бы следовало убрать с лица земли> (Станић).

Наряду со словом *севап* в балканославянских диалектах утвердился целый лексический «пучок» турецких обозначений доброго дела, так же как и *севап,* выражающих ту же семантику, что и славянское *задужбина.* Лексическое тиражирование семантики доброго дела, которое имеет место в балканославянских диалектах под влиянием турецкого языка, уже само по себе представляет интересный этнолингвистический факт, особенно если принять во внимание «немногословность» собственно славянского языка этики, который пользуется ограниченным набором лексем и обычно не стремится к лексическому умножению этических смыслов. Это продолжения тур. *hayir*, которое в современном турецком функционирует с семантикой 'благо, добро' (TPC), а в балканославянских говорах, помимо этого широкого значения, употребляется и в более узком – 'спасительное доброе дело, благотворительная помощь', ср. серб. и макед. *аир* 'доброе дело' (РМНП), '*задужбина*': *аир је на Вишеграду ћуприја* <аир – мост в Вышеграде> (Караџић); *аирџија* 'делающий добро, благотворитель, тот, кто делает *задужбины*' (RJAZU; РМНП), болг. *хаир* 'благодеяние, доброе дело' (Геров). В этом значении в турецком языке функционируют производные слова *hayir*: *hayrat* 'добрые дела', 'благотворительность', 'благотворительное учреждение', *sahibi hayrat* 'благотворитель' (TPC), продолжения которых встречаются в южно-сербских говорах: *ајрат* 'доброе дело': *ће правим чешму да чиним једн ајрат* <буду устраивать источник – делать айрат> (Златановић). К этому же лексическому полю примыкает и турецкий

inslav

религиозный термин *vakif* 'имущество или деньги, отказанные на благотворительное дело', 'фонд, основанный в пользу кого-либо' (ТРС), представленный в серб. *вакуф* с тем же значением 'пожертвование', полностью синонимичным значению слова *задужбина* в современном сербском и македонском литературном языке. Подобно слову *задужбина*, все турецкие заимствования наряду с семантикой доброго дела, выражают конкретное значение 'объект-дар, объект-пожертвование'. В Боснии бесплатный караван-сарай, построенный и содержавшийся на деньги благотворителя, именовался *хар* от тур. *hayir* (Jukić 1953, 71). По сообщению М. Филиповича, в одном из сел в окрестностях Скопье местный источник, устроенный на пожертвования, именовали *Севап* (Филиповић 1939, 232). Там же словом *вакуф* называли пожертвования: масло, свечи, деньги, которые оставляли в святых местах (Филиповић 1939, 239).

Итак, слово *задужбина* по целому ряду признаков образует тесное семантическое единство с наименованиями доброго дела турецкого происхождения, противопоставляющее их общеславянским *добро дело* и *добро*. Прежде всего их связывает религиозный характер выражаемой ими этической оценки, в отличие продолжений корня *добр-*, тесно связанных с общеоценочной семантикой 'хороший' (ср. сходство образов, заложенных во внутренней форме: 'то, что делается для души' (*задужбина*) и 'то, что достойно <посмертного> воздаяния' (*севап*); специфичность основных значений: 'благочестивое, душеспасительное дело' (*задужбина*) и 'доброе дело, заслуживающее божьей награды' (*севап*), 'благотворительный акт' (*хаир*)). В инославянских традициях к этому специфическому концепту, вероятно, наиболее близко светское понятие благотворительности и христианское – милосердия (ср. с.-х. *секиме* 'милосердие, *севап*': *па добро, секиме је – узни тој дете* <хорошо, это *секиме*, возьми этого ребенка> (Митровић)). Наряду с близостью оценочных компонентов слова *задужбина* и его турецких синонимов, у этих слов сходным образом устроена и периферийная сфера

inslav

значений. Все наименования доброго дела, функционирующие в балканославянских говорах, включая и общеславянское *добро дело*, свободно употребляются как квалификаторы д е й с т в и я, ср.: *севап јесте робље потражити // из зидана синко, избавити* <*севап* – невольников разыскать, из крепости, сынок, избавить> (Škaljić, sv *севап*); *то ти је добро дело да помогнеш сиромаху* <доброе дело – помочь бедняку>, а также в составе глагольного сказуемого *чинити задужбину, севап, ајрат, добро дело* <делать доброе дело>[3]. Однако для квалификации о б ъ е к т а синтагма *добро дело* не употребляется, в отличие от лексемы *задужбина* и турцизмов, ср: *аир је на Вишеграду ћуприја* или *наше манастире // Славни наши цара задужбине* при невозможности с.-х. **добро дело је на Вишеграду ћуприја* или русск. **мост в Вышеграде – доброе дело* (ср. вполне нормальное с.-х. *саградити на Вишеграду ћуприју је добро дело* и русск. *построить мост – это доброе дело*). У слов *задужбина, севап* и прочих турецких заимствований наблюдается сходство и в других периферийных употреблениях: ср., например, семантику поминальных приношений у *задужбина* и *вакуф*.

Сосуществование и взаимодействие разных культурных пластов наблюдаются и в структуре денотативного поля оценок *задужбина*, *севап, аир* или *айрат*, включающего действия, которые, по мнению носителей балканославянской традиции, входят в число типичных добрых дел. Балканский кодекс добрых дел бытует, главным образом, в форме поверий и обычаев, предписывающих совершение в качестве *задужбины* или *севапа* определенного круга деяний, и по сей день глубоко укорененных в сознании балканских славян (несмотря на это или, возможно, именно вследствие этого, этнографические описания крайне редко касаются данного предмета, ср., однако, частую рефлексию информантов по поводу того, что есть

[3] В пределах одной конкретной языковой системы, разумеется, не может иметь место свободное замещение, вследствие географических и стилистических ограничений в дистрибуции.

inslav

севап, отраженную в диалектных словарях). Заповеди о добром деле встречаются и в фольклоре, прежде всего в духовных стихах, но, в отличие от «греха», «доброе дело» почти никогда не становится основным предметом фольклорного текста (исключения немногочисленны и представлены хорватскими духовными песнями, очень близкими к церковной традиции).

Сам язык южнославянской народной этики обнаруживает различие двух форм благотворительности: по свидетельству В. Караджича, про одни действия у сербов принято говорить *градити* <'строить'> и *начинити* <'устроить'> себе *задужбину*, а про другие *чинити* 'делать' или *учинити* 'сделать' *задужбину*, тем самым добрые дела разделяются на простые д е л а благотворительности и благотворительное с т р о и т е л ь с т в о, ценимое и почитаемое намного выше обычной помощи ближнему. Вот как денотативное поле слова *задужбина* очерчивает В. Караджич, оставивший уникальное свидетельство народных представлений о добром деле, перечень наиболее популярных и почитаемых благотворительных актов: "Самая большая *задужбина* – построить монастырь или церковь, как строили сербские цари и крали; потом *задужбина* – построить мост через какой-нибудь водоем или лужу, замостить плохую дорогу, подвести воду и сделать рядом с дорогой источник (это называется *градити* <'строить'> и *начинити* <'устроить'> себе *задужбину*); посадить или привить дерево у дороги, голодного накормить, мучимого жаждой напоить, голого одеть (это называется *чинити* 'делать' или *учинити* 'сделать' *задужбину*) и т.д. " (Караџић, sv *задужбина*).

Остановимся сначала на последних трех добрых делах, упоминаемых В. Караджичем. Пожалуй, единственным интегральным компонентом разных форм традиционной этики доброго дела, является представление о добродетельности милосердия, укорененное и в языке, ср.: *добро чинит* <делать добро> 'помогать' (Peić, Bačlija), *осевапити се* 'помочь в беде, оказать милосердие, милость', *севап* 'милосердие, гуманность' (Станић), в чем народная этика

inslav

тесно сближается с христианской. Христианские заповеди милосердия вошли в фонд паремий, бытуя в форме устойчивых текстов, своеобразных клише: *севап је удијелити сиромау* <доброе дело – подать бедному> (Караџић); *севап је сирака уздржати* <доброе дело – бедняка поддержать> (Bogišić, 313); *севап је гладног наранити* <доброе дело – голодного накормить> (Станић) (ср. приправленную деревенским юмором современную версию этой заповеди: *севап је човека из града нахранити* <доброе дело – накормить человека из города> (АА, записано от Горданы Умичевич, в 2000 г.)). Этот же круг действий составляет основу этики духовных стихов: *Нећеш раја ти видити // Зач га ниси заслужила // Аш нис' жејна напојила // Ни гладнога наситила // Ни нагога преобукла // За душу ниш проскрбела // Ва име божје ниш дилила* <Не увидишь ты рая, потому что ты его не заслужила: жаждущего не напоила, голодного не накормила, нагого не одела, о душе не плакала, во имя божье не подавала[4]> (Broz, Bosanac 1896, 22). Наряду с «жаждущим», «голодным» и «раздетым», народная этика призывает к благотворительной помощи заключенным («*задужбина* –

---

[4] Предикаты «давать» и «дарить» чрезвычайно значимы для данного понятийного поля, они выступают как «типичное» доброе дело, что явствует из следующего текста: *Била једна жена, која није волела* ***да поклања****, није волела* ***да да****. И кажу у нас обамрла. <...> И кад је та жена обамрла, каже је тамо на оном свету дочекао свети Петар. И сад њој суђење. <...> И онда јој каже свети Петар. Знаш шта, жено, врати се у живот, ево ти још прилику Бог дао да се поправиш и тамо су твоја добра дела, потруди се да превагне она друга страна. И стварно кад се вратила у живот, онда је* ***стварно све тако давала што се каже у народу и шаком и капом, тако многа је доброчинства чинила*** *и тако била је доброћудна и* ***дарежљива*** <Была одна женщина, не любившая *дарить, давать*. И, говорят у нас, обмерла ...И когда эта женщина обмерла, на том свете ее встретил св. Петр. И вот ее судят. ... И тогда говорит ей св. Петр. Знаешь что, женщина, возвратись в жизнь, Бог тебе дает возможность исправиться, там твои добрые дела, постарайся, чтобы перетянула другая чаша. И правда, она все так *давала*, как говорят в народе, *обеими руками*, много добрых дел делала, и была добросердечная и *щедрая*> (АА, записано от Горданы Умичевич, Бешка, 2000).

inslav

принять, угостить и спрятать беглеца из тюрьмы» (Bogišić, 595)), сиротам, что повсеместно у южных славян считается большим *севапом* или *задужбиной* (Bogišić, 313, 314; 369, 370): *Ка ј' чесала жуте ките своје // Та ј' сироте липо очесала // С тим је раја заслужила // Ка је прала била лишца своја // Та ј' сироте липо умивала // С тим је раја заслужила // Ка је шила било рухо своје // Та ј' сирота липо обукала // С тим је раја заслужила* <Та, что расчесывала свои русые косы, сирот причесывала и тем рая заслужила; та, что мыла свое белое личико, сирот умывала и тем рая заслужила; та, что шила белые одежды, сирот одевала и тем рая заслужила> (Broz, Bosanac 1896, 19).

Дела милосердия по широте своей жанровой и географической распространенности, безусловно, составляют основу кодекса благих деяний, про которые (воспользуемся сербским выражением в качестве метаязыка) можно сказать «*д е л а т ь задужбину*». На периферии этого кодекса остается множество малочастотных или имеющих единичное подтверждение заповедей, закрепленных или за определенным жанром, или за определенной территорией. Большая их часть сводится к различным формам помощи в беде, но в отличие от выше приводившихся, достаточно специфичным (разумеется, далеким от христианских). Приведем некоторые примеры: «*севап* (для родственников) – помочь засыпать могилу» (Филиповић 1939, 183); если больному приснится, что кто-то ведет его в церковь, необходимо пойти к приснившемуся человеку и попросить «*ради севапа*» взять его в побратимы (Петровић 1948, 305), «сват, отправляемый в дом невесты, посредничает между родителями жениха и невесты ради *«севапа»* (доброго дела), чтобы парень и девушка вступили в брак» (Петровић 1948, 270). Для последнего поверья находится параллель в фольклоре: *Ко би двоје драго раставио // Велики би грјех учинио // Ко би двоје драги саставио // Толики би севап учинио, // Колик' да ћабу начинио* <Кто разлучит любящих, тот совершит большой грех; кто соединит любящих, тот совершит такое же доброе дело,

inslav

как паломничество к святым местам> (Ђикић, 35). В многочисленных сербохорватских легендах великий грешник, на которого накладывают тяжкую епитимью, окончательно оправдывается тем, что убивает человека, намеревавшегося расстроить свадьбу (Мандић 1999). Божьей заповедью у сербов считается месть, что отражено, по народному поверью, в Символе веры, в словах которого *света от света* усматривалось с.-х. *света освета* 'святая месть' (Bogišić, 577): *ко се не освети, он се не посвети* <кто не отомстит, тот не будет святым> (Вукове народне пословице 1996, 161), *ко се освети, тај се посвети* <кто отомстит, тот станет святым> (Bogišić, 577). В эпической песне духовник отпускает грешнику все его грехи за то, что он убивал турок: *А нека те, мили синко Марко! // Десна ти се посветила рука! // Јутрос ћу те боже причестити // И вас гријех тебе духовати // Да си проштен овога света* <Ничего, милый сын мой Марко, да святится твоя десница, утром я тебя причащу, и все грехи отпущу, чтоб тебе рассчитаться с этим миром> (Караџић 1898, 21).

Благотворительное строительство, на годы и века оставляющее о человеке добрую память и являющееся чем-то более грандиозным и, главное, более заметным, обращающим на себя всеобщее внимание и более возвышающим человека в глазах окружающих, чем простая помощь нуждающемуся, пользуется на Балканах особым уважением, популярностью и социальным престижем. Мы уже упоминали, что обычай возведения или покупки готовых зданий с благотворительной целью (под учебные заведения, библиотеки, дома призрения и пр.) был укоренен в белградской торговой среде девятнадцатого – начала двадцатого века (в сербской традиции Третьяковская галерея должна была бы именоваться *задужбиной* братьев Третьяковых). В традиционной балканославянской среде круг построек, принятых возводить в качестве *задужбины* или *севапа*, как правило, включает церковь или монастырь, мост, дорогу, источник и пристанище для путников (см. перечень В. Караджича). Приведем еще несколько свидетельств: «*задушбина* – что-

inslav

то, сделанное для общего блага, как источник, колодец, дорога, мост, то, что кто-то сделал на помин своей души» (Геров, 68); «зажиточные турки в больших городах имеют обыкновение для бедных путников, которые не могут заплатить за ночлег в хане (караван-сарае), строить *хары*, причем исключительно в качестве *задужбины*, т.е. на этом свете платы они не получают» (Jukić 1953, 71). Такой круг добрых дел аксиоматичен и для фольклорной этики: *ајде аир да сториме / да зградиме лепа црква / лепа црква Рангелова* <давай сделаем аир, построим красивую церковь, красивую церковь Архангельскую> (РМНП 1, 13), *чудила се је Милица / каков аир да здобие / да ли мостове да гради / или црква шарена / или висока џамија; ој краљеви, ој баневи, /.../ ајде аир да правиме / да правиме леп манастир* <думала Милица, какой аир сделать, мосты ли построить или церковь разноцветную, или высокую мечеть, ой, крали, ой, баны, ...давайте сделаем «аир», построим красивый монастырь> (РМНП 1, 13), *крал Ресула многу богат било / и ми било многу аирџија / на калои калдрми праело / на реки ми мостеи праело / ми праело цркви, манастири* <краль Ресула был очень богат, и был большой «аирджия», замостил дороги, на реках мосты построил, строил церкви, монастыри> (РМНП 1, 13), *чудила се Јана, бела Јана / што ле добро в село да направи: / ил' на море мостове да згради, / ил' на друми јанове да направи* <думала Яна, какое добро сделать в селе, или мосты на море построить, или на дорогах караван-сараи> (РМНП 2, 101). Формула «церковь, мост, источник, хан» как стандарт доброго дела, *севапа*, *задужбины* или *хаира*, типична и для современного городского балканославянского сознания и воспроизводится современным сербом или болгарином как аксиома.

То, что в структуре денотативного поля богоугодного дела центральное место занимает строительство храма: церкви, мечети, монастыря, – кажется вполне естественным. Постройка церкви или монастыря, как и пожертвования на благоустройство обителей, в христианском мире рассматривается как большое богоугодное дело, за

inslav

которое даритель или ктитор удостаивается ходатайства церкви перед Богом. Образ церкви как «прототипического» богоугодного дела вошел в сербскую пословицу: *једну цркву кварити а другу градити слаба је задужбина* <одну церковь ломать, а другую строить – плохая *задужбина*> (Караџић 1996, 123). У балканских славян к постройке или восстановлению церкви прибегают в случае каких-либо неблагоприятных обстоятельств, в разрешении которых надеются на божью помощь: «часовню св. Ильи на старинном кладбище отремонтировал один крестьянин *ради себапа* <богоугодного дела, т.е. «по завету»>, поскольку у него не было сыновей» (Филиповић 1939, 89).

Однако поражает, сколь высокий статус в балканской аксиологической системе имеет дорога и ее атрибуты: прежде всего мост, а также источник питьевой воды, дерево и пристанище для путников, обустройство которых встает в один ряд с возведением храма и делами милосердия – признанными добродетелями как христианства, так и мусульманства.

Этот специфический круг ситуаций, принадлежащих к кругу прототипических добрых дел, становится вполне закономерным, если рассмотреть его с точки зрения целей и возможностей традиционной благотворительности. Очевидно, что особый социальный престиж и особая богоугодность подобных благотворительных акций, по сравнению с делами милосердия, объясняется их общественным характером, адресацией предельно широкому кругу лиц (ср. толкование, данное слову *задушбина* Н. Геровым: 'то, что делается для общего блага)'. Традиционный быт предоставляет благотворителю, желающему бескорыстно оставить что-то в общее пользование на благо людям, ограниченный круг возможностей, сводящийся к источнику или колодцу и дороге, проходящей по общему пространству, где традиционная благотворительность обретает сменяющуюся череду благодарных пользователей. На Балканах ориентальная традиция присоединила к этому и некоторые реалии своего быта (караван-сарай, «хар»).

inslav

Подобное объяснение, однако, не исключает, целого ряда других значений, стоящих за этими благотворительными актами и поддерживающих их высокий этический статус.

Обращает на себя внимание, что традиционная культура избирает для благотворительного акта обустройство тех объектов, которые испытывают в ней аксиологическое осмысление. Наиболее очевидно это в случае с водой, которая регулярно вовлекается в славянский этический текст, в том числе и за пределами Балкан: «Если грех какой случився с тобой, нать сделать дело для Бога и для людей: колодец выкопать, ключик ли найти, крест ли поставить осветной» (ЭМТЭ, д. Степановская Верхнетоемского района Архангельской области). «Кто с церквы **колокола** сымау – наказанье было, большой грех. Мужик где-ко в Ильинском партейный быу, Онтип, у его рука поднялась. А назавтре ослеп. Так десять лет слепым жиу. А ему бабка наказала, пусть **колодец** выкопат – грех-от сбудет. Он глубокой колодчик выкопау – и завидеу, говорят, сама я его не видала» (ЭМТЭ: д. Палема Великоустюгского района Вологодской области). Согласно одной сербской быличке, внезапную смерть двух братьев народ истолковал как наказание за то, что они засыпали источник, находившийся на их поле – несмотря на то, что местность была безводная – чтобы народ, идя за водой, не топтал их посевы, и тем самым совершили грех (Петровић 1948, 314). Богоугодность устройства источников и посадки у дороги фруктовых деревьев также соотносится с аксиологизацией путника, забота о котором, по славянским поверьям, спасительна для души. У южных славян широко распространено верование, что путнику не только разрешается и не считается кражей срывать плоды с «чьих-то» фруктовых деревьев, но хозяину самому следует угостить проходящего: «мучимого жаждой путника нельзя попрекать» (Bogišić, 622). Угощение прохожих в легендах встречается как форма епитимьи, накладываемой на великого грешника: «Св. Трифон ... убил 99 человек. Чтобы искупить грехи, Бог повелел ему возле дороги

inslav

засадить большое поле арбузами, а когда они поспеют, давать каждому прохожему по арбузу» (Ђорђевић 1958, 359).

Особая богоугодность, которая на Балканах приписывается обустройству дороги и возведению источника, органично вписывается и в арабско-мусульманскую аксиологию, которая сформирована кочевым сознанием путника, преодолевающего тяготы безводного и знойного пути, и в которой ключевое место занимают дорога и ее основные вехи – вода, оазис, ночлег (ср. сербский текст *девет града преминули // Нигде конак не најду // Девет воде да премину // Нигде да се напију* <Девять городов прошли, нигде ночлега не нашли, девять вод прошли, нигде не смогли напиться> (Етнолошка грађа, 343), ср. мотивацию благотворительного устройства источников у мусульман почитанием питьевой воды: в северной Македонии, в окрестностях г.Скопье, мусульмане «почитают любую питьевую воду и следят за ней, а набожные люди строят *севапы* в виде источников» (Филиповић 1939, 229).

С осторожностью можно высказать предположение, что именно восточным влиянием объясняется и столь характерный для Балкан обычай благотворительного возведения мостов. В 15 в. в Боснию и Сербию из Турции приходит высокая культура строительства каменных мостов (мосты в Мостаре, Вышеграде (Босния), Вучитрне, Призрени, Джяковице (Косово)), признаваемых величайшими памятниками средневековой архитектуры на территории Сербии и Боснии, наряду с монастырями и мечетями (Cultural heritage of Kosovo and Metohija 1999; The cultural treasury 1998), многие из них были воздвигнуты в качестве благотворительного акта (The cultur al treasu ry 1998, 516-517).

В силу влияния извне или под действием внутренних причин, мост на Балканах, безусловно, испытывает аксиологическое осмысление. В юго-восточной части сербохорватского ареала мост представляет собой чрезвычайно значимый элемент культуры, устойчиво

inslav

сопоставляемый с сакральными объектами. В Боснии мост знаменовал собой центр пространства: рядом с «бывшим каменным мостом через реку Босну устраивали базар, так же как возле христианской церкви» (Jukić 1953, 59). В эпике южной Сербии разрушение моста как большой грех отождествляется с осквернением храмов: *Да л' си сине, мени сагрешио? // Да ли си ти мосте растурио? // Да ли си ти цркве растурио? Или си пак џамије псовао? Те но лежиш девет годин дана? // Нит умиреш нити боље биваш* <Сынок, не согрешил ли ты? // Не разрушил ли ты моста? // Не разрушил ли ты церкви? // Или же мечети хулил? // Что лежишь уже девять лет, // Не умираешь, не выздоравливаешь?> (Симоновић 1988, 203)[5]. Мост как сакральный объект предстает и в фольклорной космогонии, в которой он признается «божьим твореньем»: *божје саздање, људско створење, змија оседлана* <божье создание, человеческое творение, змея оседланная> (Пецо 1970, 134). Мост может наделяться сакральным именем: такой случай был записан в 2000 г. в с. Парменац, обл. Драгачево, где братья Джукичи, построившие по воле своего деда каменный мост через горную реку, дали ему имя в честь святого, покровителя их рода (*по својој крсној слави*) – *Мост святого Николая* (Благојевић 2000, 6). Строительство моста и источника (вместе с другими сакральными предметами) встречается как средство искупления и покаяния: одной знатной черногорке, желавшей получить развод, черногорский владыка поставил условие – отлить пять колоколов для храма, построить три моста и два источника питьевой воды (АА, семейное предание, записано от Веселина Сиеклочи, Белград, 2000 г.).

В формировании высокого ценностного статуса моста в балканославянской культуре определенно участвовало то, что изрезанное пространство Балкан с бесконечными спусками и подъемами, извилистыми горными реками и

[5] Сошлемся и на указание, содержащееся в книге О. Фрейденберг, со ссылкой на Плутарха, что у древних греков «сломать деревянный мост – это значило навлечь на себя проклятия» (Фрейденберг 1997, 322).

inslav

ущельями актуализирует идею пути, восстанавливающего утраченную целостность, исконное единство пространства (ср. Цивьян 1999). Облегчающий трудность передвижения и уничтожающий многочисленные границы, воздвигнутые природой, мост становится для Балкан предметом насущной необходимости (*које би ми работили да неје овој мосте* <чтобы мы делали, если бы не было этого мостика> (Митровић, sv *мосте*)), а его постройка высоко ценящейся помощью людям, путнику, «добрым делом». В условиях горного рельефа мост становится чрезвычайно важным, частотным, культурно отмеченным объектом (ср. его активность в топонимии *Мостар, Сански Мост*). Он воспринимается как важнейший культурный артефакт, символ освоения дикого пространства, подчинения его людям, символ опровержения всего, что препятствует человеческой деятельности, ср. с.-х. *премостити* 'преодолеть препятствие'.

Особое отношение к мосту характеризует современную сербскую ментальность. Иво Андрич, величайший сербский писатель, автор романа «Мост на Дрине», писал: «Среди всего, что человек в жизненном порыве воздвигает и строит, в моих глазах нет ничего лучше и ценнее мостов. Они важнее, чем дома, священнее, чем храмы, потому что объединяют больше людей. Принадлежащие каждому и одинаковые по отношению ко всем, нужные, воздвигнутые всегда со смыслом, в месте, где скрещивается максимальное число человеческих потребностей, они более долговечны, чем другие постройки, и не служат ничему тайному или злому» (Andrić 1963, 177). После того, как в 1999 г. были разрушены мосты в Новом Саде, на набережную люди возлагали цветы и ставили свечки; «около разрушенного моста люди стали собираться, как около новопостроенной церкви. Новосадцы потеряли мост, но приобрели культовое место, которое их связывает другим и более основательным образом» (Мостови Новог Сада 1999, 55).

Помимо ценностной мотивации, укорененной в славянской и ориентальной аксиологии, обычай

inslav

устройства источников, мостов и дорог мотивирован функционально, как средство поминовения и облегчения загробной участи: «в млавских селах <северо-восточная Сербия> устраивают или приводят в порядок источники в качестве поминовения умершего, а некоторые это делают для себя при жизни[6]. Устройство и восстановление источников считается лучшими поминками по покойному: кому <в память о ком> устраивают источник, тому прощаются грехи. Согласно народным песням, когда умершего похоронят, тогда «у головы воду выведут, около воды скамейки поставят…, чтоб жаждущий мог напиться» (Кулишић, Петровић, Пантелић 1998, 362). Поминальная функция источника и моста соотносится как с архаическим славянским комплексом представлений о их связи с загробным миром (ср. разнообразные действия с водой в славянском погребальном обряде и их семантику (СД I, 386-387), а также белорусский обычай в память об умершей женщине делать мостик через канаву, ручей или топкое место, сопровождавшийся поминками, с тем что поминать умершую был должен и всякий, кто впоследствии переходил через этот мост (СМ, 267), так и с обычаем балканских мусульман прибегать к путнику как к молитвеннику, заступнику перед Богом. По сообщению хорватского священника Юкича, путешествовавшего через Боснию, «крестьян турок [т. е. мусульман, там] обычно хоронят рядом с дорогой, чтобы идущие по дороге путники произносили душе «*дженазу*» (молитву об упокоении)» (Jukić 1953, 55). То же ожидается и от путников, пользующихся бесплатными караван-сараями, источниками и т. д.: «в горах Скопской Черногории рядом с селом Бреста есть источник, под названием *Севап*. Каждый проходящий мимо, должен напиться "*за севап*"» (Филиповић 1939, 232), т.е. помянуть устроителя источника. Примечательно, что после смерти благотворителя об объекте, воздвигнутом в качестве *севапа*, как о

[6] Ср.: у влахов в северо-восточной Сербии принято устраивать поминки при жизни, в случае если человек опасается, что их некому будет справить по нему после смерти.

instiav

могиле, потомки обязаны заботиться, посторонним же это делать даже запрещено: «такие постройки никто другой ни в коем случае не смеет ремонтировать, кроме тех, кому они принадлежат испокон веков» (Караџић, sv *задужбина*). Религиозная идея поминовения здравствующего или усопшего благотворителя приобретает и светскую форму п а м я т и , которую по себе оставляет строитель *задужбины*, воздвигающий себе п а м я т н и к . Идея памяти, оставляемой по себе и своей семье постройкой моста и источника, актуальна для сербского сознания до сих пор: упоминавшиеся братья Джукичи возвели мост и источник в память о состоявшейся в родном селе встрече 140 членов семьи (Благојевић 2000, 5).

Ориентальное, взаимодействующее со славянским на всех уровнях балканославянского концепта доброго дела, заявляет о себе еще в одном. В. Караджич в комментарии к своему списку в качестве субъектов «дорожной» благотворительности называет *турок*, лиц мусульманского вероисповедания[7]: «Турки и по сегодняшний день строят и делают все эти *задужбины*. В Сербии многие боснийские «беги» следят за состоянием мостов и источников, построенных их предками сотни лет назад, и ремонтируют их, как, например, Рустам-бегович из Зворника – Дугу Чесму в Тршичком поле и еще один боснийский бег – Ядранский мост между Лешницей и Липницей» (Караџић, sv *задужбина*). Другие этнографы 19-го – начала 20-го века подобные благотворительные акции в Сербии, Боснии и Македонии также приписывают, главным образом, мусульманам. Любопытен и ареал данного обычая, совпа-

[7] Данный этноним использовался в Сербии для обозначения как этнических турок, так и отуреченного славянского населения Боснии и южной Сербии, принявшего ислам в период турецкого владычества (современных «мусульман»). Отмечаемый Караджичем социальный статус благотворителей – *беги*, т. е. мусульманское дворянство, помещики – свидетельствует о том, что вне зависимости от своей этнической принадлежности это были люди, сформированные турецкой культурой. Представители элиты турецких провинций, в том числе и Боснии, получали образование в Стамбуле и часто бывали там по долгу службы.

inslav

дающий с зоной наиболее интенсивного турецкого влияния (Босния, южная Сербия, Македония, Болгария), на южнославянских же территориях, находившихся под властью Австро-Венгрии такой кодекс добрых дел, насколько можно судить по имеющимся материалам, не представлен.

Хотя целый ряд особенностей балканославянского концепта доброго дела обнаруживает параллели с традицией арабско-мусульманского мира и даже представляет собой неопровержимый результат влияния (заимствование лексической парадигмы доброго дела), однако многое в его балканской специфике, отличающей его от общеславянского «доброго дела» (прежде всего его четкая языковая и культурная оформленность), еще предстоит достоверно этимологизировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Благојевић В. Чесме и мостови за потомке // Илустрована политика, 20.05.2000, с. 5-6.

Верковић Ст. Народне песме македонских бугара, књ. 1. Женске песме. У Београду, 1860.

Вукове народне пословице с регистром кључних речи. Београд, 1996.

Геров Н. Речник на българскый язик. Пловдив, 1904.

Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Београд, 1975. 1-3.

Ђикић О. [Сербские народные песни], Архив САНУ, Е.зб., 36.

Ђорђевић Др. М. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958 [СЕЗб, књ. 70].

Елезовић Гл. Речник косовско-метохијског дијалекта, књ. I-II // СДЗб IV. Београд, 1932; VI, Београд, 1935.

Етнолошка грађа и расправе из Лужнице и Нишаве // СЕЗ, књ. XVI. Београд, 1910.

Златановић М. Речник говора Јужне Србије. Врање, 1998.

Караџић В. Српске народне пјесме, књ. VI (државно издање). Београд, 1898. *Караџић В.С.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. Београд, 1935.

Караџић В. Српске народне пјесме, књ. I. Београд, 1953.

Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1998.

Мандић М. Скудити «под прстен» девојку // Српски језик, IV, 1-2, Београд, 1999, с. 831-846.

Митровић Б. Речник лесковачког говора. // Библиотека народног музеја у Лесковцу, књ.32. Лесковац, 1984.

Мостови Новог Сада. Нови Сад, 1999

inslav

Петровић П.Ж. Живот и обичаји народни у Гружи // СЕЗб, књ. 58 Београд, 1948.
Пецо А. Звончићи звоне. Акценатска читанка. Београд, 1970.
Симоновић Д. Народне песме из источне и јужне Србије. Београд, 1988.
Станић М. Ускочки речник. Књ. 1-2. Београд, 1990.
Ђупић Д., Ђупић Ж. Речник говора Загарача // СДЗб XLIV. Београд, 1997.
Филиповић М. Обичаји и веровања у Скопској котлини // СЕЗб, књ. LIV, Београд, 1939.
Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета жанра. М., 1997.
Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999.
Andrić I. Sabrana dela. Knj. X. Zagreb, 1963.
Bogišić V. Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena. Knj. 1. Zagreb, 1874.
[Broz I., Bosanac St.] Junačke pjesme. Knj. I. Uredili Dr. Ivan Broz I Dr. Stjepan Bosanac. Izdanje Matice Hrvatske. Zagreb, 1896.
Cultural heritage of Kosovo and Metohija. Belgrade, 1999.
Jukić I.F. Putopisi i istorisko-etnografski radovi. Sarajevo, 1953.
Peić M., Bačlija G. Rečnik bačkih Bunjevaca / Saradnik i redaktor Dragoljub Petrović. Novi Sad -Subotica 1990.
Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1965.
The cultural treasury / Edited by Jovan Janjičević. Belgrade, 1998.

АА – Архив автора.
БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971-.
КСАНУ – Материалы картотеки словаря сербохорвасткого языка Сербской Академии наук (Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959-).
МС – Речник српскохрватског књижевног језика. Нови Сад, 1967-1976, 1-6.
РМНП – Речник на македонската народна поезија. Скопје, 1983-, т. I-.
СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И.Толстого. М., 1995. Т. I-.
СЕЗб – Српски етнографски зборник. Београд, 1894 -. Књ. 1 -.
СМ – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
ТРС – *Щека Ю.В.* Турецко-русский словарь. М., 1997.
ЭМТЭ – Этнографические материалы Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания), Екатеринбург.
RJAZU – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880-1976.

inslav

Ekaterina I. Jakushkina

"Kind deed" in language and culture of Balkan Slavs

SUMMARY

The paper includes the description and "etymological" analysis of the Balkan-Slavic concept of "kind deed", rather complicated as far as its origin is concerned. In Balkan-Slavic languages this meaning is commonly expressed with both Slavic and Turkish words. The most interesting Slavic term is *zadužbina* ('something done *za dušu* – for the saving of one's soul') which originally meant 'legatum in animae salutem' and now means 'pious act, act worthy of God's reward' and 'charity building'. Turkish terms (*sevap, hair, hajrat, vakuf*) express the same semantics. The most popular Balkan-Slavic charity acts are: to build a church or a mosque, to build a bridge or a road and to make a spring. The first act is common to all Christian and Muslim cultures but others are quite specific. These acts have obvious parallels both in Muslim (Turkish) and archaic Slavic traditions (funeral rituals, axiology of water), they are probably connected with Balkan geography as well. Most likely this concept is an intern Balkan phenomenon formed in close interaction of several Balkan traditions.

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Л. Арш. Полунезависимые пашалыки Албании и Эпира конца XVIII – начала XIX вв. и Россия (новые документальные данные) 3

О. А. Бакулева. Куда уезжали греки? (*восток* и *запад* в греческих народных «Песнях о чужбине») 25

В. К. Волков. Геополитические концепции России и Юго-Восточная Европа..... 45

И. И. Воронина. Категория степени сравнения: компаративные и суперлативные формы имен существительных в албанском языке..... 58

Л. Я. Гибианский. Югославия в советской политике на Балканах в начале Второй мировой войны..... 66

А. Х. Гирфанова. Балканская топонимика тюркского происхождения 90

А. В. Жугра, Л. Н. Каминская. Латинское наследие в албанском (к истории семантического развития лат. *faciēs* - алб. *faqe*) 101

Н. В. Злыднева. Шкембе Чорба: ориентальные аспекты балканской телесности 112

Ю. В. Иванова. Историко-этнографическая область Юго-восточная Европа..... 121

Г. П. Клепикова. К проблеме изучения восточнороманского влияния на языки балканского ареала 138

К. А. Климова. Нереиды в традиционной культуре современной Греции 164

И. И. Ковалева, И. В. Тресорукова. Г. Сеферис и Карагиозис (к анализу стихотворения «ΘΕΑΤΡΙΝΟΙ») 184

Ю. А. Лопашов. О названиях месяцев в албанском и греческих говорах Западной Македонии 195

А. А. Новик. Албанские поселения на юге Украины. Свадебная обрядность в Приазовье в контексте сохранения традиций 200

inslav

А. А. Новохатько. Восприятие Древней Греции в мемуарах генерала Янниса Макрияннниса 217

Л. А. Покровская. Гагаузский – один из региональных языков Юго-Восточной Европы 229

А. А. Романова. О структуре мемуарной прозы Мирчи Элиаде. Предварительные заметки 245

А. Ю. Русаков. Албанский язык: между Востоком и Западом 259

Т. Н. Свешникова. Мирча Элиаде: «вечное возвращение» на Балканы 275

И. А. Седакова. Балканское в терминологии и обрядности южнославянских родин..... 282

Н. В. Серпикова. Семантика общебалканской формы перфекта с глаголом «имам» в болгарской публицистике 301

С. А. Сиднева. Растения как фитоморфная ипостась сказочных персонажей (на материале балканских народных сказок) 312

Н. Л. Сухачев. Об этногенезе восточнороманских народов 321

Р. П. Усикова. Балканский менталитет и функционирование македонского литературного языка 333

А. И. Фалилеев. Галльские языковые остатки с территории юго-восточной Европы и их значение для изучения кельтской антропонимии 353

Т. В. Цивьян. Птицы–«курьеры». Мотив связи *верхнего и нижнего* мира в балканской перспективе 363

Д. И. Эдельман. Об историко-типологических параллелях иранских и балканских языков 375

Е. И. Якушкина. «Доброе дело» в языке и культуре балканских славян 384

inslav

ISBN 5-02-027007-5

inslav